23027

УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ

№ 4.
АПРѢЛЬ 1913 г.

Москва. Годъ изданія второй.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.
Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Портретъ М. М. Коцюбинскаго.

I. **Памяти М. Коцюбинскаго.** *С. В. Петлюры* 5

II. **М. М. Коцюбинскій** (Отрывокъ). *Мих. Могилянскаго.* 9

III. **Первые шаги русскаго автономизма.** *В. Обнинскаго.* 14

IV. **Воспоминанія** (Продолженіе). *Б. С. Познанскаго* . . 23

V. **Федерализмъ и централизмъ въ кооперативномъ движеніи на Украинѣ.** *В. В. Садовскаго* 34

VI. **Проф. Т. Г. Масарикъ объ украинскомъ вопросѣ.** *И. А. Бочковскаго* 42

VII. **„Тріединая Польша“** (Справка). *Мих. Лозинскаго* . . 54

VIII. **Гетманъ Мазепа въ западно-европейской литературѣ.** *Дм. Донцова* 58

IX. **На ложномъ пути** (Письмо въ редакцію). *Ал. Ѳ. Саликовскаго.* 70

X. **Изъ украинской прессы:** I. Студенческая молодежь и украинское возрожденіе: *Проф. М. Грушевскаго.* II. „Український студент“. Збірник І-й. *И. Л.* . . 75

XI. **На Украинѣ и внѣ ея:** За мѣсяцъ.—Новое Общество „Украинскій агрономъ“.—Украинскій худож.-архитектурный отдѣлъ Харьковскаго Лит.-худ. Кружка.—Отъ музея „Наукового Товариства імени Шевченка“ во Львовѣ.—Гоненіе на церковные обряды въ черниговской епархіи.—„Модерне москвофильство“ и польская пресса“.—Отъ словъ къ дѣлу.—Къ семидесятилѣтію рожденія акад. Ѳ. Е. Корша.—Похороны М. М. Коцюбинскаго 81

XII. **Библіографія:** Изслѣдованіе проф. М. Грушевскаго объ украинскомъ козачествѣ. Проф. М. Грушевскій. Исторія украинскаго козачества. Т. I. До начала XVII вѣка. *Д. Д—ко.*—Часопись правнича і економична. Т. X. *И. Лебединскаго.*—Ф. Крижановський. Як настановити опікуна над селяником за морнотратство. Як взяти шлюбній жінці осібного од чоловіка пашпорта. *Юриста.*—Oesterreichische Rundschau“. 15 April. 1913. *Д. Донцова.*—Олександер Барвінський. Спомини з мого життя. Часть перша. *Д. Д-ко.* . . 95

XIII. Литературная лѣтопись.—Книги, поступившія въ редакцію.—Объявленія . . . . . .

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ

на ежемѣсячный журналъ

„УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ“

(Второй годъ изданія).

Журналъ издается на русскомъ языкѣ и ставитъ своею цѣлью ознакомленіе общества съ состояніемъ, ростомъ и задачами украинскаго національнаго движенія и вообще съ жизнью, потребностями и запросами 30-милліоннаго украинскаго народа.

Въ теченіе 1912 года въ „Украинской Жизни“ были напечатаны, въ числѣ другихъ, слѣдующія статьи.

Проф. М. С. Грушевскій. Украина и украинство.—**Его же.** Новое знамя націоналистовъ.—**О. Бѣлоусенко.** Гибель „Просвіт“.—**Его же.** Украинскіе моменты въ холмскомъ вопросѣ.—**Его же.** Lex Pichniana.—**Старый Украинецъ.** Украинскій книжный языкъ и общерусская культура.—**Ан. Василько.** Къ холмскому вопросу.—**А. Ѳ. Саликовскій.** Судьбы украинскаго слова.—**Его же.** Больной вопросъ.—**Его же.** Одна изъ очередныхъ задачъ.—**Б. А. Кистяковскій.** М. П. Драгомановъ и „Вольное Слово“.—**С. В. Петлюра.** Къ драмѣ жизни Шевченка.—**Его же.** Къ вопросу о культурномъ творчествѣ.—**Проф. Ѳ. Е. Коршъ.** Къ спору объ украинской культурѣ.—**Д. Сиромаха.** Соединеніе Украины съ Москвою.—**Проф. А. Л. Погодинъ.** Соединеніе или разложеніе?—**С. Буда.** Памятникъ Т. Г. Шевченку.—**Его же.** Украинскій театръ.—**К. М. Оберучевъ.** Къ вопросу объ экономическихъ отношеніяхъ Украины къ Великороссіи и Польшѣ.—**В. Ладыженко.** Національное искусство и задача искусства на Украинѣ.—**Ник. Василенко.** Декабристъ объ Украинѣ.—**Н. В.** Политическіе взгляды М. П. Драгоманова.—**М. М. Могилянскій.** О культурномъ творчествѣ.—**Его же.** Коцюбинскій и Винниченко. — **Проф. Н. Ф. Сумцовъ.** Украинскій этнографизмъ.—**А. Хатченко.** Герценъ и Украина.—**Его же.** М. П. Драгомановъ и вопросъ о самостоятельности украинской культуры.—**С. Ф. Русова.** Современная украинская лирика.—**Ея же.** Національный вопросъ въ европейскомъ освѣщеніи. — **Дм. Донцовъ.** Русскій либерализмъ и украинское движеніе.—**Его же.** Украина въ новѣйшей европейской литературѣ.—**Его же.** Письма изъ Галиціи.—**В. Садовскій.** Украинскій вопросъ въ третьей Думѣ.—**Е. Олесницкій** (деп. рейхсрата). Борьба за украинскій университетъ.—**Вл. Жаботинскій.** О русскомъ либерализмѣ.—**М. Горькій.** О русской интеллигенціи и національныхъ вопросахъ.—**М. Гордіенко.** Капитализмъ и русская культура на Украинѣ.—**А. Л.** Украинскій архитектурный стиль.—**А. В. Луначарскій.** О націонализмѣ вообще и украинскомъ движеніи въ частности.—**Л. Н. Жебуневъ.** Почему былъ бѣденъ украинскій отдѣлъ на выставкѣ печати.—**Л. Василевскій** (Плохоцкій). Спорные вопросы въ области польско-украинскихъ отношеній.—**С. А. Ефремовъ.** Предъ спущенной завѣсою.—**Его же.** На зарѣ возрожденія.—**А. А. Русовъ.** Н. В. Лисенко.—**А. Л. Масловъ.** Украинская народная музыка.—**П. И. Чижевскій.** Украинцы среди политическихъ ссыльныхъ.—**К. Е. Шероцкій.** Мотивы украинскаго орнамента.—**В. Дорошенко.** Украинская академія наукъ.

Кромѣ того въ вышедшихъ книжкахъ напечатанъ рядъ статей **С. А. Ефремова**—На текущія темы; **В. В. Садовскаго**—Изъ земской жизни на Украинѣ; **С. Б.**—Обзоры украинской жизни; **М. Ж—ка**—Изъ украинской печати; **О. Хоменка**—Изъ русской печати.

Въ каждой книгѣ—отдѣлы: „**На Украинѣ и внѣ ея**“ (извѣстія, замѣтки сообщенія и т. д.) и „**Библіографія**“.

Въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

С. П. Балабуха, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, И. А. Бочковскій, И. К. Брусиловскій, С. А. Буда, О. Бѣлоусенко, И. А. Бѣлоусовъ, Н. Ф. Бѣляшевскій, Leon Wasilewski, прив.-доц. Н. П. Василенко, Ан. Василько, В. В. Водовозовъ, М. Вознякъ, проф. Ф. К. Волковъ, Гр. Гетьманецъ, прив.-доц. А. С. Грушевскій, проф. М. С. Грушевскій, М. Данько, Дм. Донцовъ, В. Дорошенко, Д. Дорошенко, С. А. Ефремовъ, В. Е. Жаботинскій, Л. Н. Жебуневъ, М. Зализнякъ, И. В. Ивановъ (Джонсонъ), Б. А. Кистяковскій, прив.-доц. И. А. Кистяковскій, проф. Ѳ. Е. Коршъ, проф. А. Е. Крымскій, К. Ладыженко, И. В. Лебединскій, М. Ф. Левицкій, Н. В. Левитскій, Ор. Левицкій, В. Липинскій, М. Лозинскій, А. В. Луначарскій, проф. И. В. Лучицкій, Д. Марковичъ, Ф. П. Матушевскій, С. П. Мельгуновъ, Н. Б. Миркинъ, А. Михура, Мих. Могилянскій, В. П. Науменко, А. П. Новицкій, К. М. Оберучевъ, В. П. Обнинскій, деп. австр. парл. д-ръ Е. Олесницкій, И. А. Панкевичъ, С. В. Петлюра, проф. А. Л. Погодинъ, С. Подолянинъ, П. Понятенко, Н. Поршъ, С. Ф. Русова, проф. А. А. Русовъ, В. В. Садовскій, А. Ѳ. Саликовскій, Д. Сиромаха, М. А. Славинскій, П. Смутокъ, Н. Стасюкъ, И. Я. Стеллецкій, И. М. Стешенко, проф. Н. Ф. Сумцовъ, С. Сѣрополко, Н. Г. Филянскій, С. Чепига, С. Черкасенко, П. И. Чижевскій, проф. М. П. Чубинскій, С. П. Шелухинъ, Д—ръ М. Е. Шлигельскій, Л. А. Яновская, А. И. Ярошевичъ и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Съ достав. и перес.	Годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Въ Россіи	6 р.	3 р.—к.	1 р. 50 к.	1 р. 10 к.	—р. 60 к.
За границу	8 р.	4 р.—к.	2 р.—к.	1 р. 50 к.	—р. 75 к.

Для народныхъ учителей, сельскаго духовенства, младшаго земскаго медицинскаго персонала, а также для учащихся, рабочихъ и крестьянъ допускается, **при непосредственномъ обращеніи въ редакцію, ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА:** на годъ 5 руб., на 6 мѣс. 2 руб. 50 к. и на 3 мѣс. 1 р. 25 к. съ доставкою и пересылкою.

За перемѣну адреса взимается 30 коп., причемъ необходима присылка стараго адреса.

Цѣна отдѣльнаго номера въ книжныхъ магазинахъ 60 к., на станціяхъ жел. дор. 75 коп.

Подписка принимается въ конторѣ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“
Москва, Б. Дмитровка, 14.—Телеф. № 308-79.

Такса за объявленія въ „Украинской Жизни“:

На обложкѣ:	за 1 страницу	40 руб.
„ „	за ½ страницы	20 руб.
„ „	за ¼ страницы	10 руб.
Передъ текстомъ:	за 1 страницу	30 руб.
„ „	за ½ страницы	15 руб.
„ „	за ¼ страницы	8 руб.
Послѣ текста:	за 1 страницу	20 руб.
„ „	за ½ страницы	10 руб.
„ „	за ¼ страницы	5 руб.

Контора открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 12 до 5 час. дня. Редакція для личныхъ объясненій открыта по воскресеньямъ, отъ 1 до 2 час.

Кромѣ редакціи, принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала:

Въ Москвѣ: въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова, Моховая, 24; М. О. Вольфа; „Новаго Времени“; „Наука“.

Въ Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ Т-ва Сытина; „Українська Книгарня і Базар“ (Вас. О., 3 линія, д. 24).

Въ Кіевѣ—въ книжныхъ магазинахъ „Літературно-Наукового Вістника“; „Українській Книгарні“ (быв. „Кіевской Старины“); „Час“; Е. П. Череповскаго.

Въ Саратовѣ—въ маг. „Новаго Времени“.

Въ Екатеринославѣ—въ книжномъ магазинѣ М. К. Лозинской, Проспектъ, д. Вебера.

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ „Діло“, Преображенская, 11.

Въ Харьковѣ—въ „Українській Книгарні“, Петровскій п., 18.

Въ Полтавѣ—въ кн. маг. Г. И. Маркевича, бульв. Котляревскаго, въ „Українській Книгарні“, д. Ворожейкина, противъ „Европейской“ гост.

Въ Каменецъ-Подольскѣ—въ „Просвітѣ“.

Кромѣ того продажа отдѣльныхъ книгъ „Украинской Жизни“ производится на желѣзнодорожныхъ станціяхъ Юга Россіи.

На складѣ въ конторѣ редакціи „Украинской Жизни“ продаются слѣдующія изданія.

Б. А. Кистяковскій. „Страницы прошлаго“, Москва, 1912. Ц. 1 р.

Шевченківський Збірник. Видання комітету по упорядкуванню Шевченківських свят у Москві. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

А. Л. Украинскій архитектурный стиль. Изд. „Украинской Жизни“. 1912 г. Ц. 15 к.

Здѣсь же принимается подписка на изданія Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°“: **„Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ“**, подъ редакціей проф. Ѳ. К. Волкова, проф. М. С. Грушевскаго, проф. М. М. Ковалевскаго, акад. Ѳ. Е. Корша, проф. А. Е. Крымскаго, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго и акад. А. А. Шахматова.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

Желательно, чтобы размѣръ предлагаемыхъ для напечатанія въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“ статей по возможности согласовался съ объемомъ журнала и не превышалъ 1—1½ печатныхъ листовъ.

Въ случаѣ надобности статьи подлежатъ сокращеніямъ и измѣненіямъ редакціоннаго характера. При неуказаніи размѣра гонорара уплата за напечатанныя статьи производится по усмотрѣнію редакціи.

Рукописи непринятыхъ статей хранятся въ редакціи въ теченіе 6 мѣс. и возвращаются лишь по полученіи марокъ на пересылку ихъ заказною бандеролью.

По поводу непринятыхъ статей редакція въ переписку не входитъ.

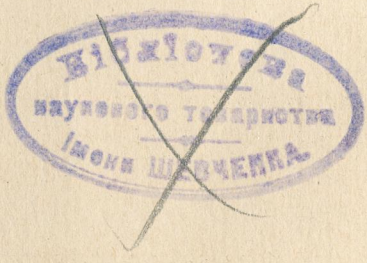
Мелкія замѣтки и сообщенія, не принятыя для напечатанія, уничтожаются.

Украинская Жизнь

Ежемѣсячный научно-литературный и общественно-политическій журналъ.

№ 4.

Годъ изданія второй.

Москва.—1913 г.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульваръ, собств. домъ.
1913.

†

М. М.
КОЦЮБИНСКІЙ

СКОНЧАЛСЯ

12 апрѣля 1913 г. въ Черниговѣ.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.
Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Портретъ М. М. Коцюбинскаго.

I. **Памяти М. Коцюбинскаго.** *С. В. Петлюры* 5

II. **М. М. Коцюбинскій** (Отрывокъ). *Мих. Могилянскаго.* 9

III. **Первые шаги русскаго автономизма.** *В. Обнинскаго.* 14

IV. **Воспоминанія** (Продолженіе). *Б. С. Познанскаго* . . 23

V. **Федерализмъ и централизмъ въ кооперативномъ движеніи на Украинѣ.** *В. В. Садовскаго* 34

VI. **Проф. Т. Г. Масарикъ объ украинскомъ вопросѣ.** *И. А. Бочковскаго* 42

VII. **„Тріединая Польша“** (Справка). *Мих. Лозинскаго* . . 54

VIII. **Гетманъ Мазепа въ западно-европейской литературѣ.** *Дм. Донцова* 58

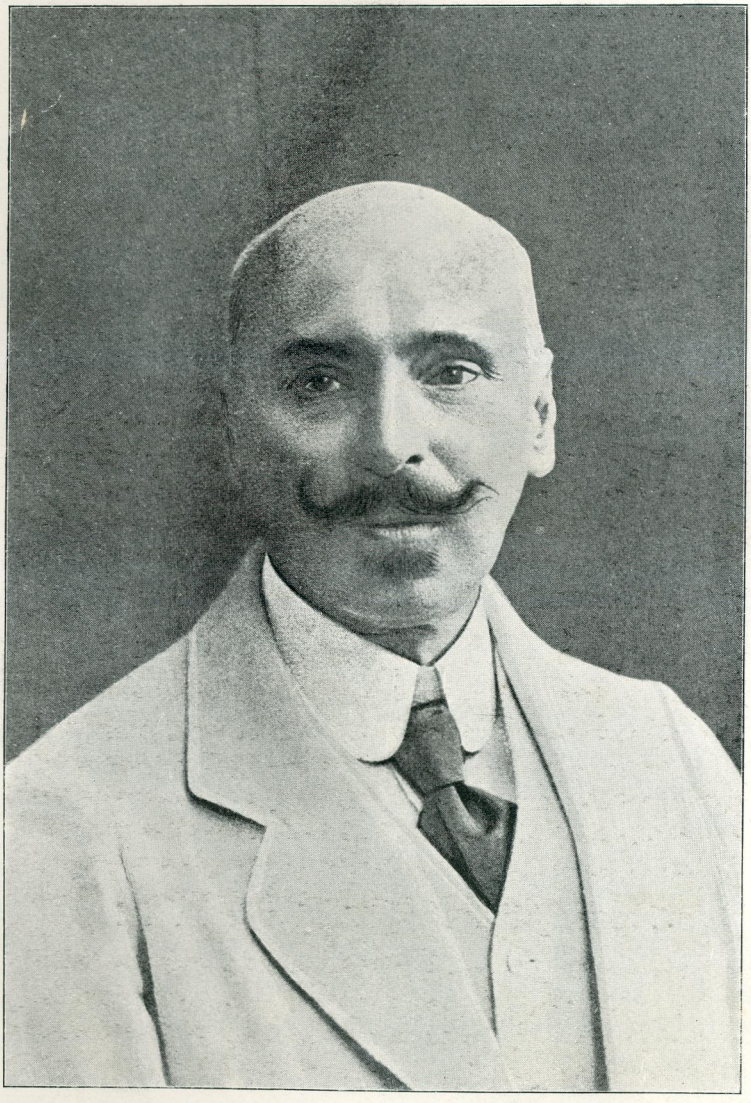
IX. **На ложномъ пути** (Письмо въ редакцію). *Ал. Ѳ. Саликовскаго.* 70

X. **Изъ украинской прессы:** I. Студенческая молодежь и украинское возрожденіе: *Проф. М. Грушевскаго.* II. **„Український студент“.** Збірник І-й. *И. Л.* . . 75

XI. **На Украинѣ и внѣ ея:** За мѣсяцъ.—Новое Общество „Украинскій агрономъ“.—Украинскій худож.-архитектурный отдѣлъ Харьковскаго Лит.-худ. Кружка.—Отъ музея „Наукового Товариства імени Шевченка“ во Львовѣ.—Гоненіе на церковные обряды въ черниговской епархіи.—„Модерне москвофильство“ и польская пресса“.—Отъ словъ къ дѣлу.—Къ семидесятилѣтію рожденія акад. Ѳ. Е. Корша.—Похороны М. М. Коцюбинскаго 81

XII. **Библіографія:** Изслѣдованіе проф. М. Грушевскаго объ украинскомъ козачествѣ. Проф. М. Грушевскій. Исторія украинскаго козачества. Т. I. До начала XVII вѣка. *Д. Д—ко.*—Часопись правнича і економична. Т. X. *И. Лебединскаго.*—Ф. Крижановський. Як настановити опікуна над селяником за морнотратство. Як взяти шлюбній жінці осібного од чоловіка пашпорта. *Юриста.*—Oesterreichische Rundschau“. 15 April. 1913. *Д. Донцова.*—Олександер Барвінський. Спомини з мого життя. Часть перша. *Д. Д-ко.* . . 95

XIII. Литературная лѣтопись.—Книги, поступившія въ редакцію.—Объявленія . . . . . .

M Korzeniowski

Памяти М. Коцюбинскаго.

12-го апрѣля въ Черниговѣ послѣ долгой болѣзни скончался Михаилъ Михаиловичъ Коцюбинскій, одинъ изъ лучшихъ художниковъ нашего родного слова.

Тяжело и больно писать объ этой потерѣ: она вырываетъ изъ исторіи украинской литературы недописанную главу, содержаніе которой такъ же ярко, какъ ярка-красива была та форма, въ которую облекалъ свои творенья угасшій писатель. Тяжесть понесенной утраты усугубляется и переживается тѣмъ болѣе остро, что въ могилу сошелъ талантъ въ полномъ расцвѣтѣ и не выявилъ тѣхъ большихъ творческихъ возможностей, которыя таились въ немъ.

Онъ былъ подлинный художникъ и пѣвецъ прекраснаго, искатель правды и творецъ эстетическихъ цѣнностей.

Для всякаго, кто слѣдилъ за творчествомъ Коцюбинскаго, каждое новое произведеніе его, особенно послѣднихъ лѣтъ, приносило огромную радость, и радость эта съ каждой книжкой „Літературно-Наукового Вістника“, гдѣ обычно появлялись его красочныя новеллы и повѣсти, крѣпла и углублялась, ибо радость эта была не только радостью читателя, но и радостью за писателя, художественный ростъ котораго не только не падалъ, не только не обнаруживалъ усталости, но, наоборотъ, пріобрѣталъ все большія и совершенныя черты развитія. И даже тогда, когда мы знали, что физическія силы его истощаются и самъ онъ прикованъ къ одру болѣзни, даже въ это трудное и тяжелое для него время дарилъ онъ насъ этой радостью и, больной самъ, измученный жизнью, пѣлъ славу жизни, пѣлъ гимны радостямъ ея. Мы читали съ захватывающимъ интересомъ эту опоэтизированную Коцюбинскимъ „книгу жизни“ и воочію убѣждались на каждой страницѣ ея: пытливость художника останавливается на новыхъ, до того не затрагиваемыхъ имъ темахъ, расширяются границы его творчества, заполняется оно новымъ и богатымъ содержаніемъ, создаваемые творческой фантазіей образы обладаютъ способностью вызывать созвучныя переживанія, мысль художника неустанно работаетъ, неустанно въ броженіи, форма его произведеній

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
АН УРСР
№ П- 85688

совершенствуется, дѣлается все болѣе гибкой, красиво подвижной и яркой въ своей индивидуальности, а языкъ автора обогащается, пріобрѣтая совершенныя, только ему одному присущія, черты музыкальности и образности. Все это говорило, что запасъ художественныхъ впечатлѣній у писателя великъ и онъ одаритъ родную литературу новыми и новыми цѣнностями, какъ глубокъ у него и источникъ живого слова родного, откуда онъ черпалъ и свои чудные образы, и свои, обогащавшія родную рѣчь, слова.

Теперь нить этого прекраснаго творчества прервана, и намъ, такъ много ждавшимъ отъ него, приходится подводить итоги художественнымъ завѣтамъ и дѣятельности почившаго, какъ писателя.

Дѣятельность эта не была такъ плодовита, какъ у другихъ представителей, крупныхъ художниковъ, современной украинской литературы. Зато въ ней имѣется нѣчто другое, чего недоставало и недостаетъ часто собратьямъ по перу Коцюбинскаго.

Это—ясность и продуманная здѣлость мысли и Филигранная отдѣлка формы. Коцюбинскій, какъ никто другой изъ украинскихъ художниковъ слова, былъ талантливъ въ композиціи своихъ произведеній: въ этомъ отношеніи онъ остается непревзойденнымъ другими мастерами украинскаго слова. Нѣтъ въ его произведеніяхъ многословія и излишка вводныхъ моментовъ, нарушающихъ архитектонику произведенія. Отличительная черта ихъ—симметрія частей, концентрированіе вниманія на главномъ и, какъ логическій выводъ отсюда, достиженіе эффекта. Къ этому прибавляется значительность содержанія, интересная новизна темъ, оригинальная разработка послѣднихъ, глубокое пониманіе психологіи героевъ и, наконецъ, яркая красочность, богатство языка, создавшія Коцюбинскому славу лучшаго стилиста среди украинскихъ писателей.

Онъ сочеталъ въ своемъ талантѣ и глубокаго психолога, который постигаетъ извилины душевныхъ переживаній, умѣя какъ-то бережно и необыкновенно любовно подойти къ ранамъ души, и яркаго пейзажиста, чутко реагирующаго на красоту, разлитую въ природѣ, и мастерски владѣющаго тайной рисунка ея. И если такія произведенія его, какъ „Paersona grata“, даютъ основанія поставить имя М. Коцюбинскаго на-ряду съ крупными художниками-психологами міровой литературы, то Коцюбинскій, какъ творецъ

въ словѣ красотъ природы, есть едва ли не самая крупная величина въ украинской литературѣ: такія произведенія его, какъ „Intermezzo", „На Камені", „Тіні забутих предків" или —послѣднее по времени—„На острові", это—шедевры пейзажной литературы, цѣнность которыхъ повышается тѣмъ, что къ яркости и красочности рисунка прибавляется музыкальность, ласкающая мелодичность слога. Его, названное уже нами, „Intermezzo", помимо содержательности, значительной и бодрой въ общественномъ смыслѣ, это—симфонія звуковъ и симфонія красокъ.

Творчество М. Коцюбинскаго, ставшее достояніемъ міровой литературы (его произведенія переведены на французскій, нѣмецкій, шведскій, чешскій, польскій и русскій языки, причемъ на русскомъ языкѣ они появились на страницахъ толстыхъ журналовъ и отдѣльно были выпущены издательствомъ „Знаніе" въ хорошемъ переводѣ Мих. Могилянскаго), обогатило украинскую литературу, вписавъ въ нее одну изъ наиболѣе яркихъ страницъ. Въ немъ, этомъ творчествѣ, какъ-то гармонично слилось національное съ общечеловѣческимъ, одно другое претворило и въ итогѣ явило живое доказательство роста украинскаго культурнаго творчества, расширенія устремленій послѣдняго до общечеловѣческихъ задачъ и вопросовъ. Его пытливость въ одинаковой мѣрѣ останавливалась и на „бытовыхъ" явленіяхъ нашей печальной дѣйствительности послѣднихъ лѣтъ, и на глубокихъ трещинахъ въ сознаніи украинскаго крестьянина, и на переживаніяхъ революціонера, и на примитивныхъ движеніяхъ сердца людей натуральнаго хозяйства; заглядывала и въ душу маленькой „Харыти", и татарской дѣвушки, непосредственно реагирующаго гуцула или молдаванина, и человѣка съ утонченной психикой, со сложными запросами къ жизни и повышенной чуткостью къ изломамъ послѣдней. Онъ умѣло бралъ со своей палитры краски для освѣщенія психологіи героевъ и такъ же умѣло и колоритно изображалъ ту среду или внѣшнюю обстановку, среди которой совершалось дѣйствіе изображаемаго. Внимательный наблюдатель жизни, Коцюбинскій записилъ въ „книгу жизни", какъ она преломлялась въ призмѣ его художественнаго сознанія, много яркаго, глубокаго и поучительнаго.

Задача украинской критики, въ мѣру того, какъ утихнетъ острая боль отъ утраты,—выяснить и дать оцѣнку и его литературнаго наслѣдія, и художественныхъ завѣтовъ. И

намъ кажется, что при изученіи этого наслѣдія особенно ярко должна выявиться одна характерная черта, бросающая свѣтъ на Коцюбинскаго не только какъ писателя, но и человѣка. Это—любовь къ человѣку и глубокая вѣра въ него. М. Коцюбинскій, подобно герою одного изъ прекрасныхъ произведеній Горькаго („По Руси"), „ласково" думалъ о человѣкѣ и умѣлъ найти человѣческое даже тамъ, гдѣ оно, казалось, извращено и дошло до послѣдней степени паденія. Даже у палача („Persona grata") потерявшаго и нравственный обликъ, и счетъ тѣмъ, кого онъ замучилъ, чуткій художникъ сумѣлъ откопать остатокъ какой-то совѣсти, какой-то почти истлѣвшей искорки раскаянія и возможность возрожденія. Вотъ эта вѣра въ человѣка, строителя и пѣвца жизни, проникаетъ собою все творчество угасшаго писателя и дѣлаетъ посмертный образъ его еще болѣе привлекательнымъ.

Въ сознаніи и памяти украинскаго общества образъ М. Коцюбинскаго какъ художника и мастера родного слова будетъ тѣсно слитъ съ образомъ писателя-общественника, будившаго интересъ къ жизни, и активнаго участника въ національномъ строительствѣ ея. Онъ глубоко вѣрилъ въ пробуждавшіяся силы родного народа и свѣтлую будущность родившей его земли. Пробужденіе ея одухотворило творческія силы художника, оплодотворивъ его любовь къ родному въ созданныхъ его творческой фантазіей образахъ, словахъ и мысляхъ. И эти образы, и мысли, и слова такъ прекрасны, поучительны и цѣнны какъ въ эстетическомъ, такъ и въ общественномъ смыслѣ, что имя Коцюбинскаго навсегда останется и въ памяти его современниковъ, и въ исторіи украинской литературы однимъ изъ тѣхъ, что родятъ признаніе и дѣлаются незабвенными.

С. Петлюра.

М. М. Коцюбинскій

(Отрывокъ).

Всѣ, чьему уму и сердцу что-нибудь говоритъ украинское художественное слово, съ жутью прочувствовали при извѣстіи о смерти М. М. Коцюбинскаго то, что потомъ формулировалъ въ своей сочувственной телеграммѣ Горькій: „Большого человѣка потеряла Украина“... Безутѣшные и растерянные стоимъ надъ свѣжей могилой... Мысль находитъ слова для гордыхъ утѣшеній: „смертенъ человѣкъ, народъ—безсмертенъ“ (Горкій); онъ не умеръ,—онъ живетъ, дѣло его жизни „тлѣнья избѣжитъ“... Но гордыя мысли не смягчаютъ горькихъ чувствъ: оборванъ творческій трудъ большого художника, и невоплощенные образы, слагавшіеся въ его замыслахъ, утеряны безвозвратно... Вся жизнь покойнаго писателя за послѣдніе годы, когда уже опредѣлился смертельный недугъ его сердца, была непрекращающимся горѣніемъ жажды творческой работы. Въ первый разъ о серьезномъ положеніи своего здоровья онъ написалъ мнѣ въ открыткѣ „по пути съ о. Крита въ Сицилію“ (въ маѣ 1910 г.): „Десятый день любуюсь моремъ. Чувствую себя не плохо, хотя доктора напугали меня“ (цитаты изъ писемъ всюду привожу въ переводѣ съ украинск. языка). Съ тѣхъ поръ,—увы!—рѣдкое письмо не заключало въ себѣ грустныхъ сообщеній о томъ, что болѣзнь мѣшаетъ работать: „Мнѣ что-то нездоровится, голова не свѣжа и оттого не могу работать, а такъ тянетъ къ работѣ“ (ноябрь, 1910 г.). „Мнѣ нечѣмъ похвалиться, все болѣю и не могу работать. Мучитъ меня это ужасно“ (дек. 1910 г.). „Не могъ скоро отвѣтить на Ваше письмо,—сердце мучило, какъ никогда до сихъ поръ. Ну, да не бѣда: урвалъ минутку на святкахъ и согрѣшилъ: написать разсказъ“... (30-го дек. 1910 г.). „Всю недѣлю очень нездоровилось. Сердечные припадки были такъ сильны и часты, что не знаю, какъ пережилъ ихъ, да и сейчасъ чувствую себя нехорошо. Оттого и не могу взяться за разсказъ“ (февраль 1911 г.). „Горе мое, послѣднее время—все болѣю, едва хватаетъ силъ

и энергіи на служебную работу, а, промучившись 5 часовъ въ бюро [1]), становлюсь никуда негоднымъ. Можетъ-быть, удастся использовать пасхальный отдыхъ для писанія, но боюсь строить планы, здоровье можетъ помѣшать, разрушить ихъ" (май 1911 г.). Лѣтомъ 1911 г. М. М. получилъ благодаря обществу помощи украинскимъ литераторамъ и ученымъ матеріальную возможность оставить службу. Только-что вернувшись изъ Галиціи, гдѣ онъ провелъ мѣсяцъ въ горной гуцульской деревнѣ, полный яркихъ впечатлѣній отъ дикой природы и оригинальной жизни, М. М. съ головой ушелъ въ штудированіе этнографическихъ матеріаловъ. Работалъ онъ всегда съ щепетильной добросовѣстностью. О той массѣ чернаго подготовительнаго труда, который положенъ въ основу большинства его произведеній, иные „художники" и представленія не имѣютъ. Собирая „матеріалы" въ Гуцульщинѣ, М. М. писалъ мнѣ: „Тутъ все такъ оригинально, дико и необычно. Чувствую себя не плохо, хотя порой устаю отъ 4—5 дневныхъ поѣздокъ верхомъ, далеко отъ всякой культуры и удобствъ" (іюль 1911 г.). Пасъ овецъ съ пастухами на горныхъ лугахъ, отыскивалъ интересныхъ „колдуновъ" въ мѣстахъ, гдѣ кончаются всѣ дороги и тропинки... А потомъ провѣрялъ свои непосредственныя впечатлѣнія и записи подробнымъ и тщательнымъ изученіемъ не только ученыхъ этнографическихъ работъ, но и сырыхъ этнографическихъ сборниковъ.

Осенью 1911 года М. М. уѣхалъ на Капри, гдѣ и провелъ всю зиму, работая, поскольку позволяло здоровье. „У насъ тутъ безконечные литературные вечера. Бунинъ прочелъ нѣсколько своихъ разсказовъ (нѣкоторые изъ нихъ очень сильны), Горькій тоже читалъ два вечера, читали и молодые авторы, которыхъ здѣсь немало. Словомъ,—литература за обѣдомъ и послѣ обѣда, за ужиномъ и послѣ ужина, разговоры, споры, чтенія и опять чтенія. Это очень интересно, только меня немного утомляетъ, да и отрываетъ отъ письменнаго стола, а меня, чѣмъ больше я старѣю, тѣмъ больше влечетъ къ работѣ"... (1-го января 1912 г.).

Къ своей работѣ М. М. относился очень строго, подолгу отдѣлывая и передѣлывая написанное, никогда не удовлетворяясь достигнутымъ. Отношеніе къ вышедшему изъ-подъ его пера граничило съ мнительностью: написан-

[1]) М. М. Коцюбинскій въ это время завѣдывалъ текущей статистикой оцѣночно-статистическ. бюро черниговскаго земства.

ное всегда казалось ему слабымъ. „Новаго разсказа не думаю печатать, пусть полежитъ“ (10-го января 1911 г.; рѣчь идетъ о мастерскомъ, потрясающемъ разсказѣ „Что записано въ книгу жизни“). „За мѣсяцъ жизни на Капри я успѣлъ написать одинъ небольшой разсказъ да кончаю другой. Пока-что очень недоволенъ ими и не знаю даже, отдамъ ли въ печать. Развѣ—удастся передѣлать... Досадно, что солнце такъ сіяетъ, а я сижу за столомъ и сержусь, что плохо выходитъ“ (январь 1912 г.). „Сегодня окончилъ свой гуцульскій разсказъ („Тѣни забытыхъ предковъ“), что изъ него вышло, не знаю. Навѣрное, придется поправлять, даже передѣлывать. Вообще, я мало удовлетворенъ своей работой“ (3-го октября 1911 г.).

Пріѣхавъ на Капри въ ноябрѣ 1911 г., М. М. писалъ мнѣ: „Поселился я у Горькаго (въ отель меня не отпустили), у меня чудная комната въ лучшей, самой тихой и теплой части острова, и всѣ удобства, ибо обо мнѣ здѣсь заботятся, какъ дома“. Но уже ранней весной онъ началъ рваться на родину. Планы на лѣто строилъ обширные: „Хочу проѣхать по Волгѣ, прожить мѣсяцъ въ Карпатахъ и мѣсяцъ въ деревнѣ въ Полтавщинѣ. Но, навѣрное, не все такъ сложится, какъ теперь мечтаешь, хочется и работать“ (10-го ноября 1912 г.). Увы!—не работа, а опять-таки болѣзнь разрушила планы. Я тщетно уговаривалъ его не спѣшить домой, указывалъ на опасность переѣзда ранней весной съ возможностью неожиданныхъ холодовъ. Первое же письмо изъ Чернигова объяснило грустную причину тяги на родину: „Спѣшилъ домой потому, что въ мартѣ было мнѣ такъ нехорошо, что думалъ, уже не увижу больше своихъ“ (8-го апрѣля 1912 г.). Въ дорогѣ онъ простудился, получилъ плевритъ, „сердце испортилось еще хуже, чѣмъ до сихъ поръ“. Весна и родина еще разъ возстановили падающія силы. Въ серединѣ іюня я и М. М. со старшимъ сыномъ выѣхали въ Карпаты... Въ теченіе трехъ недѣль я близко наблюдалъ процессъ подготовительной творческой работы, поглощавшей М. М. Онъ собиралъ „матеріалъ“ для повѣсти изъ гуцульской жизни, которая должна была быть гимномъ красотѣ жизни. „Життє людини, як черешневий цвіт“,—часто повторялъ М. М. фразу, слышанную имъ отъ собесѣдника-гуцула.

Передъ моими глазами проходилъ необычайный процессъ, раскрывавшій механизмъ его художественнаго вос-

пріятія, процессъ его художественнаго мышленія, объяснявшій психологію творчества... Здоровье М. М. въ послѣдній разъ было въ удовлетворительномъ состояніи, только безсонницы его мучили. Но онъ относился къ этому съ кроткимъ терпѣніемъ, какъ къ маленькой непріятности, и никогда не жаловался. Когда была у него малѣйшая возможность работы, онъ терпѣливо переносилъ все...

На другой же день послѣ моего отъѣзда изъ Кривориви въ здоровьѣ М. М. наступило рѣзкое ухудшеніе, и къ концу іюля онъ вернулся въ Черниговъ въ тяжеломъ состояніи... Съ тѣхъ поръ онъ уже не поправлялся, и печальная развязка съ каждымъ днемъ приближалась. Всю осень и зиму онъ писалъ только открытки, письмо уже затрудняло его. Однако, нашелъ время и возможность дать начало еще на Капри задуманныхъ очерковъ „На островѣ". Нѣсколько мѣсяцевъ пролежалъ онъ въ клиникѣ проф. Образцова въ Кіевѣ, все еще надѣясь на возможность подняться на ноги. Но надежды исчезали. И ни единой жалобы, только тоска о невозможности работать. Невоплощенные образы жаждали воплощенія. Предпослѣдняя открытка меланхолически заканчивается: „На островѣ"—не скінчене"... (6-го февраля 1913 г.). А послѣдняя начинается угрожающимъ сообщеніемъ: „Три недѣли лежу, не вставая, не сплю и не ѣмъ, терплю страшныя муки"... (19-го февраля 1913 г.).

Да будетъ миренъ его покой, обрѣтенный въ день 12-го апрѣля! Надъ свѣжей могилой тяжело „подводить итоги, не хочется вѣрить, что жизни покончень вопросъ". Попытку дать характеристику литературнаго творчества Коцюбинскаго я сдѣлалъ въ статьѣ, помѣщенной въ № VI „Украинской Жизни" за прошлый годъ. Какъ человѣкъ и художникъ онъ былъ исключительно близокъ мнѣ, и такъ многимъ я обязанъ ушедшему. Человѣка такой искренней, непосредственной, свѣжей доброжелательности въ отношеніяхъ къ людямъ я рѣдко встрѣчалъ въ жизни. И живая скорбь о дорогомъ человѣкѣ, чрезвычайной душевной мягкости, о художникѣ, не исчерпавшемъ своихъ творческихъ силъ, все выраставшемъ и выраставшемъ, не даетъ возможности сейчасъ спокойно набросать болѣе или менѣе полный образъ человѣка и художника. Оттого ограничиваюсь этимъ отрывкомъ, проливающимъ нѣкоторый свѣтъ на то, какъ жилъ въ послѣдніе годы нашъ незабвен-

ный художникъ, несравненный мастеръ художественной украинской прозы, классикъ нашей литературы... Классикъ въ широкомъ и узкомъ смыслѣ слова, ибо его произведенія уже стали учебно-воспитательнымъ матеріаломъ въ средней украинской школѣ Галиціи... Скоро или нескоро наступитъ и на родинѣ писателя время, когда ея подрастающее поколѣніе не будетъ лишаться въ школѣ родного языка,—никто не знаетъ, но имя Коцюбинскаго сопричтется къ тому пантеону славныхъ, о которыхъ скажемъ словами поэта:

„Одде люде, наша слава,
Слава—Украіни!"

Мих. Могилянскій.

Первые шаги русскаго автономизма.

Съ тѣхъ поръ, какъ балканская проблема вошла въ неожидавшійся Европой фазисъ сплоченія небольшихъ государствъ и сверженія Турціи, рѣзко повысилось и общественное вниманіе къ судьбамъ балканской федераціи. Въ частности, албанскій вопросъ, вылившійся въ категорическое тробованіе для Албаніи автономіи, причемъ требованіе державъ поддерживается энергичной морской демонстраціей, невольно наводитъ на мысль, что идея самоуправленія не такъ уже чужда современнымъ централистическимъ правительствамъ и что ничтожное развитіе ея у себя дома отнюдь не исходитъ изъ непригодности этого принципа для своихъ областей, а диктуется иными соображеніями.

Трудно прослѣдить, когда вопросы децентрализаціи начали занимать тѣ русскіе круги, которые въ памятную эпоху съѣздовъ земскихъ и городскихъ дѣятелей положили начало всѣмъ умѣреннымъ политическимъ партіямъ и которые главнымъ образомъ и дали своихъ представителей въ первую Гос. Думу. Судя, однако, по тому, какъ въ этомъ отношеніи проявила себя первая Дума, можно заключить не только о давнемъ и близкомъ знакомствѣ депутатовъ съ основами децентрализаціи, но и глубокомъ убѣжденіи всѣхъ окраинныхъ представителей въ ея необходимости для выведенія государства изъ тупика, въ который завелъ его весь послѣпетровскій періодъ исторіи.

Такимъ образомъ, 1906 г. отмѣчаетъ первое открытое заявленіе русскихъ политическихъ дѣятелей объ автономизмѣ; и какъ бы ни скромно и безплодно было оно, устанавливаетъ и въ этомъ отношеніи иниціативу за первой Думой. Воспоминанію о первомъ шагѣ русскаго автономизма,—шагѣ, самое эхо котораго звучитъ въ современной обстановкѣ какъ-то необычайно,—хочется посвятить мнѣ эти страницы.

Писавшіе объ автономистахъ первой Думы въ ту пору, когда все казалось больше натуральной величины, преувеличивали, когда указывали на то, что б о л ь ш и н с т в о

Думы было за національную автономію; но что многіе депутаты не раздѣляли распространеннаго предубѣжденія, будто сильное государство во что бы то ни стало должно пребывать централизованнымъ и въ законодательствѣ, и въ управленіи и не можетъ мириться съ автономіей или федераціей,—это вѣрно. Между прочимъ извѣстны слова Императора Александра II: „Я бы далъ конституцію, но она приведетъ къ автономизму". Онъ какъ бы предвидѣлъ естественное стремленіе къ нему первыхъ русскихъ народныхъ представителей. Но въ Россіи, гдѣ культура вообще невысока и гдѣ даже такъ-называемое „образованное" общество часто обнаруживаетъ невѣжество въ самыхъ элементарныхъ понятіяхъ, приходится часто бороться и страдать не только за идеи, но и за самыя слова, ихъ выражающія. Было время, что жгли за поправки въ словахъ „Богъ", „Троица", „Іисусъ", сдѣланныя неопытными писцами; потомъ стегали за переносъ изъ строки въ строку царскаго титула; позднѣе ссылали за слово „конституція". Отсюда—понятный мѣщанскій страхъ передъ политическими терминами; теперь, когда „конституціей" никого, кромѣ „союзниковъ", не испугаешь, мѣсто этого пугала заняло слово „автономизмъ". Можно, конечно, пожалѣть о томъ, что несчастная страсть наша къ иностраннымъ словамъ натолкнула на это выраженіе и что мы не остались при родственномъ понятіи „самоуправленіе"; но разъ уже слово вошло въ обиходъ, оно, точно живой организмъ, начинаетъ само работать,—въ данномъ случаѣ на пользу реакціи.

Почему же, спрашивается, члены первой Думы такъ горячо отозвались на это слово? Почему, къ концу ея недолгой жизни образовалась, конституировалась и готова была выступить группа въ 155 человѣкъ, состоявшая изъ представителей всѣхъ наличныхъ фракцій? Ни въ одной политической программѣ не стоялъ на первомъ мѣстѣ этотъ автономизмъ; на предвыборныхъ собраніяхъ онъ не служилъ платформой, съ которой начиналось обѣщаніе дѣйствовать такъ, а не иначе. Правда, вопросъ объ автономіи Польши обсуждался на одномъ изъ земскихъ съѣздовъ, и тогда еще будущій лидеръ октябристовъ Гучковъ стяжалъ себѣ славу въ черносотенныхъ кругахъ единаго, голосовавшаго противъ этой автономіи. Но дальше того съѣзда дѣло польской автономіи не пошло; к.-д. фракція

Думы не имѣла случая выступить съ этимъ вопросомъ, и онъ былъ бы вообще похороненъ, если бы автономистская идея не обладала живучестью, преодолѣвшей и общее увлеченіе того времени другими темами, и спѣшную думскую работу, и аграрную проблему.

Въ шумѣ парламентской жизни, въ нервной атмосферѣ, среди постояннаго броженія, отстаивался слой людей, способныхъ совершенно спокойно обсуждать сложный вопросъ автономизма и намѣчать рядъ практическихъ шаговъ къ его осуществленію. Спокойно потому, что единодушіе диктовалось самой темой, ибо представители отдѣльныхъ областей говорили лишь о своихъ интересахъ, никого не затрогивавшихъ; да и сложность заключалась развѣ въ техникѣ разграниченія областей; о „реальномъ соотношеніи силъ" реакціи и молодого парламента тогда мало кто думалъ.

Здѣсь не мѣсто для соображеній, которыми руководились автономисты, о дѣйствіи въ Польшѣ кодекса Наполеона, въ Черниговской губерніи—Литовскаго статута, о несогласованномъ гражданскомъ законодательствѣ, — словомъ, о тѣхъ признакахъ, которыя указываютъ, что мы и сейчасъ живемъ въ автономно устроенномъ государствѣ, хотя эта автономія и однобока. Упомяну развѣ о компетентномъ мнѣніи румынскаго короля Карла, что Россіи непремѣнно придется перейти с о в р е м е н е м ъ къ автономическому устройству отдѣльныхъ областей; такую реформу „король находилъ неизбѣжной, полагая, что усилія русскаго правительства, клонящіяся къ искорененію племенныхъ особенностей, къ общей нивеллировкѣ и централизаціи управленія, ослабляютъ власть и не столько охраняютъ, сколько разрушаютъ идею русской государственности" (Кн. С. Урусовъ, „Записки губернатора"). То же, но въ еще болѣе точныхъ выраженіяхъ и болѣе высокому собесѣднику высказалъ и президентъ Французской республики Лубэ. Но это къ слову. Возвращаюсь къ союзу автономистовъ.

Пока каждый изъ будущихъ депутатовъ работалъ у себя дома, принималъ участіе въ мѣстномъ движеніи и въ избирательной кампаніи, естественно было ограничивать свой кругозоръ болѣе или менѣе мѣстными интересами; при необъятности русской земли поневолѣ приходится лишь по газетамъ слѣдить за событіями, разыгрывающимися хотя на родинѣ, но подчасъ куда дальше, чѣмъ отъ васъ до Вѣны или Берлина. Безпорядки во Владивостокѣ,

покушеніе на закаспійскаго чиновника, стачка на Кавказѣ, арестъ кандидата въ Архангельскѣ,—все это происходитъ за пять, семь тысячъ верстъ отъ города или губерніи, гдѣ зато все и насквозь извѣстно вамъ и гдѣ вы сами у всѣхъ на виду. Правда, выборы въ Гос. Думу, привлеченіе всѣхъ въ одинъ центръ для рѣшенія важной задачи общаго характера, повсемѣстная побѣда демократическихъ элементовъ,—все понемногу заглушало губернскіе или областные вопросы, такъ занимавшіе дома. Но, съѣхавшись, въ числѣ пятисотъ почти человѣкъ, въ Петербургъ, размѣстившись на скамьяхъ Таврическаго дворца, по инстинктивному побужденію, группами сообразно сродству языка, племени или вѣры, депутаты должны были въ первый же день замѣтить, что вотъ тамъ сидитъ „польское коло", рядомъ съ нимъ литовскіе депутаты; украинцы тѣснятся къ южанамъ, тюбетейки татаръ виднѣются рядомъ съ характерными профилями представителей восточной окраины, чернокудрые кавказцы плотно засѣли на крайней лѣвой, и, наконецъ, обширный центръ Россіи, съ ея двумя столицами, занялъ и здѣсь всю середину залы. Настоящая живая этнографическая карта Россіи! Проходя вдоль этихъ скамей, вы на разстояніи ста шаговъ и двухъ минутъ времени видѣли типы всѣхъ населяющихъ имперію народовъ, слышали десятокъ разныхъ языковъ. Потомъ, когда размѣстились по партіямъ, эта группировка совершенно нарушилась, но первое впечатлѣніе уже не могло изгладиться. Это былъ видъ имперскаго парламента автономно конституированнаго государства; здѣсь, кромѣ общегосударственнаго дѣла и даже доминируя надъ нимъ, хотя пока и въ скрытой формѣ, владѣли умами интересы мѣстные, областные, національные. Вотъ, мнѣ кажется, почему образованіе союза автономистовъ не вызвало въ то время особаго вниманія ни въ Думѣ, ни въ прессѣ; оно было естественнымъ продолженіемъ конституированія самого парламента; тамъ рядомъ съ большимъ работалъ маленькій парламентъ, такъ же съ представительствомъ всѣхъ фракцій. Представители окраинъ вошли сюда почти цѣликомъ, но и центръ Россіи былъ представленъ тоже основательно. Далекій отъ саморекламированія, не имѣвшій еще своего печатнаго органа, союзъ насчитывалъ въ своихъ рядахъ треть состава Гос. Думы. Засѣданія были часты и отличались чисто дѣловымъ характеромъ. Благодаря единодушію въ оцѣнкѣ политическаго

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
АН УРСР
№ П- 85688

момента были откинуты всѣ спорныя стороны вопроса объ автономизмѣ, и союзъ выразилъ свою программу въ нѣсколькихъ краткихъ параграфахъ, которые заимствую сейчасъ изъ газетъ того времени:

1. Парламентская фракція союза автономистовъ объединяется на областныхъ или на территоріально-національныхъ началахъ для взаимной поддержки и защиты, а также и для осуществленія автономной идеи на демократическихъ началахъ.

2. Парламентская фракція союза автономистовъ стоитъ на началѣ нераздѣльности Россійскаго государства, какъ единаго цѣлаго.

3. Парламентская фракція союза автономистовъ считаетъ необходимой возможно полную децентрализацію государственнаго управленія. Децентрализація эта должна быть проведена на демократическихъ началахъ и на основѣ принципа широкой автономіи отдѣльныхъ областей, устанавливаемой основными законами Россійскаго государства.

4. Географическія границы и правовые предѣлы автономіи должны опредѣляться согласно желанію ея населенія, поскольку это желаніе не противорѣчитъ основнымъ задачамъ союза автономистовъ. Фракція союза автономистовъ будетъ также всецѣло поддерживать и желанія областныхъ единицъ, не выходящія изъ предѣловъ принципа областного самоуправленія.

5. Основными законами Россійской имперіи въ областяхъ со смѣшаннымъ народонаселеніемъ должны быть обезпечены права меньшинства не только гражданскія и культурныя, но и національныя, прежде всего въ смыслѣ употребленія родного мѣстнаго языка въ школѣ, въ судѣ, въ общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ.

6. Необходимо немедленно, законодательнымъ порядкомъ, обезпечить за всѣми гражданами право на культурное и національное самоопредѣленіе, съ уничтоженіемъ всѣхъ привилегій и ограниченій, обусловленныхъ принадлежностью къ той или иной національности, къ тому или иному вѣроисповѣданію.

Теперь эта программа имѣетъ только историческій характеръ. Ее нельзя сравнивать съ разработанной схемой австрійскихъ автономистовъ, и во всякомъ случаѣ время внесетъ въ нее существенныя измѣненія, если подобная организація возродится въ одномъ изъ слѣдующихъ русскихъ парламентовъ. Въ судьбахъ Австріи и Россіи много об-

щаго, и дальнѣйшее развитіе обоихъ государствъ будетъ, вѣроятно, итти по сходнымъ путямъ. Короткая сессія первой Думы не позволила союзу выступить сколько-нибудь активно; подготовленъ былъ только законопроектъ объ языкахъ, но внести его не успѣли вслѣдствіе роспуска; предложеніе о переводѣ на мѣстные языки аграрнаго сообщенія было принято центромъ, но воздержавшіяся отъ голосованія лѣвая и польское „коло“ (впервые тогда обнаружившее тѣ тенденціи польской буржуазіи, которыя привели теперь ея представителей къ полному разочарованію въ системѣ компромиссовъ), нарушило кворумъ, и голосованіе оказалось невозможнымъ.

Какъ я уже сказалъ, засѣданія союза были дѣловиты, всякая страстность отсутствовала; поэтому и территоріально-національный принципъ не вызвалъ особой критики со стороны членовъ-соціалистовъ. Руководствуясь исключительно практическими соображеніями, они полагали, вѣроятно, что по пути къ національно-политической автономіи территоріально-національный принципъ станетъ не стѣной, а ступенью, облегчающей переходъ къ тому строю, который и австрійцамъ рисуется также отдаленнымъ идеаломъ. Если первую Думу занималъ больше вопросъ о территоріальномъ разграниченіи областей и организаціи ихъ самоуправленія, то нужно же принять во вниманіе тогдашнее положеніе Россіи (и нынѣ, впрочемъ, не измѣнившееся въ этомъ отношеніи): ликвидировать огромное пожарище можно, только разбивъ его на участки; въ нихъ найдутся и люди, и средства для водворенія дѣйствительнаго порядка и покоя, а не тѣхъ, что бываютъ на благоустроенныхъ кладбищахъ. Что же касается до чисто національнаго вопроса, то нельзя не согласиться съ Реннеромъ, что нельзя его смѣшивать съ вопросомъ о большей или меньшей децентрализаціи. Можно разрѣшить національный вопросъ въ смыслѣ личнаго союза при самой строгой централизаціи такъ же, какъ и при автономіи. Законодательство можетъ быть централизовано, а управленіе децентрализовано. Все зависитъ отъ государственныхъ задачъ и средствъ, которыми располагаетъ страна для осуществленія своихъ стремленій. Обычная боязнь разложенія государства, существующая и въ австрійскихъ правящихъ сферахъ, совершенно неосновательна; картина будущаго всегда скрывается за вереницей злободневныхъ интересовъ, шумомъ текущей жиз-

ни; но настоящее, напр., положеніе Австріи гораздо больше угрожаетъ разложеніемъ, особенно въ виду броженія ея славянской части, вызваннаго событіями на балканскомъ полуостровѣ; для этой страны было бы, конечно, выгоднѣе, если бы всѣ ея національности сами собой руководили и управляли, причемъ каждая національность вѣдала бы собственныя дѣла, а всѣ онѣ вмѣстѣ вѣдали общенародное дѣло. Почему, дѣйствительно, не допустить образованія спеціальныхъ органовъ для спеціальныхъ функцій, разъ что функціонированіе уже началось? Національный вопросъ находится тамъ не въ стадіи возникновенія, а приближается къ разрѣшенію; оставаться неподготовленнымъ въ такихъ случаяхъ безвыгодно для всякаго государства, всякаго правительства. А чѣмъ больше будутъ результаты современнаго австрійскаго движенія не только либеральны, но и дѣйствительно демократичны, тѣмъ болѣе славянскія окраины будутъ тяготѣть къ нѣмецкому центру, тѣмъ менѣе страшенъ будетъ призракъ панславизма, тревожащій опять германскія государства. Федерація славянскихъ народовъ, возможная при осуществленіи въ Россіи парламентаризма, ликвидаціи революціоннаго движенія и переходѣ къ автономизму, была бы, конечно, гибельна для нѣмецкаго стремленія къ южному морю, Малой Азіи и берегамъ, омываемымъ Индійскимъ океаномъ; но пока она не грозитъ, теперь-то и время использовать чужіе промахи и пойти навстрѣчу національнымъ нуждамъ австрійскихъ подданныхъ. Это тѣмъ болѣе легко, что территоріальный принципъ, какъ мы видѣли, не вовсе отвергается создателями проекта національно-политической автономіи. Поучительно, между прочимъ, что появленіе на арену исторіи еврейскаго пролетаріата, какъ организованной силы, ознаменовалось и рожденіемъ сіонистской идеи, основанной, какъ извѣстно, на чисто территоріальномъ принципѣ—стремленіи къ собственной землѣ. Я увѣренъ и въ томъ, что законъ объ экспропріаціи польскихъ земель въ Восточной Пруссіи возбудилъ негодованіе далеко не въ однихъ буржуазныхъ слояхъ польскаго народа, но и въ пролетаріатѣ; вмѣстѣ съ принудительнымъ обученіемъ въ нѣмецкихъ школахъ, съ запрещеніемъ польской рѣчи въ публичныхъ собраніяхъ и другими мѣрами насильственнаго германизированія, вызваннаго, мнѣ кажется, страхомъ возсоединенія всѣхъ трехъ частей бывшаго Польскаго королевства въ случаѣ опредѣленнаго исхода русскаго движенія, новая мѣра прусскаго

правительства должна быть осуждена и была осуждена всѣмъ цивилизованнымъ міромъ не менѣе энергично, чѣмъ аннексія Босніи и Герцеговины.

Въ настоящее время мы наблюдаемъ оба типа національныхъ движеній: наступательно-завоевательный—со стороны сильныхъ, господствующихъ, и защитительно-оборонительный—со стороны крошечныхъ, слабыхъ національностей. Давиды вновь выступаютъ противъ Голіаѳовъ, но одержатъ ли прежнюю побѣду,—вопросъ. Созерцать эту недалекую битву безъ возможности заступиться, принять въ ней участіе, чрезвычайно тяжело, особенно при кровномъ родствѣ со слабой стороной. Сдается, что пассивное отношеніе Россіи къ балканскому вопросу не останется безъ серьезнаго вліянія и на внутреннее ея состояніе; всякая же новая вспышка броженія не можетъ не отдалить на новый срокъ осуществленія тѣхъ реформъ, безъ которыхъ эта огромная имперія продолжаетъ быть политическимъ ничтожествомъ на міровой сценѣ, безъ которыхъ она вырождается духовно и разоряется матеріально. Ничего не можетъ быть трагичнѣе зрѣлища, представляемаго теперь парламентомъ, занимающимся обсужденіемъ реакціонныхъ законопроектовъ и стоящаго „правѣе“ самого правительства въ то время, когда надъ страной собирается новая, быть можетъ, еще болѣе страшная, чѣмъ пережили, гроза. Положеніе требуетъ полнаго напряженія всѣхъ творческихъ силъ страны, но гдѣ онѣ, эти силы?

„Однихъ ужъ нѣтъ,
А тѣ далече“.

Національные интересы остаются пока въ пренебреженіи; но если уже и сторонники историческаго матеріализма признаютъ за націонализмомъ характеръ матеріальнаго условія, управляющаго общественнымъ развитіемъ, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ итти навстрѣчу умѣреннымъ желаніямъ населяющихъ Россію національностей. Если столѣтія совмѣстной жизни не могли искоренить ни языка [1]), ни вѣры, ни

[1]) Преобладаютъ по губерніямъ:

Великорусскій	въ 30	„
Малорусскій	„ 10	„
Бѣлорусскій	„ 5	„
Польскій	„ 9	„
Литов.-латыш.	„ 4	„
Эстонскій	„ 1	„
Молдаванскій	„ 1	„
Тюрко-татарскій	„ 1	„

(Фортунатовъ. Н. О. Р.

обычаевъ,—всего уклада національной жизни, то едва ли можно расчитывать на лучшую ассимиляцію при правовомъ строѣ, когда будутъ предъявлены къ оплатѣ всѣ старые счеты, когда національный вопросъ, очистившійся отъ націонализма въ томъ смыслѣ, который придавалъ ему Соловьевъ, станетъ въ первую очередь работъ всякаго русскаго парламента, не зараженнаго реакціей. Конечно, національности не потеряютъ этого времени даромъ. Рѣдкая объединяющая сила національной идеи дѣлаетъ и теперь ту же работу, что позволила имъ устоять подъ напоромъ всѣмъ извѣстныхъ русскихъ историческихъ условій. Жизнь не скупится на уроки, а въ ближайшемъ сосѣдствѣ происходятъ событія, которыя превзойдутъ своей поучительностью все ранѣе бывшее. Пусть настоящее соотношеніе силъ не благопріятствуетъ движенію національной проблемы къ концу,—исторія не измѣнитъ отъ того своего хода.

В. Обнинскій.

Воспоминанія

(Продолженіе [1]).

Итакъ, мы заявили себя украинцами и повторили, что пойдемъ туда, куда пойдетъ народъ нашъ. Эта послѣдняя часть заявленія нашего была, очевидно, вызвана настроеніемъ чьимъ-то итти куда-то. Я такъ думаю теперь, будучи не въ состояніи возстановить въ моей памяти хронологическаго порядка событій, вызвавшихъ все это наше заявленіе. Полагаю, что это было осенью 1860 года. Мы вдвоемъ съ Готфридомъ Пршеднельскимъ во время каникулъ совершили путешествіе по Днѣпру на купленной нами и собственноручно оснащенной лодкѣ до села Бужина (Чигиринскаго уѣзда). Тамъ мы лодку продали со всѣмъ такелажемъ и пошли пѣшкомъ въ Чигиринъ и Субботово; изъ Чигирина прошли до Новогеоргіевска (Крылова), а оттуда какая-то торговка раками довезла насъ до Кременчуга. Изъ Кременчуга черезъ Крюковъ мы прошли на Верхне-Днѣпровскъ въ Екатеринославъ, гдѣ жило семейство нашего товарища-студента Мрозковскаго, отецъ котораго завѣдывалъ водяной дистанціей отъ Екатеринослава до Кичкаса. Побывавъ въ Чапляхъ, мы были приглашены полковникомъ Мрозковскимъ проплыть съ нимъ черезъ пороги до Кичкаса, такъ какъ онъ по должности отправлялся для разслѣдованія о крушеніи на порогахъ 71 плота изъ 90 какого-то купца Комарова. Изъ Кичкаса мы переправились на лѣвый берегъ Днѣпра и, зашедши въ гор. Александровскъ, переплыли на островъ Хортицу. Оттуда, переправившись черезъ рукавъ Днѣпра, мы прошли въ Томановку (?), Никополь, забрели въ Капулевку и Покровское на пепелищахъ Сѣчи Запорожской. Оттуда вернулись въ Никополь и затѣмъ на пароходѣ доѣхали по Днѣпру до Херсона, гдѣ побывали въ плавняхъ и лиманѣ и черезъ Арешки (?) пошли на Перекопъ, Симферополь, Бахчисарай, въ Севастополь. Побывать на горномъ берегу мы не могли, и на пароходѣ проплыли въ Одессу, откуда уже пѣшкомъ добрались до моей матери, въ Бобринскій уѣздъ.

Этотъ маршрутъ и самое путешествіе я вспомнилъ и

---

[1]) См. „Укр. Жизнь“, мартъ 1913 г.

указалъ ради того, чтобы вспомнить, что лѣтомъ 1860 года мы съ Пршеднельскимъ не рознились въ нашихъ національныхъ убѣжденіяхъ и считали себя украинцами-поляками, любящими настолько прошлое Украины, что спаломничали и на пороги, и на Запорожье, чего не пришлось бы уже сдѣлать послѣ моего заявленія относительно моей національности, сдѣланномъ въ квартирѣ Панченка. Для точности я долженъ объяснить, что мы съ Пршеднельскимъ затѣвали сначала побывать въ разныхъ мѣстахъ Кіевщины, но въ виду ходившихъ между панами-мошрадзѣями сплетенъ о демагогической порпагандѣ студентовъ-хлопомановъ мы порѣшили объѣхать Украину на лодкѣ по Днѣпру.

Въ то лѣто не мы одни путешествовали. Вышеупомянутый Титъ Далькевичъ тоже путешествовалъ гдѣ-то по Могилевщинѣ и тамъ-то произнесъ знаменитое: „А вы бы его вотъ такъ!“ Антоновичъ, Рыльскій и еще кто-то путешествовали въ лѣто 1859 года.

И я, и Антоновичъ, и Рыльскій не прерывали своего знакомства и дружбы съ товарищами-поляками, еще въ ту пору не исключительно занятыми своею „справою“. Всѣ поляки участвовали на сходкахъ общеуниверситетскихъ, когда были арестованы перешедшіе въ Кіевъ изъ Харькова Ефименко, Португаловъ, Бекманъ и еще кто-то (Кажется, это было въ 1859 г.).

Дошли до насъ слухи, что въ Богуславщинѣ (Каневскаго уѣзда) возникли какіе-то безпорядки среди крестьянъ. Хлопоманы (всѣ вообще) порѣшили, что необходимо все разузнать и оказать посильную помощь. Или я вызвался самъ, или меня выбрали,—хорошо не помню,—совершить эту развѣдку, но я ѣздилъ въ Богуславъ въ штатскомъ костюмѣ и съ паспортомъ какого-то Подсельскаго. (Паспорта у меня никто не спрашивалъ). На мѣстѣ я узналъ, что никакого бунта и не было, а гдѣ-то, невдалекѣ отъ Богуслава, въ сосѣднемъ уѣздѣ, въ Ключѣ Кошеватскомъ, арестованъ какой-то солдатъ, разсказывавшій, что уже вездѣ въ Россіи объявлена „воля“.

На рождественскія каникулы мы съ Пршеднельскимъ и Вицентіемъ Василевскимъ проѣхали вдоль Украины съ разнаго рода заѣздами къ знакомымъ и родичамъ, что называется „ременнымъ дышломъ“.

Заѣзжали къ кому-то сейчасъ за Васильковымъ, пробыли нѣсколько дней въ Бѣлой Церкви; послѣ къ кому-то заѣхали въ Шестеринцы. Тамъ прогостили, ожидая посланныхъ съ Пршеднельскимъ лошадей въ Кіевъ, съ которыми мы разминулись. Заѣзжали въ Майданку и Ольшанку и прогостили въ Кереливкѣ у Василевскихъ (Кереливка—родина Шевченка, тогда имѣніе Флорковскаго, съ которымъ уже велись переговоры объ освобожденіи семьи Т. Гр. Шевченка). Въ это время Флорковскій былъ за что-то высланъ въ Саратовъ, куда любящая его жена отослала его фаворитку-горничную.

Изъ Кереливки отъ Василевскихъ мы заѣхали въ Звенигородку, разсчитывая ночью проѣхать остальныхъ 50 верстъ до Витязевой на Выси, гдѣ жила семья Пршеднельскаго. Но, застигнутые страшной метелью, мы три дня пробыли въ какой-то корчмѣ около Юрковки, гдѣ питались только гречаными галушками и лошадей кормили сдираемой съ крышъ соломой. Только на четвертый день мы кое-какъ, увязая въ снѣгу, могли добиться до Мокрой Калигурки къ доктору Цѣховому-Цыпринскому, только въ прошломъ году окончившему университетъ. На самый сочельникъ („богатый вечеръ“) мы пріѣхали въ Витязеву, гдѣ насъ считали уже погибшими.

Праздники мы провели въ семьѣ Пршеднельскихъ, почти не выходя изъ дома, окруженные страшными сугробами снѣга. Сообщенія между постройками велись особыми траншеями.

Я съѣздилъ послѣ Новаго года къ матери, въ Бобринскій уѣздъ, куда однако же, вслѣдствіе заноса дорогъ, пришлось ѣхать изъ Витязевой кругомъ на Златополь, Ново-Миргородъ по Елисаветградской дорогѣ и проѣхать вмѣсто 85 верстъ 120.

Съ Готфридомъ Пршеднельскимъ мы вернулись и въ Кіевъ.

Объ этой моей побывкѣ въ Витязевой я разсказалъ недаромъ: какъ увидишь въ дальнѣйшемъ разсказѣ, эта поѣздка имѣла для меня роковыя послѣдствія, направившія мою жизнь въ иную сторону.

Въ Кіевѣ всѣ говорили объ ожидаемой со дня на день „волѣ“. Въ февралѣ мы узнали, что манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости подписанъ. Почему-то ожидали, что манифестъ будетъ едино-

временно обнародованъ во всей имперіи, что вездѣ уже лежатъ разосланные раньше пакеты, которые будутъ распечатаны 19-го февраля и прочитаны. Я помню, какъ мы метались въ этотъ день по церквамъ г. Кіева и побывали и въ Троицкомъ, и въ Михайловскомъ, и въ Софійскомъ соборахъ, и въ Десятинной, и въ Андреевской.

На Масляной, которая въ томъ году была ранѣе 19-го февраля, мы цѣлой компаніей ѣздили къ родителямъ бр. Петынскихъ въ Коропыши Радомысльскаго уѣзда и тамъ, на охотѣ, мнѣ разсказывалъ одинъ крестьянинъ, что „воля вже давно напысана и у золотій скрынці лежить у склепіи, де похованный Царь Констянтынъ", что еще ,при прежнему цареві", т.-е. при Николаѣ Павловичѣ, который и царствовалъ за „царя Констянтына" подъ условіемъ, „що одбере людей од панів" эта „воля" должна была быть объявлена, но „паны" подкупили „сенаторівъ", а тѣ и не позволили ему „объявить волю", что какъ ни бьется „теперешній", т.-е. Александръ II, а „ніяк не даютъ ему объявить волю". Весною, когда ледъ сойдетъ, на кораблѣ, чтобы никто не могъ его задержать, пріѣдетъ къ царю въ Петербургъ „Галабурда",—„такий-то вже есть лыцарь, чи одноралъ,—и воля буде объявлена, и од панів одберуть людей и землю".

Разсказъ этотъ былъ, кажется, Перепятковскимъ записанъ и сталъ извѣстнымъ старику Петынскому, и мы боялись, чтобы это не имѣло худыхъ послѣдствій, но насъ успокоилъ старшій братъ Болесь Петынскій тѣмъ, что отцу его давно уже извѣстны такого рода толки, ходившіе между крестьянами, и что старикъ Петынскій не „мошрадзѣй", а во многомъ сходится въ своихъ убѣжденіяхъ съ нами.

Всѣ мы, повторяю, ожидали „воли" съ нетерпѣніемъ, какъ хлопоманы-украинцы, такъ и хлопоманы-поляки, одинаково хорошо расположенные къ крестьянамъ. Всѣмъ съ особенною ясностью обрисовывалась тогда вся „неправда" этого владѣнія живыми людьми; всѣ мы одинаково видѣли несправедливость крѣпостной зависимости, и въ жертвѣ этого общественнаго строя—крестьянинѣ—видѣли на самомъ дѣлѣ несуществующія добродѣтели. Всякое сочиненіе въ освободительномъ духѣ жадно было нами прочитываемо, какъ равно и все, что изображало съ хорошей стороны крестьянина. Я лично читалъ оставшіеся въ моей памяти: и

„Ostapa Bondarczuka“ Крашевскаго, и „Utos“ Сырокомли, и „Хижину дяди Тома, и „Handzia Labornicka“ Томаса Ежа, и „L'eslare blone“ не помню чье, и Шевченка, и Квитку-Основьяненка.

Все нехорошее въ крестьянинѣ, на которое указывали намъ при случаѣ сами крестьяне, такъ какъ паны уклонялись говорить объ этомъ съ нами, мы приписывали исключительно крѣпостной зависимости; и въ этомъ нехорошемъ видѣли какой-то случайный наростъ, струпъ нравственный, который обязательно исчезнетъ сейчасъ вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ.

Намъ хотѣлось быть ближе къ этому народу, оказать ему посильную помощь, особенно въ его неграмотности, и мнѣ лично скоро представился такой случай. Дѣло было такое.

Въ одной интеллигентной семьѣ вдовы-полковницы съ подрастающими дѣтьми (4 сыновьями и 2 дочерьми) хорошо было извѣстно о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ. Семья эта имѣла родственниковъ высокопоставленныхъ въ Петербургѣ, и изъ переписки проживающей у нихъ родственницы-калѣки, лишенной употребленія ногъ и притомъ горбатой, несмотря на это, очень развитой и много читавшей дѣвушки,—замѣчу кстати, воспитанной и говорившей только по-русски,—все происходившее въ Петербургѣ было извѣстно и намъ. Полковницѣ необходимо было жить въ Кіевѣ ради воспитанія дѣтей; и пришлось задуматься надъ тѣмъ, какъ ей управиться съ дѣлами небольшого имѣнія въ Каневскомъ уѣздѣ. Мы, хлопоманы, бывали въ этой семьѣ, узнали о затруднительномъ положеніи полковницы, о сдѣланномъ ей предложеніи взять имѣніе въ аренду однимъ евреемъ и сообразили, что не согласятся ли освобожденные крестьяне арендовать ея имѣніе, именно то, на что у нея будетъ право и по освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Мы уже успѣли узнать основныя черты Положенія объ освобожденіи крестьянъ и знали, что крестьяне на первыхъ порахъ, впредь до окончательнаго устроенія ихъ, будутъ за отводимую въ ихъ пользованіе землю отбывать по-прежнему барщину или платить оброкъ. Помѣщица отдавала въ ихъ пользованіе какъ слѣдуемую съ нихъ въ ея пользованіе панщину, такъ и всю свою землю, которую они будутъ обрабатывать тою же панщиною—будутъ работать сами на

себя. За все это помѣщица будетъ получать опредѣленную плату; въ ея пользованіи будетъ господская усадьба; ей предоставляется аренда корчмы и, слѣдовательно, платы за право питейной торговли въ имѣніи и еще какіе-то утилитеты, вродѣ подводъ при переѣздѣ на лѣто въ село, два кормленныхъ кабана, содержаніе птицы и двухъ дойныхъ коровъ (кажется, такъ). Предложеніе это было принято крестьянами; не знаю, ни какъ и кѣмъ составленъ арендный договоръ, въ коемъ были оговорены между прочимъ правила сѣвооборота, поддержка огорожи и построекъ и главное это—то, чтобы арендуемая господская земля отнюдь не раздавалась отдѣльно крестьянамъ, а обрабатывалась сообща барщиною. Такъ какъ для веденія такого рода хозяйства при трехъ избранныхъ обществомъ распорядителяхъ потребовался все-таки грамотный человѣкъ, то такимъ объявился я, бросившій университетъ и беззавѣтно бросившійся въ народъ, „его же возлюби зѣло душа моя".

25-го марта 1861 г. я уже стоялъ посреди громады, собравшейся по созыву выборныхъ, привезшихъ меня, и читалъ и толковалъ арендный договоръ, а... апрѣля, когда привезли въ Каневъ останки Т. Гр. Шевченка, я уже содержался подъ стражею по доносу помѣщика-поляка и только въ сопровожденіи двухъ солдатъ съ ружьями могъ поклониться праху поэта.

Это первое вѣданіе съ полиціею, какъ бы озаглавившее всю дальнѣйшую мою жизнь въ селѣ, устроилось такъ.

Въ томъ же селѣ, куда я прибылъ ради того, чтобы быть глазами крестьянина, въ силу новыхъ порядковъ поставленнаго въ общеніе съ печатнымъ и письменнымъ выраженіемъ его мысли и отношеній, жилъ ужъ совсѣмъ маленькій панокъ Хылинскій. Эмансипація сильно его обидѣла: понизила его благосостояніе, уронила окончательно его престижъ. А тутъ вотъ еще появился какой-то человѣкъ, взявшійся толковать мужикамъ, и такъ уже поднявшимъ голову, это ненавистное „Положеніе". Чутко прислушивался этотъ мизерный панокъ къ каждому слову этого толкователя и, разумѣется, въ слышанномъ словѣ воспринималъ только то, въ чемъ видѣлъ опасность для себя. Поѣхалъ онъ къ сосѣду, богатому пану Нейману, поразсказалъ тамъ ужасы, а тотъ—съ доносомъ въ полицію.

Дѣло прошлое, — но ничего противозаконнаго я не втолковывалъ крестьянамъ, а всегда держался легальной

точки зрѣнія. Это подтверждается тѣмъ, что слѣдовавшая за мною полиція, нѣсколько устроенныхъ у меня обысковъ не открыли у меня ничего, что бы указывало на возбужденіе мною крестьянъ противъ пановъ. Напротивъ, въ дѣлѣ обо мнѣ лишь пришлось прочесть весьма лестный отзывъ жандармскаго полковника Грибовскаго, случайно присутствовавшаго при введеніи Уставныхъ Грамотъ у насъ въ селѣ: „Нигдѣ мнѣ не приходилось видѣть такого сознательнаго, разумнаго отношенія крестьянъ къ правамъ и обязанностямъ своимъ по „Положенію". Всѣ ихъ заявленія и требованія были вполнѣ законны и основательны. И всѣмъ этимъ обязаны Познанскому, который, очевидно, употребилъ немало труда на истолкованіе и объясненіе крестьянамъ „Положенія".

Но „панокъ", не вылѣзавшій изъ приднѣпрянскихъ кручъ и провальевъ, и такъ уже обиженный, лишенный права выжимать соки изъ 10—15 своихъ рабовъ, въ каждомъ словѣ, обращенномъ къ крестьянину, не снимавшему уже шапки безъ ругательства, видѣлъ подстрекательство, бунтованіе этого, такъ безцеремонно отобраннаго отъ него раба. Послѣ причиненнаго съ нимъ безправія со стороны правительства онъ, этотъ маленькій человѣчекъ, имѣлъ право всего ожидать, особенно отъ тѣхъ, кого онъ вчера душилъ.

Позволяю себѣ нѣкоторое отступленіе отъ порядка моего повѣствованія,—отступленіе, вызываемое воспоминаніемъ объ этомъ прошломъ. И тогда, и теперь, болѣе 40 лѣтъ спустя, я говорилъ и говорю, что освобожденіе крестьянъ было неправдою по отношенію къ помѣщикамъ. Институтъ крѣпостничества былъ грѣхомъ всего нашего государства. Водворенный въ царствѣ и поддерживаемый въ интересахъ государственности, институтъ этотъ успѣлъ окрѣпнуть даже тамъ, гдѣ онъ спорадически въ былое время разрушался (я говорю объ Украинѣ). Институтъ этотъ сталъ неотдѣлимымъ элементомъ нашего государственнаго строя и такъ или иначе использовался всѣми,— это былъ нашъ общій грѣхъ. Почему же покаянное уничтоженіе этого грѣха пало исключительно на помѣщиковъ? Почему мы всѣ, допускавшіе кругомъ себя это порабощеніе однихъ гражданъ другими, пользовавшіеся этимъ положеніемъ,—почему мы не привлечены къ участію въ тратахъ на покрытіе этого грѣха? Вѣдь въ 1859—1860 даже году

имѣлъ право, законное право, какой-нибудь дворянинъ, коллежскій регистраторъ или провинціальный секретарь купить души, души мужицкія, и заплатить за нихъ свои кровныя деньги со внесеніемъ подлежащихъ крѣпостныхъ пошлинъ. И вѣдь имѣлъ же онъ на это право?! А въ 1861 году, когда мы сознали всѣ, что институтъ этотъ безобразенъ, что рабство должно быть уничтожено, тяготу этого уничтоженія рабства взваливаемъ исключительно на этого, вчера купившаго крестьянъ, коллежскаго регистратора, провинціальнаго секретаря, а сами довольствуемся совершившимся фактомъ безъ малѣйшей жертвы съ нашей стороны. То же, вѣдь, можно сказать и по отношенію къ богатымъ помѣщикамъ, давнимъ вотчинникамъ. На самомъ дѣлѣ, служило же это богатое рабовладѣльческое сословіе, тратило тысячи, милліоны на этотъ внѣшній декорумъ столичной жизни; вѣдь на эти же извлеченныя изъ рабовъ средства обшивались камнями берега Моекъ, Фонтанокъ, воздвигались колонны и соборы... создавалась вся жизнь столицъ и... все величіе Россіи. Почему же вся эта величная Россія не принесла жертвы въ этомъ благомъ дѣлѣ отмѣны рабовладѣльчества, а взвалила все это на однихъ помѣщиковъ? Нашли же возможность устроить выкупную операцію, какъ теперь находятъ средства на покупку броненосцевъ, постройку Маньчжурской желѣзной дороги и укрѣпленія Дальневостока. И тогда слѣдовало бы всѣмъ государствомъ выкупить у помѣщиковъ крестьянъ съ достаточнымъ количествомъ земли и разверстать ихъ по справедливости, заплативъ помѣщику за души и земли для этихъ душъ. Тогда бы не пришлось намъ считать себя въ долгу передъ помѣстнымъ дворянствомъ, изобрѣтать рекомпенсаціи въ родѣ призрачнаго возстановленія престижа дворянскаго въ формѣ института земскихъ начальниковъ, помогать потомкамъ бывшихъ помѣщиковъ окончательно изводиться путемъ открытія дешеваго кредита и т. п.

Такъ я разсуждалъ 40 лѣтъ тому назадъ, такъ я разсуждаю и теперь.

Но разсужденіе—разсужденіемъ, а совершившееся остается фактомъ, и я всею душою отдался народу, „пошелъ въ народъ“, какъ говорили лѣтъ 15—20 спустя послѣ этого. Это было не бунтарское „хожденіе въ народъ“. Это была вполнѣ легальная помощь народу.

Вопросъ о моей національности этимъ моимъ поселеніемъ въ селѣ рѣшался окончательно. Сказанное мною рань-

ше, что я пойду туда, куда пойдетъ мой народъ, а народъ мой—украинскій, осуществилось безвозвратно.

Однако же поляки-хлопоманы не оставляли меня и, узнавъ о моемъ арестѣ, оказали посильную помощь, приняли во мнѣ живое участіе. Прежде всего они въ Кіевѣ тщательно разузнали о причинѣ арестованія меня. Узнали, что помѣщикъ Нейманъ донесъ мѣстному исправнику о появленіи въ селѣ Дударяхъ „переодѣтаго" хлопомана, который возстановляетъ мѣстныхъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, о чемъ, донося исправнику, онъ въ то же время сообщилъ и генералъ-губернатору.

Исправникъ немедленно арестовалъ меня и произвелъ обыскъ и, разумѣется, обо мнѣ дознаніе. Крестьяне испугались и въ присутствіи производившаго въ моей квартирѣ обыскъ помощника исправника сумѣли стащить и припрятать штыкъ-тесакъ отъ бельгійскаго штуцера—единственное имѣвшееся у меня оружіе.

(Упоминаю потому, что этотъ штыкъ впослѣдствіи былъ причиною одного изъ многихъ, дѣланныхъ обо мнѣ подлежащими властями, дознаній по доносу одного священника митрополиту Филарету).

Какъ ни безпричинно было арестованіе меня, но вслѣдствіе отсутствія тогда телеграфнаго сообщенія [1]) арестъ этотъ продолжался болѣе двухъ недѣль и совпалъ съ доставленіемъ на пароходѣ праха Т. Гр. Шевченка, поклониться которому мнѣ разрѣшено было только въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ солдатъ мѣстной инвалидной команды (Объ этомъ упоминается въ разсказѣ Честоховскаго въ „Кіевской Старинѣ"). Воспоминаніе объ этомъ возстановляетъ въ моей памяти то обстоятельство, что, несмотря на заявленное нами,—Антоновичемъ, Рыльскимъ и мною,—наше національно-политическое profession de foi, мы были настолько чужды малороссамъ, устроившимъ похороны Шевченка въ Каневѣ, что Честоховскій зналъ только о какомъ-то студентѣ, арестованномъ за что-то полиціею, и сопровождавшіе прахъ Шевченка, кромѣ, кажется, одного Лазаревскаго, не поинтересовались даже узнать, кто этотъ студентъ и за что арестованъ. А поляки-украинцы не оставляли меня.

---

[1]) Почтовое сообщеніе было тогда черезъ Богуславъ, Таращу и Бѣлую Церковь, а обыкновенное лѣтомъ—по Днѣпру. Авторъ.

Когда процессія съ гробомъ Шевченка тронулась изъ церкви по нижней улицѣ Канева, я со своими стражами остался на площадкѣ около присутственныхъ мѣстъ. Неожиданно я увидалъ появившагося около меня Вицуся Василевскаго, спокойно прошедшаго мимо меня и усѣвшагося на скамейкѣ въ качествѣ зрителя на волнующуюся внизу толпу и движущуюся процессію. Такъ какъ мои стражи тоже интересовались процессіей, то Вицусь успѣлъ подмигнуть мнѣ и взамѣнъ попрошенной у меня спички, протянулъ мнѣ портъ-табакъ, изъ котораго я взялъ сложенную записку (Вицусь былъ въ штатскомъ платьѣ). Водворенный у себя въ камерѣ, я въ запискѣ прочиталъ, что сегодня или завтра меня должны отправить въ Кіевъ, гдѣ я буду освобожденъ отъ ареста.

Дѣйствительно, какъ послѣ оказалось, меня не отправили въ тотъ же день въ Кіевъ, потому что у исправника не было подъ рукой полицейскаго чина: единственный бывшій въ городѣ при полиціи квартальный надзиратель былъ необходимъ въ Каневѣ по случаю похоронъ Шевченка, а помощникъ исправника былъ въ отъѣздѣ. Только на другой день повезъ меня въ Кіевъ черезъ Переяславъ по Заднѣпровщинѣ помощникъ исправника. На козлахъ перекладной толокся разсыльный.

Я не буду здѣсь подробно разсказывать о доставленіи меня въ Кіевъ, о немедленномъ освобожденіи меня изъ-подъ ареста полицеймейстеромъ Ивенсономъ, о моемъ представленіи генералъ-губернатору князю Васильчикову, о моемъ отвѣтѣ на его замѣчаніе о моемъ крестьянскомъ костюмѣ, что мнѣ не извѣстенъ законъ, предписывающій костюмъ для сословій, объ его ласковомъ со мною обращеніи и предложеніи служить въ канцеляріи у него... Все это не касается сути предпринятаго разсказа.

Скажу только о томъ, какъ Вицусь узналъ о положеніи дѣла.

Предъ этимъ чудакомъ исправникомъ Котляровымъ, такъ усердно возбудившимъ обо мнѣ дѣло по доносу Неймана, исправникомъ въ Каневѣ былъ майоръ Бруновъ, женатый на сестрѣ помѣщицы Дударовской, г-жѣ Габель. Разсыльный Брунова женатъ былъ на крѣпостной дѣвкѣ Габель. Этотъ самый разсыльный остался служить и у Котлярова и, посланный съ пакетомъ на пароходѣ изъ Канева въ Кіевъ, получивъ пакетъ въ канцеляріи генералъ-губерна-

тора, въ виду того, что ѣхать въ Каневъ онъ на пароходѣ могъ только на другой день въ 6 ч. утра, отправился ночевать въ квартиру Габель. Тамъ его накормили и въ рюмкѣ водки преподнесли дозу снотворныхъ капель. Пакетъ былъ вынутъ изъ сумки, подрѣзана печать, бумага прочитана, все опять поддѣлано, и утромъ Вицусь Василевскій вмѣстѣ съ хорошо выспавшимся разсыльнымъ ѣхалъ на пароходѣ, везшемъ прахъ Шевченка въ Каневъ, гдѣ и вручилъ мнѣ вышеупомянутую записку. Все это было продѣлано изъ заботливости о моей участи и изъ присущей полякамъ удали и ихъ способности къ конспиративной дѣятельности.

Въ прекрасный майскій день, въ расцвѣтъ сирени я появился во дворѣ Дударовской экономіи, прошедши пѣшкомъ отъ мѣстечка Ходарова (версты 3—4), гдѣ меня высадили съ парохода. Громада дударивська встрѣтила меня родственно. Я очутился въ толпѣ, тѣснившейся ко мнѣ, оглядывавшей меня и всячески выражавшей свою радость. „Ото! Господь слобонив!“—„А мы вже думали, що и не побачимо“.—„Ич, пан (понимай, Хылинскій) казав, що кудысь завдадуть. Аж, бач, як Бог оправыв“. „А з лиця, бач, змарнив таки“.—„А тож и не змарнiiшь у такому страховинні!“ (Дударивцы знали то, чего на самомъ дѣлѣ и не было: что меня „закували у кайданы“, что „годувалы чехонею“ и воды не давали—усе допытувалыся...). Да, въ тотъ моментъ у меня не было никого на свѣтѣ, кого бы я могъ назвать болѣе роднымъ, чѣмъ эта громада, такъ меня привѣтствовавшая, такъ полная участи ко мнѣ. Этотъ моментъ окончательно прочно связалъ меня съ этимъ народомъ.

Про мою жизнь въ Дударяхъ въ теченіе пяти лѣтъ, про порядки въ селѣ, про установившіяся отношенія ко мнѣ какъ мѣстной громады, такъ и про мое реномэ у крестьянъ, далеко отъ меня жившихъ и таинственно посѣщавшихъ меня съ цѣлью допытаться „дійсноі, достоменноі правды“,— я не стану здѣсь распространяться, такъ какъ, во-первыхъ, это больно, а главное—потому, что цѣль моего повѣствованія составляетъ воспоминанія о моихъ, нашихъ, отрекшихся отъ польщизны, отношеніяхъ къ полякамъ и къ ихъ возстанію.

Б. С. Познанскій.

(Конецъ будетъ).

Федерализмъ и централизмъ въ кооперативномъ движеніи на Украинѣ.

Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ явленій жизни крестьянскихъ массъ украинскихъ губерній въ послѣреволюціонные годы было и есть то необычайно сильное и интенсивное развитіе кооперативнаго движенія, которое наблюдается здѣсь начиная съ 1905 г. Трудно, можетъ быть, и невозможно точно и опредѣленно учесть и выяснить причины, вызвавшія это стремленіе къ кооперативному строительству въ крестьянской средѣ. А. Меркуловъ, останавливаясь надъ выясненіемъ этого вопроса на страницахъ „Вѣстника Кооперації", отмѣтилъ между прочимъ, что въ этомъ развитіи, столь быстромъ и стремительномъ, не могли не сыграть своей роли національныя и бытовыя особенности характера и психологіи украинскаго крестьянства, созданныя всей суммой предшествующихъ историческихъ условій. Къ чему бы ни сводились эти причины, мы имѣемъ на-лицо фактъ необычайно интенсивнаго развитія кооперативнаго движенія на Украинѣ, которая заняла въ этомъ отношеніи первое мѣсто въ странѣ.

Проектируемому общекооперативному съѣзду въ Кіевѣ, который представляетъ вслѣдствіе своего мѣстоположенія въ центрѣ кооперативнаго движенія Юга особое значеніе для украинской кооперації, предстоитъ суммировать результаты и подвести итоги современной стадіи развитія движенія.

Въ этой своей работѣ съѣзду неминуемо придется столкнуться съ вопросомъ о тѣхъ организаціонныхъ принципахъ, которые должны быть положены въ основу объединенія движенія,—вопросомъ новымъ въ кооперативной жизни, который, несмотря на свою новизну, успѣлъ уже пріобрѣсти очень большую остроту и стать въ кооперативныхъ кругахъ своего рода „злобой дня". Вопросъ этотъ внесенъ въ проектируемый порядокъ дня съѣзда, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ вызоветъ самые оживленные дебаты, самый горячій интересъ и вниманіе.

Если мы ниже хотимъ познакомить читателей „Украинской Жизни“ съ сутью этого вопроса, волнующаго кооперативные круги, то дѣлаемъ это не потому, что имѣемъ въ виду вызвать интересъ къ кооперативному движенію Юга,— движенію, хотя очень значительному и важному, но все-же преслѣдующему опредѣленныя спеціальныя цѣли, чуждыя для лицъ, не связанныхъ съ нимъ непосредственно. Мы хотимъ остановиться на организаціонномъ вопросѣ въ кооперації главнымъ образомъ потому, что онъ имѣетъ близкое и непосредственное отношеніе къ украинскому національному движенію. Вопросъ о принципахъ кооперативнаго объединенія, несмотря на свой кажущійся спеціальный только интересъ, въ сущности представляетъ одну изъ иллюстрацій развитія украинскаго національнаго движенія, его постепеннаго проникновенія въ областную жизнь края и ея пересозданія сообразно нуждамъ и потребностямъ возрождающейся націи.

Участіе національно-сознательныхъ украинскихъ элементовъ въ томъ кооперативномъ подъемѣ, который имѣетъ мѣсто на Югѣ съ 1905 г., было съ самаго начала очень велико. Впрочемъ при современномъ положеніи дѣлъ врядъ ли и возможно развитіе и существованіе какого-нибудь движенія въ крестьянской массѣ внѣ поддержки украинскихъ круговъ. Кооперативное движеніе съ самаго начала встрѣтило активное сочувствіе со стороны украинской сознательной интеллигенціи. Въ дѣлѣ распространенія идей кооперації на Украинѣ сыгралъ большую роль покойный украинскій кооператоръ, писатель В. Н. Доманицкій, популярная брошюра котораго о потребительной кооперації пользовалась и пользуется широкой популярностью въ крестьянской средѣ. Особенно необходимо подчеркнуть значеніе работы покойнаго В. Н. Доманицкаго для Кіевской губ., которая въ значительной степени благодаря его идейному вліянію заняла по числу потребительныхъ обществъ первое мѣсто въ Россіи. Сыграла опредѣленную роль въ дѣлѣ популяризаціи кооперативныхъ идей также украинская пресса, которая удѣляла и удѣляетъ кооперативнымъ вопросамъ несравненно больше вниманія и мѣста, чѣмъ русская пресса.

Это значительное участіе украинскихъ круговъ въ кооперативной работѣ въ началѣ сообразно той стадіи развитія, на которой находилось движеніе, не связывалось съ какими-либо національно-организаціонными лозунгами.

Если газетные и журнальные работники очень рано начали указывать на необходимость связать кооперативное движеніе съ національнымъ, то на практикѣ въ началѣ это стремленіе отсутствовало. Работа украинскихъ практиковъ носила тотъ же характеръ, какой имѣла она у ихъ русскихъ товарищей, отличаясь лишь языкомъ, которымъ пользовались при агитаціи, и литературой, которая распространялась въ этихъ цѣляхъ. Это отсутствіе своей формулировки задачъ и плановъ кооперативнаго строительства въ средѣ украинскихъ кооперативовъ въ началѣ движенія ясно сказалось на кооперативныхъ съѣздахъ, которые имѣли тогда мѣсто.

На первомъ общерусскомъ кооперативномъ съѣздѣ въ Москвѣ кооператоры Юга Россіи, несмотря на свое значительное участіе въ съѣздѣ, не пытались даже намѣтить и занять свою позицію, отличающуюся въ чемъ-либо отъ позиціи русскихъ кооператоровъ. Точно также не было этой своей, національной или областной, позиціи у съѣзда потребительныхъ обществъ Кіевской губ. 1908 г., состоявшаго исключительно изъ украинскихъ кооператоровъ. Несмотря на то, что весь характеръ съѣзда—тотъ успѣхъ, который имѣла среди членовъ его украинская литература, то одушевленіе, съ которымъ они встрѣчали ораторовъ, говорившихъ по-украински,—указывалъ на то, что украинское національное движеніе близко и дорого всему его составу,—все-таки не было сдѣлано попытки формулировать и выяснить тѣ особыя задачи, которыя стоятъ передъ кооперативнымъ движеніемъ Украины.

Отсутствіе этой формулировки и даже попытокъ къ ней отнюдь не является случайнымъ явленіемъ и не можетъ быть сочтено ошибкой тѣхъ сознательныхъ украинскихъ элементовъ, которые принимали участіе въ движеніи. Такое положеніе вполнѣ соотвѣтствовало той стадіи первоначальнаго, направленнаго въ ширь, а не въ глубь кооперативнаго строительства, которая была характерна для движенія первыхъ лѣтъ. Конкретизація задачъ возможна лишь при опредѣленномъ углубленіи движенія, и она дѣйствительно, явилась, когда кооперативное движеніе Юга стало переходить къ новой фазѣ, отъ массоваго увеличенія кооперативныхъ обществъ къ укрѣпленію и лучшей организаціи уже существующихъ.

Постепенно, въ связи съ общимъ ходомъ кооперативной жизни въ краѣ и странѣ, начала выясняться и необхо-

димость особыхъ позицій для украинскихъ кооператоровъ, стали намѣчаться ихъ главные контуры.

Съ особой силой начало проявляться сознаніе необходимости отчетливо формулировать свои позиціи въ украинскихъ кооперативныхъ кругахъ съ 1911 года. Матеріалъ, накопившійся въ результатѣ опыта предыдущихъ лѣтъ, былъ объединенъ и закрѣпленъ въ опредѣленныя формы и сталъ съ этого времени тѣмъ лозунгомъ, за признаніе и осуществленіе котораго ведется борьба. Оставляя въ сторонѣ исторію предшествующихъ лѣтъ, мы начнемъ изложеніе исторіи вопроса объ организаціонныхъ принципахъ въ кооперації съ этого именно времени.

Два событія кооперативной жизни Россіи способствовали скорѣйшему самоопредѣленію украинскихъ кооператоровъ. Однимъ изъ нихъ былъ проектъ основанія московскаго кооперативнаго банка; другимъ — ликвидація дѣлъ кіевскаго союза потребительныхъ обществъ и его сліяніе съ московскимъ.

Развитіе кооперативнаго движенія въ Россіи выдвинуло необходимость объединенія и координаціи всѣхъ кооперативныхъ силъ въ странѣ, и функціи центральной объединяющей организаціи естественно выпали на долю старѣйшей и наиболѣе сильной кооперативной организаціи Россіи—московскаго союза потребительныхъ обществъ. Передъ этой организаціей, долгіе годы исполнявшей въ сущности роль районнаго союза подмосковныхъ губерній, стали задачи всероссійскаго значенія. Къ сожалѣнію, руководители этой организаціи съ самаго же начала стали на путь крайняго централизма, недовѣрія и пренебреженія къ мѣстнымъ кооперативнымъ силамъ. Эти тенденціи московскаго союза ярко проявились въ тѣхъ фактахъ кооперативной жизни, на которые мы указали и, какъ стремленіе къ самообороне, вызвали опредѣленную реакцію среди украинскихъ кооператоровъ.

Московскій кооперативный банкъ, по проекту его организаторовъ, долженъ былъ обслуживать кооперативы всей Россіи—отъ Балтійскаго моря до Тихаго океана, причемъ все управленіе имѣло быть централизовано въ Москвѣ; при незначительномъ основномъ капиталѣ банка, при трудности открытія отдѣленій на мѣстахъ и прямой невозможности для банка сдѣлать это при его небольшихъ средствахъ, у южныхъ кооператоровъ явились вполнѣ основательныя сомнѣнія въ

раціональности такой централизаціи въ дѣлѣ обслуживанія кооперативовъ кредитомъ. При этомъ особенно подчеркивали то обстоятельство, что Югъ, область, наиболѣе кооперативно развитая, средствъ для банка даетъ больше всего; вмѣстѣ съ тѣмъ отъ управленія и непосредственнаго вліянія на дѣла банка тотъ же Югъ вслѣдствіе мѣстонахожденія банка въ Москвѣ фактически будетъ почти устраненъ. Всѣ эти обстоятельства вынудили украинскихъ кооператоровъ по отношенію къ проекту московскаго банка занять свою особую позицію.

Былъ выдвинутъ проектъ областныхъ кооперативныхъ банковъ, которые бы имѣли своей цѣлью обслуживаніе кооперативнаго движенія данной области, въ частности для Украины былъ выдвинутъ проектъ Южнаго кооперативнаго банка. Не относясь отрицательно къ самой идеѣ московскаго банка, украинскіе кооператоры полагали, что свой смыслъ и значеніе онъ получитъ только въ томъ случаѣ, если будетъ основанъ рядъ областныхъ банковъ для обслуживанія нуждъ кооперації данной области и если московскій банкъ возьметъ на себя задачу центральнаго банка, координирующаго дѣятельность мѣстныхъ кооперативныхъ банковъ.

Позиція, занятая украинскими кооператорами въ дѣлѣ ликвидаціи кіевскаго союза потребительныхъ обществъ, была по существу тождественной съ позиціей въ вопросѣ о кооперативныхъ банкахъ. Формулировка ея, какъ мы указывали, также явилась слѣдствіемъ опредѣленной централизаторской политики московскаго союза.

Исторія ликвидаціи кіевскаго союза потребительныхъ обществъ представляетъ, несомнѣнно, глубоко печальную страницу въ исторіи кооперативнаго движенія Юга Россіи. Союзъ этотъ возникъ въ 1908 г., но въ результатѣ трехлѣтней дѣятельности въ 1911 г. сталъ передъ необходимостью ликвидировать свои дѣла. Не послѣднюю роль въ этой неудачѣ областного объединенія сыгралъ неудачный составъ правленія союза; во главѣ союза стали люди, далекіе отъ жизни края и не сумѣвшіе съ ней связаться. Подъемъ, въ результатѣ котораго былъ сорганизованъ союзъ, не былъ использованъ; общества, присоединившіяся къ союзу, постепенно отъ него отпали; мѣстные люди бросали работу и въ концѣ-концовъ правленіе союза, не видя возможности существовать самостоятель-

но, начало вести переговоры объ объединеніи съ московскимъ союзомъ. Стремленіе къ объединенію вызвало теоретическое обсужденіе организаціонныхъ принциповъ, во время котораго позиція московскаго союза была формулирована ясно и опредѣленно.

В. Зельгеймъ, одинъ изъ руководителей московскаго союза, въ рядѣ статей на страницахъ „Союза Потребителей" развилъ стройную схему объединенія на основѣ бюрократическаго централизма. Должна быть сосредоточена рѣшительно вся торговая дѣятельность въ рукахъ центральнаго союза—московскаго союза потребительныхъ обществъ. Всѣ рѣшительно условія и договоры по поставкѣ обществамъ товаровъ и самая объединенная закупка совершается отъ имени и за счетъ центральнаго союза. Всѣ оборотныя средства, выдѣляемыя обществами, должны быть объединены въ общемъ союзномъ паевомъ капиталѣ. Кассы районныхъ организацій получаютъ средства по мѣрѣ фактической надобности изъ центральной кассы. Крупныя районныя организаціи, губернскія и областныя, признаны лишними, ихъ замѣняетъ зависящая отъ центра агентура московскаго союза. При полномъ поглощеніи центромъ всей торговой дѣятельности на мѣстахъ въ культурной и пропагандистской работѣ мѣстнымъ силамъ оставляется не такъ много простора—она вся цѣликомъ не передается въ ихъ руки. При этомъ сходство съ русскими бюрократическими проектами въ этой схемѣ усугубляется тѣмъ, что для центральной культурной работы совершенно не подчеркивается необходимость употребленія другихъ языковъ кромѣ государственнаго.

Въ противовѣсъ централизаторской схемѣ московскаго союза украинскими кооператорами былъ выдвинутъ проектъ объединенія, сообразно съ тѣмъ принципомъ самодѣятельности, который составляетъ основу кооперативнаго движенія. Объединеніе должно итти не сверху, а снизу,—таковъ былъ основной лозунгъ украинскихъ кооператоровъ. Объединеніе на мѣстахъ, районные, губернскіе и областные союзы, объединеніе областныхъ союзовъ во всероссійскую кооперативную федерацію при сохраненіи maximum'а самодѣятельности за мѣстными организаціями—такова та схема, которая должна была быть положена въ основу объединенія, по мнѣнію украинскихъ кооператоровъ.

Ярко централистическая позиція москвичей и опредѣ-

ленныя федералистическія стремленія украинскихъ кооператоровъ слишкомъ были противоположными теченіями, чтобы дать возможность широкаго и мирнаго сожительства представителей обоихъ воззрѣній. Особенно это было невозможно благодаря той политикѣ нетерпимости и самовластія, которую московскій союзъ проводилъ въ своей практической дѣятельности. Столкновеніе было неизбѣжно. Исторія послѣднихъ двухъ лѣтъ и представляетъ исторію борьбы представителей этихъ двухъ теченій въ кооперації,—борьбы еще незаконченной и незавершенной.

Сорганизовавшись въ цѣляхъ отпора слишкомъ опредѣленнымъ захватнымъ стремленіямъ, украинскіе кооператоры предприняли рядъ практическихъ шаговъ для проведенія въ жизнь своей точки зрѣнія. Дѣятельность эта была двоякаго рода.

Рядъ статей, помѣщенныхъ украинскими кооператорами въ украинскихъ изданіяхъ—„Радѣ", „Ріллѣ", „Засівѣ" и др.,—привлекъ вниманіе къ вопросамъ кооперативнаго объединенія широкихъ круговъ, близкихъ къ кооперації. Оживленная полемика, возникшая вокругъ этихъ вопросовъ, выяснила основы той позиціи, которую заняли украинскіе кооператоры. Въ дальнѣйшемъ жизнь показала необходимость спеціальнаго украинскаго кооперативнаго органа. Такой органъ коллективными усиліями созданъ съ начала настоящаго года въ формѣ двухнедѣльной „Нашей кооперації".

Параллельно съ литературной дѣятельностью была развита соотвѣтствующая агитація на мѣстахъ. О результатахъ и размѣрахъ ея можно судить по многочисленнымъ резолюціямъ кооперативныхъ съѣздовъ, происходившихъ въ послѣдніе два года на территоріи Украины. Не было почти ни одного съѣзда, который бы не остановился на вопросѣ о кооперативномъ банкѣ и принципахъ объединенія и не вынесъ бы резолюціи федералистскаго характера. Таковы были кіевскіе кредитные съѣзды 1911 г.,—съѣзды подольскій, полтавскій, переяславскій, одесскій. Уставъ южнаго кооперативнаго банка составленъ и представленъ въ настоящее время на утвержденіе.

Если въ украинской кооперації, несмотря на то сочувствіе, которое встрѣтилъ федеративный лозунгъ, онъ все еще не побѣдилъ, то это находитъ свое объясненіе въ той бѣдности интеллигентныхъ силъ, которыми она располагаетъ.

Единицы, стоящія во главѣ движенія, не могутъ объять необъятнаго, а рядовые кооператоры, сочувствующіе федерализму, не имѣютъ въ большинствѣ случаевъ ни достаточныхъ знаній, ни силъ, чтобы выступать активно.

Но если этихъ силъ нѣтъ въ данный моментъ, то въ процессѣ развитія движенія онѣ, внѣ всякаго сомнѣнія, явятся. Жизненность тѣхъ началъ, которыя выдвигаютъ украинскіе кооператоры, можетъ служить въ томъ порукой.

А что эти начала дѣйствительно жизненны, объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ послѣднее время даже московскій союзъ принужденъ былъ измѣнить своему централизму и до извѣстной степени признать законность тѣхъ положеній, которыя выдвигаютъ украинскіе кооператоры.

В. Садовскій.

Бібліотека наукового товариства імені Шевченка.

42

Проф. Т. Г. Масарикъ объ украинскомъ вопросѣ.

По поводу украинскаго вопроса проф. Т. Масарикъ высказался публично два раза: въ вѣнскомъ парламентѣ въ маѣ 1908 года,—во время извѣстной дебаты, посвященной выборнымъ злоупотребленіямъ въ Галиціи, когда онъ выступилъ въ качествѣ генеральнаго оратора pro спѣшность запроса, касающагося этого дѣла,—а затѣмъ въ прошлогоднемъ (1911—1912) рождественскомъ засѣданіи австро-венгерской делегаціи,—во время украинской дебаты, вызванной извѣстной бесѣдой младочешскаго leadera д-ра Крамаржа съ сотрудникомъ „Новаго Времени“ по поводу украинскаго вопроса.

Въ своей майской парламентской рѣчи извѣстный чешскій соціологъ и политикъ формулировалъ свое мнѣніе объ украинскомъ вопросѣ по существу и принципіально. Въ той же рѣчи онъ попутно сказалъ нѣсколько словъ и по поводу галиційскаго такъ-называемаго москвофильства. Выступая же въ делегаціяхъ, проф. Масарикъ ограничился лишь принципіальнымъ протестомъ противъ антиукраинскаго заявленія д-ра Крамаржа, желая, такимъ образомъ, обратить вниманіе на то, что антиукраинское заявленіе вожака младочеховъ должно быть разсматриваемо какъ выраженіе партійнаго взгляда на украинскій вопросъ, а отнюдь не точка зрѣнія или мнѣніе на этотъ вопросъ всего чешскаго народа.

Задачей нашей статьи является ознакомленіе читателей „Украинской Жизни“ съ содержаніемъ двухъ вышеупомянутыхъ выступленій виднаго чешскаго ученаго и политика по поводу украинскаго вопроса.

Этому изложенію я позволю себѣ предпослать предварительно нѣсколько выдержекъ изъ монографіи проф. Масарика „Чешскій вопросъ“ (Česká otázka), а именно изъ 21-й главы ея, содержащей „девять методологическихъ правилъ, которыми авторъ руководствуется при оцѣнкѣ и изученіи народовъ, особенно... славянскихъ“.

Эти методологическія правила весьма интересны для характеристики его отношенія и взглядовъ на національный вопросъ. Правила подраздѣляются на общія (всего три) и спеціальныя (шесть), исключительно касающіяся славянскихъ народовъ и отношенія славянскаго міра къ германскому вообще. Первый всеобщій принципъ гласитъ: „О народахъ и о народѣ своемъ можно судить совсѣмъ безпристрастно; нѣтъ необходимости боготворить свой народъ; мнѣ, напримѣръ, словаки (проф. Масарикъ по происхожденію словакъ. И. Б.) ничуть не стали менѣе дорогими послѣ того, когда я узналъ ихъ недостатки, чѣмъ были прежде, когда я этихъ недостатковъ не зналъ. Не понимаю, почему ознакомленіе съ дѣйствительностью препятствовало бы естественной любви къ своему народу, языку, націи. Не чувствую потребности унижать другія націи для того, чтобы возвысить свою. Изучаю также ошибки другихъ народовъ, но эти меня такъ же жгутъ, какъ ошибки моего народа... меня самого. Охотно признаю преимущества другихъ народовъ, но это не имѣетъ никакого вліянія на мое національное чувство. Полагаю, что нравственною обязанностью должно быть: совершенно открыто говорить о своемъ и о чужомъ народѣ: національное тщеславіе вредитъ собственному прогрессу...“

Проф. Масарикъ во второмъ правилѣ рѣшительно осуждаетъ слишкомъ скороспѣлыя и поверхностныя обобщенія національныхъ характерныхъ и типичныхъ чертъ и свойствъ.

„Достаточно будетъ,—говоритъ онъ,—оцѣнивать отдѣльныя общественныя учрежденія, нѣкоторыя отдѣльныя духовныя и физическія качества, отнюдь не рѣшаясь высказывать огульнаго одобренія или порицанія согласно методу тѣхъ, кто теперь существуетъ на счетъ національныхъ страстей и возбужденій“.

Содержаніе третьяго методологическаго принципа таково: „Какъ и у каждаго отдѣльнаго индивида, такъ и у націи я прежде всего обращаю вниманіе на душу и на духъ. Языкъ не считаю святымъ, но средствомъ, служащимъ духу для злого и добраго. Родная рѣчь, понятно, является средствомъ наиболѣе дорогимъ, а вмѣстѣ съ этимъ и наиболѣе полезнымъ. Въ національныхъ спорахъ меня болѣе всего интересуетъ духовная борьба—идеи и чувства; этическія цѣли являются для меня рѣшающими. Въ отниманіи языка усматриваю варварство матеріализма, лишеннаго духа, и

политическаго автоматизма. Противъ матеріи хочу бороться духомъ: поэтому давно уже ушелъ изъ церкви идолопоклонническаго вербализма и національнаго фанатизма. Нравственность—человѣчность должны быть цѣлью каждаго отдѣльнаго человѣка и націи. Особая національная этика не существуетъ".

Изъ спеціальныхъ пяти правилъ, особенно интересны первыя два (четвертое и пятое) и послѣднее (девятое).

Четвертое гласитъ: „Не слѣдуетъ довольствоваться славянофильствомъ и славянствомъ—надо всегда изучать чеха, поляка, русскаго, серба. Не будемъ обобщать слишкомъ поспѣшно; только тѣ качества, которыя дѣйствительно свойственны всѣмъ славянскимъ народамъ въ одинаковой мѣрѣ, будемъ считать славянскими (всеславянскими)".

Содержаніе пятаго принципа таково: „Будемъ изучать настоящее славянство, тогда лучше постигнемъ прошедшее славянъ; сравнительное изученіе существующихъ славянъ болѣе надежно, чѣмъ этотъ устарѣвшій историцизмъ, который охотнѣе всего предпочитаетъ эпохи наиболѣе темныя и наименѣе извѣстныя. Въ минувшее вноси свѣтъ изъ настоящаго; мнѣніе, что можно дѣйствовать въ обратномъ направленіи, ложно".

И, наконецъ, послѣднее, девятое, правило формулируетъ взглядъ чешскаго ученаго на взаимоотношеніе между славянскимъ и германскимъ міромъ. Вотъ оно: „Все болѣе и болѣе я убѣждаюсь, что по своему характеру славяне наиболѣе близки германамъ. Объ этомъ можно прочесть, конечно, въ каждой научной этнографіи; однако все дѣло въ томъ, чтобы сознать это при помощи жизни и литературы и согласно съ этимъ дѣйствовать. Изъ этого для меня, напримѣръ, вытекаетъ правило, что нѣмецкія вліянія не нарушили нашъ чешскій характеръ такъ, какъ это предполагаютъ многіе славянофилы. Впрочемъ, и съ точки зрѣнія національной и политической, искусственное создаваніе національныхъ различій является излишнимъ; политическое развитіе руководится больше дѣйствительностью, чѣмъ фикціями.

Противъ вліяній чужого духа нѣтъ иного средства, кромѣ противопоставленія имъ вліяній своего духа. Это дѣлается безсознательно; но какъ только люди начинаютъ объ этомъ разсуждать, не остается иного исхода, какъ

лишь наиболѣе добросовѣстное и точное самоизученіе и изученіе чужого, чтобы затѣмъ сознательно дѣлать то, что дѣлается безсознательно".

Мы можемъ теперь, ознакомившись съ нѣкоторыми основными воззрѣніями проф. Масарика на національный вопросъ, перейти къ изложенію его мнѣній и взглядовъ на украинскій вопросъ. Начнемъ его вышеупомянутою парламентскою рѣчью, а именно съ той ея части, которая относится къ украинскому вопросу [1]).

„Я перехожу теперь,—продолжалъ ораторъ,—къ отдѣльнымъ общимъ вопросамъ, которые въ дебатѣ были затронуты; спеціально хочу коснуться такъ-называемой славянской политики и при случаѣ такъ-называемаго панславизма. Мы, чехи, фигурируемъ не только въ энциклопедическихъ словаряхъ, но и въ научныхъ работахъ по этому предмету въ качествѣ панславистовъ kat exochen, а особенно въ качествѣ руссофиловъ.

Это вѣрно, что у насъ со времени такъ-называемаго возрожденія нашего народа и въ немъ славянская идея была составною частью нашей національной идеи. Я могъ бы сказать, что мы были прежде славянами, чѣмъ стали чехами. Патріотъ и славянинъ было лозунгомъ стараго времени.

Но уже въ 1846 г. одинъ изъ выдающихся нашихъ политическихъ публицистовъ, Гавличекъ, сказалъ извѣстныя слова: „Я не славянинъ, я—чехъ". И Гавличекъ, который этимъ не хотѣлъ ничего иного сказать, какъ только то, что онъ свое славянское чувство основываетъ на чешскомъ сознаніи, былъ противникомъ абсолютизма. Онъ вполнѣ хорошо постигъ,—это было до 1848 г.,—какъ нашъ панславизмъ разнообразенъ. Позже,—это случилось отчасти благодаря утопической политикѣ нашей конституціонной партіи въ 60-хъ годахъ,—панславизмъ снова ожилъ среди насъ, особенно въ руссофильской формѣ.

Теперь наше національное чувство зиждется не только на языкѣ и литературѣ; наше національное чувство хочетъ тоже рѣшать экономическо-соціальные вопросы и не только нашего народа, но и нашего времени. Наше національное чувство носитъ вполнѣ опредѣленную политическую тен-

---

[1]) См. *Stenografisches Protokoll.* Haus der Abgeordneten. XVIII Session. 75 Sitzung 25/V 1908, стр. 4889 и сл.

денцію: а именно —стремленіе къ политической независимости,—стремленіе, которое въ прежнее время не существовало. И послѣ того, какъ мы въ Чехіи политически индивидуализировались,—вы вѣдь видите, сколько у насъ партій,—не иначе обстоитъ дѣло въ каждой изъ нихъ. Понятно, что мы примыкаемъ къ тѣмъ партіямъ среди другихъ славянскихъ народовъ и имѣемъ для нихъ тѣмъ больше симпатіи, чѣмъ болѣе близки они намъ по своей программѣ.

Этимъ я не хочу сказать, что мы по отношенію къ инымъ партіямъ питаемъ враждебное чувство и что мы спеціально здѣсь считали бы своей задачей враждебно дѣйствовать противъ другихъ славянскихъ партій.

Мы, чехи,—это я говорю не только отъ имени чеховъ, но я полагаю, что это относится тоже и къ нашимъ нѣмцамъ,—должны во что бы то ни стало рѣшить спеціальный вопросъ, а именно—достигнуть modus vivendi съ нашими нѣмецкими земляками; этимъ не будетъ нанесенъ ущербъ нашему славянскому чувству, и оно не будетъ даже ослаблено, но мы такимъ образомъ исполнимъ вполнѣ опредѣленную задачу. Приблизительно такъ же обстоитъ дѣло и съ остальными славянскими народами, изъ которыхъ каждому предстоитъ рѣшеніе вполнѣ опредѣленной задачи.

Съ этой точки зрѣнія хочу я кое-что сказать спорящимъ партіямъ и по поводу спорящихъ партій и опредѣлить—на основаніи своего знакомства и по совѣсти—свое отношеніе къ нимъ".

Послѣ этого вступленія чешскій политикъ въ дальнѣйшемъ изложеніи занялся сперва польскимъ вопросомъ. Хотя эта часть рѣчи проф. Масарика,—особенно высказанныя въ ней нѣкоторыя мысли по поводу польско-русскаго спора,—весьма интересна, я выпускаю ее, такъ какъ она не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ основной темѣ настоящей статьи.

Перехожу поэтому къ слѣдующей части его рѣчи, непосредственно касающейся украинскаго вопроса.

„Позвольте мнѣ теперь перейти,—продолжалъ проф. Масарикъ,—къ русскимъ, къ обѣимъ партіямъ—украинофильской и старорусской. Гердеръ, величайшій нѣмецкій философъ исторіи и поэтъ, восхвалялъ въ концѣ XVIII ст., во время своего пребыванія въ Ригѣ, русскій и особенно русинскій народъ, усматривая въ Украинѣ идеалъ культуры. Гер-

деръ былъ первымъ славянофиломъ въ этомъ смыслѣ. Гердеръ не только видѣлъ и зналъ, что первый большой русскій городъ, Кіевъ, былъ на Украинѣ, онъ вспоминалъ тоже большія греческія колоніи, онъ видѣлъ великія дарованія русскаго народа и особенно южно-русскаго, а поэтому на Украинѣ помѣстилъ эльдорадо культуры [1]).

Извѣстно, что украинцы—въ числовомъ отношеніи большой народъ—представляютъ для каждаго мыслителя, политика и для всѣхъ интересующихся историко-философскими наблюденіями совсѣмъ особый интересъ: здѣсь видятъ и здѣсь могутъ они во всей жизненной полнотѣ воспринимать, к а к ъ народъ создается, какъ народъ х о ч е т ъ б ы т ь.

Возникаетъ вопросъ: какъ понимать, что этотъ народъ еще только х о ч е т ъ б ы т ь? Являются ли украинцы (этимъ теперь общепринятымъ названіемъ я замѣнилъ локальный австрійскій терминъ русины, употребляемый проф. Масарикомъ въ его рѣчи. И. А. Б.) сами по себѣ народомъ, отличаются ли они отъ русскихъ—я имѣю въ виду великоруссовъ,—имѣютъ ли право быть народомъ?

Графъ Дзѣдушицкій вспомнилъ о томъ,—и мнѣ извѣстенъ этотъ взглядъ уже давно, такъ какъ онъ его высказалъ какъ-то въ одномъ интервью,—что поляки прежде считали украинцевъ и украинскій языкъ только польскою разновидностью. Это было совершенно невѣрно, и было бы весьма неправильно повторять эту ошибку еще теперь. Украинцы, какъ народъ, дѣйствительно отличаются отъ поляковъ. Но я спрашиваю, отличаются ли они отъ великоруссовъ, являются ли они, какъ это утверждаютъ старорусины, русской разновидностью, имѣютъ ли они право превращать свой діалектъ въ языкъ и образовывать свою собственную литературу?

Господинъ Глѣбовицкій ссылался на Ягича и другихъ филологовъ, и это понятно, такъ какъ съ филологической

[1]) Въ своей вышеупомянутой книгѣ, „*Чешскій вопросъ*“, проф. Масарикъ цитируетъ восторженный отзывъ Гердера объ Украинѣ. Въ виду оригинальности послѣдняго мы приводимъ эту выдержку въ настоящей статьѣ: „Украина будетъ новой Греціей: прекрасный климатъ, въ которомъ живетъ этотъ народъ, его веселый характеръ, его музыкальное дарованіе, плодородная почва и т. д. однажды проснутся къ жизни: изъ многочисленныхъ дикихъ народовъ, какими были нѣкогда греки, возникнетъ культурный народъ, котораго границы проникнутъ къ Черному морю, а оттуда распространятся на весь міръ“ („*Česká otázka*“, 2 изд., стр. 25).

точки зрѣнія не легко установить подраздѣленіе русскаго на великорусскій, бѣло-, червонорусскій и т. д. Но г. Глѣбовицкій упустилъ изъ виду одно: Posito, допустимъ, что украинская рѣчь только діалектъ, но такъ же дѣла обстояли и въ Германіи, когда возникалъ литературный языкъ, однако народъ, рѣчь не заключается только въ языкѣ,—я вспоминаю одно замѣчаніе кол. Маркова, сказавшаго, что украинская рѣчь имѣетъ экономическое и соціальное значеніе. Это вѣрно, господа: политическія, экономическія и соціальныя основы создаютъ не только народъ, но и его литературный языкъ. Совершенно невѣрно предполагать, что исключительно филологія и литература создаютъ народъ; нѣтъ, болѣе важными являются политическая централизація и концентрація политической силы. И если украинцы чувствуютъ себя среди иныхъ славянскихъ народовъ націей, если они имѣютъ силу и политически концентрируются, то филологи не должны вмѣшиваться въ это дѣло и вообще филологическія соображенія не могутъ быть въ этомъ случаѣ рѣшающими [1]).

Господа! Посмотрите на американцевъ и англичанъ: несомнѣнно, у нихъ одинъ и тотъ же языкъ, хотя въ языкѣ американцевъ, какъ извѣстно, очень много,—я полагаю, 20,000 американизмовъ. Тѣмъ не менѣе американецъ считаетъ себя американцемъ, отнюдь не англичаниномъ, такъ какъ его хозяйственныя, культурныя и историческія воспоминанія иного рода, чѣмъ англійскія. У украинцевъ, несомнѣнно, свои историческія воспоминанія, свои историческія стра-

[1]) При этихъ словахъ невольно вспоминается аналогичная точка зрѣнія по этому вопросу *М. П. Драгоманова,* высказанная имъ въ его извѣстныхъ статьяхъ *„Русскіе въ Галиціи“*, гдѣ, оспаривая исключительно филологическій методъ рѣшенія вопроса о національной самобытности, онъ формулировалъ свой взглядъ по этому поводу слѣдующимъ образомъ: „Но эти чисто филологическія мнѣнія не ведутъ за собою непремѣнно не только политическихъ, но даже и литературныхъ послѣдствій, потому что не только политическая особность извѣстной части народности отъ ея цѣлаго, но и даже литературная не зависитъ отъ одной только языковой и бытовой особности ея, видной для спеціалистовъ-филологовъ; особность политическая и даже литературная зависитъ, кромѣ этнографическихъ и филологическихъ условій, еще и отъ многихъ другихъ: историческихъ, религіозныхъ, экономическихъ, культурныхъ, а главнымъ образомъ отъ воли самого народа, проистекающей изъ сознанія, что ему полезно, нужно, пріятно, или какъ бы тамъ ни было, быть въ единствѣ, политическомъ или литературномъ, съ другимъ народомъ или въ раздѣльности...“ (*М. П. Драгомановъ*: Политическія сочиненія. Т. 1. *Центръ и окраины.* Москва, 1908, стр. 321).

данія, свои историческія дѣла. Они могутъ ихъ по своему усмотрѣнію опредѣлять и оцѣнивать. У насъ, славянъ, имѣется примѣръ на сербахъ и хорватахъ. Сколько было по этому поводу безчисленныхъ споровъ! Являются ли сербы народомъ, образуютъ ли хорваты народъ, хотя у обоихъ одинъ и тотъ же языкъ? Или у насъ, у чеховъ: наши словаки отдѣлились. Филологи говорятъ, и я скажу тоже, что словацкій языкъ—діалектъ. Но смогу ли я, господа, съ своей филологіей сломить мадьяръ, дуализмъ и все? Филологія здѣсь мало полезна, нужна только политическая сила и могущество, и поэтому совершенно безполезно бороться филологіей противъ, какъ говорится, исторіи, противъ хозяйственныхъ, соціальныхъ отношеній, противъ культурнаго развитія и противъ религіозныхъ отношеній. Украинцы въ большей части были православны, а теперь—уніаты. Я не хочу касаться того, какимъ образомъ произошла унія; во всякомъ случаѣ существуютъ здѣсь религіозныя различія: разница между Римомъ и Москвой-Византіей это міровыя различія Востока и Запада, во всѣхъ отношеніяхъ играющихъ столь значительную роль въ украинскомъ вопросѣ, что нельзя было не указать на это. Одинъ изъ представителей великорусской партіи, о. Давыдякъ, даже сказалъ, что эта партія не пренебрегаетъ изученіемъ украинскаго языка и что не хочетъ его запускать. Дѣло въ томъ, что и великорусская партія (ораторъ имѣетъ въ виду такъ-называемое москвофильское теченіе. И. Б.) пропагандируетъ свои идеи,—вы видите, что разногласія между обѣими партіями происходятъ изъ-за идей, а не только изъ-за языка,—что господа изъ великорусской партіи, какъ мнѣ пришлось слышать, говорятъ въ сеймѣ (ландтагѣ) по-украински.

Слѣдовательно, все дѣло въ данномъ случаѣ не въ филологіи; здѣсь выдвигаются совершенно иные вопросы какъ со стороны украинской, такъ и великорусской партіи...“

Ораторъ излагаетъ далѣе болѣе подробно свое, а до нѣкоторой степени и чешское (по крайней мѣрѣ прогрессивныхъ слоевъ чешскаго общества) отношеніе къ украинскому вопросу вообще, а въ частности—къ галиційскимъ украинцамъ.

„Я сказалъ, что намъ, чехамъ,—у насъ нѣтъ своего дворянства,—симпатично, что вы, я не хочу сказать, демокра-

тическій народъ, но крестьянскій, какимъ мы были въ своемъ большинствѣ. Вы даже представляете собою типъ крестьянской націи, до сихъ поръ... безъ большой индустріи, хотя и среди васъ появляется извѣстная промышленность и классъ интеллигенціи. Все это вызываетъ не только политическія, но, я могъ бы сказать, даже культурныя симпатіи и общаго характера. Вамъ хорошо извѣстно, что ваши студенты были у насъ въ Прагѣ братски приняты (послѣ извѣстной сецессіи во львовскомъ университетѣ въ 1902 г. Б.), точно такъ же, какъ теперь мы приняли братски сербовъ и хорватовъ (послѣ насильнаго закрытія загребскаго университета въ 1908 г. Б.).

Правда, въ Чехіи въ нашей прессѣ были высказаны кое-какія мнѣнія противъ вашей партіи, я не хочу сказать: противъ народа,—я дѣлаю различіе между партіей и народомъ,—и вы не упрекнете меня въ томъ, что я и здѣсь обращу на это вниманіе. Мы соблюдаемъ извѣстныя осторожности не только потому, что мы руссофилы, какъ я уже объ этомъ говорилъ. Намъ было крайне непріятно,—мнѣ некогда и я не хочу у васъ отнимать время цитатами изъ нашихъ руководящихъ органовъ,—что, напримѣръ, ваши представители здѣсь выступали заодно съ нашей тогдашней конституціонной партіей. Я хочу только констатировать, такимъ образомъ, то, что случилось...“

Ораторъ удѣляетъ далѣе вниманіе политической тактикѣ австрійскихъ украинцевъ, критикуя нѣкоторые недостатки, особенно же излишній радикализмъ и агитаторство. По мнѣнію его, казацкія традиціи „Січи“ въ настоящее время совершенно непримѣнимы въ качествѣ политическаго метода... „....И казаки должны эволюціонировать. И „Січ“ должна принять нѣкоторые новые методы. Иначе и быть не можетъ. Повѣрьте мнѣ, если партія насчитываетъ 25 депутатовъ или, имѣя въ виду весь народъ, 32 представителя, тогда ужъ не стрѣляютъ (намекъ на покушеніе Сичинскаго). Не vivat sequens, но vivant omnes! Въ политикѣ надо обладать терпѣніемъ, господа! Вы очень любите нашего Гавличка, и вашъ знаменитый Иванъ Франко перевелъ вамъ кое-что изъ Гавличка. Позвольте же мнѣ процитировать одно mottoизъ Гавличка; я часто долженъ его припоминать своимъ землякамъ. Онъ сказалъ: „Прежде, въ былыя времена, патріоты отдавали свою жизнь за отечество. Мы же хотимъ жить и работать для нашего народа“ (Деп. д-ръ Три-

ловскій: Этого мы тоже хотимъ). Совершенно вѣрно. И всѣмъ позволить жить. Вы должны требовать народнаго просвѣщенія въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ это до сихъ поръ дѣлали; короче говоря, должны заняться мелкой политической работой. Нужно немного обуздывать историческія реминисценціи, какъ мы, чехи, и всѣ славянскіе народы должны были обуздывать свои историческія воспоминанія. Мнѣ часто приходилось выносить впечатлѣніе, что вы въ своей понятной нетерпѣливости кое-чему придавали большую цѣнность и значеніе, чѣмъ это заслуживало на самомъ дѣлѣ..." Проф. Масарикъ примѣрами изъ административно-политической практики въ Чехіи, Моравіи и Силезіи устанавливаетъ фактъ бюрократическихъ злоупотребленій въ этихъ провинціяхъ, аналогичныхъ кое въ чемъ пресловутымъ галиційскимъ избирательнымъ злоупотребленіямъ. Понятно, аналогія не означаетъ идентичность, но, по мнѣнію чешскаго ученаго, и въ Галиціи позитивная и реальная политика возможна. Ораторъ далѣе переходитъ къ оцѣнкѣ политической дѣятельности такъ-называемой москвофильской фракціи: „Ея политика производитъ на меня такое впечатлѣніе, что она во многомъ болѣе консервативна, чѣмъ ваша партія, и вы видѣли, что наши консервативныя и клерикальныя партіи и, какъ мнѣ кажется, тоже и юго-славянскія проявляютъ къ ней больше симпатій. Это какъ-разъ и вытекаетъ изъ того обстоятельства, что она является консервативной партіей.

Во всякомъ случаѣ противъ г. Глѣбовицкаго долженъ я заявить слѣдующее. Его рѣчь произвела на меня весьма скверное впечатлѣніе уже просто потому, что онъ совершенно холодно и преднамѣренно выступилъ противъ враждебной себѣ партіи со столь отягощающими и совершенно необоснованными доводами...".

Проф. Масарикъ рѣшительно высказался противъ подобной провокаціонной тактики москвофиловъ, считая ее несравненно хуже демагогическо-радикальныхъ пріемовъ, къ которымъ прибѣгаютъ нерѣдко украинскіе радикалы, особенно же деп. Триловскій.

По адресу поляковъ проф. Масарикъ обратился съ извѣстными словами Кавура: „Наиболѣе плохой политикой является политика мести!". „Я апеллирую прямо къ вамъ; теперь вамъ представляется случай проявить ваше вліяніе, чтобы,—я это заявляю совершенно открыто,—не была по-

гублена жизнь этого молодого, плохо направленнаго, возбужденнаго студента (Сичинскаго. Б.). Вы сдѣлали бы великое дѣло для своего народа и для своего противника, если бы здѣсь положили начало политикѣ примиренія. Вы приводили прекрасныя слова гр. Потоцкой! Это должно быть вашей программой и не только ради васъ, но и ради вашего противника и вашей страны. Чего вы достигнете, если въ парламентѣ будете нападать другъ на друга? Каковы результаты отъ этого будутъ для Галиціи? Политикъ и въ этомъ случаѣ долженъ политически поступать. Господа представители польской стороны, мнѣ приходилось за границей и въ заграничной прессѣ замѣчать, какой ущербъ приноситъ вашему хорошему и справедливому дѣлу то, что васъ упрекаютъ въ несправедливомъ отношеніи къ украинцамъ; я полагаю, вы на этотъ счетъ сами не заблуждаетесь. Поэтому я думаю, что, несмотря на все, можно и должно приступить къ примирительной политикѣ"... Ораторъ, затѣмъ, критически высказался по поводу правительственной политики и отношенія къ польско-украинскому вопросу и сопряженному съ этимъ внутреннему положенію дѣлъ въ Галиціи; правительство не должно поддерживать административнаго произвола и занять въ этомъ дѣлѣ вполнѣ опредѣленную и рѣшительную позицію.

Свою рѣчь проф. Масарикъ закончилъ голосованіемъ за спѣшность запроса по поводу злоупотребленій во время избирательной кампаніи въ Галиціи въ 1907 году.

Мы почти цѣликомъ перевели здѣсь рѣчь выдающагося чешскаго ученаго и политика, выпуская изъ нея только мѣста, носящія спеціально мѣстный, внутренно-австрійскій характеръ; сдѣлали это потому, что она хорошо опредѣляетъ и характеризуетъ отношеніе проф. Масарика не только къ украинскому вопросу вообще, но вмѣстѣ съ этимъ и къ польско-украинскому спору въ Галиціи.

Естественнымъ дополненіемъ къ этой его рѣчи является принципіальное его заявленіе по поводу извѣстнаго интервью д-ра Крамаржа, сдѣланное проф. Масарикомъ въ австро-венгерскихъ делегаціяхъ.

Намъ не удалось получить протоколовъ делегаціонныхъ засѣданій, почему содержаніе этого его заявленія извлекаемъ изъ спеціальной статьи „Украинскій вопросъ въ делегаціямъ"(Ukrajinská otázka v delegacich"), помѣщенной въ пражскомъ журналѣ „Rusky Obzor" („Русское Обозрѣніе"),

1912. № 9—10. Стр. 145). Проф. Масарикъ заявилъ, что „украинскаго вопроса долженъ коснуться, чтобы не казалось, что взгляды д-ра Крамаржа являются для Чехіи исключительно руководящими. Если весь народъ, какъ украинцы, считаетъ себя отдѣльной націей, то для него этого достаточно". Какъ членъ другого славянскаго народа, не хочетъ вмѣшиваться въ этотъ спорный вопросъ. Незадолго до этого онъ былъ (въ Россіи между прочимъ) и освѣдомлялся объ этомъ дѣлѣ. На него произвело сильное впечатлѣніе открытое заявленіе академика Шахматова, что и съ русской точки зрѣнія свобода украинскаго народа была бы желательной... Проф. Масарикъ далѣе рѣшительно высказался противъ денаціолизаціонной политики русскаго правительства не только по отношенію къ украинцамъ, но и вообще по отношенію ко всѣмъ такъ-называемымъ „инородцамъ". Онъ винилъ въ этомъ правительственный абсолютизмъ въ Россіи и въ концѣ своей рѣчи высказался противъ политическаго союза съ о ф и ц і а л ь н о й абсолютистической Россіей.

Нами въ этой статьѣ представленъ былъ взглядъ проф. Масарика на украинскій вопросъ и его отношеніе къ украинцамъ. Мы постарались это сдѣлать по большей части собственными словами извѣстнаго чешскаго общественнаго и политическаго дѣятеля,—выдержками ихъ его двухъ выступленій въ украинскомъ вопросѣ. Намъ кажется, что позиція и отношеніе его къ этому вопросу въ упомянутыхъ его выступленіяхъ достаточно ясно и опредѣленно выражены, что вождь чешскаго культурнаго и политическаго реализма и на украинскій вопросъ смотритъ и оцѣниваетъ его съ реально-позитивной точки зрѣнія: признаетъ и считается съ дѣйствительными фактами и жизнью, не заботясь совершенно о томъ, получили ли они санкцію и благословеніе научнаго бюрократизма или нѣтъ.

Въ виду этого мы считали лишними и ненужными какія-либо пояснительныя замѣчанія и комментаріи къ его точкѣ зрѣнія на украинскій вопросъ, полагая, что она сама по себѣ является вполнѣ ясной и опредѣленой...

И. П. Бочковскій.

Прага.

54

„Тріединая Польша".

Основное положеніе всѣхъ тѣхъ русскихъ, которые отрицаютъ право украинской народности на самостоятельную національную жизнь, состоитъ въ томъ, что русская нація—это исторически образовавшееся цѣлое, высшаго разряда національный организмъ, составившійся изъ великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго племенъ. Слѣдовательно украинская народность — это органическая составная часть русской націи, и всѣ попытки оторвать ее отъ русскаго національнаго организма, это—сепаратизмъ, съ которымъ нужно „энергично, безъ всякихъ двусмысленностей и поблажекъ" бороться.

Въ настоящей замѣткѣ я хочу указать, что это основное положеніе русскихъ отрицателей самостоятельной украинской народности совсѣмъ не ново и не оригинально, что у нихъ имѣются предшественники у поляковъ, которые въ свое время пытались также доказать существованіе обнимающей украинскую народность „общепольской κοινή", какъ это теперь дѣлаютъ гг. Савенко, Струве, Щеголевъ и всѣ „общерусскія" братіи.

Въ 1848 году, во время конституціонныхъ стремленій, украинскій народъ Галиціи съ политическимъ обществомъ „Головна Руська Рада", которое считалось представителемъ націи, во главѣ выставилъ требованіе раздѣленія Галиціи на двѣ другъ отъ друга совершенно независимыя автономныя области: польскую и украинскую, каждая изъ которыхъ должна пользоваться той политической автономіей и національными правами, которыя, на основаніи конституціи, полагаются признанными автономными провинціями государства. Для восточной, украинской, части Галиціи это требованіе было равнозначно и уничтоженію господства польской шляхты и признанію національной самостоятельности украинскаго народа.

Это требованіе, конечно, не понравилось полякамъ, и они употребили всѣ усилія, чтобы помѣшать его осуществленію, что имъ и удалось.

Въ польскомъ меморіалѣ противъ раздѣленія Галиціи отъ 27-го (н. ст.) ноября 1848 г., предоставленномъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ числѣ аргументовъ противъ украинскаго требованія, находится слѣдующее:

„Nie jest tu miejsce zapuszczania się w lingwistyczne albo etymologiczne wywody; niechcemy Wysokiemu Ministerstwu przekładać akt, dotyczących polemiki, toczonej w tej mierze wszechstronnie od czasu pierwszego pojawienia się ruskiej agitacyi. Z zeznania atoli wszystkich prawych i bezstronnych Rusinów pokazalo się jednak niezbicie, że język polski jest językiem pismiennym, powstałym z różnych dialektów słowiańskich i letyckich, z których się ludność polskiego niegdy państwa składała; że jęsyk ten przyswoił sobie daleko więcej wyrazów z ruskiego; narzecza, aniżieli z któregobądź innego; że język ten nareszcie najczyściej jest mówionym w tych właśnie częściach Galicyi, które niegdyś do Rusi należały. Język polski znajduje się w jednem zypełnie położeniu co i język włoski. Język włoski, którym najczyściej mówią w toskańskiem, jest jednak językiem tylko piśmiennym włoskim, powstałym z róznorodnych włoskich dialektów, dzięki jedynie usiłowaniom uczonych. J dlatego też, że język polski jest językiem używanym w piśmiennictwie, przyswoiły go sobie wszystkie warstwy wykształconej ludności w polskiem niegdy państwie, tak dobrze ormiańskiej, ruskiej, wołoskiej jak i niemieckiej. Język polski stał się jedynym środkiem zrozumienia się wzajemnego między wspomnianą ludnością; on był i jest językiem literatury i umiejętności w kraju; on przyjętym został do wszystkich publicznych i prywatnych

„Здѣсь не мѣсто входить въ лингвистическія или этимологическія разсужденія; мы не хотимъ представлять Высокому Министерству данныхъ, относящихся къ полемикѣ, веденной по этому вопросу всесторонне со времени перваго появленія (мало) русской агитаціи. Но изъ показаній всѣхъ честныхъ и безпристрастныхъ Русиновъ неотразимо вытекаетъ, что польскій языкъ есть языкъ книжный, образовавшійся изъ различныхъ славянскихъ и летицкихъ діалектовъ, изъ которыхъ было составлено населеніе польскаго прежде государства; что этотъ языкъ усвоилъ себѣ гораздо больше выраженій изъ (мало) русскаго нарѣчія, чѣмъ изъ какого-нибудь другого; что, наконецъ, на этомъ языкѣ наиболѣе чисто говорятъ какъ разъ въ тѣхъ частяхъ Галиціи, которыя когда-то принадлежали Руси. Польскій языкъ находится въ томъ же положеніи, что и языкъ итальянскій. Итальянскій языкъ, на которомъ наиболѣе чисто говорятъ въ Тосканской области, есть только книжный итальянскій языкъ, образовавшійся изъ различныхъ итальянскихъ діалектовъ, благодаря исключительно усиліямъ ученыхъ. И потому, что польскій языкъ есть языкъ, употребляемый въ письменности, усвоили его себѣ всѣ слои образованнаго общества въ польскомъ прежде государствѣ, въ равной мѣрѣ армянскаго, (мало) русскаго, румынскаго какъ и нѣмецкаго. Польскій языкъ сдѣлался единственнымъ способомъ взаимнаго пониманія между названнымъ обществомъ; онъ былъ и есть языкъ литературы и науки въ странѣ; онъ

tranzakcyj; przyswoiły go wreszie sądy tak dobrze jak i administracya i zamienił się w jedynego pośrednika pisma i mowy w całym kraju. Język Ruski, Mazyrski i Litewski zostały dialektami li wiejskiego ludu, nie mogły się przeto ani wykształcić ani wirobić. O gnębieniu więc ruskiego języka polskim o tyle chyba może być mowa, o ile zawsze i wszędzie z postępem oświaty dyalekta ludu ustępywać muszą i wstępyją mowie wykształconej i pismiennej narodu".

былъ принятъ для всѣхъ публичныхъ и частныхъ сношеній; наконецъ, его усвоили себѣ судъ и администрація, и онъ сдѣлался единственнымъ посредникомъ письменности и разговора во всей странѣ. (Мало) русскій, мазурскій и литовскій языки остались діалектами развѣ сельскаго люда, потому не могли образоваться и выработаться потому о давленіи (мало) русскаго языка польскимъ можетъ быть рѣчь развѣ постольку, поскольку всегда и повсюду съ развитіемъ просвѣщенія народные діалекты должны уступать и уступаютъ образованному и книжному языку націи".

Сравните эти слова польскаго меморіала съ утвержденіями современныхъ защитниковъ „тріединаго русскаго народа", и вы увидите поразительное сходство: отъ того, что сами малороссы отрицаютъ самостоятельность малорусскаго языка, вплоть до теоріи объ „общепольской κοινή, по которой книжный польскій языкъ образовался изъ малорусскаго, мазурскаго и литовскаго діалектовъ.

Что же это значитъ? Что теоріи какъ объ „общепольской", такъ и „общерусской" κοινή, обнимающей будтобы украинскую народность, заимствованы изъ области политическихъ стремленій къ подавленію развитія украинской народности той народностью, которая считаетъ себя въ данномъ случаѣ строителемъ и властелиномъ государства; эти политическія стремленія. Фактъ, что теоретика „общерусской" κοινή имѣютъ предшественниковъ въ глашатаяхъ „общепольской" κοινή по отношенію къ украинскому народу, только тѣмъ болѣе яркій бросаетъ свѣтъ на источники и стоимость теоріи „общерусской" κοινή.

Относительно теоріи „тріединой Польши" нужно еще прибавить нѣсколько словъ. Послѣ 1848 года польскіе политики постоянно пытались насадить эту теорію въ украинскомъ обществѣ Галиціи. Въ началѣ 1860-хъ годовъ перешедшій въ польскій политическій лагерь молодой украинскій писатель и публицистъ Платонъ Костецкій про-

возгласилъ эту теорію въ политическомъ стихотвореніи, которое начиналось словами:

«Во имя Отца и Сына
То наша молытва.
Яко Тройца, такъ едына
Польща, Русь и Лытва».

Но на этотъ политическій манифестъ Костецкаго украинское общество Галиціи не откликнулось, и самъ Костецкій совершенно ополячился и умеръ какъ редакторъ самой украинофобской изъ польскихъ газетъ, „Gaset-ы Narodow-ой“.Его же одномышленнику г. Меруновичу, тоже одному изъ редакторовъ названной газеты и депутату галицкаго сейма, послѣднему изъ Могиканъ типа „gente Ruthenus natione Polonus“, теперь, на старости лѣтъ, приходится все чаще и чаще встрѣчаться съ упреками со стороны шовинистически настроенныхъ группъ польскаго политическаго лагеря, что онъ — измѣнникъ польскаго отечества, потому только, что онъ по отношенію къ украинской народности, противъ національныхъ требованій которой, кстати сказать, онъ всегда, не брезгая никакими способами, всегда боролся, все-таки кажется имъ слишкомъ мало шовинистиченъ.

Вообще можно сказать, что идея „тріединой Польши“ въ Галиціи никогда не имѣла успѣха и уже давно окончательно обанкротилась.

Можно надѣяться, что дальнѣйшее развитіе украинскаго народа въ Россіи приготовитъ ту же участь и идеѣ „тріединой Руси“.

Мих. Лозинскій.

Гетманъ Мазепа въ западно-европейской литературѣ.

Популярность Мазепы въ европейской литературѣ до сихъ поръ остается тайной для всѣхъ интересующихся этой, можетъ быть, самой трагической фигурой украинской исторіи. Загадочная личность противника Петра I вдохновила уже не одного поэта, не одного драматурга, не одного романиста. Среди людей, писавшихъ о Мазепѣ, находятся между прочимъ такія звѣзды первой величины въ міровой литературѣ, какъ лордъ Байронъ и Викторъ Гюго. И даже въ нашъ прозаическій вѣкъ, когда бурная эпоха, родившая Петра и Мазепу, давно отошла въ вѣчность, интересъ къ послѣднему въ Европѣ не ослабѣваетъ: недавно извѣстный критикъ М. де-Вогюе выпустилъ новымъ изданіемъ свои „Les trois drames", значительная часть которыхъ посвящена той же таинственной личности стараго гетмана.

Гдѣ причина этого? Что приковываетъ вниманіе этихъ людей къ ихъ герою? Можно было бы сказать: своеобразная историческая судьба Ивана Мазепы. Отчасти это такъ, но только отчасти. Вѣдь многіе изъ писавшихъ о Мазепѣ почти не знали его исторіи. Байрона вдохновили, въ его чудной поэмѣ, лишь нѣсколько строкъ, прочитанныхъ имъ у Вольтера въ „Исторіи Карла XII". Никакихъ иныхъ источниковъ не зналъ, повидимому, и Гюго. Гдѣ же рѣшеніе загадки?

Не претендую дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Нѣсколькими послѣдующими замѣчаніями хотѣлъ бы только бросить хотя бы незначительный свѣтъ на интересующую насъ загадку.

Во Флоренціи, передъ галлереею „Pittà" можно видѣть рядъ статуй людей, которыми гордится не только Италія, но и все культурное человѣчество. Среди этихъ статуй одна особенно обращаетъ на себя вниманіе. Низкій корпусъ, покатыя плечи, самое обыкновенное на первый взглядъ „бабообразное" лицо. Но за этимъ лицомъ кроется такая,—подозрѣваемая лишь,—необыкновенная моральная и интеллек-

туальная мощь, что невольно останавливаешься, какъ вкопанный. Внизу подпись: Маккіавели... Не такъ ли и нѣкоторыя историческія личности, едва намъ извѣстныя? Нѣсколько скупыхъ историческихъ свѣдѣній даютъ нашему духовному взору не больше понятія о нихъ, чѣмъ „бабообразныя" черты Маккіавели, о личности геніальнаго автора „I Principe". Но достаточно ознакомиться съ ними, этими чертами, набросанными рукою ли скульптора или историка, все равно,—и таинственный неизвѣстный становится предметомъ общаго вниманія, удивленія, быть можетъ, героемъ легенды... Такою легендарною личностью сталъ и Мазепа.

То въ качествѣ блестящаго „chevalier" во вкусѣ Дартаньяна или Атоса изъ „Трехъ мушкатеровъ" А. Дюма, то въ качествѣ хитраго и изворотливаго противника Петра. Второй Мазепа—преимущественно герой нѣмецкихъ драматурговъ. Почему они выбрали именно его своимъ „Freiheitsheld'" омъ? Думаю, что тутъ играла роль своеобразная историческая аберрація. Послѣ Хмельницкаго, Выговскаго и др. слѣдовали другіе, такъ или иначе продолжавшіе ихъ дѣло. Послѣ Мазепы—никто. Послѣ него наступилъ упадокъ автономистской идеи. На этомъ фонѣ, на фонѣ общей деградаціи національной жизни на Украинѣ, наступившей въ XVIII вѣкѣ, личность Мазепы выдѣлялась особенно ярко. Кромѣ того, вѣдь величіе героя всегда мѣряется величіемъ его противника. Чѣмъ труднѣе и грандіознѣе задача, поставленная героемъ, чѣмъ непосильнѣе преграды, съ которыми онъ борется, тѣмъ болѣе трагичныя формы принимаетъ его особа, тѣмъ болѣе она способна возбудить вдохновеніе поэтовъ. Не зная, можетъ быть, даже какъ слѣдуетъ исторіи восточной Европы, они все-же полубезсознательно, но чувствовали, что въ 1709 году въ исторіи Европы перевернулась новая страница, открывшая въ ней новую главу. 27-е іюня 1709 года стоитъ на границѣ двухъ эпохъ: оно отдѣляетъ Московское царство отъ Россійской имперіи. Что же удивительнаго, если человѣкъ, стоявшій на рубежѣ этихъ двухъ эпохъ, хотѣвшій по-своему записать перевернувшуюся страницу европейской исторіи, такъ же, какъ и его противникъ, выросъ въ глазахъ поэтовъ до размѣровъ титана? Что удивительнаго, что они до сихъ поръ чувствуютъ на себѣ тѣнь, бросаемую въ будущее этимъ гигантомъ?

Изъ всѣхъ произведеній, посвященныхъ гетману Ма-

зепѣ наиболѣе, вѣроятно, извѣстна широкой публикѣ поэма Байрона. Рожденный за годъ до французской революціи, умершій въ Миссолунгахъ въ борьбѣ за свободу Греціи, великій англійскій лирикъ могъ заинтересоваться оригинальной судьбой „гетмана-злодѣя". Нѣсколько строчекъ Вольтера сказали геніальной фантазіи свободолюбиваго лорда больше, чѣмъ иному могли бы сказать цѣлые томы... И, быть можетъ, обладай авторъ обширнѣйшими свѣдѣніями изъ украинской исторіи, онъ оставилъ бы намъ иную, болѣе глубокую и болѣе интересную эпопею, посвященную тому же герою. „Mazeppa" былъ написанъ въ Италіи (въ Равеннѣ). Къ этому времени относится, между прочимъ, связь Байрона съ Терезою Гиччіоли, урожденною графинею Гажба. Поэма была написана въ 1818 г., въ разгаръ карбонарскаго движенія. Вѣроятно, въ этихъ обстоятельствахъ, подъ гипнозомъ которыхъ находился въ то время творческій духъ поэта, нужно искать причины выбора и особы героя, и сюжета поэмы: сюжетъ поэмы—любовь Мазепы къ замужней женщинѣ, которая, такъ же, какъ и синьора Гиччіоли, называется Тереза. Указываютъ на нѣкоторую неправдоподобность конструкціи „Мазепы", гдѣ авторъ заставляетъ Карла, послѣ „страшнаго дня Полтавы" выслушивать долгій разсказъ, своего союзника, подвергаясь ежеминутной опасности быть захваченнымъ побѣдителями. Но это все мелочи, которыя не въ состояніи умалить значенія изящнаго произведенія англійскаго поэта. Мазепа Байрона—„спокойный и мужественный", блестящій „Prince de l'Uk -aine" Вольтера, человѣкъ „малоговорящій, но много дѣлающій", мстительный по натурѣ, любящій женщинъ и любимый ими. Одно изъ своихъ многочисленныхъ любовныхъ приключеній и разсказываетъ старый гетманъ своему королевскому союзнику, пользуясь для этого полнымъ страсти и темперамента языкомъ Байрона. Однако поэма даетъ намъ нѣчто больше, чѣмъ разсказъ о любовной интригѣ. Своей геніальной интуиціей авторъ охватилъ и многое другое. Читая его поэму, вы слышите клекотъ степныхъ орловъ и вой степного вѣтра, жужащаго въ ушахъ распятаго на конѣ, приговореннаго къ смерти пажа,—жертвы дьявольской изобрѣтательности обманутаго мужа; вы видите: жизнь тогдашней Украины, полную неожиданностей и несообразностей, основанную на кулачномъ правѣ печальной памяти „Rzeczypospolytej", полную однако свое-

образнаго романтизма и поэзіи; передъ вами проносится какъ въ кинематографѣ дивная судьба этого края, такъ странно переплетенная въ поэмѣ съ судьбой своего гетмана, думавшаго найти въ степяхъ Украины „тронъ", который оказался блуждающимъ огнемъ въ этотъ „dread Pultova'sday"...

Нервный, если можно такъ выразиться, торопливый языкъ, которымъ написана поэма, заставляетъ съ неослабѣвающимъ вниманіемъ читать ее до конца, до того трагикомическаго послѣдняго аккорда, когда шведскій король засыпаетъ, не выслушавъ даже всей исторіи Мазепы... Между прочимъ—ложка дегтя въ бочкѣ меда!—Мазепа у Байрона... п о л я к ъ! Говоря о своей Терезѣ, онъ говоритъ о „н а ш е й польской крови" („our Polish blood"). Виноватъ въ этой исторической неточности, разумѣется, информаторъ автора, Вольтеръ, у котораго Мазепа фигурируетъ въ качествѣ „un gentilhomme Polonais". Для западно-европейца, не знающаго вавилонскаго столпотворенія націй на востокѣ, „польскій шляхтичъ" легко могъ превратиться въ поляка.

Произведеніе Байрона очень скоро нашло себѣ подражателя, хотя и не въ его странѣ. Этимъ подражателемъ былъ не кто иной, какъ В и к т о р ъ Г ю г о. Выросшій въ революціонныхъ традиціяхъ Первой имперіи (его отецъ былъ наполеоновскимъ генераломъ), современникъ греческаго возстанія и 48 года, свободолюбивый противникъ „маленькаго Наполеона"—далъ намъ нѣсколько иной, и, я бы сказалъ, болѣе глубокій образъ Мазепы, чѣмъ Байронъ. „Mazeppa" В. Г ю г о написанъ въ 1828 г. и помѣщенъ въ сборникѣ, носящемъ общее заглавіе „Les orientales". Въ то время „оріентъ" былъ въ модѣ въ Европѣ. Въ стремленіи балканскихъ національностей освободиться отъ турецкаго господства Гюго видѣлъ зарю того пробужденія народовъ средне-европейскаго „оріента", которое въ наше время становится фактомъ. И вотъ, неугомонная фантазія искренняго друга грековъ и иныхъ угнетенныхъ націй обращается на востокъ, ища тамъ объектовъ для своего вдохновенія. По капризной терминологіи автора, востокъ это не только Китай и Турція; это такъ же и Испанія и Украина. Вотъ почему поэму о Мазепѣ мы находимъ въ этомъ сборникѣ на-ряду со стихотвореніями „Navarin", „Le derviche", „Grenade" и др., подъ общимъ названіемъ „Les orientales".

Начинаетъ Гюго своего „Mazepp'у" тѣмъ же, чѣмъ и Байронъ: дикой скачкой коня съ человѣкомъ на спинѣ черезъ

„синій океанъ“ степи. Случай приноситъ Мазепу, какъ и у Байрона, въ страну казаковъ, Украину, гдѣ для него должна начаться новая, еще болѣе фантастическая жизнь, чѣмъ та скачка на крупѣ степного скакуна.

Eh bien! ce condamné qui hurle et qui se traine,
Ce cadavre vivant, les tribus de l'Ukraine
Le ferons prince un jour.

(Пусть! когда-то украинскій народъ этого осужденнаго, влекомаго на смерть выберетъ своимъ княземъ).

Придетъ часъ, и онъ надѣнетъ плащъ старыхъ гетмановъ, поднявшись высоко изъ пропасти, которая должна была служить ему могилой. И тогда „un jour“ угнетенный народъ свяжетъ свою судьбу со своимъ товарищемъ по недолѣ, который, „засѣвая поля трупами, вознаградитъ обильною пищею ястребовъ“ за добычу, ускользнувшую отъ нихъ, когда онъ со своимъ конемъ мчался по безконечной степи... „Un jour“...

Удивительная судьба Мазепы, вырвавшая его изъ объятій смерти, поманившая химерой и снова бросившая въ добычу смерти, вдохновила Гюго создать (во второй части поэмы) изъ него символъ человѣческаго духа, неяснаго инстинкта, того ницшевскаго „Wille zur Macht“, что живетъ въ человѣкѣ и гонитъ его, противъ его воли—какъ тотъ конь!—къ большой неизвѣстной цѣли; того фатума, который въ моментъ кажущейся гибели возноситъ свою жертву на вершину счастья:

Enfin le terme arrive... il court, il vole, il tombe,
Et se relève roi!

(Наконецъ предѣлъ достигнутъ... онъ бѣжитъ, онъ летитъ, онъ падаетъ, и вотъ встаетъ король!).

Гюго вложилъ болѣе глубокій смыслъ въ свою поэму, воспѣвъ героя какъ вѣчное стремленіе духа, къ какой бы то ни было цѣли, все равно, лишь бы в п е р е д ъ!

Недаромъ и motto своему „Mazeppa“ взялъ великій французъ байроновское:

Away! Away! (Впередъ, впередъ!).

Совершенно иное отношеніе къ занимающей насъ исторической особѣ встрѣчаемъ мы у другого француза, виконта М. д е-В о г ю э. Его „Trois drames de l'histoire de Russie“, появившіяся новымъ изданіемъ два года тому назадъ въ Парижѣ,—рядъ критическихъ этюдовъ изъ русской исторіи. Одинъ изъ нихъ, „Mazeppa, la légende et l'histoire“, по-

священъ украинскому гетману. Самостоятельнаго въ этомъ этюдѣ мало. Онъ состоитъ въ пересказѣ „легенды“ и „исторіи“ объ украинскомъ гетманѣ. Первой—по Пушкину, второй—по Костомарову, Соловьеву и другимъ. Взглядовъ этихъ историковъ и придерживается авторъ въ своей оцѣнкѣ Мазепы. Вогюэ характеризуетъ его какъ человѣка образованнаго, съ „блестящимъ esprit“ и „пылкимъ сердцемъ“, —черты, которыя однѣ уже могли бы снискать себѣ симпатію каждаго француза. Даритъ Мазепу своей симпатіей и авторъ, но только какъ человѣка, не какъ политика. Какъ политикъ, Мазепа, по Вогюэ, боролся за дѣло, заранѣе осужденное на неудачу какъ вслѣдствіе темноты народныхъ массъ, такъ и благодаря соціальнымъ антагонизмамъ внутри украинскаго общества. Даже если бы Мазепѣ удался его безумный планъ,—пишетъ виконтъ,—ничего кромѣ второй Польши изъ Украины бы не вышло. Второй Польши, которую ожидала бы, очевидно, та же участь, что и первую... Поэтому Цезарь перешагнулъ свой Рубиконъ, а Мазепа, перейдя Десну и передавшись шведскому королю, утонулъ въ своемъ... Таковъ приговоръ Вогюэ о Мазепѣ-политикѣ. Что же касается Мазепы-человѣка, то и этотъ суровый критикъ считаетъ своимъ долгомъ отдать дань удивленія загадочной личности. Онъ называетъ гетмана „великимъ дѣятелемъ великой эпохи, человѣкомъ навязчивыхъ сновъ и пламенныхъ страстей“.

Среди нѣмецкихъ поэтовъ, писавшихъ о Мазепѣ, первое мѣсто безусловно принадлежитъ Рудольфу Готтшалю, извѣстному въ свое время драматургу. Его симпатіи, его интересъ къ Мазепѣ обусловливались тѣми же причинами, что и у названныхъ уже англичанина и француза. Родившись въ 1823 г., Готтшаль сталъ вскорѣ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ либеральнаго движенія въ восточной Пруссіи съ сильными свободолюбивыми симпатіями. Многія изъ его драмъ („Робеспьеръ“, „Марсельеза“) носятъ яркій революціонный характеръ. Драма „Mazeppa“ (въ пяти актахъ, 1865 г.)—одна изъ наиболѣе удачныхъ этого автора, съ успѣхомъ игранная на многихъ сценахъ Германіи. Если оставить въ сторонѣ мелкія историческія неточности (напр., Матрена—дочь Искры, Гордіенко не присоединяется къ Мазепѣ), то нельзя не признать въ драмѣ Готтшаля настоящей трагедіи съ сильно развитымъ драматическимъ дѣйствіемъ, держащимъ читателя въ постоянномъ напряже-

ніи. Языкъ драмы—гладкій, мѣстами сильный, съ тѣми неожиданными и эффектными сравненіями, которыя составляютъ характерную особенность таланта самаго крупнаго изъ украинскихъ поэтовъ въ россійской Украинѣ, Леси Украинки. Содержаніе трагедіи—мечта Мазепы, гетмана Украины, добиться короны и независимости. Мазепа представленъ здѣсь не „гетманомъ-злодѣемъ"; онъ скорѣе напоминаетъ шиллеровскаго Валленштейна. Въ своихъ планахъ онъ повинуется лишь волѣ неумолимаго рока, влекущаго его неудержимо (опять вспоминается легенда съ конемъ) къ его цѣли, къ его гибели. Вообще во всей драмѣ разлито гораздо больше (чѣмъ въ „Полтавѣ" Пушкина) пониманія историческихъ событій, какъ процесса, гдѣ нѣтъ ни правыхъ, ни виноватыхъ, ни „злодѣевъ", ни „ангеловъ", а есть только люди, шахматныя фигуры въ рукахъ невидимыхъ игроковъ.

„In der Tiefe unserer Seelewohnt ein dunkles Mussen"
(Въ глубинѣ нашей души живетъ темное „долженъ"),—
говоритъ пророчица Горпына, и, повинуясь этому неясному „долженъ", идетъ Мазепа Готтшаля навстрѣчу своимъ планамъ, гдѣ въ туманной дали мерещится ему корона...

Въ этихъ своихъ планахъ старый гетманъ находитъ себѣ вѣрную, безумно его любящую союзницу Матрену, дочь (по Готтшалю) полковника Искры. Что касается этой подруги Мазепы, авторъ предлагаетъ довольно интересную психологическую догадку, объясняющую непонятную, на первый взглядъ, страсть молодой дѣвушки къ сѣдому старцу. Матрена Готтшаля не обыкновенная „полковниківна"; она—рожденная для господства, съ инстинктомъ властвованія женщина, стремящаяся, вмѣстѣ съ Мазепой, къ осуществленію его грандіозныхъ, ослѣпляющихъ ее плановъ. Ради этихъ плановъ, обѣщающихъ корону ему и ей, она бросается на шею старому гетману, присягая „итти за его звѣздой". Казнь Искры, отданнаго Петромъ во власть Мазепы за доносъ на него, уничтожаетъ весь планъ. Матрена, руководимая чувствомъ мести, переходитъ на сторону враговъ Мазепы, заставляетъ Гордіенка (который любитъ ее) измѣнить своему гетману, вноситъ, благодаря этому, неувѣренность въ ряды сторонниковъ Мазепы и въ концѣ-концовъ приводитъ смѣло задуманный планъ къ катастрофѣ.

Сильное впечатлѣніе, оставляемое вообще драмой, ослабляется, къ сожалѣнію, совершенно ненужнымъ морализаторствомъ автора. Мазепа гибнетъ не потому, что „такъ

хотѣла судьба", а въ наказаніе за попранные законы морали, за пролитую кровь Искры, за то, что переступилъ черезъ трупъ.

Поспѣшивъ вывести на сцену въ угоду бюргерской публикѣ историческую Немезиду, авторъ забылъ, что исторія мститъ за ошибки, за слабость, за глупость, за нарушенія ея законовъ, но не законовъ человѣческихъ и абстрактной справедливости. Надѣлять историческую Немезиду человѣческими симпатіями и антипатіями, наказывая „порокъ" и поощряя „добродѣтель", значитъ вносить диссонансъ въ довольно удачную историческую концепцію самого же автора. Поэтому, драма ничего бы не проиграла, если бы авторъ не придумалъ для нея дешевой морали, которой снабжено каждое „rührendes Drama" берлинскихъ и вѣнскихъ кинотеатровъ.

Въ одномъ можно бы было еще упрекнуть Готтшаля. Еще Аристотель въ своей „Poetika" установилъ правило, что „развитіе и развязка фабулы должны происходить сами собою", безъ вмѣшательства Deus ex machina. Противъ этой заповѣди, кажется, и грѣшитъ нашъ авторъ.

Несмотря на нѣкоторыя указанія и намеки, пораженіе Мазепы приходитъ какъ-то совершенно неожиданно. Впрочемъ, можетъ быть, это и болѣе соотвѣтствуетъ исторической правдѣ...

Трагедія полна истинно-драматическихъ сценъ. Особенно интересна сцена, гдѣ Мазепа впадаетъ въ острый споръ съ царемъ. Она выясняетъ цѣли обоихъ будущихъ противниковъ и причины, благодаря которымъ разошлись ихъ дороги.

Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ этой сцены.

Петръ.

Духъ возмущенія
Живетъ въ степяхъ .....
.....
Межъ тѣмъ законъ одинъ желѣзный
Царить лишь долженъ въ нихъ!
.....Слушай меня, Мазепа!
Россія жертвуетъ и деньгами, и кровью,
Великихъ жертвъ я требую отъ ней:
Нужны мнѣ подати и новые солдаты
И ваши казаки должны ихъ такъ же дать...

.... О томъ лишь постарайся,
Чтобъ подати не показались люду
Ужъ черезчуръ тяжелыми...

Мазепа.

Боюсь, великій царь!
Твой слуга, на службѣ посѣдѣвшій,
Предостеречь хотѣлъ бы...

Но Петръ не даетъ гетману высказать своего взгляда на осуществимость его программы и, впадая въ ярость, послѣ выпитаго меду, кричитъ:

„Какъ этотъ медъ,
Такъ вашу я до дна свободу выпью
И чарку вдребезги!"

Послѣ этой сцены Мазепа принимаетъ Казимира Солданскаго, эмиссара Карла, и переходитъ на его сторону. Дальше мы присутствуемъ на „радѣ" (совѣтѣ) гетмана съ полковниками, на которой мысль Мазепы принимается съ воодушевленіемъ. Однако дальнѣйшіе свои планы Мазепѣ приходится исполнять безъ Матрены, покидающей его за казнь отца. Разбитый подъ Полтавой, Мазепа умираетъ, отравленный Матреной въ гротѣ пророчицы Горпыны, бывшей любовницы своей первой молодости. Мазепа умираетъ, печальный потому, что не видитъ никого подлѣ себя, кто бы могъ:

„den Traum.
Des Lebens mir von meiner Stirne küssen".

Передъ смертью, гетманъ бредитъ:

„О призракъ, призракъ!
Ты погубилъ меня, но все-же
Я для тебя лишь жилъ, страдалъ—и
Хоть и изъ могилы, хоть тѣнь твою
Искать я выйду снова".

Произведенія остальныхъ нѣмцевъ, посвященныя Мазепѣ, гораздо ниже по замыслу и исполненію. Слѣдуетъ отмѣтить среди нихъ Мая. Содержаніе его драмы „Der König der Steppe" то же, что и у Готтшаля: борьба гетмана за независимость края.

„Копье казака для защиты царскаго трона, и мечъ царскій для обороны нашей свободы. Вотъ все, что мы

должны одинъ другому",—такъ поясняетъ гетманъ свою программу, которую въ виду новыхъ намѣреній Петра онъ радикально измѣняетъ. Теперь этой программой становится „ein Königreich der Steppe" и корона для Мазепы.

„Королевство степей" оказалось чуднымъ миражемъ, и Мазепа гибнетъ, потерявъ и свое счастье, и свою любовь,— Наталью, отдающуюся своему жениху Голицыну.

Двухтомный романъ Мютцельбурга „Mazeppa" совершенно въ иномъ жанрѣ. Это—исторія авантюръ молодого шляхтича, рыцаря безъ страха и упрека въ духѣ средневѣковыхъ рыцарей, бьющихся за „правду и справедливость". Общій характеръ эпохи, отношенія шляхты къ хлопамъ и къ равнымъ себѣ описаны довольно удачно. Въ польской литературѣ многіе авторы занимались личностью Мазепы. Между прочимъ: F. Gawronski—„Pan Hetman Mazepa", Bohdan Zaleski—„Dumka Mazepy", W. Bogdanko—„Jan Mazepa" (драма).

Наиболѣе выдающейся является, конечно, драма Юліуша Словацкаго—„Mazepa". Мазепа Словацкаго—это тотъ же пажъ, котораго мы видѣли у Байрона, хитрый, отважный и благородный „казачій сынъ", готовый жертвовать жизнью для чести женщины, которой онъ даже не любитъ, и ради чести короля, котораго онъ презираетъ. Однако и у Словацкаго личность Мазепы не лишена извѣстныхъ чертъ демонизма: почти всѣ особы, съ которыми онъ приходитъ въ соприкосновеніе, гибнутъ, приведенныя къ смерти пустымъ капризомъ легкомысленнаго пажа...

Драма Словацкаго очень сценична. Писалось о Мазепѣ и на другихъ языкахъ. Между прочимъ по-чешски извѣстная мнѣ лишь по имени драма Іосифа Фрича „Ivan Mazepa".

Воспѣлъ Мазепу и шведскій писатель I. P. Wallin въ своемъ „Carl der tolffe" (1883 г.).

Англичанинъ, французъ, нѣмцы, поляки, чехъ, шведъ, не говоря уже объ украинцахъ и русскихъ, среди которыхъ находятся имена, извѣстныя всей читающей Европѣ, посвящали свой талантъ Ивану Мазепѣ [1]).

Всѣ они писали о Мазепѣ и объ Украинѣ. И, кто знаетъ, не были ли мы (еще недавно), тому небольшому знаком-

[1]) Интересно отмѣтить, что личность Мазепы привлекала къ себѣ вниманіе не только историковъ и вдохновляла не только поэтовъ; геніальный Листъ посвятилъ ему одну изъ личныхъ своихъ симфоній „Мазепа".

ству съ нашимъ краемъ, которое обнаруживала Европа, обязаны именно Мазепѣ? Еще 50 лѣтъ назадъ,—читаемъ у Вогюэ,—не было во Франціи ни одного школьника, который бы не зналъ Мазепы, олицетворяющаго для него весь громадный край, Украину, весь историческій народъ, казацкій народъ. Каждый разъ, какъ авторъ заговаривалъ съ кѣмъ-нибудь объ Украинѣ, ему непремѣнно отвѣчали: „Ah! oui, l'Ukraine, le pays de Mazeppa!".

Въ настоящее время въ русскомъ обществѣ Мазепа опять въ модѣ, къ сожалѣнію, не у поэтовъ... Не будемъ этому удивляться. Не лишь у французовъ эти два имени, Мазепа и Украина, такъ прочно ассоціированы, что нельзя, называя одно, не вспомнить другого. И, интересно, вся, указанная мною, литература о Мазепѣ даетъ намъ образъ не только самого гетмана, но и его края. И еще интереснѣе, какъ всѣ эти нѣмцы, французы, англичане и др. представляли себѣ эту Украину!

Гетманъ Украины, въ этихъ произведеніяхъ, не какой-нибудь простоватый властитель во вкусѣ, напримѣръ, Никиты Черногорскаго. Какъ я уже сказалъ, скорѣе напрашивается его сравненіе съ Валленштейномъ Шиллера. Цѣль, къ которой онъ стремится, это—„корона", „тронъ". Замѣчательно, что эти слова повторяются у каждаго (за однимъ исключеніемъ) изъ разсмотрѣнныхъ авторовъ.

И край, съ которымъ связаны его мечты, это—скорѣе какое-нибудь западно-европейское герцогство, чѣмъ далекое, въ мечтахъ лишь, „королевство степей". Въ описаніи, напр. батуринскаго замка, резиденціи Мазепы (у Готтшаля), въ отношеніяхъ между нимъ и полковниками, въ идеяхъ, ихъ одушевляющихъ, вы совсѣмъ не видите тѣхъ чертъ дикости и некультурности, которыми теперь такъ охотно надѣляютъ нашихъ предковъ многіе ученые и неученые историки. Легенда о „дичи гайдамацкой" и некультурности „бывшей Украины" явилась позже. Она возникла въ то время, когда изъ батуринскаго замка сдѣланы были каменоломни, когда богатыя культурныя сокровища, собранныя во дворцахъ гетмановъ, начали раскрадывать кто лишь хотѣлъ и могъ, когда Украина, какъ тотъ пажъ, связанная и скрученная, казалось, летѣла навстрѣчу неминуемой исторической смерти...

Въ то же время, о которомъ говорятъ названные мною авторы, было иначе. Но какое же значеніе—спроситъ читатель,—могутъ имѣть для насъ всѣ фантастическія предста-

вленія поэтовъ объ Украинѣ и Мазепѣ? Вѣдь это все „поэзія", а не историческая правда! Рискуя быть парадоксальнымъ, позволю себѣ утверждать, что, быть можетъ, въ этой „поэзіи" болѣе исторической правды, чѣмъ во многихъ томахъ научныхъ изслѣдованій. Вѣдь понятіе о какомъ-нибудь событіи, о какой-нибудь исторической личности у массы складывается не по книжкамъ. Оно, это понятіе, передаваемое лишь изъ устъ въ уста, отъ предковъ къ потомкамъ, мнѣніе современниковъ, извѣстной личности, очевидцевъ извѣстнаго событія. Поэтому въ свою оцѣнку минувшаго, масса приноситъ инстинктъ современника, которому видно то, чего не видно историку; для котораго настоящій смыслъ развивающихся событій выступаетъ иногда ярче, не затемненный безсознательною проэкціею настоящаго въ прошлое. Поэтому-то историки съ такимъ вниманіемъ изучаютъ эти свидѣтельства современниковъ: архивы, мемуары и пр. Поэтому-то и „поэзія" Байрона, Гюго, Готтшаля и др., находившихся въ своемъ творчествѣ подъ гипнозомъ взглядовъ современниковъ великой эпохи на нее самое и на ея главныхъ актеровъ, такъ важны и интересны для насъ. Не нужно вѣдь забывать, что для Байрона, писавшаго свою поэму въ 1818 г., и для Гюго, написавшаго свою въ 1828, эпоха Мазепы—недавнее прошлое! А кто знаетъ, съ какимъ упорствомъ держится народная психика разъ усвоенныхъ историческихъ представленій (напримѣръ, представленія на Западѣ о Россіи, какъ о странѣ „водки, казаковъ и нигилистовъ"), тотъ согласится со мною, что идеи о Мазепѣ (и Украинѣ), встрѣчаемыя въ западно-европейской литературѣ, возможно очень близки къ исторической правдѣ.

„Исторія, — говоритъ Вогюэ, — не дала ему короны, какъ онъ этого желалъ. Но поэзія одарила его, безъ его вѣдома, королевствомъ, болѣе завиднымъ, чѣмъ тѣ, которыми располагаетъ политика. Заслужила ли его эта загадочная личность?—спрашиваетъ онъ.—Не требуйте отвѣта исторіи. Его противники его ненавидѣли, но зато женщины его любили, церковь прокляла его, но поэты его воспѣли! А пока міръ будетъ такимъ, какимъ онъ есть теперь,—кончаетъ Вогюэ,—послѣднее слово въ немъ всегда будетъ принадлежать женщинамъ и поэтамъ"...

Дм. Донцовъ.

На ложномъ пути*).

(Письмо въ редакцію).

Украинское національное движеніе всегда и по справедливости гордилось своимъ широкимъ демократизмомъ, своею вѣрностью лучшимъ началамъ гуманизма. Національная исключиетльность и нетерпимость наблюдались въ немъ лишь какъ случайное проявленіе наименѣе зрѣлыхъ общественныхъ элементовъ.

Въ послѣдніе годы положеніе существенно измѣнилось. На украинское движеніе обрушился рядъ ударовъ, и самымъ тяжелымъ изъ нихъ былъ тотъ, который подорвалъ вѣру украинскаго общества въ дѣятельную помощь его національному дѣлу со стороны русскихъ оппозиціонныхъ элементовъ. Государственная Дума, на которую возлагалось столько надеждъ, не принесла намъ ничего не только въ качествѣ законодательнаго учрежденія, но и въ качествѣ трибуны. Украинскіе вопросы тщательно обходились ею, и даже такую несомнѣнную, давно наболѣвшую и, можно сказать, кровоточащую рану, какъ та, которую представляетъ собою состояніе низшаго народнаго образованія на Украинѣ, думская оппозиція не только не попыталась залѣчить, но и не сумѣла поставить на обсужденіе. Законопроектъ о преподаваніи въ украинскихъ начальныхъ школахъ на родномъ языкѣ населенія едва былъ намѣченъ и затѣмъ безславно погибъ въ комиссіи.

Но дѣло не только въ пассивномъ, малодѣятельномъ отношеніи прогрессивныхъ группъ русскаго общества къ украинскимъ нуждамъ. На-ряду съ этимъ украинцамъ пришлось и приходится выносить еще и яростную атаку, притомъ сразу съ двухъ сторонъ: со стороны дикой орды россійскихъ союзниковъ и націоналистовъ и, затѣмъ, со стороны вновь народившейся породы россійскихъ либераловъ, съ г. Струве во главѣ. Жестокія репрессіи противъ украинства,

---

*) Отвѣтъ С. Петлюры на письмо Ал. Саликовскаго будетъ напечатанъ въ слѣдующей книжкѣ „Украинской Жизни“.

вдохновляемыя русской національстической политикою, все тѣснѣе переплетаются въ представленіи украинцевъ съ той пропагандой якобы идейной борьбы съ нашимъ національнымъ движеніемъ, которая ведется въ ежемѣсячномъ органѣ русскихъ либераловъ, руководимыхъ г. Струве и г. Изгоевымъ.

Да не въ одномъ лишь нашемъ представленіи сливаются эти теченія, идущія изъ двухъ, казалось бы, столь различныхъ источниковъ. Они сливаются и на практикѣ: „Новое Время“ и его единомышленники справа радостно привѣтствуютъ выступленія противъ насъ г. Струве и выдаютъ ему лестныя аттестаціи, а органъ г. Струве въ это самое время, хотя и съ оговорками, но все-же недвусмысленно протягиваетъ руку цензурному чиновнику, выступившему въ свѣтъ отвратительный доносъ на украинское движеніе и его дѣятелей объемлемомъ въ нѣсколько сотъ страницъ. Это не вѣжественное въ научномъ отношеніи и отвратительное по своей моральной подоплекѣ произведеніе оказывается, по признанію сотрудника „Русской Мысли, ни болѣе, ни менѣе, какъ „энциклопедіею украинскаго вопроса“.

Едва ли нужно объяснять, какъ трудно украинцамъ сохранить въ атмосферѣ такого рода борьбы спокойствіе и безпристрастіе мысли,—вѣрность широкимъ началамъ идейной терпимости и слѣдованіе старымъ традиціямъ, объединявшимъ въ дружескомъ союзѣ дѣятелей украинскаго движенія съ представителями передовой части русскаго общества. Встрѣчая пассивность, безразличіе и, наконецъ, явную враждебность тамъ, гдѣ предполагалось найти сочувствіе и поддержку, украинцы невольно проникаются психологіей борьбы, сосредоточиваютъ все вниманіе и силы на отпорѣ нападенію и естественно воспринимаютъ начала нетерпимости. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта нетерпимость можетъ принимать—и дѣйствительно принимаетъ—формы, близкія къ шовинизму, т.-е. одностороннему и преувеличенному предоставленію о своихъ національныхъ достоинствахъ и не менѣе одностороннему и преувеличенному отрицанію положительныхъ качествъ во всемъ, что связано съ государственной національностью. Намъ приходилось слышать, что одинъ крупный русскій ученый, очень доброжелательно относящійся къ украинскому національному возрожденію и немало поработавшій для него, съ сожаленіемъ констати-

ровалъ, что въ психологіи его учениковъ-украинцевъ въ послѣдніе годы замѣчается тяжелый процессъ растущаго недовѣрія ко всему русскому и стремленіе обособиться въ тѣсно ограниченный кругъ своихъ національныхъ интересовъ. Устанавливая этотъ фактъ, почтенный ученый менѣе всего былъ склоненъ къ упрекамъ по адресу близкой ему молодежи, ибо прекрасно зналъ, гдѣ нужно искать объясненіе указаннаго болѣзненнаго процесса.

Но, конечно, объяснить далеко не всегда значитъ оправдать, и болѣзненный процессъ не превратится въ нормальное явленіе отъ того, что мы выяснимъ его происхожденіе и причины. Напротивъ, именно знаніе причинъ должно побудить тѣхъ, кто имъ располагаетъ, къ опредѣленной активной работѣ—къ стремленію устранить или, по крайней мѣрѣ, смягчить ихъ проявленіе. Углублять національный антагонизмъ, искать принципіальное оправданіе шовинизму и нетерпимости было бы, на мой взглядъ, очень плохой услугою національному дѣлу.

Мнѣ уже приходилось указывать на то, что въ прогрессивномъ русскомъ обществѣ, охватывающемъ самые разнообразные элементы, отъ крайне радикальныхъ до крайне умѣренныхъ, происходитъ въ настоящій моментъ довольно интенсивный и во всякомъ случаѣ очень серьезный по своимъ результатамъ процессъ дифференціаціи въ отношеніи къ національнымъ вопросамъ вообще и украинскому въ частности (см. мою статью „На поворотѣ“ въ № 12 „Украинск. Жизни“ за 1912 г.). Этотъ процессъ уже провелъ демаркаціонную линію въ русскомъ либерализмѣ, отдѣливъ въ сторону Струве опредѣленную интеллигентную группу. Остальная масса русскихъ прогрессисныхъ общественныхъ элементовъ, несомнѣнно, также дифференцируется въ различныхъ направленіяхъ и въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ выработаетъ разнаго объема національныя программы. Едва ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе, что среди этихъ программъ окажутся и очень близко подходящія къ тѣмъ, какія выдвигаются опредѣленными группами украинской интеллигенціи, которая, какъ извѣстно, также далеко не однородна по своимъ взглядамъ на задачи украинскаго движенія, на его ближайшіе этапы и конечныя цѣли. Въ подтвержденіе всего этого сошлемся хотя бы на усилившійся въ извѣстныхъ кругахъ русскаго общества инте-

ресъ къ идеямъ автономіи и федераціи и на ожидавшуюся въ этомъ направленіи активную работу нѣкоторыхъ представителей русскаго „либерализма“. Нужно при этомъ замѣтить, что самый этотъ архаическій терминъ пора было бы уже оставить, такъ какъ онъ совершенно не въ состояніи объединить все то, что подъ него стараются подвести со всяческими натяжками.

При такой ситуаціи вопросъ о взаимоотношеніяхъ русскаго и украинскаго общества оказывается далеко не столь простымъ, какъ это полагаютъ люди элементарнаго политическаго мышленія. Онъ требуетъ крайне внимательнаго и осторожнаго отношенія даже въ томъ случаѣ, если мы останемся въ области теоретической его трактовки. Если же мы перейдемъ къ практической политикѣ, т.-е. къ выясненію координаціи общественныхъ силъ, которая должна быть признана наиболѣе цѣлесообразной для совмѣстныхъ выступленій, то наша задача окажется еще болѣе сложной и трудной.

Мнѣ кажется, что съ такимъ положеніемъ дѣла очень мало считался авторъ статьи „Изъ русской печати“ напечатанной въ мартовской книгѣ „Украинской Жизни“, С. В. Петлюра. Высказывая вполнѣ естественное и, разумѣется, вполнѣ раздѣляемое всякимъ сознательнымъ украинцемъ негодованіе противъ извѣстныхъ выступленій г. Струве и возмутительной статьи г. Старосельскаго о книгѣ Щеголева, авторъ приходитъ далѣе къ общимъ заключеніямъ первостепенной важности, для которыхъ я, къ сожалѣнію, не могу подыскать ни логическихъ, ни тактическихъ основаній.

Существуетъ г. Струве и г. Старосельскій, и существуетъ русскій либерализмъ. Одно ли это и то же? Можно ли подставлять эти понятія одно взамѣнъ другого? Иначе говоря, можно ли отождествлять, какъ вполнѣ тождественныя по объему и содержанію, слова „либерализмъ“ и „г. П. Струве“?

Я полагаю, что никакого права мы на это не имѣемъ, и если читатель удостоилъ своимъ вниманіемъ предыдущія страницы этой замѣтки, то, вѣроятно, онъ со мною согласится. Между тѣмъ авторъ упомянутой статьи въ „Украинской Жизни“, начавъ со Старосельскаго и Струве, направляетъ затѣмъ всѣ заслуженные ими удары противъ р у с с к и х ъ л и б е р а л о в ъ в о о б щ е—безъ всякихъ изъятій и оговорокъ. Можетъ ли быть оправданъ такого рода пріемъ съ какой угодно точки зрѣнія? Не породитъ ли онъ въ

извѣстныхъ общественныхъ кругахъ справедливаго неудовольствія на незаслуженную обиду и сомнѣнія въ украинской корректности?

Но этого мало. Идя дальше къ этой полемикѣ съ „либерализмомъ", авторъ на мѣсто русскихъ либераловъ ставитъ уже весь русскій народъ!.. „Передъ нами,—говоритъ онъ,—совершающійся фактъ сдвига русскаго либерализма въ сторону великорусскаго націонализма, преслѣдующаго, совершенно не скрываясь, ясныя зоологическія цѣли. Объ этомъ надо помнить и изъ этого надо дѣлать опредѣленные выводы, которые должны расхолаживающимъ образомъ повліять на тѣхъ инородцевъ и въ частности украинцевъ, кто искренно до сихъ поръ заблуждался насчетъ природы русскаго либерализма... Былое, „доброе лицо" державной націи (курсивъ мой. А. С.) принимаетъ иной обликъ, а въ этомъ послѣднемъ вырисовываются острые зубы воинственной денаціонализаціи"...

Съ чувствомъ глубокаго недоумѣнія я выписалъ эти, на мой взглядъ, столь же отвѣтственныя, какъ и несправедливыя слова, но дальше слѣдуетъ нѣчто еще болѣе неожиданное. „Мы привѣтствуемъ,—говоритъ С. В. Петлюра,—и эту контентрацію враждебныхъ намъ силъ, и то творчество, которое ими проявляется при этомъ. Оно будетъ содѣйствовать тому же и среди насъ".

Въ такихъ случаяхъ принято говорить: „комментаріевъ не требуется". Я ихъ и не намѣренъ представлять; но я полагаю, что редакцію „Украинской Жизни" дана будетъ возможность мнѣ, бывшему ея члену, отмежеваться отъ такой точки зрѣнія. Я считаю ее не только ошибочной и вредной, но и едва ли умѣстной въ журналѣ съ тою программою и задачами, которыя были опредѣлены для „Украинской Жизни" при возникновеніи изданія.

Только это я и хотѣлъ сказать.

Ал. Саликовскій.

Ростовъ н/Д.

Изъ украинской прессы.

Студенческая молодежь и украинское возрожденіе [1]).

Однимъ изъ наиболѣе ощутительныхъ и опасныхъ послѣдствій той „ликвидаціи освободительнаго движенія“, которая происходила и еще не закончилась и до настоящаго дня, является опустошеніе высшей школы въ Россіи. Ее поставили въ такія условія, что цѣлый рядъ лучшихъ представителей профессорскихъ коллегій принужденъ былъ уйти, а тѣхъ, кто счелъ возможнымъ остаться на своемъ мѣстѣ до конца, выбрасываютъ силою одного за другимъ. Цѣлый рядъ университетовъ и другихъ высшихъ школъ превратился въ омерзительную пустыню, и едва только сохраняется еще академическій декорумъ. Такое опустошеніе угрожаетъ вообще Россіи неисчислимыми бѣдствіями и еще больше тѣмъ ея народностямъ, которыя теперь еще находятся въ стадіи развитія, собиранія своихъ національныхъ культурныхъ силъ, какъ, напр., мы, украинцы.

Прежнія репрессіи вырвали огромное количество академической молодежи, закрывъ навсегда передъ нею двери школы, бросивъ ее въ ссылку, принудивъ къ эмиграціи. Настоящее опустошеніе доканчиваетъ эту каинову работу, замѣнивъ талантливыхъ, серьезныхъ работниковъ разными министропослушными манекенами, замѣнивъ научную работу слушателей академической формалистикой, изученіемъ руководствъ къ экзаменамъ и т. п. Тратится время, уменьшается и притупляется вкусъ къ наукѣ ея суррогатами; академическая молодежь остается безъ научнаго и вообще безъ всякаго моральнаго руководства. И что же можетъ въ результатѣ дать обществу такая школа?

А между тѣмъ, антрактъ, переживаемый нами, не можетъ быть потеряннымъ временемъ. Рано или поздно, и, быть можетъ, гораздо раньше, чѣмъ кто-либо думаетъ,

---

1) Настоящая статья представляетъ собою переводъ статьи проф. М. Грушевскаго, помѣщенной въ новомъ органѣ „Украінський Студент“, подъ заглавіемъ „Завданнє дня“. Въ виду большого интереса вопроса считаемъ необходимымъ ознакомить съ ней читателей нашего журнала.

жизнь снова призоветъ всѣхъ, въ комъ живо общественное чувство, къ неотложному энергичному строительству, общественному, національному, политическому. Горе тѣмъ народамъ, тѣмъ коллективностямъ, у которыхъ, вмѣсто могучихъ рядовъ готовыхъ, сознательныхъ, энергичныхъ работниковъ найдутся только безплодныя жалобы о потерянномъ времени и оправданіе препятствіями. Судъ исторіи не признаетъ никакихъ „смягчающихъ обстоятельствъ" и считается только съ реальнымъ соотношеніемъ силъ.

Настоящее положеніе высшей школы и украинскаго студенчества въ ней, нужно сказать, къ сожалѣнію, не многое предвѣщаетъ будущему.

Украинская жизнь какъ-никакъ, а все-таки идетъ впередъ въ Россіи; однако, украинское студенчество слабо связано съ ней, стоитъ въ сторонѣ, оторвано въ значительной, можетъ быть, даже преобладающей части отъ интересовъ, какими живетъ украинское общество. Какой небольшой процентъ „сознательныхъ украинцевъ" среди молодежи, украинской по происхожденію. Какъ часто, за исключеніемъ единицъ,—немногихъ единицъ,—можно встрѣтить среди современной академической молодежи Россіи полное безразличіе къ украинской жизни и ея интересамъ, ко всему тому, чѣмъ живетъ и страдаетъ современный украинецъ. Они не читаютъ украинскихъ книгъ, не знаютъ украинскихъ журналовъ, и на удивленный вопросъ отвѣчаютъ, что они и ихъ товарищи не имѣютъ случая ихъ видѣть и читать,—какъ-будто нужно, чтобы какая-то таинственная сила положила имъ на столъ эти журналы и книги; на удивленный вопросъ относительно неосвѣдомленности въ какихъ-либо украинскихъ дѣлахъ они отвѣчаютъ, что не могутъ этого знать ибо для нихъ не читаютъ этого, и какъ единственную форму ознакомленія признаютъ какой-нибудь популярный рефератъ, который долженъ быть прочитанъ на указанную тему.

И выходитъ, такимъ образомъ, что все современное культурное движеніе, которое происходитъ въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ, часто съ такимъ самоотверженіемъ его дѣятелей, проходитъ мимо наиболѣе живой части нашего общества, на которую должны возлагаться всѣ его надежды, его будущность, прочность нашего національнаго возрожденія, жизни и прогресса.

Ясное дѣло, что никакая работа среди народа, никакое освѣдомленіе широкихъ массъ невозможно безъ кадра сознательной активной интеллигенціи, никакая агитаціонная или популяризаціонная работа не замѣнитъ потребности, острой потребности въ культурной производительности, и тутъ уже вся надежда будущаго лежитъ на кадрахъ академической молодежи. Между тѣмъ, разглядывая работниковъ на нивѣ нашей культуры, мы такъ мало видимъ прибыли за послѣднее десятилѣтіе; преобладаютъ работники предыдущаго столѣтія. И такъ мало занимаютъ мѣста, покинутыя тѣми, которые уже вышли изъ нашихъ рядовъ.

Измѣнится ли это къ лучшему?

Нужно, чтобы измѣнилось и измѣнить нужно самимъ, не ссылаясь на препятствія. Нужно, чтобы среди самого студенчества нашлась жизненная сила, активность, общественная и національная энергія.

Среди условій, гораздо худшихъ, когда университетскія лекціи буквально излагались по старымъ печатнымъ руководствамъ, когда рука администраціи висѣла надъ университетской жизнью несравненно больше и эта жизнь была еще болѣе сѣрой,—студенчество таило въ себѣ живыя силы, которыя били неудержимымъ ключомъ, давая импульсъ культурной, общественной жизни. Въ себѣ самомъ оно должно и теперь искать обновленія и возрожденія. Съ этой точки зрѣнія, спеціально для украинскаго студенчества, я придаю большое значеніе студенческому органу и искренно привѣтствую его отъ всего сердца.

Пусть онъ будетъ сильнымъ импульсомъ для подъема общественныхъ, культурныхъ, національныхъ интересовъ среди академической молодежи. Пусть поможетъ ея объединенію, организаціи. Пусть свяжетъ, какъ можно сильнѣе, какъ можно болѣе живо, украинское студенчество съ жизнью, стремленіями, интересами украинскаго прогрессивнаго общества и внесетъ новый, живой и дѣятельный элементъ въ кадры украинскаго возрожденія, обезпечивая лучшее будущее нашему народу.

М. Грушевскій.

Український Студент. Збірник І. С.-Петербург, 1913 р. Ціна 30 коп., з пересилкою 35 коп.

Передъ нами новый органъ, уже давно жданный, мечта о которомъ уже съ давнихъ поръ носилась въ средѣ украинскаго студенчества. „Український Студент" ставитъ задачей объединить „распыленныя" силы нашей молодежи, придать болѣе планомѣрный и систематическій характеръ тому броженію мыслей, той работѣ, оживленіе которой въ средѣ украинской молодежи несомнѣнно становится замѣтнымъ въ послѣднее время. Органъ долженъ стать выразителемъ думъ, чаяній и стремленій современной украинской студенческой молодежи.

Съ этой точки зрѣнія, нужно привѣтствовать созданіе такого органа, отвѣчающаго вполнѣ назрѣвшей потребности, ибо только живой обмѣнъ мыслей, ясная постановка задачъ и стремленій сможетъ устранить одно изъ основныхъ золъ современнаго намъ этапа украинскаго возрожденія: недостатокъ дифференціаціи въ средѣ различныхъ теченій украинской жизни, наличность, особенно среди молодежи, многихъ колеблющихся, слабыхъ, нерѣшительныхъ, еще не уяснившихъ себѣ окончательно, куда идти, къ какому берегу пристать. Въ одну сторону тянутъ какіе-то смутные, еще не оформившіеся, не осознанные инстинкты и тамъ еще нужно интенсивно бороться, что-то создавать,—на другой же сторонѣ—уже имѣется готовый запасъ и культурныхъ цѣнностей, и отвѣтовъ на проклятые вопросы. Возникаетъ идейный кризисъ, особенно остро и мучительно переживаемый современной молодежью.

И въ этомъ отношеніи на долю органа украинскаго студенчества выпадаетъ благодарная задача—выяснить идейные пути, намѣтить средства для устраненія душевнаго разлада и толкнуть на вѣрный путь колеблющихся. Нами указанъ только одинъ изъ многочисленныхъ больныхъ вопросовъ, волнующихъ украинское студенчество. А за нимъ выдвигается еще цѣлый рядъ другихъ: задачи студенческихъ „громад", національная работа среди нашего студенчества и т. п.

Обратимся теперь къ содержанію перваго выпуска „Українськаго Студента", чтобы убѣдиться, насколько онъ сможетъ удовлетворить потребностямъ и запросамъ украинской молодежи.

Книжка открывается вступительной редакціонной стать-

ей, которая во главу угла ставитъ два ниболѣе актуальныхъ вопроса для современнаго украинскаго студенчества: первый, это—подготовка къ предстоящей общественной работѣ и второй—работа организаціонная. Какъ бы конкретнымъ подтвержденіемъ жгучей актуальности указанныхъ вопросовъ для украинскаго студенчества является слѣдующая статья, въ видѣ передовицы, рисующая то состояніе, какое царитъ въ студенческихъ громадахъ С.-Петербурга. Основная мысль статьи сводится къ тому, что украинское студенчество не живетъ своей собственной, внутренней жизнью; оно есть не болѣе какъ „сколокъ“ съ россійскаго студенчества, ибо не только періоды подъема и упадка, но все содержаніе жизни послѣдняго украинцы-студенты, какъ бы по закону подражанія, повторяютъ; собственная же культурная жизнь бѣдна оригинальностью; безъ широты и интенсивности, она лишена яркихъ чертъ и носитъ случайный характеръ. Основной выводъ, къ какому приходитъ статья, это то, что студенты-украинцы „не мали і не мають ніякої сістеми в провадженню праці. Праця ся здебільшого відірвана від життя“.

Не останавливаясь на небольшой, но интересной статьѣ проф. М. Грушевскаго, съ содержаніемъ которой читатели „Украинской Жизни“ ознакомятся по переводу, помѣщенному въ этой же книжкѣ, перейдемъ къ слѣдующимъ статьямъ. Коренного вопроса о задачахъ студенческихъ громадъ касается статья Е. Нероновича „Безъ грунту“. Разнородность элементовъ, составляющихъ „громади“, различный уровень ихъ сознательности въ національномъ отношеніи вызываетъ необходимость выработки программы для привлеченія новыхъ адептовъ украинства.

Г. В. Підгаецкій въ статьѣ „Де-кілька практичних уваг до праці студента-українца“, даетъ любопытныя замѣчанія, относящіяся уже до конкретизаціи, намѣченныхъ въ предшествующей статьѣ основъ дѣятельности „громадъ“.

Статья г. О. Ковалевскаго „Наша молодь та ії найблизчі завдання“ содержитъ въ себѣ много информаціоннаго матеріала, дающаго представленіе о характерѣ той работы, какая ведется въ большинствѣ студенческихъ украинскихъ организацій.

Анализу и освѣщенію прошлаго украинскаго студенческаго движенія посвящены двѣ статьи: Стараго студента—

„З минулого українського студентського руху“ и М. Сироты,—„Сторінки минулого, та завдання сучасного“.

Борьба за украинскій университетъ, такъ обострившаяся за послѣднее время, разсмотрѣна въ статьѣ М. Карбовскаго „Українська студентьска молодь та університетська справа“.

Уже одинъ бѣглый обзоръ статей, помѣщенныхъ въ „Українському Студенті“, свидѣтельствуетъ о томъ, что откликаются онѣ на вопросы жизненые и близкіе украинской молодежи, и, можно думать, что послѣдняя, разсѣянная по разнымъ центрамъ съ полнымъ сочувствіемъ и интересомъ отнесется къ народившемуся органу.

Несмотря, однако, на интересъ и жизненность помѣщеннаго матеріала, „Український Студент“ не свободенъ и отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, которые, быть можетъ, коренятся въ самомъ характерѣ органа, выходящаго не періодически, а въ видѣ сборниковъ.

Совершенно справедливо указывается въ редакціонной статьѣ на желательность „ідейних стосунків з нашими галицькими товаришами, знайомости з іхнім життем“... Тѣмъ не менѣе, для выполненія этого пожеланія въ настоящей книжкѣ сдѣлано очень мало, если не считать двухъ небольшихъ корреспонденцій: изъ жизни украинскихъ студентовъ въ Вѣнѣ и изъ жизни теребовльскихъ гимназистовъ въ Галиціи.

Хроника внутренней жизни украинскихъ студенческихъ организацій также не отличается, столь необходимой въ данномъ случаѣ полнотой и обстоятельностью.

Отдѣлъ „Бібліографія“ также производитъ впечатлѣніе чего-то случайнаго. Конечно, всѣ эти недочеты легко устранимы во второмъ выпускѣ „Українського Студента“, который, надѣемся, не замедлитъ своимъ появленіемъ, ибо органъ этотъ нужный и полезный для дѣла національнаго возрожденія.

И. Л.

На Украинѣ и внѣ ея.

За мѣсяцъ.*)

Отголоски шевченковскаго «свята». 30-го марта въ Нижнеднѣпровскѣ, Екатеринославской губ., состоялось чествованіе памяти Т. Г. Шевченка въ столовой мастерскихъ. Вступительное слово произнесъ г. Д. Дорошенко. Въ своей рѣчи онъ далъ краткій очеркъ историческаго развитія жизни украинскаго народа и отмѣтилъ значеніе Шевченка въ культурно-національномъ возрожденіи Украины.

Послѣ рѣчи состоялся концертный отдѣлъ вечера, въ которомъ, между прочимъ, пѣлъ хоръ подъ управленіемъ г. Романскаго, игралъ на бандурѣ г. Яворенко и декламировали г-жи Н. Дорошенко и г. Паренко.

Присутствовали на вечерѣ преимущественно рабочіе.

Собраніе шевченковскаго объединеннаго комитета. 12-го апрѣля, по сообщеніе «Рады», состоялось собраніе объединеннаго шевченковскаго комитета. Изъ лицъ, намѣченныхъ въ составъ жюри на предыдущемъ собраніи, пока что прислали свое согласіе гг. Бѣляшевскій, Лизогубъ и Фоминъ. Отказался отъ участія въ жюри г. Тимошенко; отъ художника А. Бенуа отвѣта не получено.

Постановлено, вмѣсто отказавшихся, пригласить художн.: Архипова, Свѣтославскаго и акад. Беклемишева.

Принято къ свѣдѣнію заявленіе Харьковскаго Художественнаго кружка относительно приглашенія участниковъ именного конкурса. Рѣшено пригласить къ участію въ именномъ конкурсѣ слѣдующихъ скульпторовъ: Волнухина, Андреева, Шервуда и Гаврилка.

Памятникъ на могилѣ М. Л. Кропивницкаго. «Южный Край» сообщаетъ, что семья покойнаго артиста рѣшила поставить на его могилѣ надгробный памятникъ (въ маѣ или іюнѣ), такъ какъ собрана незначительная сумма денегъ, каковой нехватитъ на устройство памятника въ общественномъ мѣстѣ.

Юбилей украинской писательницы. 4-го апрѣля въ Екатеринославѣ отпразднованъ 25-лѣтній юбилей литературно-артистической дѣятельности писательницы г-жи Т. Сулимы-Бычихиной. Въ театрѣ Коммерческаго собранія была поставлена пьеса юбилярки: «Дячиха». Прочитаны были многочисленныя привѣтствія и адреса. Чествованіе писательницы отличалось теплотой и задушевностью.

---

*) По независящимъ отъ редакціи причинамъ хроника „За мѣсяцъ“ появляется въ сокращенномъ видѣ.

Концертъ памяти Н. В. Лисенка. 25-го марта въ Полтавѣ состоялся концертъ памяти Н. В. Лисенка, устроенный обществомъ «Боянъ». Передъ началомъ концерта В. А. Щепотьевъ прочиталъ лекцію: «Н. В. Лисенко, его жизнь и художественное творчество».

Разсказавши картинно біографію и тѣ жизненныя условія, среди которыхъ выросъ славный композиторъ, лекторъ болѣе подробно остановился на его музыкально-художественномъ творчествѣ; онъ указалъ на то, что ни одинъ народъ не имѣетъ такихъ собраній народныхъ пѣсенъ какъ сборники Лисенка. Лекторъ также ярко очертилъ его композиторскую дѣятельность, указывая на рядъ опереттъ, оперъ и другія композиціи, представляющія большую художественную цѣнность. Послѣ лекціи состоялось музыкальное отдѣленіе, въ которомъ особенное вниманіе публики привлекло исполненіе нигдѣ не напечатаннаго «Гімна Геліосу изъ оперы «Сапфо».

Конфискація брошюръ на украинскомъ языкѣ. Опубликовано офиціально, что, согласно постановленію кіевской судебной палаты, утвержденъ арестъ на брошюру на украинскомъ языкѣ «Луі де-Брукеръ. Партія та професіональні спілки».

Брошюра переведена съ французскаго языка съ предисловіемъ Л. Юркевича и выпущена издательствомъ «Шлях».

Обыски среди украинцевъ. Въ Курскѣ, какъ сообщаетъ «Рада», по распоряженію губернской жандармской полиціи произведены массовые обыски среди мѣстныхъ украинцевъ. Полиція внимательно просматриваетъ все найденное, отбираетъ украинскія газеты, книги и даже открытки. Евангеліе на украинскомъ языкѣ также подверглось конфискаціи. Какъ говорятъ, обыски предприняты вслѣдствіе доноса на мѣстныхъ украинцевъ.

Къ вопросу объ изученіи славянскихъ языковъ. Краковское Towarzystwo Slowianskie, въ виду возрастающаго интереса къ изученію славянства, выпустило воззваніе, въ которомъ приглашаетъ своихъ соотечественниковъ къ изученію языковъ и нарѣчій своихъ соплеменниковъ. Въ этомъ воззваніи отмѣчается то, что краковскій университетъ имѣетъ четыре лектора: чешскаго и сербо-хорватскаго языка (д-ръ Грабовскій), украинскаго (проф. Б. Лепкій) и русскаго (д-ръ Яновскій). Теперь общество хочетъ открыть курсъ болгарскаго языка, читать который собирается д-ръ Ленардъ, и приглашаетъ молодежь записываться на эти курсы славянскихъ языковъ; начинаются они съ 15 апрѣля (н. ст.).

Новое товарищество на вѣрѣ «Украінській Технік». 23-го марта въ кіевскомъ клубѣ «Родина» состоялось учредительное собраніе товарищества «Украінській Технік». Задачей новаго общества является изданіе и продажа книгъ, брошюръ и журналовъ по вопросамъ техники и промышленной жизни. Кромѣ того, общество можетъ содержать техническія бюро, открывать склады, магазины, организовывать конторы и другія прмышленно-техническія предпріятія; товариществу также принадлежитъ право открытія филіальныхъ отдѣленій.

Въ составъ товарищества входятъ полные товарищи, которые распоряжаются всѣми его дѣлами, и вкладчики, имѣющіе только совѣщательный голосъ. Пай—10 р.

Уставъ товарищества печатается и можетъ быть разосланъ всѣмъ желающимъ.

Адресъ бюро т-ва: Кіевъ, Столыпинская, 60, кв. 12. Завѣд. бюро инж. С. М. Шемету.

Новое общество «Украинскій агроном». По сообщенію «Р і л л і» (№ 9) 21-го февраля состоялось первое общее собраніе агрономическаго общества «Украинскій агроном». Общество имѣетъ промышленно-агрономическій характеръ. Главная его цѣль состоитъ въ томъ, чтобы оказать помощь земледѣльцамъ и работникамъ-агрономамъ популярными изданіями, летучими листками и журналомъ; кромѣ того общество предполагаетъ открыть склады, агрономическаго бюро, справочныя и консультаціонныя конторы. Общество издаетъ журналъ «Ріллю» и другія изданія, которыя имѣютъ перейти къ нему по особому соглашенію.

На этомъ собраніи присутствовали преимущественно агрономы-сотрудники «Ріллі». Предсѣдателемъ собранія избранъ былъ Е. Х. Чикаченко.

Послѣ обсужденія устава о-ва и нѣкоторыхъ организаціонныхъ вопросовъ собраніе ознакомилось съ дѣлами журнала и издательства «Рілля». Матеріальная сторона дѣла признана вполнѣ удовлетворительной; съ такими средствами общество можетъ продолжать работу съ полнымъ успѣхомъ. Послѣ отчета о матеріальномъ положеніи собраніе постановило принять всѣ долги, обязательства издательства и пріобрѣтенное имущество.

Далѣе собраніе избрало правленіе и совѣтъ общества. Въ правленіе избраны: А. Г. Терниченко, М. П. Приходько и З. М. Шевченко; въ совѣтъ—агр. С. М. Розовъ, Л. М. Воиновъ, М. Байеръ, П. І. Гавсѣвичъ и О. І. Русановъ. Послѣ выборовъ собраніе посвятило немало вниманія обсужденію будущей дѣятельности общества. Выяснилось, что передъ обществомъ стоятъ столь широкія задачи, что общество должно не суживать свою дѣятельность, а все привлекать новыхъ членовъ и большія средства. Въ теченіе настоящей весны и лѣта рѣшено издать нѣсколько книжекъ,—маленькихъ и большихъ,—начать болѣе широкую агрономическую работу и, насколько будетъ возможно, сорганизовать и заинтересовать агрономовъ-сотрудниковъ, знакомя ихъ съ цѣлями и задачами общества.

Общество «Украинскій агрономъ» основано «на вѣрѣ», нотаріальнымъ порядкомъ. Оно состоитъ изъ членовъ и вкладчиковъ; для обѣихъ категорій пай—25 р. Пай этотъ можно уплачивать въ теченіе года. Дѣйствительные члены отвѣчаютъ имуществомъ своимъ, если въ обществѣ произойдетъ растрата, а вкладчики рискуютъ только своими взносами (паями). Новыхъ членовъ общество принимаетъ по заявленію. На этомъ собраніи было еще постановлено: обратиться къ украинскимъ агрономамъ, агрономическимъ старостамъ, инструкторамъ и спеціалистамъ принять уча-

стіе въ общей работѣ, обмѣниваясь мыслями, замѣтками и статьями при посредствѣ журнала. Рѣшено также просить всѣхъ должниковъ издательства «Рілля» не медлить съ высылкой денегъ въ контору издательства.

Украинскій худож.-архитектурный отдѣлъ харьковскаго лит.-худ. кружка. О дѣятельности названнаго отдѣла, знакомой уже отчасти нашимъ читателямъ (см. «Украинская Жизнь», январь 1913 г., стр. 119—120), находимъ дальнѣйшія свѣдѣнія въ елисаветградской газетѣ «Голосъ Юга» (№ 85).

Судя по первымъ шагамъ отдѣла, можно ожидать,—говоритъ газета,—отъ его дѣятельности огромныхъ результатовъ.

Изъ отчета отдѣла видно, что дѣятельность группы лицъ, образовавшихъ въ концѣ ноября прошлаго года украинскій художественно-архитектурный отдѣлъ, началась незадолго до образованія отдѣла. Началась она тѣмъ, что упомянутая группа лицъ составила и послала въ Императорское московское археологическое общество коллективное ходатайство о прекращеніи ремонтныхъ работъ въ харьковской церкви Рождества Христова, искажавшихъ первоначальныя старинныя формы храма и о возстановленіи этой церкви въ прежнемъ видѣ. Ходатайство это имѣло полный успѣхъ, и, благодаря воздѣйствію московскаго археологическаго общества, не только пріостановлено было дальнѣйшее веденіе начатыхъ работъ, но и сдѣланное уже предписано передѣлать такъ, чтобы прежнія формы церкви были въ точности возстановлены, а наблюсти за правильнымъ выполненіемъ этого распоряженія предложено епархіальному архитектору. Желая обезпечить на будущее время отъ измѣненій другой цѣнный образчикъ старинной архитектуры въ Харьковѣ, Покровскій соборъ мѣстнаго монастыря, отдѣлъ просилъ московское археологическое общество принять подъ свое покровительство этотъ памятникъ старины. Вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣлъ ходатайствовалъ о сохраненіи предназначенной къ сломкѣ старой Каплуновской церкви (что на Пушкинской улицѣ), построенной 73 года тому назадъ и имѣющей несомнѣнно художественную цѣнность. На случай, если сохранить эту церковь окажется невозможнымъ, отдѣлъ просилъ археологическое общество воздѣйствовать на епархіальное начальство въ томъ смыслѣ, чтобы сдѣланы были точные обмѣры упомянутой церкви и составленные по этимъ обмѣрамъ чертежи переданы были для храненія въ какой-либо изъ мѣстныхъ музеевъ. Московское археологическое общество въ отвѣтъ на послѣднее ходатайство затребовало дополнительныя фотографіи нѣкоторыхъ фасадовъ и внутренняго вида старой Каплуновской церкви, каковыя фотографіи отдѣломъ и были отосланы въ декабрѣ прошлаго года, но окончательнаго отвѣта отъ археологическаго общества до сихъ поръ не получено. Не ограничиваясь охраненіемъ памятниковъ старины, находящихся въ самомъ Харьковѣ, отдѣлъ постановилъ собрать свѣдѣнія о таковыхъ же памятникахъ внѣ Харькова, вблизи его. По порученію отдѣла членомъ его А. А. Николаевымъ составленъ, на основаніи надежнаго источника, списокъ церквей харьковской

епархіи, построенныхъ сто и болѣе лѣтъ тому назадъ. Въ списокъ этотъ вошло болѣе двухсотъ церквей. Отдѣлъ предполагаетъ произвести постепенно осмотръ этихъ церквей съ цѣлью опредѣлить художественную цѣнность каждой изъ нихъ и, сообразно этой цѣнности, принять мѣры къ сохраненію ихъ отъ измѣненій.

Полтавское губернское земство, предполагая устроить въ ближайшемъ будущемъ школу рисованія съ цѣлью улучшенія кустарныхъ производствъ, обратилось въ концѣ прошлаго года къ члену (нынѣ предсѣдателю) отдѣла С. И. Васильковскому съ просьбою дать по этому дѣлу свое заключеніе, а также составить планъ преподаванія въ этой школѣ и приблизительную смѣту на ея содержаніе. Это ходатайство полтавскаго земства было внесено С. И. Васильковскимъ на разсмотрѣніе отдѣла. Отдѣломъ выработанъ былъ планъ преподаванія въ школѣ и краткая смѣта на содержаніе ея; то и другое вмѣстѣ съ заключеніемъ отдѣла препровождено члену полтавской губернской земской управы Е. Е. Саранчову.

Въ ноябрѣ прошлаго года отдѣлъ призналъ нужнымъ отвѣтить на помѣщенную въ № 9 1912 г. журнала «Украинская Жизнь» статью г-на А. Л. «Украинскій архитектурный стиль» статьей А. М. Варяницына, напечатанной въ январской книжкѣ 1913 г. того же журнала.

Членъ отдѣла С. П. Тимошенко въ декабрѣ 1912 г. принималъ участіе, какъ членъ жюри, въ разсмотрѣніи представленныхъ на третій конкурсъ проектовъ памятника Шевченко. Здѣсь онъ убѣдился въ полной невозможности получить удовлетворительный результатъ объявленія еще новыхъ подобныхъ конкурсовъ, въ виду чего имъ предложено комитету устроить именной конкурсъ, т.-е. обратиться къ нѣсколькимъ наиболѣе извѣстнымъ архитекторамъ-художникамъ и скульпторамъ съ предложеніемъ сдѣлать за извѣстное вознагражденіе эскизный проектъ или модель памятника, и изъ полученныхъ такимъ образомъ работъ жюри, которое должно быть вполнѣ компетентнымъ,—выбрать проектъ, наиболѣе отвѣчающій заданію. Предложеніе это было принято комитетомъ по постройкѣ памятника.

Желая почтить память умершаго композитора Лысенко, отдѣлъ рѣшилъ принять участіе въ постановкѣ надгробнаго памятника на могилѣ покойнаго. Участіе это выразилось въ объявленіи конкурса на составленіе эскизнаго проекта (въ украинскомъ стилѣ) памятника на могилѣ Н. В. Лысенко въ Кіевѣ, причемъ за относительно лучшіе проекты были назначены изъ средствъ отдѣла три преміи (100, 75 и 50 р.).

Доставлено было на конкурсъ 12 проектовъ: 9 архитектурныхъ, 2 рисунка и 1 скульптурный (изъ Петербурга, Москвы, Кіева, Харькова и Галиціи). Въ составъ жюри вошли: С. И. Васильковскій, В. В. Величко, А. М. Варяницынъ, Н. М. Уваровъ и М. А. Беркосъ. Приглашенные эксперты изъ Кіева не прибыли. По разсмотрѣніи проектовъ присуждены: 1-я премія проекту подъ девизомъ «Око»; 2-я премія—«Славенъ есть»; 3-я премія—«Скрипичный ключъ» и пріобрѣтенъ, согласно § 6 условій кон-

курса, проектъ подъ девизомъ «вiн не вмер». По вскрытiи конвертовъ оказалось: 1-я премія—гражд. инж. С. П. Тимошенко; 2-я премія—худож. К. Н. Жукова; 3-я премія—худож. П. В. Соколова и пріобрѣтенъ проектъ худож. В. К. Троценко.

Вслѣдъ за объявленіемъ этого конкурса отдѣлъ имѣлъ въ виду объявить второй—на составленіе проектовъ школьныхъ зданій. Программа и условія послѣдняго конкурса, выработанныя членами отдѣла С. П. Тимошенко и А. О. Линникомъ, были разсмотрѣны и утверждены отдѣломъ, но состояніе денежныхъ средствъ отдѣла заставило отложить на нѣкоторое время объявленіе этого второго конкурса.

Одно изъ декабрьскихъ засѣданій отдѣла посвящено было разсмотрѣнію рисунковъ маіоликовыхъ украшеній на фасадѣ строящагося харьковскаго художественнаго училища. Составитель этихъ рисунковъ, членъ отдѣла К. Н. Жуковъ, пожелалъ до представленія ихъ на утвержденіе строительной комиссіи выслушать мнѣніе отдѣла. При демонстрированіи рисунковъ К. Н. Жуковъ высказалъ нѣсколько мыслей объ украшеніи орнаментомъ наружныхъ стѣнъ строеній вообще и о характерѣ орнамента въ данномъ случаѣ.

Желая ознакомить возможно обстоятельнѣе и полнѣе публику и спеціалистовъ съ мало еще извѣстнымъ украинскимъ стилемъ, отдѣлъ предпринялъ устройство архитектурной выставки, посвященной исключительно украинскому зодчеству, какъ древнему, такъ и современному, каковая выставка, названная «первою выставкою украинскаго зодчества», и была открыта въ особо нанятомъ помѣщеніи 26-го января текущаго года. На выставкѣ были экспонированы фотографическіе снимки, рисунки, наброски и чертежи, представляющіе какъ памятники старинной украинской архитектуры, такъ и новѣйшія работы того же характера, а равно и внутреннее убранство помѣщеній и проекты построекъ еще не выполненныхъ. Выставка привлекла 26 экспонентовъ, доставившихъ въ общей сложности до 400 номеровъ. Закрыта была 10-го февраля с. г. Въ связи съ этою же выставкою предположено было прочтеніе однимъ изъ членовъ отдѣла публичной лекціи о характерныхъ чертахъ украинскаго стиля, но нѣкоторыя неустранимыя обстоятельства заставили отложить это чтеніе до 28-го февраля. Въ этотъ день членомъ отдѣла К. Н. Жуковымъ прочтенъ былъ въ помѣщеніи литературно - художественнаго кружка рефератъ объ украинской архитектурѣ, сопровождавшійся демонстрированіемъ на экранѣ снимковъ и пояснительныхъ чертежей.

Сочувствуя цѣлямъ и задачамъ недавно образовавшагося въ С.-Петербургѣ общества защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины, отдѣлъ вступилъ въ началѣ этого года въ это общество въ качествѣ члена его.

Отдѣлъ предполагаетъ принять участіе въ открывающейся 15-го мая с. гг всероссійской выставкѣ въ г. Кіевѣ, и поэтому поводу въ настоящее время ведется переписка съ выставочнымъ комитетомъ.

Передъ закрытіемъ «первой выставки украинскаго зодчества» члены отдѣла пришли къ рѣшенію воспользоваться собраннымъ на этой выставкѣ значительнымъ архитектурнымъ матеріаломъ и, сдѣлавъ изъ него тщательный выборъ, издать наиболѣе интересныя вещи въ видѣ «альбома украинскаго строительства». Впослѣдствіи признано необходимымъ дополнить изъ другихъ источниковъ взятый съ выставки матеріалъ. Окончательному выбору подлежащихъ воспроизведенію вещей, выясненію объема и характера изданія и приблизительному исчисленію стоимости его были посвящены послѣднія февральскія засѣданія отдѣла.

Отъ музея «Наукового товариства імени Шевченка» во Львовѣ. Съ праздникомъ Пасхи тѣсно связанъ интересный и распространенный на всей Украинѣ обычай раскрашивать п и с а н к и. Обычай этотъ, берущій свое начало изъ сѣдой старины, изслѣдованъ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, очень мало, хотя онъ могъ бы раскрыть передъ нами не одну любопытную страницу изъ духовной жизни нашихъ предковъ,—ихъ вѣрованій, понятій, взглядовъ на окружающія явленія природы, могъ бы познакомить насъ съ сохранившимися до нашего времени, характеромъ и образомъ жизни.

Причиною этого являлось то, что до сихъ поръ собрано такъ мало сырого матеріала, на основаніи котораго можно было бы дѣлать общіе выводы и представить полный и обстоятельный очеркъ этого обычая.

Совсѣмъ мало также сдѣлано у насъ для изслѣдованія и использованія богатаго и художественнаго орнамента писанокъ, что имѣетъ большое значеніе и интересъ какъ съ точки зрѣнія археологической и культурно-исторической, такъ равно съ этнографической и художественной.

Очевидно, что соотвѣтствующее изслѣдованіе орнамента писанокъ станетъ осуществимымъ только тогда, когда будетъ собрано значительное ихъ количество въ коллекціяхъ, доступныхъ для изученія въ публичныхъ учрежденіяхъ и со всей мѣстности нашей земли.

Научное общество имени Шевченка уже два раза обращалось къ обществу съ горячимъ призывомъ помочь ему въ дѣлѣ собиранія писанокъ и матеріала, необходимаго для уясненія связанныхъ съ ними обычаевъ. И нужно констатировать, что украинское общество откликалось на эти призывы, хотя, быть можетъ, не въ такой степени, какъ можно было надѣяться, принимая во вниманіе интересъ и значеніе этого дѣла.

Послѣдній разъ «Науковое товариство» обращалось съ призывомъ относительно писанокъ въ 1911 году, и результатомъ такого помѣщеннаго въ газетахъ обращенія было то, что въ музей «Товариства» поступило новое значительное количество писанокъ. Къ сожалѣнію, однако, не всѣ приславшіе эти писанки считали нужнымъ привести обстоятельно названіе мѣстности, откуда они доставлены, названіе орнамента и другія важныя свѣдѣнія, благодаря отсутствію которыхъ сильно понижается научная цѣнность коллекцій.

Поэтому правленіе музея «Наукового товариства імени Шевченка», возобновляя въ связи съ праздникомъ Пасхи свою горячую просьбу ко всѣмъ тѣмъ, кому близки интересы культуры нашего народа и ея развитія, присылать въ музей писанки, считаетъ необходимымъ дать гг. собирателямъ слѣдующія указанія въ дѣлѣ собиранія и пересылки писанокъ.

1. На отдѣльномъ листкѣ бумаги, размѣромъ около ¼, необходимо записать полностью: а) село (мѣстечко), уѣздъ (или городъ), гдѣ изготовлена писанка; б) если возможно, имя, фамилію, возрастъ, занятіе и степень образованія лица, рисовавшаго писанку; в) время (годъ, а то и болѣе подробно), когда изготовлена писанка; г) названіе орнамента этой писанки и составныхъ частей ея орнамента (помѣщенныхъ на ней геометрическихъ фигуръ, разныхъ предметовъ и т. п.); д) какими красками расписана писанка, купными или домашняго приготовленія? Какъ называются и изъ чего приготовлены употребляемыя для того краски? Какъ называются въ указанной мѣстности цвѣта этой писанки; е) является ли орнаментъ присланной писанки общераспространеннымъ въ данной мѣстности или, можетъ быть, новаго происхожденія (въ такомъ случаѣ—когда и откуда онъ позаимствованъ), или, наконецъ, является ли онъ такимъ, какого уже не употребляютъ въ этой мѣстности; ж) имя, фамилія и занятіе лица, прислвшаго (или подарившаго въ музей писанку. 2. Въ упомянутый листокъ бумаги нужно завернуть соотвѣтственную писанку; писанки запаковать въ прочный деревянный ящикъ, устланный чѣмъ-либо мягкимъ, или пересыпать ихъ опилками и переслать почтой по адресу: «Музей Наукового товариства імени Шевченка», ул. Чарнецького, ч. 24, у Львові (Lemberg, Österreich—Австрія).

3. Отдѣльнымъ письмомъ увѣдомить правленіе музея о посылкѣ и указать, являются ли писанки даромъ пославшаго или онъ желаетъ возврата денегъ за пересылку, упаковку или за писанки и въ какой суммѣ.

Правленіе музея проситъ принять къ свѣдѣнію, что всѣ расходы на пересылку, упаковку и т. п. оно готово возвратить всѣмъ, кто этого пожелаетъ, и посему проситъ всѣхъ тѣхъ, кого отъ присылки въ музей писанокъ удерживаетъ невозможность понести необходимые для того расходы, быть увѣренными, что немедленно же по увѣдомленіи и полученіи посылки всѣ расходы будутъ возвращены.

Правленіе музея также составило указатель въ дѣлѣ собиранія свѣдѣній о писанкахъ, о способѣ ихъ раскрашиванія и употребленія и обращается ко всѣмъ, кто могъ заняться этимъ, съ просьбой доставить подробные отвѣты на поставленные въ немъ вопросы, не останавливаясь и передъ сообщеніемъ того, что въ указателѣ не предусмотрѣно[1]). Имена всѣхъ приславшихъ писанки и отвѣты на поставленные вопросы будутъ опубликованы въ отчетахъ музея и въ газетахъ, а научное изслѣдованіе о пи-

[1]) Указатель правленіе музея высылаетъ безплатно всѣмъ желающимъ.

санкахъ, если бы его пришлось составить на основѣ доставленнаго матеріала, будетъ по напечатаніи разослано всѣмъ информаторамъ и сотрудникамъ [2]).

«Правленіе музея «Наукового товариства імени Шевченка».

Гоненіе на древнніе церковные обычаи въ черниговской епархіи. Церковное прошлое Украины содержитъ въ себѣ немало любопытныхъ примѣровъ той ассимиляціонной политики, какую правительство, въ лицѣ высшей церковной власти, пыталось проводить въ церковно-обрядовой жизни, столь близко стоящей къ народнымъ низамъ. Энергично насаждалось великорусское произношеніе въ богослуженіи, вытравлялись всякіе слѣды «еретичества» и «католицизма», присылались чуждые народу епископы, священники-великороссы и т. д.

Нельзя сказать, чтобы столь энергичныя усилія завершились достойнымъ успѣхомъ: еще и въ наше время церковно-обрядовая сторона жизни украинскаго народа сохранила множество крайне оригинальныхъ, дышащихъ поэзіей обрядовъ, ярко характеризующихъ народную психику и представляющихъ цѣнный матеріалъ не для одного историка культуры.

Однако, современные вершители судебъ церковной жизни пытаются также ополчиться противъ такихъ совершенно невинныхъ, но глубоко вкоренившихся въ душу народа обрядовъ.

Чрезвычайно интересную картину такого гоненія, разразившагося въ черниговской епрахіи, даетъ извѣстный знатокъ церковной жизни Н. Дурново въ № 81 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Указавъ на повальное бѣгство изъ духовной школы семинаристовъ, благодаря чему ощущался сильный недостатокъ кандидатовъ въ священники, авторъ сообщаетъ, что покойнымъ черниговскимъ епископомъ Антоніемъ скоро былъ найденъ выходъ изъ создавшагося затрудненія. Вакансіи были замѣщены оо. діаконами, выходцами изъ центральныхъ великорусскихъ губерній, которые и осѣли на приходахъ.

Далѣе о результатахъ такого эксперимента авторъ говоритъ: «Что же такое произошло?—спросятъ меня.—«Угасили духъ» пришельцы,—отвѣтимъ мы.—Тотъ церковно-богослужебный и религіозно-національный духъ, который столѣтіями складывался тутъ, который вошелъ въ плоть и кровь народа, въ атмосферѣ котораго народъ выросъ, съ которымъ сроднился, съ которымъ въ могилу думалъ уйти... Его отняли». Народъ самъ такъ характеризуетъ эту перемѣну въ религіозно-бытовой жизни: «правять у церкві не так, як при старому батюшці», «уже не по-нашему, а по-новомодному». И авторъ констатируетъ глубокую трещину во всемъ религіозномъ укладѣ и психикѣ украинца:

---

2) Для музея также будутъ очень интересными и важными другіе предметы, связанные съ праздникомъ Пасхи и святочнымъ ритуаломъ, какъ, напр., образцы святочныхъ приготовленій изъ тѣста, которыя можно было законсервировать въ засушенномъ видѣ или изъ которыхъ можно было изготовить модели; разнаго рода игрушки, какія дарятъ дѣтямъ по поводу праздника; фотографическіе снимки народныхъ горъ, забавъ, мѣстнаго населенія во время святочныхъ обрядовъ и церемоній и т. п.

рушится старое, привычное... «Сначала,—какъ говоритъ авторъ,—народъ недоумѣваетъ, а потомъ махнетъ рукою и уйдетъ отъ гасителей. Уйдетъ навсегда»...

Г. Дурново приводитъ цѣлый рядъ яркихъ примѣровъ, наглядно характеризующихъ отношеніе этихъ новыхъ пастырей къ обрядовымъ особенностямъ Украины. И авторъ недоумѣваетъ, кому понадобилось уничтоженіе трогательнаго обычая провожать покойника съ чтеніемъ Евангелія или еще болѣе трогательнаго—освященія вѣнковъ изъ колосьевъ жита урожая настоящаго года? «Но будемъ откровенны,—продолжаетъ г. Дурново,—изгонимъ и артосъ на Святой, запретимъ и чтеніе Дѣяній Апостольскихъ въ Святую ночь только потому, что ихъ не принято читать въ нѣкоторыхъ епархіяхъ Великороссіи»... Что католическаго также въ обычаѣ писать мѣломъ кресты въ навечеріи Крещенія? Не обошли ревнители чистоты православія и вѣками установившагося въ селахъ Украины мѣрнаго, медленнаго благовѣста, запретили тройной звонъ къ литургіи, къ утренѣ; уничтожили, особенно дорогой обычай края: звонъ во время чтенія Евангелія на литургіи въ первый день Пасхи...

«Въ старыхъ церквахъ Черниговщины такъ трогалъ и умилялъ всѣхъ присутствовавшихъ обычай подходить подъ Св. Чашу, чтобы священникъ во время великаго входа прикоснулся ею къ главѣ вѣрующаго. Всѣ вытравившіе этотъ вѣками освященный обычай пусть скажутъ по совѣсти: худъ ли онъ?».

«Ставленники еп. Антонія любятъ колоть глаза мадоннами Рафаэля, но спросимъ: гдѣ, когда и кѣмъ запрещено молиться предъ Богоматерью Рафаэля? Пріятнѣе, надѣемся, всѣмъ и каждому преклонить колѣна предъ хорошей копіей Рафаэля, работы старинныхъ малорусскихъ иконописцевъ, нежели предъ современной суздальской мазней, на которую не разъ шелъ походомъ и самъ правительствующій».

«Модерное москвофильство» и польская пресса. Польская пресса, пользующаяся всевозможными средствами для дискредитированія украинскаго движенія, использовала въ своихъ цѣляхъ и недавно вышедшую въ Кіевѣ брошюру г. Дм. Донцова «Модерне москвофильство». Выбравъ тенденціозно нѣкоторыя мѣста и фразы изъ указанной брошюры, „Kurjer Warszawski“ въ статьѣ „Czem sie ludzi Wieden“? («Чѣмъ обманываетъ себя Вѣны») въ № отъ 11-го апрѣля доказалъ очень убѣдительно (для своихъ читателей), что украинство—чистѣйшій миѳъ. Указывая на нѣкоторые, достойные съ его точки зрѣнія осужденія, дефекты украинскаго движенія, его слабость и невыкристаллизованность, г. Донцовъ, въ согласіи съ поставленной темой, совершенно оставилъ въ сторонѣ вопросъ о жизнеспособности и будущемъ украинства. Впрочемъ, изъ самой же брошюры видно, что г. Донцовъ ни въ будущемъ, ни въ жизнеспособности украинства нисколько не сомнѣвается. Все это не помѣшало однако „Kur. Warsz.“ написать свою статью стремящуюся убѣдить Вѣну въ «химеричности» ея плановъ относительно украинства. Статью „Kur. Warz.“ перепечатали „Gazeta Narodowa“ (15/IV) и „Slowo Polskie“ (17/IV), издающіяся во Львовѣ. Сомнѣваемся,

чтобы названныя газеты убѣдили кого бы то ни было, (не исключая своихъ читателей), въ томъ, въ чемъ имъ хочется убѣдить. Общественное мнѣніе Западной Европы черпаетъ свои свѣдѣнія объ украинствѣ не изъ органовъ вшехполяковъ и подольской шляхты, едва ли смѣющихъ претендовать на объективность въ этомъ вопросѣ. Къ тому же польская пресса держится далеко не вся взглядовъ „Slow'a Polsk'аго. Такъ, недавно Dziennik Petersburski" (2/III) помѣтсилъ статью того же г. Донцова („Encyklopedya ukraińska"), доказывающую фактами изъ одной лишь книги г. Щеголева стихійную силу завоевывающаго все новыя позиціи украинства. Однако этой статьи другія польскія газеты перепечатать не пожелали... Не пожелали перепечатать и статьи львовскаго же „Wiek'a Now'аго" (15/III), трактующей о той же брошюрѣ «Модерне москвофильство», однако въ духѣ совершенно иномъ, чѣмъ „Slowo Polskie".

Отъ слова къ дѣлу! Въ № 2-мъ «Украинской Жизни» уже сообщалось о томъ, какъ мало оправдали россійскіе с.-д. надежды рабочихъ-украинцевъ на выступленіе ихъ въ 4-й Думѣ въ защиту украинскихъ требованій. Въ частности эта замѣтка относилась къ екатеринославскому депутату г. Петровскому.

Теперь въ № 75-мъ газеты «Правда» помѣщенъ текстъ наказа екатеринославскихъ рабочихъ-украинцевъ и обращеніе деп. Петровскаго къ товарищамъ-украинцамъ, подтверждающее прежнія заявленія депутата. Приводимъ текстъ этого обращенія.

Товарищи! При выборахъ въ Гос. Думу въ числѣ другихъ наказовъ мною былъ полученъ и наказъ екатеринославскихъ товарищей. Для болѣе успѣшнаго выполненія этого наказа я обратился къ нѣкоторымъ товарищамъ-украинцамъ въ Петербургѣ и уже получилъ отъ нихъ часть необходимаго матеріала. Но для выступленія съ трибуны Гос. Думы этотъ матеріалъ еще недостаточенъ. Эта задержка повела къ ложнымъ толкованіямъ въ № 2-мъ «Укр. Жизни», что слово и дѣло у соц.-дем. расходятся. Я уже указалъ въ замѣткѣ къ статьѣ о Ягело въ № 58-мъ «Правды», какъ вѣрно это опредѣленіе: у с.-д. слово и дѣло идутъ вмѣстѣ.

Настоящимъ письмомъ я обращаюсь ко всмъ товарищамъ-украинцамъ и напоминаю, что работа депутата въ Гос. Думѣ можетъ итти успѣшно только при постоянномъ содѣйствіи со стороны заинтересованной части населенія. Это содѣйствіе должно, между прочимъ, выразиться въ сообщеніи всѣхъ случаевъ угнетенія національности, въ указаніи источниковъ, въ резолюціяхъ и наказахъ, въ предложеніи личныхъ услугъ по разработкѣ поступающихъ матеріаловъ.

Надѣюсь, что товарищи-украинцы приложатъ необходимыя усилія къ тому, чтобы выступленіе въ Гос. Думѣ въ ихъ защиту было по воможности солидно обоснованнымъ. Что же касается наказа, то онъ не противорѣчитъ ни принципамъ, ни тактикѣ с.-д-тіи.

Съ товар. привѣт. деп. **Петровскій.**

Стремленіе деп. Петровскаго перейти отъ словъ къ дѣлу, конечно, остается только привѣтствовать.

Къ 70-лѣтію со дня рожденія академика Ѳ. Е. Корша. 22-го апрѣля текущаго года исполнилось семьдесятъ лѣтъ со дня рожденія академика Ѳ. Е. Корша.

Сынъ Е. Ѳ. Корша, друга Грановскаго, онъ выросъ въ атмосферѣ широкихъ умственныхъ запросовъ, и это способствовало выработкѣ оригинальной, широко образованной индивидуальности. Официально (съ 1883 г.) профессоръ римской словесности въ московскомъ университетѣ, Ѳ. Е. Коршъ еще въ концѣ 60-хъ годовъ обнаружилъ разнообразное богатство своихъ лингвистическихъ дарованій. Языки славянскіе, классическіе, романскіе, германскіе, восточные, финскіе одинаково ему близки; онъ постигъ духъ и строй этихъ языковъ и можетъ свободно изъясняться на нихъ.

Его заслуги въ области филологіи громадны; огромное количество написанныхъ имъ изслѣдованій относится преимущественно къ области сравнительнаго языковѣдѣнія.. Этимъ не исчерпывается область его научныхъ интересовъ. Обширныя знанія въ сферѣ языковѣдѣнія соединяются въ немъ съ чуткой любовью и бережнымъ вниманіемъ къ народамъ, носителямъ этихъ языковъ. Стремленіе неисторическихъ націй къ возрожденію своихъ національныхъ культуръ находитъ въ немъ живой откликъ и горячее сочувствіе. Для украинской націи особенно дорогимъ и цѣннымъ является предсѣдательствованіе Ѳ. Е. Корша въ образованной въ академіи наукъ «Комиссіи объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова», въ результатѣ работъ которой была составлена извѣстная записка Императорской академіи наукъ «Объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова», изданная для широкой публики въ 1910 году.

Обремененный своими многочисленными научными занятіями и живымъ участіемъ въ общественной жизни, Ѳ. Е. Коршъ все-же находилъ возможность удѣлять много вниманія защитѣ правъ украинскаго народа.

Всѣмъ извѣстны его авторитетныя выступленія не только на страницахъ «Украинской Жизни», но и на страницахъ русской прессы, гдѣ всякія лживыя измышленія противъ украинства находили въ статьяхъ Ѳ. Е. должную оцѣнку.

Редакція «Украинской Жизни» съ искренней признательностью отмѣчаетъ на своихъ страницахъ этотъ юбилей нашего близкаго сотрудника и отъ всей души ему желаетъ «віку довгого, та праці невтомної; аби й далі він, як і раніш сіяв зерна просвіти, та знання».

Похороны М. М. Коцюбинскаго. Черниговская администрація употребила всѣ мѣры къ тому, чтобы похороны М. Коцюбинскаго не нарушили «спокойной» жизни города. Корреспондентъ «Кіевской Мысли», откуда мы беремъ это описаніе похоронъ, сообщаетъ слѣдующее.

Еще гробъ покойнаго находился въ церкви, еще похоронная процессія не собиралась тронуться съ мѣста, какъ полиціей было уже объявлено распорядителямъ похоронъ, что рѣчи на могилѣ безусловно воспрещается произносить; что при первой

же попыткѣ къ этому ораторъ будетъ на полусловѣ остановленъ... Далѣе было объявлено, что нести вѣнки въ рукахъ не разрѣшается, что вѣнки должны быть положены на телѣги и притомъ такъ положены, чтобы красныя ленты на вѣнкахъ не были видны... И, наконецъ, публика узнала еще, что хору семинаристовъ, имѣвшему пѣть на похоронахъ, это не было разрѣшено... Всѣ эти «мѣры предосторожности» произвели на всѣхъ, пришедшихъ проводить покойнаго, тягостное впечатлѣніе, окрасившее собою всѣ похороны... Къ тяжелому чувству утраты цѣннаго человѣка присоединилось, такимъ образомъ, другое «чувство» совсѣмъ ужъ другого «тяжелаго» свойства...

При такихъ условіяхъ въ началѣ третьяго часа дня двинулась похоронная процессія въ сопровожденіи свыше двухъ тысячъ народу... Впереди ѣхала одна колесница съ вѣнками, за ней слѣдовалъ гробъ съ тѣломъ писателя, а дальше ѣхала третья колесница тоже съ вѣнками...

Въ процессіи участвовали десять депутацій, изъ нихъ двѣ изъ Львова: отъ «Видавничої Спілки у Львові» и отъ «товаристова прихильників литературы, науки и штуки». Кромѣ того была депутація, представлявшая какъ кіевское, такъ и львовское «Наукові товариства». Остальныя депутаціи представляли: редакціи «Літературно-Науковаго Вістника», «Рады», «Світла», клуба «Родина» въ Киіві, видаництво «Вік» и товариство підмогі укр. литературы, науки і штуки в Киіві.

Было возложено двадцать семь металлическихъ вѣнковъ: 1) отъ товариства запомоги украінскої литературы; 2) «Коханому Мусі вид родини»; 3) наукового т-ва въ Кіевѣ и Львовѣ; 4) т-ва прихильників украінскої литературы («Незабутному, невмирущому»); 5) полтавскаго т-ва «Баянъ»; 6) украінскої книгарні «Кіевская Старина»; 7) отъ учащихся среднихъ учебныхъ заведеній; 8) отъ М. М. Могилянскаго; 9) «Ти сіяв світ, змогася з тьмою—зажурена редакція «Світла»; 10) громадського зібрання «Родина» («Великому письменникові землі украинськоі»); 11) полтавск. громадянства; 12) видавництво «Спілка»; 13) від студентів украинск. земляцтва у Москві; 14) «Невтомному робітникові «за для загальнаго добра»—засмучене видавництво «Вік»; 15) отъ бывшихъ товарищей-статистиковъ; 16) «Друзі и прихильникі черниговці—славному художнику украінского слова, щірому громадянину, незабутьному Михайлові Коцюбинскому»; 17) отъ І. Г. Дроздова («дорогому товарищу»); 18) «Найталановитішому співробітникові М. Коцюбинскому отъ редакціи «Ради»; 19) отъ курсистокъ и студентовъ (вѣнокъ былъ съ красными лентами); 20) подільска Просвіта—«творцеві того, що записано у книгу життя»; 21) «т-во Кобзарь, украинська секція т-ва славянской культури, редакціи «Украинской Жизни» у Москві—співцеві прекраснаго» (былъ вѣнокъ изъ мѣдно-красныхъ листьевъ и съ красной лентой); 22) полтавскій украинскій драматичный гуртокъ; 23) отъ труппы Садовскаго («Довічна память і дяка тобі наш шляхетний мистець рідного слова, дочасна смерть твоя тяжким сумом обгортае наші душі»); 24) Одесскі землякі; 25) від одеського украінского клуба; 26) редакціи «Лі-

тературно-Наукового Вістника»; 27) «Від родини». Кромѣ того возложено было четыре вѣнка изъ живыхъ цвѣтовъ.

Получено было много сочувственныхъ телеграммъ. Изъ нихъ, за недостаткомъ мѣста, мы приведемъ лишь нѣсколько.

М. Горькій въ телеграммѣ на имя И. Л. Шрага пишетъ: «Смертенъ человѣкъ, народъ безсмертенъ. Глубокій мой поклонъ народу Украины». Въ другой телеграммѣ на имя жены покойнаго писателя Горькій такъ выразилъ свои чувства къ семьѣ покойнаго и къ самому покойному: «Знаю, что излишни слова сочувствія горю вашему. Почтительно кланяюсь вамъ... Крѣпко обнимаю дѣтей... Большого человѣка потеряла Украина,—долго и хорошо будетъ она помнить его добрую работу». Съ того же Капри была получена еще такая телеграмма: «Капрійская колонія горько оплакиваетъ любимаго Михаила Михайловича», изъ другихъ телеграммъ отмѣтимъ такія: изъ Москвы за подписями редакціи «Украинской Жизни»: «Вічна память співцеві прекраснаго. Він не вмер, а вічно житиме в образах і художних думах, якими скрасив і сбогатив рідне слово, рідну творчість»; изъ Львова отъ ред. «Діла»: «З цілою Україною сумуемо над могилою великаго письменника». Изъ Варшавы: «Студенти черниговці варшавського университету приэднуються до невиразного жалю і суму всього украінства з приводу смерти незабутьного Михаила Михайловича, світоча украінства на рідній Черниговщині».

Медленно двигалась процессія... Медленно двигались двѣ колесницы съ вѣнками... Вѣнокъ отъ курсистокъ и студентовъ съ красными лентами былъ спрятанъ внутри колесницы, вѣнокъ же отъ «Кобзаря» и др. изъ Москвы, тоже съ красными лентами, былъ повѣшенъ сбоку, причемъ ленты были тщательно подвернуты... Но вотъ процессія сдѣлала остановку... Къ вѣнкамъ подошла публика и развернула красныя ленты на московскомъ вѣнкѣ... И въ такомъ видѣ колесница проѣхала нѣкоторое разстояніе... Но «непорядокъ» былъ скоро замѣченъ представителемъ полиціи, и красныя ленты снова были тщательно подвернуты...

Въ началѣ пятаго часа вечера похоронная процессія, наконецъ, достигла мѣста вѣчнаго упокоенія писателя... Наступилъ тяжелый моментъ прощанія, а затѣмъ гробъ опустили въ могилу... Раздался жуткій звукъ земли въ крышку гроба... Нашъ взоръ, какъ бы ища утѣшенія, невольно скользнулъ на роскошный видъ, открывавшійся съ мѣста могилы (могила писателя вырыта на склонѣ высокой горы въ рощѣ Троицкаго монастыря)... Солнце такъ ярко, по-весеннему свѣтило... И невольно думалось: такъ хорошо теперь, весной... вотъ бы жить Коцюбинскому и работать на пользу родной литературы... Но, какъ красиво выразился М. Горькій: смертенъ человѣкъ и лишь народъ безсмертенъ... («Кіевск. Мысль», № 106).

Библіографія.

Изслѣдованіе Проф. М. Грушевскаго по исторіи украинскаго козачества.

Проф. М. Грушевскій. Исторія украинскаго козачества. Томъ первый до начала XVII вѣка (Извлечено изъ VII тома „Історії України-Руси"). Кіевъ. 1913. Ст. 408. Ц. 2 р. 50 к.

Козачество—самое яркое и значительное явленіе въ исторіи украинскаго народа. Оно наложило глубокій отпечатокъ на духовный обликъ этого народа и сыграло рѣшительную роль въ его судьбахъ. Въ козачествѣ, въ его своеобразномъ строѣ, какъ бы воплотился соціально-политическій идеалъ украинскаго народа, и въ бурной героической исторіи козацкихъ дѣяній украинскій народъ истощилъ всю свою государственную, а отчасти и національную потенцію. Какъ въ Польше «народъ-шляхта» заслоняла цѣлые вѣка остальное населеніе страны, такъ и на Украинѣ козачество отодвинуло на второй планъ остальные классы общества, взявъ на себя представительство за всю націю. Вотъ почему въ XVII и XVIII вѣкахъ названія «козацкая нація», «козако-русскій народъ», «козацкій малорусскій народъ» покрывали собою понятіе украинскаго народа.

И если для историка въ XVIII вѣкѣ исторія козачества заслоняла или, лучше сказать, поглощала собою исторію всей Украины, то и въ наше время, до сихъ поръ еще не имѣлось полной и научно разработанной исторіи козачества, какъ особаго класса украинскаго общества, выдѣлявшагося среди другихъ общественныхъ классовъ, стремившагося къ соціально-политическому самоопредѣленію, имѣвшаго свою идеологію, претендовавшаго на руководство среди украинскаго народа и осуществлявшаго это руководство на протяженіи почти двухъ столѣтій. Самое происхожденіе и сформированіе козачества, мало освѣщенное документально, до сихъ поръ еще разно объяснялось различными учеными.

Трудъ проф. Грушевскаго подводитъ итогъ тому, что сдѣлала до настоящаго времени наука для выясненія вопроса объ теномъ образованіи казачества и его исторіи. Мало того: это не эклектическій трудъ, представляющій лишь обзоръ мнѣній и сводку матеріаловъ, это плодъ многолѣтней самостоятельной работы ученаго-спеціалиста, глубокаго знатока всѣхъ періодовъ историческаго прошлаго Украины, изучившаго это прошлое на основаніи первоисточниковъ, по многимъ вопросамъ украинской исторіи, въ томъ числѣ и по вопросамъ козачества, сказавшимъ свое слово, которое и послужило «послѣднимъ словомъ науки» по даннымъ вопросамъ. Вотъ почему «Исторія украинскаго козачества»

проф. Грушевскаго должна быть признана въ нашей исторической литературѣ явленіемъ, создающимъ эпоху и завершающимъ работу ряда поколѣній ученыхъ изслѣдователей.

Выдѣленная въ особые томы въ капитальномъ трудѣ проф. Грушевскаго «Історія Украіни-Руси», его исторія украинскаго козачества въ русскомъ изданіи представляетъ совершенно самостоятельное цѣлое. И даже тѣ сокращенія и нѣсколько иное расположеніе примѣчаній, которыя сдѣлалъ авторъ для настоящаго изданія произведены какъ нельзя болѣе удачно, въ смыслѣ приданія труду стройности, законченности.

Вступленіемъ къ I тому «Исторіи украинскаго козачества» является краткій очеркъ исторіографіи козачества, причемъ, въ началѣ 2-й главы книги, дается еще подобный очеркъ и по болѣе частному вопросу о происхожденіи козачества. Не лучше ли было бы соединить оба отдѣла въ одно, и вмѣсто довольно сухого, хотя и исчерпывающаго, въ смыслѣ полноты матеріала, библіографическаго перечня въ предисловіи, а затѣмъ отдѣльнаго изложенія литературы вопроса о происхожденіи козачества въ серединѣ книги,—не лучше ли бы дать одинъ общій очеркъ исторіографіи украинскаго козачества? Развитіе козацкой исторіографіи имѣло вѣдь тѣсную связь съ развитіемъ среди украинскаго общества пониманія своего прошлаго и національнаго самосознанія, а потому выдѣлить весь этотъ вопросъ въ самостоятельную главу и остановиться на немъ подробнѣе въ книгѣ, преслѣдующей какъ научныя, такъ, безспорно, и популяризаціонныя цѣли, было бы, полагаемъ, нелишнимъ. Добавимъ, что много замѣтокъ исторіографическаго характера разсѣяно въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ тексту.

Въ главѣ «Юго-восточная Украина въ XV—XVI вв.» проф. Грушевскій даетъ очеркъ состоянія днѣпровскаго и днѣстровскаго понизовья въ періодъ литовскаго управленія и колонизаціи этихъ окраинъ литовскими князьями въ связи съ организаціей военной обороны. Колонизація эта имѣла военно-служилый характеръ и привлекла относительно большое количество населенія, селившагося подъ защитой «замковъ», т.-е. укрѣпленныхъ пунктовъ, тянувшихся линіей (съ запада на востокъ): Жванъ—на Днѣстрѣ, Брацлавъ—на Бугѣ, Звенигородъ, Черкассы—на Днѣпрѣ. Но эти колонизаціонныя пріобрѣтенія были совершенно снесены татарскими опустошеніями послѣдней четверти XV вѣка. Польско-литовское правительство, «измѣнивши традиціямъ Витовта, запустило свою юго-восточную политику до того, что позволило своимъ противникамъ, московскимъ князьямъ, переманить старинныхъ сюзниковъ Литвы—крымскихъ хановъ, и Крымъ изъ аванпоста литовской политики, стража и охранителя украинской колонизаціи... становится на долгое время очагомъ разоренія и дезорганизаціи Украины» (ст. 34). Вялость и невыдержанность правительственной политики и государственная слабость польско-литовской державы лишала серьезной защиты юго-восточную окраину, и въ результатѣ погибли всѣ плоды колонизаціонной дѣятельности XV в. «Начиная съ Менгли-Гиреевыхъ разореній XV в., затѣмъ почти цѣлое столѣтіе, и во всякомъ случаѣ три четверти столѣтія—до 1560-хъ годовъ—восточная Украина остается пустыней».

Но если правительство не могло и не умѣло защитить плодороднѣйшія земли государства и обезпечить въ нихъ прочную осѣдлость, то за это берется само населеніе, и не только въ силу элементарной необходимости, но и по формальной обязанности: всѣ жители были обязаны являться на защиту «замковъ» по первому призыву мѣстной администраціи. Тревожная и полная опасностей жизнь развивала среди пограничнаго населенія духъ свободы и независимости: «всѣ чувствовали себя не паріями общества, а полноправными его членами»—и бояре-землевладѣльцы, и мѣщане, и крестьяне. Вѣчная тревога и необезпеченность жизни отъ татаръ вознаграждались зато сторицей привельемъ плодородныхъ земель: кругомъ разстилались безграничные «уходы», дававшіе дичь, рыбу, мѣха, медъ, воскъ и прочее; а потому кадры мѣстнаго населенія «замковъ» (подъ защитою ихъ только и возможно было сколько-нибудь спокойно жить) постоянно пополнялись выходцами изъ восточно-украинскихъ земель, изъ Волыни и даже Полѣсья. Занятія промыслами сопровождались у пограничнаго населенія партизанской борьбой съ татарами. И эта борьба постепенно переходила отъ обороны къ нападенію, причемъ организаторами и вождями наступательнаго движенія являлись обыкновенно представители мѣстной администраціи—старосты и воеводы; таковы: Богданъ Глинскій, Предславъ Лянцкоронскій, Дашковичъ, Претвичъ. Среди такихъ условій сложился козацкій классъ, но не сразу, а весьма медленно. Проф. Грушевскій неоднократно настаиваетъ на томъ, что козачество конца XV и первой половины XVI вѣка—занятіе, а не общественный классъ: «съ одной стороны козачество расплывается въ той подвижной волнѣ уходниковъ, набѣгающей съ весной въ приднѣпровскіе города и уходы... съ другой стороны оно теряется и незамѣтно переходитъ въ общественные слои юго-восточной Украины—особенно въ мѣщанскій... Козачество въ это время и долго еще впослѣдствіи—больше родъ занятія, чѣмъ общественное положеніе»... (стр. 106).

Но выясненіе процесса сформированія козацкаго сословія принадлежитъ уже слѣдующимъ главамъ. Нельзя не отмѣтить, что при чтеніи первой главы, написанной вообще съ большимъ мастерствомъ и захватывающей читателя глубиной анализа фактическаго матеріала и неотразимостью выводовъ, испытывается большое неудобство отъ отсутствія историко-географической карты, безъ которой рядовому читателю трудно оріентироваться, напримѣръ, въ очеркѣ колонизаціи поднѣстровья, побужья и южнаго поднѣпровья.

Во второй главѣ, «Начало козачества», имѣемъ разборъ старыхъ и новыхъ мнѣній о происхожденіи козачества, начиная съ лингвистическихъ теорій («козакъ»—отъ «козы» или «хозары»!) и кончая теоріями о генетической связи козачества съ формами и явленіями княжеской эпохи. Собственное мнѣніе проф. Грушевскаго о происхожденіи козачества можетъ быть резюмировано его же словами, въ которыхъ онъ намѣчаетъ изложеніе своего взгляда на этотъ вопросъ: «козачество, какъ явленіе бытовое, знакомо намъ съ очень раннихъ временъ. Свое козацкое имя въ

томъ матеріалѣ, какой имѣемъ сейчасъ въ нашемъ распоряженіи, оно получаетъ во второй половинѣ XV в. А формируется въ извѣстный общественный слой на протяженіи всего XVI вѣка, и вполнѣ опредѣленныя организованныя формы и правовое признаніе получается лишь на границѣ XVI и XVII вв. И только съ конца XVI в. о козачествѣ можно говорить какъ объ извѣстномъ общественномъ классѣ, организаціи, толковать о козацкомъ строѣ, козацкихъ общинахъ, управленіи и т. п.» (стр. 97). О томъ, какъ сложилось «бытовое явленіе» козачества, трактуетъ первая глава, которую мы вкратцѣ передали выше, о сформированіи же козацкаго класса трактуетъ все остальное содержаніе книги. Проф. Грушевскій подробно излагаетъ исторію первыхъ шаговъ украинства съ того момента, отъ котораго дошли до насъ документальныя данныя (1493—1499 гг.) и съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на такой эффектной и типичной для своей эпохи фигурѣ, какъ князь Дм. Вишневецкій, опоэтизированный въ народной легендѣ.

Глава III, «Ростъ и организація козачества въ предпослѣднія десятилѣтія XVI вѣка», посвящена главнымъ образомъ вопросу о такъ-называемой Баторіанской реформѣ козачества, вокругъ которой сложилось не менѣе легендъ и разныхъ фантастическихъ наслоеній, какъ и вокругъ вопроса о происхожденіи козачества вообще. Недавно добытыя подъ руководствомъ проф. Грушевскаго однимъ изъ его учениковъ данныя теперь уже окончательно позволяютъ установить, что «реформа» короля Стефана Баторія была лишь одной изъ цѣлаго ряда попытокъ польскаго правительства, начиная съ Сигизмунда-Августа, подчинить козачество государственой регламентаціи и отнюдь не имѣла какого-либо рѣшающаго вліянія на ходъ формированія козацкаго класса.

Глава IV содержитъ изложеніе хода первыхъ столкновеній козачества съ польскою государственностью,—возстанія Касинскаго и Наливайка, участіе козаковъ въ войнахъ Польши съ Турціей, Молдавіей и Швеціей.

Послѣднія главы—V, «Восточная Украина и козачество на грани XVII вѣка. Соціальное значеніе козачества»—вызываетъ такой же особенный интересъ, какъ и первая глава книги, представляя изъ себя блестящую формулировку тѣхъ выводовъ, которые вытекаютъ изъ предшествующаго анализа историческихъ отношеній на юго-восточной Украинѣ на рубежѣ двухъ столѣтій. Эта глава объясняетъ намъ причины того великаго конфликта между козачествомъ и Польшей, который имѣлъ неизмѣримо великія послѣдствія для украинскаго и польскаго народовъ. Козачество, укрѣпившись на низовьяхъ Днѣпра и создавъ извѣстный барьеръ для татарскихъ набѣговъ, открыло возможность для новой колонизаціи южной Украины. И эта колонизація въ послѣднія десятилѣтія XVI в. и первыя XVII дѣлаетъ поразительные успѣхи. Она идетъ изъ украинско-бѣлорусскаго Полѣсья, изъ Побужья и Галиціи, изъ сѣверо-западной Волыни и усиливается не только вслѣдствіе улучшенія условій колонизаціи въ юго-восточной Украинѣ, но и вслѣдствіе ухудшенія условій крестьянской

жизни и хозяйства въ западной и сѣверной Украинѣ (стр. 327). Но лишь только показались первые симптомы улучшенія хозяйственныхъ отношеній восточной Украины,—а между этими симптомами главную роль игралъ именно наплывъ переселенцевъ, рабочихъ рукъ,—«тотчасъ же разные магнаты, имѣвшіе возможность слѣдить за мѣстными условіями, не замедлили замѣтить и учесть соотвѣтственно это повышеніе шансовъ мѣстнаго хозяйства послѣ вѣкового застоя. Въ чаяніи будущихъ благъ бросаются они на тамошнія земли, наперерывъ другъ передъ другомъ выпрашиваютъ себѣ у короля пожалованія на здѣшнія «пустыни»... или за пустую сумму заставляютъ продавать свои земли ихъ старыхъ, номинальныхъ владѣльцевъ» (стр. 331).

Уже въ началѣ XVII вѣка восточная Украина становится классической страной магнатскихъ латифундій, владѣльцы которыхъ пока не спѣшатъ заводить земледѣльческое хозяйство и довольствуются хищническою эксплоатаціей природныхъ богатствъ страны. Отсутствіе перспективъ фольварочнаго хозяйства объясняетъ фактъ основанія преимущественно мѣстечекъ, а не селъ, и преобладаніе количествено мѣщанъ надъ крестьянами (стр. 334). Мѣщане же обязаны нести военную службу, а иногда даютъ чиншъ. Населеніе, какъ и встарь, носитъ характеръ военно-земледѣльческій и уходническій, а эксплоатація его со стороны помѣщиковъ выражается въ довольно легкихъ формахъ. Но и эти легкія формы вызываютъ уже сильное недовольство. «Въ то время, какъ крестьянство западной Украины болѣе или менѣе покорно сносило тяжелое ярмо панщины—непомѣрныхъ даней, чиншей и всякихъ иныхъ аттрибутовъ крѣпостного права, здѣшнее возмущается и протестуетъ при самомъ легкомъ прикосновеніи помѣщичьей руки» (стр. 335). Въ другихъ краяхъ ростъ привилегированнаго землевладѣнія и эксплоатаціи народнаго труда привилегированными сословіями и растягивается на сотни лѣтъ и потому менѣе замѣтенъ и ощутителенъ въ своей постепенности. Здѣсь же, въ восточной Украинѣ, процессъ преобразованія «божьихъ и государственныхъ земель» въ помѣщичьи имѣнія былъ стиснутъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ и въ концѣ-концовъ сводился къ простому росчерку королевскаго пера, къ одному факту выдачи изъ королевской канцеляріи ничтожной бумажки, дѣлавшей эти свободныя земли панскими помѣстьями, а свободныхъ людей—крѣпостными. Это не могло не вызывать горячаго протеста и возмущенія со стороны тѣхъ, на чей счетъ совершались подобныя метаморфозы» (336).

Населеніе сначала уходило отъ крѣпостныхъ отношеній простымъ переселеніемъ все дальше и дальше, но когда этому былъ положенъ предѣлъ, оно стало стремиться уйти въ козачество, какъ классъ свободный отъ крѣпостного права. На это,—говоритъ проф. Грушевскій,—натолкнуло населеніе само польское правительство, организовавъ козачество въ отдѣльную, привилегированную сословную группу. «Принятіе козаковъ на королевскую службу, освобожденіе ихъ отъ обычной юрисдикціи и подчиненіе исключительной власти и юрисдикціи ихъ вождя, послужило исходнымъ пунктомъ идеи козацкаго иммунитета, идеи полнаго освобожденія ко-

зачества отъ какихъ бы то ни было повинностей и обязанностей, отъ всякой власти, кромѣ своей, козацкой» (338).

Правительство обнаружило тенденцію расколоть сплошную массу козачества, отдѣливъ отъ нея болѣе зажиточную часть, такъ-называемыхъ реестровыхъ козаковъ, надѣливъ ее прерогативами и тѣмъ заинтересовавъ въ сохраненіи своей привилегированности. Но оно не сумѣло выдержать своей роли до конца, и козачество по-прежнему не знаетъ самоограниченія. Его ряды безпрерывно пополняются, и крестьянское населеніе подъ фирмой и прикрытіемъ козачества хочетъ заниматься своимъ хозяйствомъ, не зная ни помѣщиковъ, ни старостъ съ ихъ прислужниками. И козачество «становится формою, въ которой кристаллизовались соціально-экономическія стремленія украинскаго демоса и его протестъ противъ польско-шляхетскаго режима; является носителемъ и выразителемъ національныхъ стремленій украинскаго народа» (345).

Параллельность интересовъ связала во-едино два различные элемента, входившіе въ козачество: чисто военный, добычническій, и элементъ хозяйственный, земледѣльческій. Для военнаго козачества хозяйственные козаки служили резервомъ, на помощь котораго оно могло разсчитывать во всякую тревожную минуту, а для козачества хозяйственнаго козацкіе военные элементы были дѣйствующею армію, которая охраняла его общественно-экономическіе интересы. Эта параллельность основныхъ интересовъ сглаживала или брала перевѣсъ надъ нѣкоторыми расхожденіями обѣихъ группъ. Она же придала козацкимъ возстаніямъ грозную силу и повела къ великимъ послѣдствіямъ.

Такъ «стихія на первый взглядъ разрушительная, антикультурная,—козачество подъ этою отрицательною внѣшностью таило въ себѣ энергію творческую... предшествующее столѣтіе козацкаго своеволья принесло въ результатѣ безопасность, защиту, колонизаціонный и цивилизаціонный ростъ «дикому полю» восточной Украины; даже его старые шляхетскіе враги должны были признать, что завоеваніе восточно-украинскаго пограничья для осѣдлости и культуры было дѣломъ козачества. Въ послѣдующемъ столѣтіи подъ покровомъ «украинскаго своеволья» нарастала соціальная оппозиція украинскихъ массъ и національная энергія украинскаго народа, спасшая украинскую жизнь отъ разложенія и гибели» (стр. 347).

Мы не могли отказать себѣ въ удовольствіи излагать мысли автора его же словами и привести эти длинныя выписки. Разумѣется, полное удовольствіе прослѣдить ходъ развитія мыслей проф. Грушевскаго о начальной исторіи козачества—можетъ получить только тотъ, кто обратится къ самой его книгѣ. Полагаемъ, что русская историческая наука и русская публика, читающая серьезныя научныя книги, должны быть обязаны проф. Грушевскому за изданіе его исторіи украинскаго козачества и на русскомъ языкѣ. А что такое изданіе имѣетъ свой безспорный raison d'être это доказывается успѣхомъ, какой имѣютъ его «Очеркъ исторіи украинскаго народа» (уже 3-е изданіе) и

«Иллюстриров. исторія Украины»,—несмотря на существованіе и широкую популярность украинскихъ изданій этихъ трудовъ.

Д. Д—ко.

Часопись правнича і економічна. *Правничі і економічни розвідки істор.-фільософ. секції Наукового Товариства ім. Шевченка. Редактор д-р Станислав Дністрянський. Том X. У Львові. 1912.*

Предстоящее внесеніе проекта Гражданскаго Уложенія на разсмотрѣніе нашихъ законодательныхъ учрежденій выдвигаетъ на очередь немаловажный вопросъ о соотношеніи между общеимперскимъ правомъ и нормами мѣстныхъ законодательствъ. Должны ли послѣднія всецѣло замѣнить единый гражданскій кодексъ, общій для всѣхъ разнообразныхъ по уровню культуры и правовому развитію національностей, населяющихъ Россію, или же съ точки зрѣнія раціональной правовой и законодательной политики было бы болѣе цѣлесообразнымъ, очистивъ эти мѣстныя правовыя нормы отъ устарѣвшихъ и несоотвѣтствующихъ современному уровню правовой культуры пережитковъ и наслоеній, оставить ихъ въ неприкосновенности? Вопросъ этотъ не настолько простъ, насколько можетъ это казаться юристамъ, привыкшимъ итти по проторенной шаблонной дорогѣ объединительныхъ тенденцій.

Г. Винаверъ въ своей «Гражданской хроникѣ», помѣщенной въ № 2 журнала «Вѣстникъ Гражданскаго Права» ставитъ указанный вопросъ только въ отношеніи мѣстныхъ законовъ Бессарабіи и Остзейскихъ губерній, а также „Code Napoleon", дѣйствующаго въ Царствѣ Польскомъ. Можетъ быть, вслѣдствіе аберраціи, присущей нѣкоторымъ россійскимъ либераламъ, онъ не упоминаетъ о мѣстныхъ законахъ Черниговской и Полтавской губ.; тѣмъ не менѣе г. Винаверъ очень осторожно и даже подозрительно относится къ объединительнымъ стремленіямъ проекта Гражд. Уложенія, ибо, по его мнѣнію, врядъ ли такія попытки уничтожить правовыя особенности послужатъ къ большему укрѣпленію державной связи съ окраинами, къ болѣе прочному ихъ удержанію.

Вопросъ этотъ, несомнѣнно требующій серьезнаго и обстоятельнаго обсужденія, ибо такая кодификація гражданскаго права затрагиваетъ разнообразные интересы народныхъ массъ, и одна изъ задачъ, которая предстоитъ передъ юристами-практиками, примѣняющими право на территоріи Украины,—откликнуться на этотъ острый жизненный вопросъ.

Галицкіе украинцы-юристы въ этомъ отношеніи находятся въ болѣе завидномъ положеніи; къ ихъ услугамъ имѣется спеціальный органъ « Часопись правничаи економічна», издаваемый при историко-философской секціи львовскаго «Наукового товариства ім. Шевченка». Въ настоящемъ X томѣ этого журнала помѣщены два изслѣдованія; «Причинки до реформи преватного права в Австріи» проф. д-ра Станислава Дністрянскаго и «Правна суть новаціи» д-ра М. Бодруга.

Первый трудъ посвященъ вопросу, назрѣвшему и въ Австріи, какъ и въ Россіи, ибо уже пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ австрійское правительство внесло свой проектъ измѣненія и дополненія общихъ гражданскихъ законовъ.

Конечно, опытъ страны съ болѣе развитой правовой культурой долженъ имѣть для насъ большое значеніе, и въ этомъ отношеніи изслѣдованіе д-ра Днистрянскаго является цѣннымъ трудомъ. Распадается оно на двѣ части: первая, болѣе общаго характера, на основѣ богатаго матеріала изъ исторіи кодификаціи другихъ странъ, выясняетъ тѣ задачи и обязанности, какія лежатъ на законодателѣ при кодификаціи гражданскаго права, во второй же подвергнутъ критическому разсмотрѣнію самый правительственный проектъ въ части, касающейся интересовъ аграрнаго населенія, съ точки зрѣнія соотвѣтствія задачамъ цѣлесообразной законодательной политики.

Второе изслѣдованіе д-ра Бодруга посвящено вопросу о новаціи (перемѣнѣ обязательства) и представляетъ интересъ для спеціалистовъ.

Оба юридическія изслѣдованія, написанныя литературнымъ доступнымъ языкомъ, составляютъ новый интересный вкладъ въ небогатую юридическую литературу на украинскомъ языкѣ.

Хотя вопросы, затронутые авторами, не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ украинскому праву, однако появленіе такихъ даже спеціальныхъ трудовъ пусть послужитъ наглядымъ примѣромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ укоромъ юристамъ россійской Украины, такъ мало прилагающимъ усилій для выработки правовой культуры своего народа.

Ив. Лебединскій.

Ф. Крижановській. *Як постановити опікуна над селянином за марнотратство. Як взяти шлюбній жіиті осібного од чоловіка паш порта. Київ. Ціна 3 коп. 1913.*

Украинская популярная литература до послѣдняго времени имѣетъ одинъ очень важный незаполненный пробѣлъ. При крайней своей бѣдности книгами юридическаго содержанія она почти совершенно не имѣетъ книгъ, которыя бы преслѣдовали практическія юридическія цѣли, которыя помогали бы разбираться украинскимъ народнымъ массамъ въ той сложной системѣ административныхъ и судебныхъ учрежденій, съ которыми приходится имъ повседневно сталкиваться. Несмотря на то, что начало изданія юридическихъ популярныхъ книгъ практическаго содержанія относится еще къ семидесятымъ годамъ, эта отрасль украинскаго издательства, подпавъ всецѣло подъ дѣйствіе печальной памяти указа 1876 года, до сихъ поръ не получила дальнѣйшаго развитія.

Эти обстоятельства заставляютъ насъ отмѣтить появленіе брошюры г. Крыжановскаго, какъ первую ласточку той весны, которая должна наступить въ области украинскаго юридическаго издательства. Только что вышедшая брошюра юриста-практика

имѣетъ въ виду практическія цѣли, касаясь двухъ новыхъ правилъ, установленныхъ въ отношеніи къ крестьянамъ: закона объ наложеніи опеки за расточительство и нововведеній, установленныхъ въ области паспортной системы для женъ крестьянъ административной практикой.

Популярно, ясно и отчетливо излагая соотвѣтствующія правила брошюра вполнѣ удовлетворяетъ тѣмъ практическимъ задачамъ, которыя имѣлъ въ виду авторъ.

Надо надѣяться, что выступленіе г. Крыжановскаго съ попыткой популяризаціи юридическихъ нормъ будетъ не послѣднимъ, что вышедшая брошюра явится первой въ цѣлой серіи популярныхъ книжекъ тождественнаго характера.

Хотѣлось бы, чтобы на эту брошюру обратили вниманіе земства, которыя въ послѣдніе годы неоднократно поднимали вопросъ объ организаціи юридической помощи населенію. Если разрѣшить этотъ вопросъ земствамъ въ его широкой постановкѣ въ формѣ организаціи земской адвокатуры пока не удалось, распространеніе среди населенія популярныхъ юридическихъ книгъ практическаго содержанія могло бы сослужить свою службу. Къ числу же поодбныхъ книгъ въ первую голову относится брошюра г. Крыжановскаго.

Юристъ.

„Oesterreichische Rundschau", *15 April 1913.*

Въ послѣдней книжкѣ вѣнскаго журнала находимъ интересную статью Austriacus'а «Австро-Венгрія и «историческая миссія» Россія».

«Историческая миссія» Россіи—это ситенція или вовлеченіе въ кругъ своего вліянія прочихъ славянскихъ народностей. Выясняя современныя тенденціи русской политики, авторъ останавливается на исторіи Россіи, которая изложена очень удачно и вѣрно. Авторъ начинаетъ съ украинскаго княжества Кіева и Галича, затѣмъ переходитъ къ Москвѣ, выясняя по пути великое значеніе при созданіи Россійской Имперіи украинскихъ земель. Въ настоящее время инспираторы «исторической миссіи» Россіи обратили свое усиленное вниманіе на Галицію и Буковину. Авторъ довольно детально поясняетъ своимъ читателямъ тотъ, нѣсколько оригинальный образъ проявленія этого вниманія, который приноситъ столько хлопотъ несчастному украинскому населенію Австро-Венгріи. Не щадитъ авторъ также красокъ, вскрывая роль вшехполяковъ въ москвофильской агитаціи и ихъ новую «оріентацію», которую они съ безграничной политической слѣпотой старались и стараются навязать польскимъ руководящимъ сферамъ. Статья оканчивается указаніемъ на необходимость полной равноправности и свободъ всѣхъ національностей Австро-Венгріи, въ частности полной равноправности нѣмцевъ и мадьяръ со славянами.

Статья вызвала, конечно, взрывъ негодованія въ польской прессѣ Галиціи, которая вообще не любитъ, чтобы вѣнскіе круги были информированы объ украинскомъ вопросѣ кѣмъ-нибудь инымъ, а не поляками. Особенно не по вкусу пришлась статья

вшехполякамъ, двуличная политика которыхъ нашла себѣ должную оцѣнку у автора.

Статья написана въ подходящій моментъ и свидѣтельствуетъ о томъ, что правильный взглядъ на украинскій вопросъ, несмотря на препятствія, все-таки находитъ себѣ дорогу къ общественному мнѣнію придунайской имперіи.

Дм. Донцовъ.

Олександер Барвінський. Спомини з мого життя. Перша часть (з 10 портретами і двома картинами). Львів. 1912. Ст. 336. Ц. 1 кор. 50 сот.

Въ небогатой пока еще литературѣ украинской мемуаристики воспоминанія Александра Барвинскаго, первая часть которыхъ появилась недавно во Львовѣ, представляютъ безусловно замѣтное явленіе. Александръ Барвинскій—одинъ изъ выдающихся дѣятелей галицкой Украины. Правда, дѣятельность эта вся въ прошломъ, теперешнія его выступленія почти не играютъ роли въ жизни края. Съ того момента, какъ потерпѣла крахъ проведенная Барвинскимъ въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія «угода» между украинцами и поляками, политическая карьера его была уже кончена. Самое имя Барвинскаго, какъ представителя оппортунистической политики и врага радикализма, сдѣлалось среди радикальныхъ и демократическихъ группъ галицко-украинскаго общества синонимомъ чуть ли не измѣны демократическимъ завѣтамъ украинства.

Какъ бы ни относиться къ политической и національной дѣятельности Барвинскаго, воспоминанія его представляютъ большой интересъ, какъ живая лѣтопись національнаго возрожденія Галичины, написанная однимъ изъ самыхъ активныхъ дѣятелей этого возрожденія. Воспоминанія эти дѣйствительно носятъ черты лѣтописнаго повѣствованія: строго-хронологическій порядокъ изложенія, преобладаніе фактической стороны надъ разсужденіями и характеристики, спокойный объективный тонъ, даже лѣтописная сжатость, порой вызывающая сожалѣніе со стороны читателя: хотѣлось бы услышать побольше и поподробнѣе о томъ или иномъ фактѣ, о томъ или другомъ лицѣ.

Авторъ начинаетъ съ исторіи своего рода, старинной духовной фамиліи восточной Галичины, давшей своему народу цѣлыя поколѣнія служителей уніатской церкви. Съ эпической простотой повѣствуетъ авторъ о любопытныхъ чертахъ патріархальнаго быта духовной среды въ Галичинѣ 50-хъ годовъ, о старой школѣ, начиная отъ низшаго сельскаго училища и кончая университетомъ; наконецъ, изображаетъ первые начатки общественнаго движенія въ 60-хъ годахъ, когда брошенныя въ Галичину сѣмена украинской національной идеи дали богатый всходъ среди молодого поколѣнія. Интересны подробности основанія студенческихъ украинскихъ «громадъ», изданія первыхъ украинскихъ журналовъ, въ особенности «Правды», перваго органа, до извѣстной степени объединившаго вокругъ литературно-общественныхъ интересовъ украинскую интеллигенцію Россіи и Галичины; знакомство съ Конис-

скимъ, Лисенкомъ, Кулишомъ. Все это даетъ немало новыхъ черточекъ для исторіи отношеній, вообще мало извѣстныхъ и мало освѣщенныхъ. Но интереснѣе всего, на нашъ взглядъ, живые матеріалы, приложенные къ воспоминаніямъ Барвинскаго,—письма. По два—три письма отъ Ст. Новаковича (сербскаго ученаго и политика), Лисенка и болѣе шестидесяти писемъ Кулиша. Въ особенности интересны письма Кулиша, одно время находившагося въ большой дружбѣ съ Ал. Барвинскимъ и его покойнымъ братомъ Володимиромъ. Въ этихъ письмахъ (съ 1869 по 1890 гг.), весь Кулишъ, вся его страстная, нетерпимая натура, все его необъятное самомнѣніе и искренняя привязанность украинскому дѣлу, на которое онъ всегда смотрѣлъ подъ угломъ исторіи и не чуждъ былъ извѣстнаго романтизма. По этимъ письмамъ можно прослѣдить эволюцію національно-общественныхъ и историческихъ взглядовъ Кулиша съ того момента, когда стало рѣзко измѣняться его отношеніе къ историческому прошлому Украины (отрицаніе козачества); тутъ же и увлеченіе Галичиной, и тяжело разочарованіе—вплоть до «изломанія своего украинскаго пера»; дружба—и горькіе укоры за невниманіе и неаккуратное исполненіе порученій.

Весьма любопытны и письма Лисенка, характеризующія нашего славнаго Баяна и какъ украинскаго «громадянина), изъ далекаго Лейпцига, среди музыкальныхъ студій, слѣдящаго за всѣми проявленіями національной жизни на родинѣ.

Надо ожидать, что дальнѣйшее продолженіе воспоминаній представитъ еще большій интересъ, касаясь моментовъ наиболѣе яркихъ и отношеній мало еще освѣщенныхъ. Изданіе снабжено портретами автора, его семьи и его корреспондентовъ.

Д. Д—ко.

Литературная лѣтопись.

— Въ № 6 „Семейнаго Журнала“ помѣщенъ въ переводѣ съ украинскаго разсказъ С. Черкасенко „Рождественскій визитеръ“. Переводъ принадлежитъ Н. Еремѣеву.

— Въ № 57 „Утро Россіи“ (Москва) помѣщена краткая рецензія В. В—ча на книгу С. Щеголева, рѣзко осуждающая это „руководство для лицъ и учрежденій, занимающихся ловлей человѣковъ“.

— Въ № 27 „Сибирской Нови“ напечатана обстоятельная статья г. П—аго „Украинцы и бѣлоруссы въ Сибири“.

— № Въ „Южномъ Краѣ“ (отъ 26-го февр.) находимъ статью Ал. Станкевича, посвященную 52-й годовщинѣ со дня смерти Шевченка, и передовую статью подъ заглавіемъ „Украинская жизнь“, знакомящую читателей газеты съ репрессіями по отношенію къ украинству.

— Въ февральской книжкѣ новаго интереснаго русскаго журнала „Голосъ Минувшаго“ начата печатаніемъ статья Л. Козловскаго „Польскіе романтики украинской школы“. Отзывъ о работѣ Л. Козловскаго мы дадимъ послѣ окончанія печатаніемъ его статьи.

— Въ № 50 елисаветградскаго „Голоса Юга“ Б. В—ій въ статьѣ „Украинскія дѣла“, сообщая о цѣломъ рядѣ репрессій со стороны мѣстной администраціи по отношенію къ украинскимъ начинаніямъ, высказываетъ мысль, что эти „репрессіи составляютъ неотемлемую и традиціонную принадлежность „украинской жизни“. Авторъ съ грустью констатируетъ, что „нѣкоторая часть русскаго прогрессивнаго общества настроена враждебно противъ украинскаго движенія“, и заканчиваетъ свою статью слѣдующими словами: „по-разному можно думать о роли

современнаго украинскаго движенія, но за аксіому, казалось бы, нужно принять, что репрессіями нельзя подавить стремленіе къ національному самосознанію".

— Въ „Южной Зарѣ" (26 февр. с/г., № 210) Л. Жигмайло въ интересной и по содержанію, и по благородному тону статьѣ „Къ годовщинѣ смерти Т. Г. Шевченко" останавливается на книгѣ „словесъ живыхъ", которая для автора, „какъ и для многихъ, является солнцемъ, озаряющимъ многіе вопросы жизни, выдвинутые иногда не въ мѣру обостреннымъ даннымъ моментомъ". Такимъ вопросомъ г. Жигмайло совершенно вѣрно считаетъ національный, который Шевченкомъ разрѣшался въ высшей степени гуманно и просто: въ братскомъ единеніи народностей. Нынѣ этотъ вопросъ перерѣшается наново, подъ вліяніемъ „націонализма" русской политики. Не останавливаясь на всякаго рода централистическихъ рѣшеніяхъ вопроса, авторъ противопоставляетъ мнѣнію „гиганта южнорусской поэзіи" мнѣніе равнаго ему по силѣ мысли и глубинѣ взглядовъ русскаго писателя Максима Горькаго, изложенное въ № 9 нашего журнала и достаточно извѣстное нашимъ читателямъ. „Сопоставляя слова Горькаго и слова, сказанныя по тому же поводу Шевченкомъ уже 52 два года назадъ,— говоритъ авторъ,—невольно рисуешь себѣ образъ двухъ исполиновъ человѣческаго генія, протянувшихъ другъ другу дружески руку надъ пропастью въ 52 г. Они гиганты—для нихъ нѣтъ бездны, нѣтъ пропасти: они прозрѣваютъ силою своего генія то, чего мы еще не можемъ зачастую разглядѣть, и, вѣрно, не скоро еще и русичи, солнцевы внуки" приблизятся настолько къ солнцу истинной взаимной любви и пониманія, чтобы завести на землѣ „тихій рай" (Шевченка)", а всѣ-же, когда почувствуешь всю прелесть истинной человѣчности, освѣщающей тотъ или иной вопросъ, то невольно подобно травушкѣ-полынушкѣ порадуешься тому, что можетъ видѣть солнце и „згадать його не злымъ тихимъ словомъ".

— Въ Москвѣ вышла на этихъ дняхъ новая книга Н. Дурново Хрестоматія по малорусской діалектологіи. Пособіе при преподаваніи русскаго языка въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ приложеніемъ карты.

— Въ журналѣ „Труженикъ" (Полтава) въ № 8 помѣщенъ переводъ съ украинскаго разсказа „Пенсія" (безъ указа ея автора) и одного стихотворенія Олеся С. Михайло.

— Въ „Петербургской Новой Газетѣ, (№ 13, отъ 13 марта) помѣщена краткая замѣтка о 1—12 №№ „Украинской Жизни" за 1912 г.

— Появилась въ печати украинская опера покойнаго Н. Лисенка „Тарасъ Бульба" въ 5 дѣйствіяхъ и семи картинахъ съ двумя текстами М. Старицкаго, на украинскомъ и русскомъ языкахъ. Обложка работы украинскаго художника Бурачка. Цѣна оперы 10 р. Оперу можно выписывать изъ Кіева, магазинъ Идзиковскаго.

— Въ № 6—7 чешскаго журнала „Slovansky Prehled" помѣщена небольшая замѣтка І. Евшана: „Ukrajiska literatura r. 1912", и корреспонденція Н. В. „L ruské Ukrajinu".

— № 52 издающейся въ С.-Петербургѣ нѣмецкой газеты „Petersburger Gerold" г. А. Ш. помѣстилъ статью, посвященную памяти Шевченка (по поводу 52-лѣтней годовщины со дня смерти поэта). Въ статьѣ имѣются и фактическія информаціи о современныхъ успѣхахъ украинскаго движенія, изложенныя сжато и правдиво.

— Въ № 13-мъ кіевскаго журнала „*Огни*" Гр. Сьогобочный въ статьѣ „Послѣ антракта" дѣлая короткую историческую справку объ украинскихъ марксистскихъ изданіяхъ, выходившихъ въ предѣлахъ Россіи, останавливается на первыхъ двухъ книжкахъ новаго марксистскаго журнала на украинскомъ языкѣ „Дзвін", отмѣчая разнообразіе въ содержаніи новаго журнала и дѣлая общую благопріятную оцѣнку его.

— Въ англійскомъ еженедѣльникѣ „New Age" (Лондонъ) въ № отъ 10-го апрѣля извѣстный читателямъ нашего журнала Джорджъ Рафаловичъ въ статьѣ „The Ukraine" знакомитъ англійскихъ читателей съ украинскимъ вопросомъ въ его исторической перспективѣ и современномъ положеніи.

— Англійскій еженедѣльникъ „The Comentator" посвятилъ статьи F. S. Barlett'a украинской народной музыкѣ, причемъ авторъ много останавливается на украинскихъ народныхъ думахъ и подчеркиваетъ огромное значеніе для развитія нашей музыки композиторской дѣятельности покойнаго Лысенка.

— „Христина Даниловна Алчевская. Полувѣковый юбилей. 1862 — 1912". Книга посвящена описанію празднованій юбилея дѣятельницы на нивѣ русскаго просвѣщенія, украинки по происхожденію. Среди адресовъ, привѣтствій и телеграммъ имѣется немало и украинскихъ.

Новыя книги „Просвітні змагання галицких украінців в 19 виці (до 1850 р.) Очерки Михаила Возняка. Популярно и сжато представлена исторія культурно-просвѣтительныхъ стремленій галицкихъ украинцевъ. Изданіе вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію. 2) *З минулого Ка теринославщини Д. Дорошенка.* Изд. екатеринославской „Просвіти". Краткая, живо написанная исторія Екатеринославской губ. съ изложеніемъ главнѣйшихъ историческихъ событій, имѣвшихъ мѣсто на территоріи края, и краткой характеристики экономической жизни послѣдняго.

— 1) Матеріалы по исторіи Малороссіи. Вып. I. Письма къ И. Забѣлину и его вдовѣ. Подъ ред. В. Л. Модзалевскаго; 2) Проф. Д. Н. Богалѣя Очерки изъ русской исторіи. Т. II. Монографіи и статьи по исторіи Слободской Украины. 3) Въ „Трудахъ Черниговской Архивной Комиссіи" (Вып. IX) статья И. Я. Дорошенка, „Очеркъ крѣпостного права въ Малороссіи и крестьянской реформы въ Черниговской губ." 4) Въ „Извѣстіяхъ О-ва Любителей Изученія Кубанской Области" (Вып. V) г. Крыжановскаго „Крѣпостное право въ землѣ Черноморскаго, нынѣ Кубанскаго войска" Ф. Щербинъ. „Темы для изученія Кубанской области" и Б. Городецкаго „Кто и какъ изучилъ Кубанскую область".

Книги, поступившія въ редакцію.

J. Baudouin de Courtenay. W „Kwestyi Zydowskiej" Warszawa. 1913.

І. Щоголів. Що шкодить нашим садкам. Кн. І. Бібліотека „Ріллі" № 8. Київ. 1913. Ціна 6 коп.

Г. Левченко. Стогін життя. Київ. 1913. Ціна 20 коп.

А. Г. Мтисенъ. Бесѣды по полеводству. Библіотека журнала „Хуторянинъ". 3-е изданіе. Цѣна 20 коп. Полтава. 1913.

Я. К. Имшенецкій. Мелкій кредитъ и его значеніе въ народномъ хозяйствѣ. Полтава. Ц. 7 коп.

С. П. Кулжинскій. Улучшеніе сѣмянъ. Полтава. 1913. Ц. 10 коп.

Гр. Давидовскій. Украіна. Поэма для хора à capella. Ростовъ н/Д.

Его же. Бандура. Фантазія на украинскія темы для хора à capella. Ростовъ н/Д. 1913.

Его же. Кобза (Продолженіе „Бандуры"). Фантазія на украинскія темы для хора à capella. Ростовъ н/Д. 1913.

С. Черкасенко (Провинціал). Жарти сатира. Оповідання. Видавництво „Волосожар". Київ. 1913. Ц. 30 коп.

Михайло Жук. Співи Землі. Чернигів. 1912. Ціна 50 коп.

Янка Купала. Шляхам жыцьця. Пецярбург. 1913. Цэна 1 р. 25 коп.

Извѣстія Одесскаго Библіографическаго Общества при Императорскомъ Новор. Универс. Т. II, вып. 3 Одесса. 1913.

Етнографічний Збірник. Видає Етнографична Комісія Наук. Тов. імени Шевченка. Т. XXXIII. Знадоби до украінської демонольогії. Зібрав. В. Гнатюк. У Львові. 1912.

Ча опись правнича і економічна. Том X. Правничі і економічні розвідки. У Львові. 1912.

Наша Заря. Ежемѣсячный журналъ. № 3. СПБ. 1913. Ц. 30 коп.

Проф. М. И. Туганъ-Барановскій. Общественно - экономическіе идеалы. СПБ. 1913.

Хроніка Наукового Тов. ім. Шевченка у Львові вып. IV 1913. ч. 52.

Історія Украіни — Руси. Написа-Михайло Грушевскій т. VIII ч. I. Київ—Львів. 93. ц. 2 р.

Редакторъ-издатель Я. А. Шеремецинскій

„ДЗВІН“

новий літературно-науково-артистичний журнал-місячник, виходить у Київі.

«ДЗВІН» є журналом демократичним і обстоює інтереси робітничих верств; містить твори красного письменства, статі наукового змісту з історії, литературы і природничих наук, критику і бібліографію, огляди наукового, літературного і громадського житя в Росії і за кордоном, хронику і переписку редакції; при нагоді містить і люстрації і на окремих листах і в тексті.

«ДЗВІН» виходить при участи такихъ співробітників: Алчевська, Х., Антонович, Д., Бачинській, Ю., Безпалко, О., Богун, М., Бувший, П., Винниченко, В., Вороний, М., Гадячанин, С., Гилька, І., Дніпрова-Чайка, Донцов, Д., Дятловъ П., Коцюбинській, М., Лазаревській, Б., Левинський, Е., Леся Українка, Личко, Д., Лозенко, К., Луначарський, А., Миргородський, К., Назаріів, О., Петлюра, С., Понятенко, П., Романович, Н., Садовський, В., Сергієнко, Д., Сірий Юр., Скоропис, О., Степанюк, В., Хвиля, М., Черкасенко, С., Чумак, В., Чупринка, Г., Юркевич, Л., и ин.

Рукописи надсилати і в справах редакційних просять тимчасово звертатись по такій адресі: Київ, Жилянська, 20, редакція журнала «Дзвін».

Передплата на «ДЗВІН» коштує: в Россіі на рік 3 карб., на пів року 1 карб. 75 коп., на чверть року 1 карб.; въ Австріи: на рік 6 корон, на пів року 3 корони, на чверть року 1 корона 70 сотиків; в Німеччині на рік 6 марок, на пів року 3 марки; въ Америці на рік 2 доляри, на пів-року 1 доляр.

Передплату с Австріі, Німеччини, Америки і з всіх наших країв належить посилати на таку адресу:

Ігорфиръ Буняк, у Львові, ул. Різбарска, ч. 5, для «Дзвону». (Lemberg, Anstria).

Приймається передплата на 1913 рік на Український місячник літератури науки й громадського життя

„ЛІТЕРАТУРНО-НАУКОВИЙ ВІСТНИК“

Виходить книжками по 12—15 аркушів великого формату. При близчій участи: В. Винниченка, М. Грушевського, М. Євшана, О. Кобилянської, М. Коцюбинського, О. Левицького, В. Леонтовича, Лесі Українки, О. Олеся, Ю. Сірого, Л. Старицької-Черняхівської, Л. Цегельського і инш.

Л.-Н. Вістник виходить при участи визначнійших письменників, учених і публицистів України Російської і Австрійської та служить органом культурнаго житя цілої України. Л.-Н. Вістникъ подає багато оригінальної белєтристики; переважна більшість визначнихъ наших белєтристів постійно друкує к нім свої твори, а з визначнійших закордонних літературних творів даються переклади. Л.-Н. Вістник містить популярно наукові статі й огляди спеціалистів з української історії, литератури та суспільної економії, наук природних і техніки. Л.-Н. Вістник знайомить з поступами житя і культури української і всесвітної, з філософії і соціольогії, являється неминучо потрібним для всякого освіченого Українця органом всеукраїнського національнаго культурнаго житя.

Редакція і головна контора: Київ, В-Підвальна, 14, кв. 30.

На рік 8 руб.: за пів року 4 руб. 50 коп. для незаможних учнів, студентів, сельських учителів, низчих служащих, робітників і селян 6 руб., але тільки коли вони передлачують журнал просто з контори. Кому трудно відразу, нехай присилає на перше число кожного місяця по 1 руб. поки збереться повна передплата, а журнал посилається зараз. Комісіонерам 5% принятої ними передплати.

КОМПЛЕКТИ за попередні роки продаються по 8 руб.

Открыта подписка на 1913 годъ на ежедневную газету

„Кіевская Мысль".

Еженедѣльно иллюстрированныя приложенія.

Въ газетѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица: Д. Я. Айзманъ, А. В. Амфитеатровъ, Антидъ-Ото, А. Н. Ачкасовъ, Е. А. Адамовъ, М. С. Балабановъ, С. И. Барщевскій, И. М. Билликъ, С. И. Бразуль-Брушковскій, М. Бразъ, Г. Г. Бурдановъ, В. В. Вакаръ, К. П. Василенко, Н. П. Василенко, П. А. Виленскій, Л. Н. Войтоловскій, В. И. Володинъ, О. Волкенштейнъ, А. Вороновъ, Гарольдъ (И. М. Левинскій), Елена Гинзбургъ, Homunculus, Э. А. Гольденвейзеръ, И. В. Джонсонъ, А. М. Дмитровскій, С. З. Дижуръ, В. А. Дрелингъ, Дезесперанто, І. Г. Дроздовъ, А. Егоровъ, Д. І. Заславскій, проф. Д. К. Заболотный, Н. К. Ивановъ, М. О. Іоселевичъ, С. И. Казановскій, Н. В. Калишевичъ, Н. П. Козеренко, А. М. Козаринскій, П. И. Кореневскій, С. П. Ковальскій, Е. М. Кузьминъ, Н. Р. Кугель, Людвигъ Крживицкій, А. Львовъ, А. М. Лебединскій, L. Mête, М. Д. Липманъ, Lolo, Ю. И. Лещъ, М. И. Лировъ, Р. К. Лубковскій, М. Р. Лубковскій, А. В. Луначарскій, А. К. Малашевскій, Д. М. Марголинъ, А. Л. Майзелисъ, М. С. Мильрудъ, Г. Наумовъ, Ф. П. Негоревъ, Л. М. Немановъ, А. Н. Николаевъ, В. А. Никитинъ, К. М. Оберучевъ, В. А. Ордынскій, Н. П. Омельченко, Н. Ф. Пономаревъ, Ф. Рехневскій, М. Б. Рабиновичъ, М. Б. Ратнеръ, В. Рудинъ, А. В. Свирскій, В. С. Илличъ-Свитычъ, А. К. Скрынниковъ, С. А. Соляковъ, П. А. Тулубъ, А. А. Хирьяковъ, Г. Христіанъ, В. А. Чаговецъ, Е. П. Чириковъ, Е. Г. Шольпъ, Петръ Шубинъ, С. А. Эвенсонъ, М. И. Эйшискинъ, Энзисъ, А. А. Яблоновскій, А. И. Ярошевичъ, П. М. Ярцевъ, С. Ястребовъ, и др.

Письма съ театра войны. Антидъ-Ото, А. Львовъ, Е. Н. Чириковъ. Письма изъ Петербурга: Е. Адамовъ, Л. Немановъ. Письма изъ Москвы: П. Шубинъ. Корреспонденціи: изъ Варшавы (Л. Крживицкій, Рехневскій), Вѣны (М. Б. Ратнеръ), Берлина (Энзисъ), Парижа (Вороновъ, А. Луначарскій), Лондона (А. Егоровъ), Нью-Іорка (Э. Гольденвейзеръ), Рима (Христіанъ), Константинополя (Prvs) и др. Телеграммы собств. корресп.: изъ Вѣны, Софіи, Бѣлграда, Лондона, Константинополя, Берлина, Петербурга, Москвы Одессы, Варшавы, Харькова, Екатеринослава, Ростова-на-Дону, Ялты и др.

Подписная плата съ доставкой или пересылкой: на 12 мѣс. 11 р., на 11 мѣс. 10 р. 40 к., на 10 мѣс. 9 р. 50 к., на 9 мѣс. 8 р. 60 к., на 8 мѣс. 7 р. 70 к., на 7 мѣс. 6 р. 80 к., на 6 мѣс. 6 р., на 5 мѣс. 5 р. 30 к., на 4 мѣс. 4 р. 30 к., на 3 мѣс. 3 р. 30 к., на 2 мѣс. 2 р. 30 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к. За границу доплачивется по 1 рублю въ мѣсяцъ. Разрочка для годовыхъ подписчиковъ: Въ два срока: 1-й взносъ 6 р. при подпискѣ. 2-й взносъ 5 р. къ 1-му іюня. Или въ три срока. 1-й взносъ 4 р. при подпискѣ, 2-й взносъ 4 р. 1 апрѣля, 3-й взносъ 3 руб. 1 августа. Для сельскихъ учителей и сельскаго духовенства, земскихъ фельдшеровъ и фельдшерицъ (при непосредственномъ обращеніи въ главную контору) 1 м.—85 к., 2 м.—1 р. 70 к., 3 м.—2 р. 55 к., 4 м.—3 р. 50 к., 5 м.—4 р. 35 к., 6 м.—5 р., 7 м.—5 р. 70 к., 8 м.—6 р. 45 к., 9 м.—7 р. 10 к., 10 м.—7 р. 80 к., 11 м.—8 р. 40 к., 12 м.—9 р: Безъ доставки въ Кіевѣ—1 р. въ мѣсяцъ. Для гг. учащихся въ высш. учебныхъ заведеніяхъ (въ Кіевѣ) при личномъ обращеніи въ контору и представленіи билета учебнаго заведенія,—въ мѣс. 85 к.

Принимается подписка на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

„ОГНИ"

издающійся въ Кіевѣ О П. Прохаско.

Третій годъ изданія.

Подписная цѣна на еженедѣльный журналъ **«Огни»** съ доставкой и пересылкой: въ Россіи: на годъ—**2** р., на полгода—1 р., на 3 мѣсяца —**50** к.; за границу: на годъ—**3** р., на полгода—**1** р. **50** к., на 3 мѣсяца—**75** коп.

Адресъ редакціи и конторы: Кіевъ, Фундуклеевская ул., 26.

Открыта подписка на 1913 годъ
НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ПУТЬ“

подъ редакціей И. А. Бѣлоусова.
(2-й годъ изданія).

Въ истекшемъ году въ журналѣ «Путь» среди другихъ произведеній были напечатаны вещи слѣдующихъ авторовъ: Максима Горькаго, Ивана Бунина, Ильи Рѣпина, Е. Чирикова, И. Бѣлоусова, В. Гофмана, И. Шмелева, Н. Д. Телешова, Скитальца, И. И. Попова, Л. Гальберштадта, Б. Лазревскаго, С. Семенова, А. Коринѳскаго, С. С. Мамонтова, Д. Ратгауза, К. Фофанова, В. Чешихина (Вѣтринскаго), Н. Мѣшкова, Л. Зилова, Юрія Соболева, Н. Бернера, А. Чумаченко, Н. Львовой, М. Гальперина, С. Дрожжина, Н. Ашукина, Ю. Веселовскаго, П. Тулуба, М. Новиковой, А. Замиралова, Г. Вяткина, М. Сандомірскаго, П. Сухотина, В. Вѣтвицкаго и мн. др.

Вступая во второй годъ изданія, журналъ значительно расширяетъ свою программу и помимо обычныхъ отдѣловъ вводитъ слѣдующіе новые:

I. Изъ дневника (мысли и впечатлѣнія)—живой откликъ на всѣ выдающіяся явленія литературно-художественной и общественной жизни.

II. Литературный архивъ: воспоминанія, замѣтки и сообщенія о жизни и дѣятельности литераторовъ, художниковъ, артистовъ и общественныхъ дѣятелей. Этотъ отдѣлъ будетъ иллюстрированъ портретами, снимками съ картинъ изъ жизни писателей и артистовъ, снимками съ автографовъ—писемъ, рукописей и пр.

Отдѣлы — общественный (обзоры русской и заграничной жизни) и научный будутъ значительно расширены. Въ распоряженіи редакціи для ближайшихъ нумеровъ журнала имѣются произведенія слѣдующихъ авторовъ: И. А. Бунина, А. Федорова, Марка Криницкаго, И. Бѣлоусова, И. И. Попова, Н. В. Некрасова, Л. И. Гальберштадта, И. Шмелева, Н. Телешова, С. С. Мамонтова, Н. Тимковскаго, С. Гусева-Оренбургскаго, И. Новикова, Н. Мѣшкова, Л. Зилова, Юрія Соболева и др.

Подписная цѣна: На годъ—3 руб., на полгода—**1** руб. **50** коп., на 4 мѣс.—**1** руб. съ перес. и дост. За границу—вдвое. Цѣна отдѣльн. №—**35** коп., съ пересылк. и въ провинціи—**40** коп.

Редакторъ-издатель **И. А. Бѣлоусовъ.**

Подписка принимается, кромѣ редакціи и конторы, въ конторѣ Н. Печковской—Москва, Петровскія линіи; въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтово-телеграфныхъ отдѣленіяхъ.

Адресъ редакціи: Москва, Соколиная улица, д. 22. Телефонъ 89-54.

„МАЯК“

Приймається передплата на рік 1913-й на новий популярний літературно-громадський **тижневик „Маяк“** буде обслуговувати культурно-національні потреби української сельської й міської інтелігенції й буде освітлювати всі значніші події в політичному й культурному житті України. **„Маяк“** матиме широкий програм, даватиме місце літературним і художнім творам, звертатиме увагу на громадське життя краю. Поруч з політичними питаннями будуть розглядатися справи економічні й кооперативні. До участи в „Маякові“ запрошуються найкращі автори. Журнал буде добре ілюстрований. **Цѣна „Маякові“** на рік—3 руб., 1/2 року—1 руб. 75 коп. Адреса редакції: **Київ**, Тургенівська, 9.

Редактор-Видавець **З. Шевченко.**

Приймається предплата на 1913 рік

на українську газету „РАДА“ рік видання восьмий

Газета політична, економична і літературна.

Виходить у Київі що дня оприч понеділків і днів після великих свят.

«**Рада**» має широку програму, як звичайні великі політичні газети: дає огляди життя політичнаго, громадського, економичного на Вкраіні, в Росії і за-границею: друкує фельєтони, а також статті критичні і твори красного письменства.

«**Рада**» зостаючись і надалі непартійною газетою, обстоюватиме змагання до поширення прав суспільства й органів громадського самоврядування.

«**Рада**» звертатиме як найбільшу увагу на справу **народньої просвіти** шкільної й по-за шкільної, на **потреби** нашого **вчитательства та на питання культурно-просвітнього характеру**—і буде змагатися за найкраще розвязання цих справ для всього украіньского люду

«**Рада**» вважає, що поліпшення матеріяльного добробуту людности,—економичний розцвіт країни—є основным грунтом для зросту національної культури. Визнаючи це, „Рада“ буде обстоювати **кооперативну справу** на Вкраіні в усяких ії формах: поширення сельсько-господарських товариств, товариств споживчих, продукційних то-що і подаватиме докладні статті, дописи та звістки про кооперативну справу взагалі, а на Украіні особливо.

«**Рада**» буде подавати звістки і статті про **життя культурне, економичне і політичне**, про здобутки і втрати, яких зазнає украінський люд **за кордоном Росії**: въ Галичині, на Буковині, в далеких колоніях: в Канаді, в Сполучених Штатах, в Бразилії... Доля та життя наших **переселенців** в Сібірі, на Кавказі—знайдуть тако-ж освітлення на сторінках „Ради“.

ДО СПІВРОБІТНИЦТВА в «РАДІ» запрошено визначніші літературні и наукові сили.

«**Рада**» має ВЛАСНИХ **кореспондентів** в Державній Думі, в Державній „Раді“, а також в **політичних центрах Європи, в Лондоні, в Парижі, в Римі, у Відні, в Празі, у Львові, в Чернівцях** і в усіх визначніших містах Украіни по цей і по той бік кордону.

В 1913 році „РАДА“ друкуватиметься виразним и стислим шріфтомъ і матеріалу буде входить в кождий № значно більше.

Ціна „РАДИ“ з доставкою і пересилкою в Россії:

на рік	на 11 м.	на 10 м.	на 9 м.	на 8 м.	на 7 м.	на 6 м.	на 5 м.	на 4 м.	на 3 м.	на 2 м.	на 1м.
6	5. 70.	5. 25.	4. 75.	4. 25.	3. 75.	3. 25.	2. 75.	2. 25.	1. 75.	1. 25.	65

Передплату на рік можна виплачувати частками в такі строки: на 1 янв. 3 карб. і на 1 апр. 3 карб.; в 3 строки: на 1 янв. 2 карб., на 1 марта 2 карб. на 1 мая 2 карб., або по 1 карб. що місяця впродовж першого півріччя.

Кождий переплатник може одержати з к-ри „Рада“ за 6 карбованців

„СЛОВНИК украіньскої мови“

Зібраний редакцією журн. „Кіевская Старина“, премірований Рос. Акад. Наук і виданий под редакцією і з доповненнями Б. ГРІНЧЕНКА, **в 4-х великих томах. В книгарнях словник цей продається по 8 карб., без пересилки.**

ЗМІНА АДРЕСИ—30 коп., **артистам і учням всіх шкіл**—БЕЗПЛАТНО.

Адреса редакції і головної контори: у Київі, Велика-Підвальна вул., д. 6, біля Золотих Воріт. Телефон 1458.

Передплата на„ Раду“ на таких-же самих умовах, що і в конторі, приймається: у **Київі**: 1) в „Украінській книгарні“, Безаківська, 8, 2) в книгарні „Л. Н. В“. Б.-Володимирська, 28), 3) въ Книгарні Череповського, Фундуклеівська 4; і 4) в. крамниці „Час“, В. Володимирська 53; в **Одесі** „Дѣло“, Конна, 11, в **Катеринославі**—Книгарня Лозинської, Проспект: в **Полтаві** — Книгарня Маркевича, бульвар Котляревського і в „Украінський Книгарні“ Петровська ул.; в **Петербурзі**—Книгарня Вольф і „Украинська Книгарня і Базар“ В. О. 3 линія № 24, въ **Харькові**—„Украінська Книгарня“, Петровський пер. 18.

Редактор В. ЯНОВСЬКИЙ. **Видавець Є. ЧИКАЛЕНКО.**

„Ілюстрована Україна“

новий ілюстрований журнал посьвячений лїтературі, критиці, малярству, архитектурі, пластиці, народній штуці, театральним справам, музиці, українській минувшин, етнографі і фізичному вихованю.

Містить також описи подорожий, житєписи, спомини, огляди украньского життя, бібліографію і. т. п.

«ІЛЮСТРОВАНА УКРАІНА» ведена на взір великих ілюстрованих журналів Европи.

Редагує комітет під проводом

Др. Івана Крипякевича.

Виходить у Львові кождої другої суботи. Передплата виносить в Австриї річно 8. к. піврічно 4 к., поодиноке число коштує 32 сот., в Россії річно 5 карб. піврічн. 2½ карб.

Адрес редакциї і адмінїстрациї:

„ІЛЮСТРОВАНА УКРАІНА“ ЛЬВІВ,

ул., Сербська ч. 15 II п. Чекове конто: 22.839

В Росії приймає передплату на „Ілюстровану Україну“

В Київі: Книгарня Лїтературно-Наукового Вістника ул., В. Володимирська, 28.

В Петербурзї: Українська книгарня, Базар, Вас. остр., 3 лїнїя, д. 24.

В Одессї: Українська книгарня „Діло“, ул. Преображенська, 11.

В Полтавї: Українська книгарня ул. Малопетровська.

23027

УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ

№ 5.
МАЙ 1913 г.

Москва.

Годъ изданія второй.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.
Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. **Портретъ Ивана Франка.**
II. **Писатель-гуманистъ** (къ 40-лѣтію литературной дѣятельности Ивана Франка). *С. А. Ефремова*... 5
III. **Писатель своего народа** (Иванъ Франко какъ беллетристъ). *М. Данька* 17
IV. **И. Франко-поэтъ національной чести** *С. В. Петлюры* 26
V. Фотографическая группа съ изображеніемъ В. Б. Антоновича, Ѳ. Р. Рыльскаго, В. Л. Беренштама, Ѳ. Т. Панченка и Б. С. Познанскаго.
VI. **Воспоминанія** (конецъ) *Б. С. Познанскаго* 41
VII. **Петербургская Академія Наукъ и Украинская Литература.** *Вол. Я.* 52
VIII. **Петербургская „Просвіта“.** *П. І. Стебницкаго*. . . 61
IX. **Украина въ европейской прессѣ.** *С. Ф. Русовой* ... 72
X. **Начало конца** (Письмо изъ Галиціи) *Дм. Донцова.* 75
XI. **На текущія темы.** (Модный вопросъ. — Символическія фигуры и насажденіе добрыхъ нравовъ.— Борьба съ хулиганствомъ.— Нефтеносный фонтанъ въ редакціи „Новаго Времени“. *С. А. Ефремова.* 86
XII. **На Украинѣ и внѣ ея.** За мѣсяцъ. — Къ нашему обществу (отъ Библіотеки Науковаго Товариства ім. Шевченка во Львовѣ). Приготовленія къ юбилейному чествованію памяти Шевченка.— Развалины старинной крѣпости около с. Бачевска, Глуховскаго уѣзда, Черниговской губ.— Земская юридическая консультація и украинское населеніе.—Московская повременная печать противъ законопроекта о печати 94
XIII. Литературная лѣтопись. 107
XIV. Книги, поступившія въ редакцію 109
XV. Объявленія. 110

23027

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ

на ежемѣсячный журналъ

„УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ“

(Второй годъ изданія).

Журналъ издается на русскомъ языкѣ и ставитъ своею цѣлью ознакомленіе общества съ состояніемъ, ростомъ и задачами украинскаго національнаго движенія и вообще съ жизнью, потребностями и запросами 30-милліоннаго украинскаго народа.

Въ теченіе 1912 года въ „Украинской Жизни“ были напечатаны, въ числѣ другихъ, слѣдующія статьи.

Проф. М. С. Грушевскій. Украина и украинство.—**Его же.** Новое знамя націоналистовъ.—**О. Бѣлоусенко.** Гибель „Просвѣт“.—**Его же.** Украинскіе моменты въ холмскомъ вопросѣ.—**Его же.** Lex Pichniana.—**Старый Украинецъ.** Украинскій книжный языкъ и общерусская культура.—**Ан. Василько.** Къ холмскому вопросу.—**А. Ѳ. Саликовскій.** Судьбы украинскаго слова.—**Его же.** Больной вопросъ.—**Его же.** Одна изъ очередныхъ задачъ.—**Б. А. Кистяковскій.** М. П. Драгомановъ и „Вольное Слово“.—**С. В. Петлюра.** Къ драмѣ жизни Шевченка.—**Его же.** Къ вопросу о культурномъ творчествѣ.—**Проф. Ѳ. Е. Коршъ.** Къ спору объ украинской культурѣ.—**Д. Сиромаха.** Соединеніе Украины съ Москвою.—**Проф. А. Л. Погодинъ.** Соединеніе или разложеніе?—**С. Буда.** Памятникъ Т. Г. Шевченку.—**Его же.** Украинскій театръ.—**К. М. Оберучевъ.** Къ вопросу объ экономическихъ отношеніяхъ Украины къ Великороссіи и Польшѣ.—**В. Ладыженко.** Національное искусство и задача искусства на Украинѣ.—**Ник. Василенко.** Декабристъ объ Украинѣ.—**Н. В.** Политическіе взгляды М. П. Драгоманова.—**М. М. Могилянскій.** О культурномъ творчествѣ.—**Его же.** Коцюбинскій и Винниченко. — **Проф. Н. Ф. Сумцовъ.** Украинскій этнографизмъ.—**А. Хатченко.** Герценъ и Украина.—**Его же.** М. П. Драгомановъ и вопросъ о самостоятельности украинской культуры.—**С. Ф. Русова.** Современная украинская лирика.—**Ея же.** Національный вопросъ въ европейскомъ освѣщеніи. — **Дм. Донцовъ.** Русскій либерализмъ и украинское движеніе.—**Его же.** Украина въ новѣйшей европейской литературѣ.—**Его же.** Письма изъ Галиціи.—**В. Садовскій.** Украинскій вопросъ въ третьей Думѣ.—**Е. Олесницкій** (деп. рейхсрата). Борьба за украинскій университетъ.—**Вл. Жаботинскій.** О русскомъ либерализмѣ.—**М. Горькій.** О русской интеллигенціи и національныхъ вопросахъ.—**М. Гордіенко.** Капитализмъ и русская культура на Украинѣ.—**А. Л.** Украинскій архитектурный стиль.—**А. В. Луначарскій.** О націонализмѣ вообще и украинскомъ движеніи въ частности.—**Л. Н. Жебуневъ.** Почему былъ бѣденъ украинскій отдѣлъ на выставкѣ печати.—**Л. Василевскій** (Плохоцкій). Спорные вопросы въ области польско-украинскихъ отношеній.—**С. А. Ефремовъ.** Предъ спущенной завѣсою.—**Его же.** На зарѣ возрожденія.—**А. А. Русовъ.** Н. В. Лисенко.—**А. Л. Масловъ.** Украинская народная музыка.—**П. И. Чижевскій.** Украинцы среди политическихъ ссыльныхъ.—**К. Е. Шероцкій.** Мотивы украинскаго орнамента.—**В. Дорошенко.** Украинская академія наукъ.

Кромѣ того въ вышедшихъ книжкахъ напечатанъ рядъ статей **С. А. Ефремова**—На текущія темы; **В. В. Садовскаго**—Изъ земской жизни на Украинѣ; **С. Б.**—Обзоры украинской жизни; **М. Ж—ка**—Изъ украинской печати; **О. Хоменка**—Изъ русской печати.

Въ каждой книгѣ—отдѣлы: „**На Украинѣ и внѣ ея**“ (извѣстія, замѣтки, сообщенія и т. д.) и „**Библіографія**“.

Въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ" принимаютъ участіе слѣдующія лица:

С. П. Балабуха, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, И. А. Бочковскій, И. К. Брусиловскій, С. А. Буда, О. Бѣлоусенко, И. А. Бѣлоусовъ, Н. Ф. Бѣляшевскій, Leon Wasilewski, прив.-доц. Н. П. Василенко, Ан. Василько, В. В. Водовозовъ, М. Вознякъ, проф. Ф. К. Волковъ, Гр. Гетьманецъ, прив.-доц. А. С. Грушевскій, проф. М. С. Грушевскій, М. Данько, Дм. Донцовъ, В. Дорошенко, Д. Дорошенко, С. А. Ефремовъ, В. Е. Жаботинскій, Л. Н. Жебуневъ, М. Зализнякъ, И. В. Ивановъ (Джонсонъ), Б. А. Кистяковскій, прив.-доц. И. А. Кистяковскій, проф. Ѳ. Е. Коршъ, проф. А. Е. Крымскій, К. Ладыженко, И. В. Лебединскій, М. Ф. Левицкій, Н. В. Левитскій, Ор. Левицкій, В. Липинскій, М. Лозинскій, А. В. Луначарскій, проф. И. В. Лучицкій, Д. Марковичъ, Ф. П. Матушевскій, С. П. Мельгуновъ, Н. Б. Миркинъ, А. Михура, Мих. Могилянскій, В. П. Науменко, А. П. Новицкій, К. М. Оберучевъ, В. П. Обнинскій, деп. австр. парл. д-ръ Е. Олесницкій, И. А. Панкевичъ, С. В. Петлюра, проф. А. Л. Погодинъ, С. Подолянинъ, П. Понятенко, Н. Поршъ, С. Ф. Русова, проф. А. А. Русовъ, В. В. Садовскій, А. Ѳ. Саликовскій, Д. Сиромаха, М. А. Славинскій, П. Смутокъ, Н. Стасюкъ, И. Я. Стеллецкій, И. М. Стешенко, проф. Н. Ф. Сумцовъ, С. Сьрополко, Н. Г. Филянскій, С. Чепига, С. Черкасенко, П. И. Чижевскій, проф. М. П. Чубинскій, С. П. Шелухинъ, Д—ръ М. Е. Шлигельскій, Л. А. Яновская, А. И. Ярошевичъ и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Съ достав. и перес.	Годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Въ Россіи	6 р.	3 р.—к.	1 р. 50 к.	1 р. 10 к.	—р. 60 к.
За границу	8 р.	4 р.—к.	2 р.—к.	1 р. 50 к.	—р. 75 к.

Для народныхъ учителей, сельскаго духовенства, младшаго земскаго медицинскаго персонала, а также для учащихся, рабочихъ и крестьянъ допускается, **при непосредственномъ обращеніи въ редакцію, ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА:** на годъ 5 руб., на 6 мѣс. 2 руб. 50 к. и на 3 мѣс. 1 р. 25 к. съ доставкою и пересылкою.

За перемѣну адреса взимается 30 коп., причемъ необходима присылка стараго адреса.

Цѣна отдѣльнаго номера въ книжныхъ магазинахъ 60 к., на станціяхъ жел. дор. 75 коп.

Подписка принимается въ конторѣ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ"
Москва, Б. Дмитровка, 14.—Телеф. № 308-79.

Такса за объявленія въ „Украинской Жизни“:

На обложкѣ:	за 1 страницу	40 руб.
„ „	за 1/2 страницы	20 руб.
„ „	за 1/4 страницы	10 руб.
Передъ текстомъ:	за 1 страницу	30 руб.
„ „	за 1/2 страницы	15 руб.
„ „	за 1/4 страницы	8 руб.
Послѣ текста:	за 1 страницу	20 руб.
„ „	за 1/2 страницы	10 руб.
„ „	за 1/4 страницы	5 руб.

Контора открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 12 до 5 час. дня. Редакція для личныхъ объясненій открыта по воскресеньямъ, отъ 1 до 2 час.

Кромѣ редакціи, принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала:

Въ Москвѣ: въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова, Моховая, 24; М. О. Вольфа; „Новаго Времени“; „Наука“.

Въ Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ Т-ва Сытина; „Українська Книгарня і Базар“ (Вас. О., 3 линія, д. 24).

Въ Кіевѣ—въ книжныхъ магазинахъ „Літературно-Наукового Вістника“; „Українській Книгарні“ (быв. „Кіевской Старины“); „Час“; Е. П. Череповскаго.

Въ Саратовѣ—въ маг. „Новаго Времени“.

Въ Екатеринославѣ—въ книжномъ магазинѣ М. К. Лозинской, Проспектъ, д. Вебера.

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ „Діло“, Преображенская, 11.

Въ Харьковѣ—въ „Українській Книгарні“, Петровскій п., 18.

Въ Полтавѣ—въ кн. маг. Г. И. Маркевича, бульв. Котляревскаго, въ „Українській Книгарні“, д. Ворожейкина, противъ „Европейской“ гост.

Въ Каменецъ-Подольскѣ—въ „Просвітѣ“.

Кромѣ того продажа отдѣльныхъ книгъ „Украинской Жизни“ производится на желѣзнодорожныхъ станціяхъ Юга Россіи.

На складѣ въ конторѣ редакціи „Украинской Жизни“ продаются слѣдующія изданія.

Б. А. Кистяковскій. „Страницы прошлаго“, Москва, 1912. Ц. 1 р.

Шевченківський Збірник. Видання комітету по упорядкуванню Шевченківських свят у Москві. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

А. Л. Украинскій архитектурный стиль. Изд. „Украинской Жизни“. 1912 г. Ц. 15 к.

Здѣсь же принимается подписка на изданія Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°“: **„Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ“**, подъ редакціей проф. Ѳ. К. Волкова, проф. М. С. Грушевскаго, проф. М. М. Ковалевскаго, акад. Ѳ. Е. Корша, проф. А. Е. Крымскаго, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго и акад. А. А. Шахматова.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

Желательно, чтобы размѣръ предлагаемыхъ для напечатанія въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“ статей по возможности согласовался съ объемомъ журнала и не превышалъ 1—1½ печатныхъ листовъ.

Въ случаѣ надобности статьи подлежатъ сокращеніямъ и измѣненіямъ редакціоннаго характера. При неуказаніи размѣра гонорара уплата за напечатанныя статьи производится по усмотрѣнію редакціи.

Рукописи непринятыхъ статей хранятся въ редакціи въ теченіе 6 мѣс. и возвращаются лишь по полученіи марокъ на пересылку ихъ заказною бандеролью.

По поводу непринятыхъ статей редакція въ переписку не входитъ.

Мелкія замѣтки и сообщенія, не принятыя для напечатанія, уничтожаются.

БІБЛІОТЕКА
НАУК. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКА

Иванъ Франко.

23027

Украинская Жизнь

Ежемѣсячный научно-литературный и общественно-политическій журналъ.

№ 5.

Годъ изданія второй.

Москва.—1913 г.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульваръ, собств. домъ.
1913.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.
Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАЇНСКОЙ ЖИЗНИ“

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. **Портретъ Ивана Франка.**
II. **Писатель-гуманистъ** (къ 40-лѣтію литературной дѣятельности Ивана Франка). *С. А. Ефремова*... 5
III. **Писатель своего народа** (Иванъ Франко какъ беллетристъ). *М. Данька* 17
IV. **И. Франко-поэтъ національной чести** *С. В. Петлюры* 26
V. Фотографическая группа съ изображеніемъ В. Б. Антоновича, Ѳ. Р. Рыльскаго, В. Л. Беренштама, Ѳ. Т. Панченка и Б. С. Познанскаго.
VI. **Воспоминанія** (конецъ) *Б. С. Познанскаго* 41
VII. **Петербургская Академія Наукъ и Украинская Литература.** *Вол. Я.* 52
VIII. **Петербургская „Просвіта“.** *П. І. Стебницкаго*. . . 61
IX. **Украина въ европейской прессѣ.** *С. Ф. Русовой* ... 72
X. **Начало конца** (Письмо изъ Галиціи) *Дм. Донцова.* 75
XI. **На текущія темы.** (Модный вопросъ. — Символическія фигуры и насажденіе добрыхъ нравовъ.— Борьба съ хулиганствомъ.— Нефтеносный фонтанъ въ редакціи „Новаго Времени“. *С. А. Ефремова.* 86
XII. **На Украинѣ и внѣ ея.** За мѣсяцъ. — Къ нашему обществу (отъ Библіотеки Науковаго Товариства ім. Шевченка во Львовѣ). Приготовленія къ юбилейному чествованію памяти Шевченка.— Развалины старинной крѣпости около с. Бачевска, Глуховскаго уѣзда, Черниговской губ.— Земская юридическая консультація и украинское населеніе.—Московская повременная печать противъ законопроекта о печати 94
XIII. Литературная лѣтопись. 107
XIV. Книги, поступившія въ редакцію 109
XV. Объявленія. 110

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Оставшіеся въ ограниченномъ количествѣ комплекты „Украинской Жизни“ за 1912 годъ (кромѣ январской и февральской книгъ) можно выписывать изъ конторы журнала по слѣдующей цѣнѣ: для подписчиковъ „Украинской Жизни“—2 рубля и для постороннихъ лицъ—3 рубля безъ пересылки. За пересылку уплачивается: въ предѣлахъ Европейской Россіи—50 коп., за предѣлами ея—1 рубль.

Писатель-гуманистъ.

Къ 40-лѣтію литературн. дѣятельности Ивана Франка.

I.

Въ непродолжительномъ времени предстоитъ празднованіе 40-лѣтія литературной и общественной дѣятельности Ивана Яковлевича Франка. Имя юбиляра пользуется широкой извѣстностью среди украинскаго общества. Выдающійся беллетристъ и поэтъ, отзывчивый и чуткій критикъ и публицистъ, талантливый ученый, неутомимый популяризаторъ,— Франко представляетъ изъ себя того, богато одареннаго дѣятеля, который на всякомъ поприщѣ выдѣляется своими разносторонними дарованіями, вездѣ прокладываетъ новые пути и привлекаетъ къ себѣ послѣдователей.

Выступивъ на арену литературной и общественной дѣятельности „въ моментъ тяжелаго перелома“ въ жизни Галичины, Франко связалъ свою личность со всѣми выдающимися событіями въ украинскомъ движеніи и неизгладимыми чертами вписалъ свое имя на страницы исторіи своей родины. Въ продолженіе 40 лѣтъ онъ всегда стоялъ въ первомъ ряду дѣятелей, являясь не только неутомимымъ работникомъ, но и идейнымъ вождемъ, руководителемъ и учителемъ поколѣній, вырастающихъ и воспитывающихся на его литературныхъ трудахъ и въ немъ видящихъ образецъ для подражанія.

Естественно, что когда приходится подводить итоги столь богатой и плодотворной жизни, трудно удержаться отъ чувства удивленія и восхищенія. Тѣмъ болѣе, что личныя и общественныя условія, среди которыхъ пришлось Франку тянуть свою трудовую лямку, ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать благопріятными. Много людей съ меньшей выдержкой, менѣе закаленныхъ, не выдержали этихъ условій и, сломившись, пали жертвами общественнаго безвременья или, извѣрившись, сами ушли съ арены общественной дѣятельности. Среди павшихъ, извѣрившихся или перебѣжчиковъ мы никогда не встрѣтимъ доблестнаго имени

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
АН УРСР
№ П- 85688

Франка, высоко въ продолженіе десятилѣтій державшаго свое знамя служенія родинѣ и человѣчеству.

70-е годы, когда Франко выступилъ на поприще общественной дѣятельности, для Галичины были дѣйствительно временемъ „тяжелаго перелома". Втянутая въ круговоротъ обще-европейской жизни, Галичина во многихъ отношеніяхъ отстала отъ Европы по крайней мѣрѣ на полустолѣтіе. Украинское общество въ Галичинѣ, получившее еще раньше толчокъ къ національному возрожденію (дѣятельность М. Шашкевича и 1848 годъ), не нашло еще къ этому времени прямого пути къ нему и стояло на перекресткѣ между различными чужими вліяніями и политическими условіями Австрійской имперіи. Хотя лозунгами давно уже сдѣлались народъ, народное благо и интересы, но въ дѣйствительности конкретныя нужды народа не находили удовлетворенія, поглощаясь абстрактными требованіями исключительнаго націонализма. Къ тому же и самый вопросъ о національной принадлежности украинскаго народа не только еще не былъ рѣшенъ, но именно въ это время и по данному вопросу произошелъ глубокій расколъ среди самого украинскаго общества въ Галичинѣ,—расколъ, не прекратившійся до сихъ поръ. Конецъ 60-хъ годовъ выдвинулъ въ Галичинѣ теорію „единаго русскаго народа" отъ Карпатъ и до Камчатки", практически выражаясь не только курьезными руководствами, какъ „въ одинъ часъ научитися малоруссину по великорусски", но и почти поголовнымъ бѣгствомъ выдающихся представителей старшаго поколѣнія въ лагерь реакціоннаго обскурантнаго москвофильства. Молодое поколѣніе 70-хъ годовъ, къ которому принадлежалъ Франко, было предоставлено собственнымъ силамъ; въ виду упомянутаго разрыва ему не на кого было опереться и пришлось самостоятельно прокладывать путь и въ литературной, и въ общественной дѣятельности. Помощь пришла только извнѣ, изъ россійской Украины, откуда ко времени возмужанія поколѣнія 70-хъ годовъ появился такой опытный политикъ, обладавшій громаднымъ педагогическимъ тактомъ и умѣвшій импонировать, какъ М. П. Драгомановъ. Именно Драгоманову болѣе всего обязано поколѣніе 70-хъ годовъ, и въ частности г. Франко, тѣмъ, что послѣ нѣсколькихъ неувѣренныхъ и колеблющихся шаговъ нашло вѣрный путь служенія народу. Австрійское правительство, создавшее въ половинѣ 70-хъ годовъ рядъ безсмысленныхъ

политическихъ процессовъ, въ которыхъ пришлось участвовать и г. Франку, довершило политическое воспитаніе молодого писателя. Изгнавъ его изъ среды „лояльныхъ гражданъ“, оно навсегда предопредѣлило этимъ его путь—путь протестанта противъ общественной неправды и борца за человѣческую личность. И въ этомъ отношеніи г. Франку принадлежитъ выдающееся мѣсто, какъ политическому дѣятелю, неуклонно стоящему на-стражѣ истинно демократическихъ идеаловъ. Франко съ товарищами были первыми въ Галичинѣ соціалистами и создателями послѣдовательно-демократическаго направленія, мало-по-малу вытѣснившаго признанія оппортунистско-клерикальныя теченія.

II.

На первыхъ порахъ дѣятельность молодыхъ соціалистовъ по необходимости должна была ограничиваться чисто литературной пропагандой, въ связи съ попытками интеллигентскихъ организацій, также группировавшихся преимущественно вокругъ литературныхъ органовъ. Совмѣстно съ товарищемъ, М. Павликомъ, Франко издаетъ первые украинскіе соціалистическіе органы въ Галичинѣ. „Громадський Другъ“, „Молотъ“, „Дзвінъ“, позже „Світ“; редактируетъ временами такія общелитературныя изданія, какъ „Заря“, помѣщая въ нихъ массу произведеній литературнаго, публицистическаго и научнаго характера. Во многихъ отношеніяхъ это была почти непосильная по обстоятельствамъ времени и мѣста работа. Изданія, вокругъ которыхъ группировалась лишь горсть молодежи, при всѣхъ своихъ литературныхъ достоинствахъ не имѣли матеріальнаго успѣха и прекращались одно за другимъ, не обезпечивая самыхъ скромныхъ потребностей самоотверженныхъ работниковъ. Время до самаго конца 80-хъ годовъ прошло въ этихъ, повидимому, безплодныхъ попыткахъ найти подходящую почву, на которой можно было бы укрѣпиться и сѣять сѣмена демократизма. Тѣмъ не менѣе попытки эти не пропали даромъ. Изъ горсти молодежи мало-по-малу вырастаютъ кадры демократическихъ дѣятелей; сѣмена сознательности проникаютъ и въ народныя массы и здѣсь находятъ ревностныхъ послѣдователей. И когда, въ концѣ 80-хъ годовъ, въ Галичинѣ основывается такъ-называемая радикальная партія, то она уже нащупываетъ достаточно твердую почву подъ ногами, подготовленную усиліями

Франка и товарищей. Они же стоятъ во главѣ и вновь образованной партіи, развивая уже болѣе интенсивную и планомѣрную политическую и общественную дѣятельность.

Радикальная партія была первой въ Галичинѣ дѣйствительно европейской политической организаціей. Основанная съ цѣлью „нести въ народныя массы сознаніе ихъ экономическихъ, политическихъ и національныхъ интересовъ", эта партія, естественно, основаніемъ своей дѣятельности ставила того, „кто насъ всѣхъ своимъ трудомъ содержитъ,—трудовой народъ". „Мы поняли теперь,—писалъ въ одной изъ своихъ публицистическихъ работъ Франко,—что первымъ и основнымъ условіемъ народнаго развитія является просвѣщеніе народныхъ массъ, работа надъ ихъ возрожденіемъ во всѣхъ направленіяхъ, не только въ экономическомъ и національномъ, но также политическомъ и общественномъ. Создать изъ этихъ массъ политическую силу (а темныя массы такой силой не могутъ быть)—вотъ главная задача, какую ставитъ себѣ украинская радикальная партія и къ какой она будетъ стремиться всѣми возможными путями".

Основаніе радикальной партіи было въ высшей степени благодѣтельнымъ для развитія вообще политической жизни въ Галичинѣ и прежде всего для политическаго воспитанія украинскаго общества. Съ появленіемъ ея на политическомъ горизонтѣ Галичины окончилось господство безпринципной, оппортунистической, очень часто просто личной политики, не брезгавшей при существованіи представительныхъ учрежденій пользоваться всевозможными закулисными вліяніями и протекціями, безъ всякихъ, конечно, осязательныхъ результатовъ. Сильная, принципіальная критика партійной программы и пріемовъ старыхъ „народниковъ", систематически проводившаяся въ радикальныхъ органахъ, весьма способствовала очищенію политической атмосферы въ Галичинѣ и выработкѣ новыхъ, демократическихъ пріемовъ борьбы за народные интересы. Изъ-подъ пера г. Франка въ періодъ возникновенія и расцвѣта дѣятельности радикальной партіи (до половины 90-хъ годовъ) вышло много блестящихъ публицистическихъ работъ, программныхъ, руководящихъ статей, ѣдкихъ и рѣзкихъ памфлетовъ, въ которыхъ онъ безпощадно разоблачалъ и бичевалъ „неполітичну політику" своихъ противниковъ, ихъ оппортунизмъ, ограниченность кругозора, отсутствіе политическаго такта и яснаго пониманія дѣйствительныхъ народ-

ныхъ нуждъ и интересовъ. Благодаря этимъ работамъ органы радикальной партіи („Народ", „Хлібороб", „Жите і Слово") пріобрѣли большое значеніе и къ голосу ихъ прислушивались не только сторонники, но и враги. Въ концѣ 90-хъ годовъ произошло сліяніе части радикальной партіи съ болѣе лѣвыми элементами народниковъ („народовці"), причемъ Франко былъ однимъ изъ вождей новообразовавшейся національно-демократической партіи. Впрочемъ, уже тогда онъ уклонился отъ активной политической дѣятельности, продолжая откликаться на запросы жизни лишь въ качествѣ живого и независимаго публициста, освѣщавшаго своимъ вѣскимъ словомъ всевозможныя явленія общественной жизни. Его статьи, появлявшіяся въ „Л.-Н. Вістникѣ", всегда вызывали общее вниманіе своими широкими взглядами и оригинальнымъ пониманіемъ и постановкой общественныхъ вопросовъ и, конечно, много способствовали политическому воспитанію общества и выработкѣ правильныхъ взглядовъ на явленія общественной жизни.

Ш.

Но главной заслугой г. Франка была все-таки его литературная дѣятельность, необыкновенно широкая, разносторонняя, кипучая въ полномъ смыслѣ этого слова. Первыя произведенія Франка, появившіяся въ журналѣ „Другъ" въ 1874 г. (рядъ стихотвореній и повѣсть „Петріі і Добущуки"), обличаютъ въ авторѣ еще неустановившееся дарованіе, только нащупывающее свою настоящую дорогу. Но Франко быстро растетъ, и уже въ 1876 г. въ томъ же „Другѣ" печатаются его стихотворенія и разсказы, привлекшіе къ себѣ общее вниманіе. Въ нихъ видѣнъ уже первый размахъ сильнаго художественнаго таланта, умѣющаго съ одинаковой силой, яркостью и правдивостью и углубиться въ тайники человѣческой души, и подмѣтить внѣшнія явленія и факты. Въ сферѣ художественнаго творчества роль Франко была также реформаторской по преимуществу. Онъ окончательно порываетъ съ шаблонными традиціями своихъ предшественниковъ, копировавшихъ худшіе образцы устарѣлыхъ литературныхъ школъ, и подъ вліяніемъ украинской и европейскихъ литературъ обращается къ художественному реализму, теоретическія основы котораго выясняетъ и пропагандируетъ въ своихъ критическихъ

статьяхъ („Література, ii завдання і найважніші ціли", „Із секретів поетичної творчости", рядъ литературныхъ характеристикъ и портретовъ украинскихъ и европейскихъ писателей). Уже въ началѣ своей литературной дѣятельности Франко задается мыслью „въ цѣломъ циклѣ новеллъ обрисовать по возможности всѣ стороны жизни народа и интеллигенціи". Бурная, полная лишеній и треволненій жизнь писателя, часто обращавшая его въ литературнаго поденщика, помѣшала ему выполнить эту грандіозную задачу. Но и то, что урывками удалось въ этой области сдѣлать Франку, представляетъ весьма крупное и цѣнное достояніе. Рядъ повѣстей и разсказовъ, нѣсколько драматическихъ произведеній и стихотворныхъ сборниковъ дѣйствительно обрисовываютъ если не всѣ стороны народной жизни, то весьма многое въ ней освѣщаютъ.

Какъ беллетристъ, Франко интересуется преимущественно соціальными темами, той борьбой, которая, по его мнѣнію, знаменуетъ собой подлинную жизнь во всемъ ея кипучемъ, измѣнчивомъ многообразіи. Это поэтъ борьбы и труда по преимуществу. Жизнь представляется нашему писателю жестокой, непрерывной борьбой между двумя непримиримыми лагерями: съ одной стороны—трудовой массой, безпощадно эксплуатируемой, и съ другой—хищниками, обладающими достаточно цѣпкими руками и покладистой, сговорчивой совѣстью. Въ призведеніяхъ Франка имѣемъ цѣлую галлерею и эксплуатируемыхъ, и хищниковъ. Современныя общественныя отношенія не благопріятствуютъ первымъ и, напротивъ, содѣйствуютъ вторымъ, помогая имъ выходить побѣдителями изъ жизненной борьбы. Особенно удачно изображается Франкомъ эта борьба въ повѣстяхъ и разсказахъ изъ рабочей жизни, въ которыхъ развернута широкая картина столкновенія между людьми изъ-за ничѣмъ не прикрытыхъ и не прикрашенныхъ матеріальныхъ расчетовъ („Boa constrictor", „Борислав сміється", „Ріпник", „На роботі", „Навернений грішник", „Яць Зелепуга", рядъ очерковъ, объединенныхъ общимъ заглавіемъ „В поті чола", и т. д.). Богатствомъ и красочностью изображенія отличается у г. Франка коллекція хищниковъ; шагъ за шагомъ слѣдитъ онъ за развитіемъ этой породы, внимательно изслѣдуетъ почву, на которой произрастаютъ ея представители, и причины, этому произрастанію способствующія, и въ общемъ даетъ потрясающіе образы,

разнузданнаго хищничества и звѣрства въ человѣческомъ образѣ. Симпатіи автора въ этой борьбѣ, конечно, всецѣло лежатъ на сторонѣ трудящихся и эксплуатируемыхъ, и если реальному изображенію жизни посвящены прозаическія произведенія Франка, то его личное отношеніе къ жизни, его идеалы въ особенности выпукло обрисовываются въ стихотворныхъ произведеніяхъ. Здѣсь предъ нами возвышенный гуманистъ, неустанно приглашающій человѣка быть „цілым чоловіком“, т.-е. цѣлостной личностью, и жадно отыскивающій въ человѣкѣ лучшія стороны человѣческой природы. Если въ борьбѣ проявленіе жизни, то настоящій источникъ ея для Франка заключается въ любви,—въ той широкой, общечеловѣческой любви:

До всіх, що ллють свій піт і кров,
До всіх, котрих гнетуть окови.

Этой любовью къ человѣку запечатлѣны странницы всѣхъ произведеній г. Франка, въ особенности же яркія и сильныя стихотворенія на гражданскіе мотивы, собранныя въ сборникѣ „З вершін і низин“. Авторъ не только любитъ человѣка,—онъ вѣритъ въ него.

Хоч порох чоловік, та вірю я в той порох:
Я твердо вірю в трудъ його могучий,
В ті миліони невсипущих рук,
І твердо вірю в людський ум робучий
І в ясний день по ночі горя й мук.

Эта живая, активная вѣра въ особенности выпукло обрисована въ прекрасномъ стихотвореніи „Каменярі“ (каменщики), въ которомъ Франко изображаетъ людей, добровольно заковавшихъ себя въ цѣпи долга, борющихся съ темными силами настоящаго, олицетворяемаго въ образѣ скалы, за достиженіе лучшаго будущаго. И всѣ мы,—заключаетъ авторъ,—вѣримъ, что своими руками мы „разобьемъ скалу, раздробимъ гранитъ и собственной кровью и костями проложимъ широкую дорогу, по которой придетъ новая жизнь и новая правда, прекрасная и лучезарная, на землю“. Приглашая человѣка быть „цѣлостной личностью“, Франко-художникъ всегда ищетъ лучшее въ человѣкѣ, то „зерно истинно-человѣческой природы“, которое, какъ бы низко ни палъ человѣкъ, все-таки невидимо зрѣетъ въ глубинѣ его души. Пробужденіе человѣка въ существахъ, совершенно уже утратившихъ, повидимому, образъ и подобіе человѣ-

ческіе, стремленіе къ возрожденію и всепрощенію—это любимые мотивы нашего писателя. Онъ постоянно вовращается къ нимъ, съ любовью и сочувствіемъ слѣдитъ за процессомъ душевнаго переворота, сильно и художественно изображая его мельчайшія проявленія. Свои задушевныя мысли Франко выразилъ въ слѣдующей поэтической молитвѣ къ „матери-землѣ", представивъ здѣсь какъ бы свое исповѣданіе вѣры, свои стремленія и убѣжденія.

Земле, моя всеплодющая мати!
Сили, що в твоїй живе глибині,
Краплю, щоб в бої сильніше стояти,
Дай і мені!
Дай теплоти, що розширює груди,
Чистить чуття і відновлює кров,
Що до людей безграничную будить
Чисту любов.
Дай і огню, щоб ним слово налити,
Душі стрясать громовую дай власть,
Правді служити, неправду палити
Вічну дай страсть.
Силу рукам дай, щоб пута ламати,
Ясність думкам—в серце кривді влучать,
Дай працювать, працювать, працювати,
Впраці сконать.

И вся жизнь и дѣятельность Франка является въ сущности воплощеніемъ и осуществленіемъ этой поэтической программы—„правді служити, неправду палити". Писатель въ высшей степени обладаетъ этой „вѣчной страстью" и бережно проноситъ ее чрезъ всѣ испытанія, заботясь лишь о томъ, чтобы и самому всегда оставаться „полнымъ человѣкомъ", откликаясь на все истинно человѣческое. Полнымъ человѣкомъ, яркой цѣлостной личностью остается Франко и въ своихъ чисто лирическихъ произведеніяхъ, какъ, напримѣръ, „Зівяле листя", эта потрясающая драма нераздѣленной любви, дающая цѣлую гамму разнородныхъ душевныхъ движеній и состояній, идущихъ все crescendo къ трагической развязкѣ. Такой же цѣлостной личностью пребываетъ онъ и въ своихъ поэмахъ, ставящихъ основныя проблемы человѣческихъ отношеній, въ поискахъ смысла жизни („Смерть Каіна", „Мойсей" и мн. др.). Это неизмѣнно гуманное содержаніе произведеній Франка въ связи съ истинно-художественными достоинствами ихъ придаетъ имъ значеніе непреходящее въ исторіи украинской литературы.

IV.

Обстоятельства личной и общественной жизни не позволили Франку отдаться чисто научной дѣятельности, къ которой онъ имѣлъ склонность съ ранней юности. Оторванный отъ университета политическимъ процессомъ и тюрьмой, онъ долго не можетъ осуществить задушевное желаніе — закончить свое научное образованіе. Лихорадочная литературная и общественная дѣятельность отвлекаетъ его въ сторону отъ научной работы, тѣмъ не менѣе въ 90-хъ годахъ Франко опять находитъ возможность приняться за университетскія лекціи, закончить свое историко-литературное образованіе подъ руководствомъ Ягича. Въ это время Франкомъ написаны весьма цѣнныя научныя монографіи „Іван Вишенський і иго творі“ (1895) и „Варлаамъ і Йосаф, старохристиянській духовний роман і його літературна історія“ (1896—7), не говоря уже о мелкихъ научныхъ работахъ, преимущественно историко-литературнаго содержанія. Въ 1895 г., послѣ блестяще прочитанной во львовскомъ университетѣ вступительной лекціи, Франко былъ избранъ на вакантную, за смертью Огановскаго, каѳедру исторіи украинской литературы. Впрочемъ, официальная научная карьера нашего писателя этимъ и ограничилась. Намѣстникъ Галичины, извѣстный графъ Бадени, отказался утвердить избраніе человѣка, который три раза сидѣлъ въ тюрьмѣ. Франко, несмотря на свое крупное въ ученомъ мірѣ имя, до сихъ поръ остается „безприходнымъ“, по выраженію покойнаго Житецкаго, ученымъ, работая вплоть до послѣдняго времени, главнымъ образомъ въ изданіяхъ „Наукового Товариства имени Шевченка“. Рѣдкая книга „Записок“ этого общества не содержитъ той или другой его работы, между которыми выдѣляются изслѣдованія объ украинской литературѣ древняго періода, о вертепѣ, народныхъ пѣсняхъ и т. п. Кромѣ того, подъ редакціей и съ обширными вступительными изслѣдованіями Франка изданы тѣмъ же обществомъ собранія апокрифовъ, а также фольклорные матеріалы. Итогъ своимъ научнымъ работамъ въ области историко-литературныхъ изслѣдованій Франко подвелъ въ „Історіи українськоі літератури“, вышедшей въ 1910 г. Несмотря на постигшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ тяжелый недугъ, Франко по-прежнему неутомимо работаетъ преимущественно въ научной области, переиздавая

въ то же время свои прежнія работы, пользующіяся неизмѣннымъ успѣхомъ среди читающей публики.

V.

Въ бѣглой юбилейной замѣткѣ совершенно невозможно исчерпать весь богатѣйшій художественный и литературный матеріалъ, заключающійся въ многочисленныхъ произведеніяхъ Франка; нужно поэтому по необходимости ограничиться лишь общей его характеристикой, какъ писателя и общественнаго дѣятеля. Чутко откликаясь на всякое выдающееся явленіе въ нашей литературѣ и общественности, Франко всегда ставилъ на первомъ планѣ интересы трудящихся классовъ, народа въ широкомъ значеніи этого слова—его умственное и политическое воспитаніе, поднятіе его экономическаго благосостоянія, хотя къ „формальной религіи, основанной на догмахъ ненависти и классовой борьбы", онъ относится отрицательно, считая ее лишь „признакомъ жестокости нашего времени". Говоря собственными словами Франка, онъ „никогда не принадлежалъ къ числу послѣдователей этой религіи и имѣлъ мужество среди насмѣшекъ и издѣвательствъ со стороны ея адептовъ нести свое знамя стараго, истинно-человѣческаго соціализма, опирающагося на этическое, гуманное воспитаніе народныхъ массъ, на прогрессъ и всеобщее распространеніе просвѣщенія, науки, критики, личной и національной свободы". Поставивъ на своемъ знамени принципъ „нам пора для Украіни жить", Франко никогда не уставалъ вмѣстѣ съ тѣмъ поднимать свой горячій, убѣжденный голосъ въ защиту вообще угнетенныхъ какъ личностей, такъ и національностей, справедливо полагая, что любовь къ родному народу не только не исключаетъ любви къ человѣчеству, но, напротивъ, одна другую взаимно восполняетъ и укрѣпляетъ. Главную свою обязанность предъ родиной Франко видитъ въ томъ, чтобы „патріотическій мечъ перековать"—

На плуг—обліг будущини орать,
На серп—щоб жито жать, життя основу,
На вила—чистить станю Авгійову.

Франко никогда также не принадлежалъ къ тѣмъ патентованнымъ, „не въ мѣру ревнивымъ патріотамъ, уста которыхъ полны родины, а сердце остается холоднымъ къ

страданіямъ конкретнаго мужика или рабочаго". Когда нѣкоторые изъ земляковъ предъявили Франку обвиненіе въ недостаточномъ патріотизмѣ, онъ отвѣтилъ сильнымъ и блестящимъ стихотвореніемъ, представляющимъ въ свою очередь настоящій обвинительный актъ противъ поверхностнаго и своекорыстнаго патріотизма:

Ти, брате, любиш Русь,
Як дім, воли, корови,—
Я ж не люблю її
З надмірної любови.

И, конечно, эта страстная любовь-ненависть, заставляющая писателя болѣть болями своей родины и, безпощадно бичуя ея недостатки, вести ее къ лучшему будущему, неизмѣримо выше той показной любви, которой громогласно кичатся всевозможные „патріоты своего отечества". Чуждый нетерпимости къ представителямъ другихъ національностей, Франко принципъ любви и уваженія кладетъ въ основаніе своихъ отношеній къ людямъ вообще. Представители иныхъ направленій всегда могли ожидать отъ него, рядомъ съ ѣдкой критикой, и справедливой оцѣнки своей дѣятельности, если только не принадлежали къ врагамъ правды и свободы, къ которымъ Франко всегда и вездѣ относится безпощадно. Будучи піонеромъ европеизма въ Галичинѣ, Франко однимъ изъ главныхъ условій плодотворной дѣятельности на родинѣ считалъ нарожденіе настоящей, въ европейскомъ смыслѣ, интеллигенціи и своей критикой общественныхъ отношеній оказалъ громадное вліяніе на появленіе и направленіе этой интеллигенціи. „Настоящая поэзія должна быть всегда моральной",—такимъ принципомъ руководствовался Франко въ своей писательской дѣятельности, служа всегда той „двуединой правдѣ", понятіе которой охватываетъ все многообразіе человѣческихъ отношеній. Между строкъ произведеній Франка всегда глядитъ на читателя бодрое лицо неутомимаго борца противъ общественной и личной неправды, бросающаго вызовъ ея представителямъ. Но въ то же время слышится и голосъ гуманиста, проповѣдника любви, прощенія и самоотверженія, чувствуется „идеалистическая грусть на широкіе общечеловѣческіе мотивы", по выраженію проф. Крымскаго.

Франко любитъ человѣка даже съ его ошибками и заблужденіями; больше—онъ вѣритъ въ него. Развертыв-

вая предъ нами въ яркихъ картинахъ всю неприглядность современности, обнажая ея отвратительныя язвы, Франко вмѣстѣ съ тѣмъ не устаетъ повторять, что это лишь временное состояніе и человѣчество въ цѣломъ все-таки неуклонно близится къ торжеству добра, истины и справедливости, залогъ которыхъ писатель видитъ въ борьбѣ и трудѣ. Вотъ почему Франко — не только занимательный писатель, не только выдающійся художникъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и любимый учитель для своихъ читателей, которые въ его произведеніяхъ ищутъ не только эстетическаго наслажденія, но и отвѣта на волнующіе ихъ проклятые вопросы. Въ этомъ главнѣйшая заслуга нашего писателя-гуманиста, въ этомъ же и секретъ его широкой популярности и глубокаго вліянія на читательскіе круги современнаго украинскаго общества.

С. Ефремовъ.

Писатель своего народа

(Иванъ Франко какъ беллетристъ).

Имя И. Франка является однимъ изъ наиболѣе популярныхъ въ литературѣ австрійской и россійской Украины. Гордясь И. Франкомъ, украинскій народъ гордится самимъ собою. Въ произведеніяхъ этого народа замѣтны, болѣе чѣмъ у кого-либо иного, черты народа, создавшаго эту литературную силу. Произведенія И. Франка—это творенія народа, проснувшагося отъ вѣкового сна національнаго рабства; сквозь призму творчества беллетриста прошли и отразились красочными картинами идеи, стремленія и чувства цѣлой эпохи жизни украинскаго народа.

При анализѣ художественныхъ произведеній И. Франка необходимо имѣть въ виду соціальную и національную ихъ основу. И. Франко продолжаетъ и теперь свою художественную дѣятельность, но наиболѣе крупныя и характерныя произведенія его надо разсматривать уже въ перспективѣ минувшаго, тѣмъ болѣе, что въ теченіе послѣднихъ 20—30 лѣтъ украинскій народъ въ Галиціи сдѣлалъ огромные шаги по пути своего развитія. Произведенія И. Франка цѣнны для насъ между прочимъ и тѣмъ, что позволяютъ оглянуться назадъ и измѣрить путь культурнаго развитія, пройденный въ послѣднее время нашимъ народомъ. И. Франко далъ намъ и цѣлый рядъ болѣе или менѣе законченныхъ художественныхъ картинъ своей эпохи, и множество эскизовъ и портретовъ, могущихъ служить весьма цѣннымъ матеріаломъ въ рукахъ молодого поколѣнія украинскихъ художниковъ пера. Въ произведеніяхъ И. Франка имѣются представители положительно всѣхъ соціальныхъ группъ украинскаго общества,—отъ культурныхъ верховъ, представленныхъ либеральными профессіями, до крестьянскихъ низовъ народа. Цѣлый рядъ произведеній И. Франка, а именно „Бориславскіе разсказы“, вмѣстѣ съ двумя повѣстями „Boa Constrictor“ и „Бориславъ смѣется“, посвящены рожденію украинскаго пролетаріата въ мукахъ крестьянской пролетаризаціи. Открытіе источниковъ нефти и залежей земляного

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
АН УРСР
№ П- 85688

воска въ Бориславѣ превратило медленный процессъ пролетаризаціи крестьянства въ соціальную катастрофу, которая въ продолженіе немногихъ лѣтъ до неузнаваемости измѣнила соціальную структуру крестьянства бориславскаго района. Эта катастрофа дала богатѣйшій матеріалъ И. Франку, художественно использованный имъ въ его произведеніяхъ. На фонѣ быстро измѣняющейся экономической и соціальной структуры И. Франко рисуетъ намъ превращеніе трудолюбиваго, робкаго и наивнаго крестьянина въ сумрачнаго, подземнаго рабочаго, разгульнаго и безшабашнаго въ часы его короткаго пребыванія на поверхности земли. Передъ нами проходитъ рядъ портретовъ большихъ и маленькихъ хищниковъ, безжалостно эксплоатирующихъ беззащитнаго рабочаго, ставшаго жертвою эксплоатаціи въ темныхъ шахтахъ. И. Франко не далъ намъ здѣсь законченной картины пролетарской психики, оставаясь вѣрнымъ дѣйствительности: бориславскій „ріпник“ [1]) недавняго прошлаго такъ же далеко отстоялъ отъ европейскаго пролетарія, какъ галицкій хищникъ съ его кустарными способами эксплоатаціи природы и человѣка—отъ европейскаго капиталиста. Но И. Франко намѣтилъ зарожденіе пролетарской психики на развалинахъ крестьянскаго міровоззрѣнія. Онъ остался здѣсь вѣрнымъ не только дѣйствительности, но и своимъ основнымъ принципамъ натурализма и оставилъ младшему поколѣнію украинскихъ художниковъ пера создать цѣльный образъ украинскаго пролетарія. Сама же бориславская дѣйствительность не требуетъ какихъ-либо искусственныхъ художественныхъ методовъ описанія для произведенія сильнаго впечатлѣнія на читателя, она достаточно ужасна и въ ея фотографическомъ воспроизведеніи. Но И. Франко не фотографируетъ и вызываетъ у читателя не только ужасъ, а цѣлый комплексъ художественныхъ переживаній. И. Франко пользуется цѣлымъ аппаратомъ натуралистическаго описанія, умѣло комбинируя свѣтовые и слуховые эффекты, не забываетъ онъ и тяжелыхъ нефтяныхъ испареній адской фабрики человѣческихъ страданій и наслажденій, называемой Бориславомъ. Эти испаренія отравляютъ не только рабочихъ, но и самого „нефтяного короля“ Германа Гольдкремера, а цѣлая картина Бориславa служитъ прекраснымъ изображеніемъ капиталистическаго міра въ миніатюрѣ.

---

[1]) Ріпа—неочищенная нефть.

Но въ бориславскомъ циклѣ И. Франко освѣтилъ лишь часть галицкой дѣйствительности; для большей части украинской Галиціи бориславскія картины могутъ быть лишь изображеніемъ далекаго будущаго, когда европейскій капиталъ затопитъ ее при помощи многообѣщающихъ галицкихъ каналовъ. А въ настоящее время, въ особенности во время, описанное въ анализируемыхъ произведеніяхъ И. Франка, соціальная дифференціація была еще лишь въ зародышѣ и не успѣла еще замѣтно отразиться въ идеологіи тогдашняго украинскаго общества. Воля націи къ жизни, выразившаяся въ борьбѣ съ шляхетскимъ режимомъ и еврейскимъ капиталомъ, спаивала всѣ жизнеспособныя группы украинскаго общества въ одну борющуюся національную массу. Идеологіею этой массы было своеобразное народничество, избавленное впрочемъ отъ сантиментальныхъ элементовъ, внесенныхъ кающимся дворянствомъ въ русское народничество.

Въ произведеніяхъ И. Франка я не нашелъ слѣдовъ сантиментализма, этого худшаго врага художественности. Основнымъ идейнымъ постулатомъ творчества И. Франка является народническій принципъ: все для народа и черезъ народъ. Этотъ принципъ покоится у И. Франка на вѣрѣ въ добрыя начала, положенныя въ душѣ каждаго человѣка; ихъ находитъ нашъ беллетристъ даже у эксплоататора Германа Гольдкремера и ростовщика Вагмана. Но для того, чтобы они появились на поверхности сознанія, человѣческую душу надо сильно всколыхнуть; эту душевную бурю у Германа вызываетъ его сынъ, дегенератъ, пытающійся убить отца. „Огнистыми палящими буквами вынырнули записанные глубоко въ его (Германа) сердцѣ вѣчные законы братской любви, честности и равенства всѣхъ людей“; а у Вагмана подобный душевный переворотъ вызываетъ смерть его сына, взятаго въ солдаты. Идеалистичность этой вѣры въ добрыя начала, заложенныя въ душѣ каждаго человѣка, иллюстрируется между прочимъ и тѣми сильными средствами, которыя нужны для ихъ пробужденія. Во всякомъ случаѣ, эта вѣра въ человѣка является симпатичной чертой творчества И. Франка и служитъ исходной точкой философіи его произведеній.

Въ душѣ отдѣльнаго человѣка, такъ же какъ и въ человѣческомъ обществѣ, вообще происходитъ борьба этихъ

двухъ началъ, добраго и злого. Представителями перваго являются у Франка трудящіеся; представителями второго—эксплоататоры всякаго рода. Въ произведеніяхъ Франка мы находимъ безконечный рядъ картинъ горя, униженія, бѣдности и темноты, но отъ пессимизма его спасаетъ вѣра въ силу борющагося народа и въ побѣду добраго начала. Личное счастье на основѣ народнаго страданія оказывается у Франка просто невозможнымъ, и не потому, что единица должна приносить себя въ жертву обществу, а потому лишь, что эта единица слишкомъ тѣсно связана у Франка съ цѣлымъ обществомъ. Исторія любви адвоката Рафаловича и несчастной Регины [1]) оканчивается весьма печально, но ея конецъ не сбиваетъ Рафаловича съ пути его общественной дѣятельности. Въ этой же повѣсти яснѣе, чѣмъ въ иныхъ произведеніяхъ Франка, обозначается моментъ національный, занимающій важное мѣсто въ его соціальной философіи. Народничество писателя въ странѣ безконечной національной борьбы, естественно, должно носить ясно выраженный національный характеръ; но національность у И. Франка вовсе не является фетишемъ, требующимъ жертвъ для себя самого, а лишь кратчайшимъ путемъ украинскаго народа къ свѣтлому будущему; великая цѣль національной борьбы облагораживаетъ и даетъ внутренній смыслъ и ея повседневнымъ, иногда мелочнымъ, на первый взглядъ, формамъ. Въ новеллахъ и повѣстяхъ нашего беллетриста мы найдемъ немало художественныхъ портретовъ польскихъ и еврейскихъ эксплоататоровъ, написанныхъ довольно мрачными красками, но авторъ ихъ—слишкомъ гуманный писатель для того, чтобы быть полонофобомъ или юдофобомъ. Всякаго рода „фобство“ чуждо его произведеніямъ: черезъ нихъ въ украинскую литературу влились лишь лучшія теченія европейской демократической мысли.

Идейное содержаніе беллетристическихъ произведеній И. Франка даетъ намъ ключъ и къ пониманію художественныхъ формъ, въ которыя облечено преобладающее большинство этихъ произведеній. Въ нихъ Франко является послѣдовательнымъ реалистомъ или, правильнѣе сказать, натуралистомъ. Въ развитіи украинской натуралистической школы Франко сдѣлалъ огромный шагъ впередъ: онъ освободилъ ее отъ скучнаго этнографизма праотцевъ украинской нату-

[1]) „Перекрещивающіяся тропы“.

ралистической школы и приблизилъ къ живымъ, блестящимъ формамъ западно-европейскаго натурализма. Старыми формами нельзя было изобразить новой жизни, и Франко создаетъ новыя литературныя формы; напряженная, кипучая и богатая, хотя и безконечно тяжелая жизнь націи, борющейся за свое существованіе, не оставляла болѣе мѣста для безконечныхъ сантиментальныхъ описаній природы и людей. Къ тому же люди, описанные Франкомъ, или цѣлыми недѣлями не видѣли этой природы, запертые въ темныхъ шахтахъ, или же рѣдко замѣчаютъ ее въ тяжелой жизненной борьбѣ.

Правда, у И. Франка имѣются роскошныя картины природы; особенно хороши картины украинскаго подворья. Цѣлый сборникъ небольшихъ его разсказовъ озаглавленъ „На лонѣ природы", и, читая ихъ, невольно удивляешься, какъ много чуткости, мягкости и утонченности эстетическаго чувства сохранилось въ психикѣ автора, написавшаго такія давящія ужасомъ жизни вещи, какъ „На днѣ", „Boa Constrictor" „Бориславскіе разсказы" и т. п. Остается предположить, что эти почти идиллическія произведенія являются реакціею въ душѣ борца, вырвавшагося на короткое время изъ битвы, чтобы дохнуть свѣжимъ воздухомъ. Характерными они для Франка быть не могутъ. Франко прежде всего писатель борьбы; эти моменты борьбы въ прошедшемъ и настоящемъ украинскаго народа привлекаютъ къ себѣ вниманіе нашего беллетриста. Давно началась эта борьба въ галицкой Украинѣ, во времена, описанныя въ „Великомъ шумѣ", не затихала она никогда и далеко еще не достигла своего апогея. Соціальная борьба, причудливо окрашенная сословными и національными элементами, является главной темой произведеній Франка; идеи борцовъ служатъ основнымъ идейнымъ содержаніемъ этихъ произведеній, и слово ихъ служитъ художественной формой.

Художественныя формы произведеній И. Франка прекрасны прежде всего своею классическою простотою, служащей основою ихъ естественности. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ нѣтъ и слѣда искусственной популяризаціи.

Да творенія И. Франка и не нуждаются въ популяризаціи; они доступны широкимъ массамъ народа, и это между прочимъ—одна изъ причинъ ихъ распространенности на россійской Украинѣ, больше чѣмъ произведенія какого-либо иного галицкаго писателя. Правда, украинское общество въ Галиціи не достигло еще ступени развитія современ-

ной европейской націи во всей сложности ея соціальной структуры, но украинская общественная мысль здѣсь давно вырвалась изъ тѣсныхъ рамокъ села, и въ распоряженіи И. Франка были уже интеллектуальныя средства украинской демократіи. Франко не концентрируетъ художественнаго матеріала въ творческомъ символѣ. Элементы символизма замѣтны, пожалуй, въ небольшомъ разсказѣ „Поединокъ“ и въ нѣкоторыхъ изъ его сказокъ,—напр., „Рубачи“, посвященной памяти М. Драгоманова. Украинскій критикъ Антонъ Крушельницкій полагаетъ, что разсказъ „Під оборогом“ [1]), написанный въ 1905 году, является символистическимъ изображеніемъ жизни поэта. Я готовъ присоединиться къ этой мысли и попутно долженъ замѣтить, что разсказы біографическаго характера принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ И. Франка. Въ нихъ много чуткости, нѣжности и тонкаго пониманія дѣтской души. Воспоминанія же дѣтства и индивидуальныя переживанія внесли въ произведенія Франка струю романтизма, гораздо болѣе замѣтную, чѣмъ символистическіе элементы въ его творчествѣ.

Строго послѣдовательнымъ натуралистомъ является онъ лишь въ его, такъ сказать, соціальныхъ произведеніяхъ. Временный поворотъ въ сторону романтизма въ этой области замѣчаетъ у И. Франка упомянутый уже А. Крушельницкій лишь въ повѣсти „Захаръ Беркутъ“ и объясняетъ этотъ поворотъ „тоскою за солнечнымъ блескомъ красы, какой онъ (писатель) такъ мало видитъ въ жизни вокругъ себя“. Повѣсть эта рисуетъ намъ жизнь украинскаго племени въ XIII столѣтіи; но я не думаю, чтобы И. Франко зашелъ такъ далеко въ глубину вѣковъ въ поискахъ красоты въ жизни нашего народа,—такъ какъ много прекрасныхъ и величественныхъ картинъ можно было бы найти въ болѣе близкомъ минувшемъ Украины.

Сферою романтизма въ произведеніяхъ Франка является область интимныхъ отношеній его героевъ. Любовь въ произведеніяхъ Франка описана не натуралистически, а романтически, и эта особенность его творчества находится въ тѣсной связи съ гражданскими элементами его произведеній и объясняется ими. У такихъ типичныхъ героевъ Франка, какъ адвокатъ Рафаловичъ („Перекрещивающіяся тропы“), Андрей Темера („На днѣ“) и нелюдимъ изъ

[1]) Оборог—навѣсъ надъ стогомъ сѣна.

разсказа „Крыло сойки“, цѣликомъ поглощенныхъ жизненною борьбой и служеніемъ обществу, любовь изъ міра дѣйствительности переходитъ въ міръ мечты, изъ настоящаго переходитъ въ далекое идеальное будущее и свѣтитъ далекой звѣздой, смягчая сумракъ дѣйствительности. Такъ же романтична и любовь Регины („Перекр. тропы“); маленькой дѣвочкой еще на далекой Лысой горѣ, окруженной темнымъ лѣсомъ, увидѣла она таинственный алмазъ, играющій въ лучахъ солнца, изъ короны гадюки. Долго мечтала дѣвочка объ алмазѣ и, наконецъ, рѣшилась итти къ нему черезъ страшный лѣсъ, окружающій гору. Маленькая Регина не дошла до осколка разбитой бутылки на горѣ, заблудилась въ лѣсу, была приведена домой и строго наказана; но мечта объ алмазѣ на горѣ осталась у ней на всю жизнь. Такимъ же алмазомъ сдѣлалась для нея позже любовь Рафаловича, и, мечтая о немъ, она безропотно сносила звѣрства мужа. Но и эта мечта разбилась, Регина въ припадкѣ безумія убиваетъ мужа и гибнетъ въ ледяномъ потокѣ тающей рѣки.

Интересною особенностью произведеній Франка является то, что онъ, рисуя такъ натуралистически картины страданія, гнѣва, а иногда кровавой борьбы, избѣгаетъ натуралистическихъ описаній интимныхъ отношеній между мужчиною и женщиною. Болѣе того,—любовь переносится писателемъ изъ міра реальнаго въ міръ представленій, развивается здѣсь по законамъ нашей психики, прекрасно изслѣдованнымъ И. Франкомъ, и, неудовлетворенная, достигаетъ интенсивности, оставляющей далеко позади себя всѣ натуралистическія описанія. Любовь Регины къ сохранившемуся въ ея памяти образу Рафаловича достигаетъ границъ, за которыми человѣкъ перестаетъ отличать реальныя явленія отъ картинъ собственной фантазіи. Эта интенсивность эмоцій въ связи съ изнурительной работой воображенія, оживляющей любимое существо, дѣлаетъ Регину совершенно апатичной въ обыденной жизни. Рафаловичъ слишкомъ сильно связанъ съ дѣйствительностью, общественной работой для того, чтобы оказаться цѣликомъ во власти воспоминаній объ юношеской любви, но и онъ носитъ въ себѣ эту любовь въ продолженіе многихъ лѣтъ. Такъ любили рыцари давно минувшихъ временъ и, мечтая о своей „дамѣ сердца“, совершали въ честь ея героическіе подвиги.

Одинъ изъ этихъ романтическихъ рыцарей воплотился

и въ Рафаловичѣ. Съ мечтою объ идеалѣ связана и тоска по немъ, потому-то отчасти исторія любви у И. Франка написана грустными тонами. Эти грустные тона тѣмъ болѣе понятны, что описанныя имъ женщины далеки отъ идеала. И. Франко является въ достаточной степени реалистомъ, для того, чтобы не пытаться воплотить идеала женщины въ образѣ своихъ современницъ. А между тѣмъ Франко, болѣе чѣмъ многіе изъ его современниковъ, понимаетъ важность женскаго элемента въ жизни индивидуума и общества. Для женщины у Франка нашлось масса чуткости, нѣжности и пониманія. Возможно, что начала этой симпатіи были вложены писателю его матерью, о которой онъ такъ тепло вспоминаетъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ автобіографическихъ разсказовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Франко вѣритъ въ тѣ добрыя начала, которыя заглушены въ женщинѣ соціальнымъ воспитаніемъ и тяжелой жизнью. Послѣднее относится въ большей степени къ крестьянкѣ и работницѣ, первое—къ женщинѣ среднихъ классовъ. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что на галицкой украинкѣ замѣтно отразились вліянія польской буржуазно-шляхетской псевдокультуры. Въ произведеніяхъ Франка находимъ цѣлую галлерею женскихъ портретовъ, отъ крестьянки и бориславской работницы до представительницы городскихъ буржуазныхъ слоевъ. Имѣется здѣсь и нѣсколько представительницъ „дна женскаго общества“, принужденныхъ продавать свое тѣло. Въ это „дно“ заглянулъ Франко и далъ намъ нѣсколько печальныхъ картинъ трагедіи женской души; къ нимъ принадлежитъ талантливо и сильно написанный драматическій этюдъ „Съ ума ли сошла?“. Это паденіе изъ сѣтей мелкобуржуазныхъ условностей на дно проституціи описано съ большимъ знаніемъ женской психологіи и вызываетъ столь же сочувствія къ „падшей женщинѣ“, какъ и возмущенія противъ общества, создавшаго институтъ проституціи.

Въ отдѣльную группу можно выдѣлить разсказы Франка изъ дѣтской жизни. Нѣкоторые изъ нихъ автобіографическаго характера, и всѣ они по своему художественному выполненію принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ писателя. Разсказы эти цѣнны не только съ художественной, но и съ педагогической точки зрѣнія; художникъ сумѣлъ здѣсь заглянуть глубоко въ дѣтскую душу и увидѣлъ въ ней много прекраснаго, чего не замѣчаетъ и не желаетъ

замѣтить чиновникъ-педагогъ. Франко прослѣдилъ въ этихъ разсказахъ первыя переживанія дѣтской психики, еще автономной отъ постороннихъ вліяній, и первые самостоятельные шаги дѣтскаго мышленія. У маленькаго Мирона они не были очень удачными; правда, онъ чисто эмпирическимъ путемъ установилъ, что онъ видитъ глазами, а кудахтанье курицы слышитъ ушами, но шумъ слышитъ онъ уже не ушами, а пальцами, такъ какъ пальцами надо закрыть уши, чтобы слышать внутренній шумъ въ ушахъ.

Повѣствуетъ въ этихъ разсказахъ Франко и о томъ, какъ безжалостно убиваетъ школа дорогія начала дѣтскаго эмпиризма сухой схоластикой. Эта же любовь къ дѣтямъ и пониманіе дѣтской психики помогли Франку написать цѣлый рядъ прекрасныхъ сказокъ изъ жизни звѣрей. Вообще же произведенія И. Франка могутъ дать богатый матеріалъ для школьнаго чтенія. Это теплое отношеніе къ дѣтямъ у Франка является у него общею чертою съ нашимъ великимъ М. Коцюбинскимъ; замѣтна эта черта у нѣкоторыхъ другихъ украинскихъ писателей, и объясняется она между прочимъ заботою возрождающейся націи о своемъ подрастающемъ поколѣніи. Стремясь по своему обыкновенію охватить объектъ своего творчества въ его цѣлости, Франко далъ намъ и нѣсколько производящихъ большое впечатлѣніе своимъ натурализмомъ картинъ „дна дѣтской жизни“, описавъ и жизнь „маленькихъ преступниковъ“ львовской улицы.

Въ продолженіе своей многолѣтней художественной дѣятельности въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ охватилъ Франко огромныя области жизни націи; такую массу художественныхъ произведеній не далъ намъ еще ни одинъ изъ нашихъ писателей. Эти произведенія служатъ однимъ изъ несокрушимыхъ камней зданія нашей культуры, объединяющей нашу націю. Въ произведеніяхъ И. Франка видятъ украинцы себя и другихъ и познаютъ идею національнаго единства. Произведенія національной культуры служатъ наиболѣе крѣпкимъ цементомъ, скрѣпляющимъ національныя частицы нашего народа по обѣ стороны австро-россійской границы.

М. Данько.

И. Франко-поэтъ національной чести.

Поэтическое творчество, равно какъ и вся вообще литературная и общественно-научная дѣятельность Ивана Франка являютъ собою привлекательный матеріалъ для изслѣдователя.

Дарованіе Франка — многогранное. Литературная дѣятельность и производительность — еще не законченныя — огромны.

Это осложняетъ работу изслѣдователя и затруднитъ будущаго біографа, ибо каждая изъ сторонъ литературной или научной дѣятельности потребуетъ спеціальнаго освѣщенія и обстоятельнаго знакомства съ соотвѣтствующими отраслями науки и литературы. Указаннымъ, однако, не исчерпывается трудность работы по изслѣдованію литературнаго наслѣдія Франка и выясненію его заслугъ для возрожденной Украины. Франко, какъ писатель и дѣятель, неспокоенъ, порывистъ, не чуждъ острыхъ угловъ и рѣзкости, что вытекаетъ изъ страстности его темперамента. Эти черты проявляются не только въ выборѣ темъ и способѣ трактовки ихъ, но и въ общемъ тонѣ и формѣ литературнаго письма его, въ большинствѣ яркаго, выпуклаго, чуждаго шаблонности, всегда страстнаго, всегда привлекающаго къ себѣ вниманіе, даже тогда, когда въ корнѣ не согласенъ съ авторомъ.

Франко прошелъ длинный путь труда, борьбы и литературнаго подвижничества. Во многомъ этотъ путь былъ съ уклономъ отъ общепринятаго въ родномъ ему обществѣ, съ крутыми поворотами отъ проторенныхъ давно уже „тропинокъ“, съ отрицаніемъ послѣднихъ и противупоставленіемъ имъ „новой“ и „великой дороги“, по которой къ свѣтлымъ и далеко, въ высь восходящимъ цѣлямъ долженъ идти и отдѣльный человѣкъ, и весь народъ. И условія личной жизни Франка, а еще болѣе условія національно-общественнаго развитія украинскаго общества сложились такъ, что Франко взялъ на себя роль не только глашатая „новыхъ путей“, но и подлиннаго „каменщика“ — чернорабочаго, „пядь за пядью“ отвоевывавшаго доступъ къ „великой дорогѣ“ и расчищавшаго тысячныя преграды къ ней.

Обычный трагизмъ, постигающій провозвѣстниковъ „новыхъ словъ", новаторовъ мыслей и дѣла, не сразу находящихъ откликъ призывамъ, не миновалъ и Франка: слабый и рѣдкій отзвукъ порождали его „слова", еще рѣже этотъ отзвукъ сопровождался дѣлами и на бодрый призывъ къ свѣту—борьбѣ отвѣчало все то же старое, косное молчаніе, все та же нѣмотствующая покорность—этотъ позоръ и проклятый удѣлъ въ жизни украинскаго народа за послѣднее столѣтіе. И если горечь неудовлетворенности, досады, обиды и порою гнѣва за родной народъ, не доросшій до пѣвца, могъ отравить сознаніе поэта, то та черная, изнуряющая работа, за которую поневолѣ взялся Франко въ дѣлѣ созиданія культурной и общественной мощи родного народа и которая отпугивала иныхъ и новизной, и смѣлостью, и кажущейся опасностью ея, еще болѣе усугубляла трагизмъ переживаній поэта-дѣятеля. Въ поэзіи Франка можно подслушать скорбь пѣвца и „пророка" и увидѣть слѣды ранъ, нанесенныхъ противорѣчіями и общей, и національно-украинской жизни, ея хаосомъ и неустроенностью. Но въ то же время мы столкнемся здѣсь съ гордостью творца, таящаго горе и скрывающаго тѣ личныя страданія, горькую чашу которыхъ онъ долженъ выпить, ибо подноситъ ее его же родной народъ.

Мы увидимъ, какъ скупъ поэтъ въ признаніяхъ о томъ, что онъ переживаетъ, когда его сокровенные и дорогою цѣною выстраданные призывы умираютъ, не долетая до слуха тѣхъ, къ кому направляются, и какое глубокое горе бороздитъ его душу, когда онъ не видитъ ни слѣдовъ, ни пониманія совершаемой имъ работы.

Поэзія Франка, помимо своихъ художественныхъ достоинствъ, не всегда, впрочемъ, одинаковыхъ, цѣнна тѣмъ, что въ ней мы имѣемъ дѣло съ удивительно правдивымъ и глубокимъ отраженіемъ психологіи дѣятельнаго украинца, постигшаго всю неприглядность положенія, въ которомъ очутился его родной народъ, и подошедшаго вплотную къ изъянамъ его національнаго характера, къ червоточинамъ національной воли. Вотъ почему знать эту поэзію — приблизиться къ знанію насъ самихъ. Полюбить творчество этого поэта значитъ найти въ немъ источникъ не только эстетическаго наслажденія, но и запасъ впечатлѣній, организующихъ психику украинца и оздоравливающе вліяющихъ на его измятую вѣковыми историческими невзгодами волю.

Франко никогда не любилъ своего народа любовью слѣпца. Всѣ книги его, сборники стиховъ, страстныя публицистическія статьи говорятъ и убѣждаютъ, что въ этомъ чувствѣ порою слышатся неподдѣльные элементы ненависти и возмущенія, обличенія и пятнованія. Онъ клеймитъ и бичуетъ, пригвождая къ позорному столбу то, что способно вызвать гнѣвъ и негодованіе и является позоромъ въ родномъ ему народѣ. И потому полюбить поэзію Франка не значитъ закрывать глаза на недостатки и отрицательныя черты народной жизни, а, наоборотъ, пріобрѣсти цѣнное „противоядіе“ противъ національной исключительности.

И еще одно цѣнное вліяніе, испытываемое отъ знакомства съ творчествомъ поэта. Онъ не только пѣвецъ прекраснаго и не только вѣстникъ національнаго обновленія. Онъ — „мужъ свѣта“, умудренный знаніемъ души человѣческой вообще и души украинца въ частности, которую постигъ онъ и въ былыхъ судьбахъ украинскаго народа, и въ ея проявленіяхъ въ современности. Это сообщаетъ облеченнымъ въ художественныя формы идеямъ Франка особую цѣнность, ибо чувствуешь, какъ глубоко продуманы и осознаны онѣ, какъ горячность и страстность настроенія гармонически слились съ зрѣлостью и психологической обоснованностью мысли. Франко принадлежитъ къ тѣмъ поэтамъ, которые привлекаютъ къ себѣ больше глубиной своего творчества чѣмъ красивой формой послѣднихъ, чеканкой слова или мелодіей ритма, хотя и въ этомъ отношеніи многія его произведенія отмѣчены печатью подлиннаго таланта и гётевской „милостью Божіей“. Вотъ почему творчество Франка, какъ и всякаго подлиннаго художника, удовлетворяя требованіямъ, предъявляемымъ къ прекрасному, въ то же время пріобрѣтаетъ и воспитательныя черты: у Франка много берешь, многому учишься и многимъ себя обогащаешь.

Во времена неустройства національной жизни зародилась муза поэта: хаосомъ и противорѣчивымъ содержаніемъ ея пропиталась; ея творческими стремленіями себя напоила и оздоровила; ея дисгармоническими элементами, тѣми, что носятъ въ себѣ ферментъ разложенія, подточила собственныя силы и возможности, которыя такъ и остались невыявленными или въ итогѣ творческихъ напряженій дали что-то надрывное и безконечно скорбное. И это отраженіе содержанія національной жизни въ творчествѣ поэта

настолько глубоко и исторически правдиво, что, кажется, нельзя понять психологіи украинскаго общества 80-хъ—900-хъ годовъ, не ознакомившись съ поэтическими интерпретаціями ея, созданными Франкомъ, съ тѣми художественными образцами, поэмами и пѣснями, мотивы которыхъ навѣяны моментомъ, современнымъ поэту.

Для историка украинскаго возрожденія, особенно при выясненіи судебъ его въ Галиціи, творчество Франка многое уяснитъ и во многомъ поможетъ болѣе глубокому постиженію изучаемаго.

О томъ, что далъ этотъ крупный украинецъ своей странѣ, что онъ вложилъ въ созидаемую сокровищницу украинской національной культуры и какова вообще заслуга его въ дѣлѣ возрожденія Украины, будутъ написаны книги, предисловіе къ которымъ, въ видѣ статей, біографическихъ очерковъ и характеристикъ, украинская журналистика составляетъ уже теперь въ связи съ юбилейными днями Франка.

Автору этихъ строкъ хотѣлось бы вписать нѣсколько страницъ въ юбилейную литературу и остановить вниманіе читателя на одномъ моментѣ въ разнообразномъ по содержанію творчествѣ поэта, особенно, какъ кажется ему, цѣнномъ въ общественно-національномъ смыслѣ.

Это—моментъ національной чести и національнаго достоинства.

Поэтическій герой Франка и самъ поэтъ неотдѣлимы. Таково непосредственное впечатлѣніе, выносимое отъ изученія творчества поэта.

И когда этотъ герой, разсказавшій намъ въ поэмѣ „Зівяле листя“ глубокую драму, пережитую имъ на почвѣ „нераздѣленной любви“, забываетъ на минуту боль „незагоених ран“ въ сліяніи пѣсни личнаго горя съ пѣснью народныхъ невзгодъ, открывающей ему новый міръ заботъ и интересовъ, новые пути для жизненныхъ устремленій, то жизнь родного народа, такая яркая въ прошломъ и унылая въ настоящемъ, станетъ и для Франка-поэта источникомъ, откуда онъ напоитъ жажду своего вдохновенія, но вмѣстѣ съ живительной влагой выпьетъ и отраву ея. Пѣсни поэта сольются съ пѣсней народа, и мелодія ихъ будетъ та же, что проходитъ лейтъ-мотивомъ черезъ всю „музыку“ народной жизни.

Въ этой пѣснѣ много печали и рыдающихъ нотъ. Но вино-

ватъ ли поэтъ, что слова его пѣсни невольно нашептываются устами „въ хвилях недолі, задуми тяжкої“, что недоля народа—она же и недоля поэта—стала „матерью скорбныхъ думъ“, вылившихся въ пѣснѣ и родившихъ ее? Не будемъ искать отвѣта на вопросъ: онъ данъ въ самомъ вопросѣ. Такъ было и такъ долго еще будетъ, что жизнь народа, обойденнаго исторіей, опредѣлитъ своимъ содержаніемъ и содержаніе творчества своего пѣвца, войдетъ въ его сознаніе какъ нѣчто органическое, первичное и превалирующее надъ остальнымъ матеріаломъ поэтическаго вдохновенія. И чѣмъ болѣе чутокъ пѣвецъ, чѣмъ утонченнѣе его поэтическая организація, тѣмъ сильнѣе почувствуемъ мы вліяніе народности на содержаніи его творчества, тѣмъ глубже проникнетъ это начало въ лабораторію, созидающую художественные образы и слова. Это—„законъ, его же не прейдеши“, и творчество Франка лишній разъ подтверждаетъ внутреннюю силу „закона“.

Мы выше сказали, что муза Франка зародилась во время неустройства украинской жизни. Это неустройство исключаетъ возможность широкихъ плановъ, смѣлыхъ начинаній и популярности лозунговъ, зовущихъ къ установленію гармоніи и высшаго порядка на мѣстѣ хаоса. Широкіе круги общества не слишкомъ воспріимчивы къ новаторству: тяжелыя наслѣдія вѣковъ спутали по рукамъ и ногамъ движеніе народной жизни, обезсилили народъ, понизили его воспріимчивость и, кажется, заставили его свыкнуться съ положеніемъ колодника. Соціальная отсталость, безпросвѣтная нужда, зависимость отъ утѣснителя, который деморализовалъ утѣсняемаго, лишивъ его постепенно чувства человѣческаго достоинства, погасилъ въ немъ уваженіе къ самому себѣ и довелъ его въ концѣ-концовъ до той черты, за которой уже не поднимаются ни протесты, ни вопросы о чести,—вотъ тотъ фонъ, который давала Франку жизнь украинской Галиціи. На этомъ фонѣ онъ рисуетъ намъ цѣлый рядъ очерковъ народной жизни, и въ нихъ проходитъ передъ нами чудовищная галлерея пьявокъ, высасывающихъ силы народа, эксплоататоровъ, накидывающихъ на него ярмо непосильныхъ работъ, администраторовъ, идущихъ рука-объ-руку съ эксплоататорами и вмѣстѣ съ ними создающихъ какой-то кошмарный сонъ и подобіе ада изъ жизни народа. Въ этомъ аду истлѣваетъ духъ самодѣятельности, угашается иниціатива и прививаются яды,

отравляющіе сознаніе утѣсняемаго. Яркая серія разсказовъ, „Боа констріктор“ „Бориславскі оповідання“, „Великій Шумъ“, и особенно большая повѣсть „Перехресні стежки“ даютъ картину упадка, разлома и какого-то широкаго потока деморализаціи, разлившагося по всѣмъ линіямъ народной жизни и проникшаго во всѣ извилины ея.

Въ сознаніи поэта эта картина воспринимается въ скорбныхъ и глубоко угнетающихъ тонахъ.

Ой, ідуть, ідуть тумани
Над дністровими лугами...
Тільки в мряці тонуть села
І уява мари плодить.
Тільки дума невесела
Мов жебрак по душах ходить.

„Ті тумани, — говоритъ поэтъ въ другомъ мѣстѣ,— хитаються,

По над селом згущаються,
Розляглися по полях,
Щоб затьмити людям шлях,
Шоб закрити ім стежини,
Ті, що въ гору йдуть з долини.
В тую кузню, де кують
Ясну зброю замісць пут“.

Повитое туманомъ, прибитое горемъ, обезсиленное работой украинское село не слышитъ голоса „кузнеца“, которому вкладываетъ поэтъ свой призывъ:

Ходіть, люде, з хат, із поля!
Тут кується краща доля,
Ходіть, люде, порану,—
Вибивайтесь з туману!

И не срывается съ устъ поэта ни упрекъ, ни слово укора измученнымъ жизнью обитателямъ села: имъ надо забыться и заснуть и хоть во снѣ забыть о днѣ труда, который тянется ужъ сотни лѣтъ,—прежде чѣмъ найти въ себѣ нѣчто созвучное съ пѣсней кузнеца о „новой долѣ“. Поэту хочется стать у изголовья заснувшаго и оберегать его недолгій сонъ. И онъ съ мольбой обращается къ силамъ природы не нарушать сна:

Нехай той люд потомлений
Хоч трохи відпочине,
Нехай та згорблена спина
Ярмо важкеє скине.

Хай він, що був волом весь рік,
Робив, немов машина,
Почує в собі дух живий,
Пізна, що він людина.

Но и проснувшись, развѣ такъ сразу и пойдутъ люди села на призывъ къ борьбѣ и станутъ, проникнувшись призывомъ, ковать „ясну зброю замісць пут"?..

Сознанію Верхарна жизнь полей и лежащихъ на нихъ селъ, привыкшихъ къ „мертвой муміи обычаевъ" и „плѣну традиціи", рисовалась безнадежной къ воспріятію возрождающихъ лозунговъ:

„Поля кончаютъ жизнь подъ страшной колесницей,
„Которую на нихъ духъ вѣка ополчилъ".

Франко, подобно Этьену у того же Верхарна („Зори"), убѣжденъ, что „никогда не слѣдуетъ отчаиваться въ народѣ". Пусть этотъ народъ принесетъ ему много разочарованій, тяжелаго раздумья, порой отчаянія: Франко, какъ увидимъ ниже, знаетъ муку этихъ переживаній. Жизненная мудрость и опытъ, соединенные съ горячей вѣрой, подскажутъ народному пѣвцу вѣрный путь къ побѣдѣ и помогутъ найти источникъ силы въ дни, когда вѣра покидаетъ. Этой мудростью пониманія жизни, продуманностью цѣли ея и опытнымъ знаніемъ реальныхъ условій, ожидающихъ народного дѣятеля и пѣвца въ дѣлѣ служенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ немерцающимъ ни при какихъ условіяхъ свѣтомъ идеала проникнуто одно изъ наиболѣе сильныхъ стихотвореній (изъ серіи гражданской лирики) Франка, „Каменярі".

Поэту снился „дивный сонъ". Съ тысячей подобныхъ себѣ стоялъ онъ, прикованный къ высокой гранитной скалѣ. У каждаго въ рукахъ былъ тяжелый желѣзный молотъ: это дѣлало ихъ похожими другъ на друга, какъ и то, что чело каждаго „прикованнаго къ скалѣ" изрыто было „жизнью и скорбью" и въ глазахъ у всѣхъ горѣлъ „любови жаръ". Съ вершины горы раздается сильный, подобно грому, голосъ, призывающій дробить скалу, снося и трудъ, и жажду-голодъ, ибо имъ назначено пробить скалу. И всѣ, какъ одинъ, подняли руки, и тысячные удары молотовъ, какъ „водопада ревъ, какъ битвы крикъ кровавый", посыпались на скалу, добывая „пядь за пядью" доступъ къ широкой дорогѣ, скрытой за скалой. „Каменщики" знаютъ, какъ трудна и неизмѣримо тяжела взятая на себя работа: они слышатъ за собой плачъ матерей, дѣтей и женъ, отъ которыхъ ушли для „труда, пота и мукъ", къ нимъ доносится порицаніе и друзей, и враговъ, съ проклятьемъ на устахъ

осуждающихъ и ихъ самихъ, и „дѣло“ и „мысли ихъ“. Они сами переживаютъ муку:

І в нас не раз душа боліла
І серце рвалося і груди жаль стискав.

Но ни проклятье, ни слезы, ни страданья ни одного изъ нихъ не оторвали отъ дѣла:

І молота ніхто із рук не випускав!

Лишенные самомнѣнія, далекіе отъ того, чтобы сравнивать себя съ героями-богатырями, они избрали „простую“ роль на тернистой и невоздѣланной нивѣ жизни: стали „каменщиками“, добровольными невольниками, „рабами воли стали“, взялись за трудъ тѣхъ, кто складываетъ кости подъ скалой, уравнивая и умащивая ими дорогу для будущихъ поколѣній.

Итакъ, „каменщикъ“,—вотъ формула работы, служенія для дѣятеля и пѣвца въ условіяхъ украинской жизни, а трудъ его — это медленное, „пядь за пядью“, дробленіе скалы, во время котораго придется не только много силъ потратить, но и признанія за свою работу не получить.

Не вірь, що люд твої заслуги пощитає,
Що за для них одну дрібну провину
Тобі простить! Він судить, не щитає.

Миссія народнаго пѣвца—тяжелая, связанная съ самоотреченіемъ и тѣми страданіями, какія доставляетъ самоотреченіе.

І серце чулеє на те лиш взяв ти,
Щоб кожному в день скорбі пильгу ніс
І в горю слово теплеє сказав ти.
Та з власним горем крийся в темний ліс:
Ніхто до тебе не простягне руку
І не отре твоіх кривавих сліз.

Мысль человѣка можетъ найти примиреніе съ фактомъ. Сердце—никогда: не умѣетъ, не знаетъ, не захочетъ.

И поэтому, какъ ни утѣшаетъ себя философскими размышленіями поэтъ, какъ ни успокаиваетъ себя, живая душа его все-же жаждетъ поддержки, ищетъ сочувствія, все

ждетъ, что натянутая имъ струна отдастъ созвучными аккордами и этимъ увѣритъ, что лиру свою онъ настроилъ на вѣрный тонъ. Ожидаемое не приходитъ и посѣянныя зерна не всходятъ. Диспропорція между желаемымъ и исполнимымъ поражаетъ своей величиной, создавая дисгармоническія переживанія въ душѣ поэта. И вмѣстѣ съ нимъ мы переживаемъ тѣ рефлексы и эмоціи, которые родитъ неудовлетворенность, вмѣстѣ съ нимъ мы постигаемъ, какъ трудно было жить и работать дѣятельному украинцу въ тѣ годы нашего возрожденія, когда, говоря словами другого поэта, былъ „густий морок скрізь по хатах“ и едва-едва показывались робкіе просвѣты массоваго національнаго возрожденія.

Облеченныя въ поэтическую форму переживанія Франка съ этой стороны представляютъ двоякій интересъ: 1) они цѣнны не только какъ матеріалъ, характеризующій чутко-реагирующую душу поэта, не только какъ образцы печальной лирики съ глубокимъ психологическимъ содержаніемъ, но и 2) какъ историческій документъ, чтеніе и изученіе котораог даетъ нить къ пониманію тѣхъ переживаній, которыя выпали на долю лучшихъ и наиболѣе дѣятельныхъ представителей украинскаго общества, принадлежащихъ къ поколѣнію Франка.

Не этимъ дѣятелямъ, не этой небольшой кучкѣ самоотверженныхъ каменщиковъ, смѣло, беззавѣтно поднявшихъ на свои плечи тяжесть возрождающей національную жизнь работы, довести дѣло до того конца, когда уже показываются если не плоды, то всходы посѣянной работы. Не имъ „вычерпать мелкой ложкой“

„сей океан кривд, горя, темноти“...

гдѣ лишь „гниль“,

„Погані лявры, де душно, мрачно,
Пута знай звенять
І чахне дух серед зневіри й глуму.
Куда не глянь, усюди браки й дїри.
Робив без віддиху, а зроблено так мало
І иньших зогрівав, аж на кінці не стало
У власнім серці ні запалу, ні віри.

И какъ результатъ отъ всего этого рождается сознаніе безсилія, эта „страшная мука“, какъ называетъ ее Франко, т.-е. то психологическое самоощущеніе, когда

Чуття ще в серці полумям горять
І думи рвуться, як орел ширять,
Та воля мов разбита, мов безрука.

Дѣйствительность украинской жизни въ ту пору могла еще сильнѣе парализовать волю тѣхъ, кто стремится къ поднятію культурно-національнаго и соціально-политическаго развитія массъ.

Въ чемъ же причина безплодности горячихъ думъ и смѣлыхъ замысловъ, гдѣ объясненіе, гдѣ источникъ, парализующій волю самоотверженнаго дѣятеля, почему выразитель чаяній и интересовъ народа порою принижается до уровня массы?

Франко указываетъ на бѣдность духовную расы. Такое объясненіе было бы слишкомъ страшнымъ и ставило бы крестъ надъ творческими усиліями украинцевъ, если бы цѣликомъ отвѣчало дѣйствительности. И когда поэтъ въ порывѣ рефлекса восклицаетъ:

О, бідна расо, що такий твій плід
Слабий—що швидко найкращі меркнуть метеори,
Не мавши доброго розгону!.—

то въ этомъ восклицаніи мы чувствуемъ несомнѣнные признаки минутнаго настроенія, далекіе отъ того, чтобы признать за ними силу обобщенія. Здѣсь порывъ отчаянія, надрывъ настроенія. И съ психологической стороны онъ вполнѣ понятенъ: слишкомъ ужъ горько порой приходилось поэту въ роли „вопіющаго“ въ пустынѣ косности, невѣжества и отсталости. Но мы-то знаемъ, что въ данномъ случаѣ не бѣдность націи виною этому. Изъ сказаннаго выше о бытѣ украинской галицкой жизни видно, почему матеріально и духовно убога была современная поэту среда. Измученный надмѣрнымъ трудомъ народъ, загнанный въ тупикъ скудныхъ интересовъ, лишь непосредственно вытекающихъ изъ повседневной жизни, не могъ родить горячаго отклика поэту. Для этого у массы должна выработаться болѣе гибкая психика съ хотя бы намѣченными ассоціативными путями. Все это прекрасно, конечно, знаетъ и Франко, и недаромъ онъ такъ много силъ своихъ отдалъ на трудъ національнаго „Каменщика“. Но страстный темпераментъ „борца“ и „пророка“ родитъ порой горькіе упреки и тяжелыя обвиненія, окрашивая переживаемымъ въ данный моментъ настроеніемъ и формулу о трагичности творческихъ усилій пѣвца-дѣятеля.

Народъ, родившій выразителя своихъ думъ и настрое-

ній, пусть онъ будетъ поэтъ или дѣятель на общественномъ поприщѣ, надѣляетъ его чертами своего я. И это наслѣдіе, переданное народомъ своему сыну, скажется ярко и дастъ о себѣ знать особенно въ дни испытаній („дні проби і міри“) или, наоборотъ, въ моменты напряженій и подъема народныхъ силъ. Франко прекрасно выразилъ эту мысль въ одной изъ своихъ наиболѣе совершенныхъ и замыкающей кругъ его творчества поэмъ, „Моисей“.

Набрасывая характеристику героя этой поэмы, исполнившаго почти уже подвигъ своей ноготрудной жизни и стоящаго у „края могилы“, поэтъ говоритъ о немъ:

Все, що мав у життю, він віддав
Для одної ідеї,
І горів, і яснів, і страждав,
І трудився для неї.
Із неволі в Міцраїм свій люд
Вирвав він, наче буря,
І на волю спровадив рабів
Із тіснин передмуря.

Як душа їх душі підіймавсь
Він тоді многі рази
До найвисших піднебних висот
І вітхненна й екстази.
І на хвилях бурхливих їх душ
У дні проби і міри
Попадав він із ними нераз
У безодню невіри.

Если это такъ, то въ дни „проби і міри“ психологія родного народа можетъ показаться пѣвцу психологіей р а б а, яркій и исчерпывающій даже въ деталяхъ образъ котораго Франко даетъ въ изумительномъ перепѣвѣ трагической пѣсни вавилонскихъ плѣнниковъ „На рѣкахъ вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ“. И, вѣроятно, недаромъ поэтическое вниманіе его остановилось на далекомъ отъ насъ, въ сѣдой древности и пыли вѣковъ сокрытомъ, событіи изъ жизни еврейскаго народа: стертая картина своими поблекшими чертами напомнила поэту нѣчто живое и до боли близкое. Давно уже умершій рабъ-плѣнникъ Вавилона воскресъ и принялъ образъ народа, изъ среды котораго вышелъ поэтъ. Поэтъ не говоритъ этого. Но мы-то чувствуемъ недосказанное, мы подставляемъ аналогію. Всматриваясь въ историческій обликъ, вызванный къ жизни творческой фантазіей художника, и прислушиваясь къ надрывающей душу пѣснѣ невольника, мы чувствуемъ, какъ тревожная и болью пронизывающая дума охватываетъ насъ: да, въ этой пѣснѣ м н о г о нотъ, родныхъ и созвучныхъ съ тѣми, что слышатся и въ нашихъ пѣсняхъ, а образъ вавилонскаго плѣнника, какъ онъ похожъ на украинскую современность! Изъ

устъ невольника льется эта, вызванная насиліемъ, пѣсня. Это вѣдь пѣсня позора, пѣсня стыда и безсилья. Мы слышимъ ее въ пѣсенныхъ созданіяхъ народа, пережившаго историческую катастрофу. О позорѣ вѣдь пѣлъ и нашъ геній Шевченко; пробуждая нашъ стыдъ, та же пѣсня льется и изъ устъ талантливаго Франка.

Рабъ знаетъ „пѣсню стару: „я рабом народився, та рабом і помру,

Я на світ народився під свист батогів
Із невільника батька, в землі ворогів.
Я хилитись привик од дитинячих літ
І всміхатись до тих, що катують мій рід.
Мій учитель був пес, що на лапки стає
І що лиже ту руку, яка його бьє.

Пусть сойдетъ съ исторической сцены поколѣніе рабовъ, пусть на смѣну невольникамъ придутъ поколѣнія, не знавшія кнута и выросшія въ атмосферѣ свободы, не „носившія путъ на рукахъ, на ногахъ“, наслѣдіе вѣковъ скажется и на нихъ, и изъ устъ ихъ мы услышимъ жалобу безсилья:

Хоч я вольним зовусь, а як раб спину гну...
Вольне слово в душі наче сьвічку гашу...
І хоч душу манить часом волі приваб,
Але кров моя раб! Але мозок мій—раб!

Можно жалѣть раба и сострадать ему; можно объяснить черты рабской психологіи въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ свободныхъ, но жить съ ними, но постоянно быть въ ихъ средѣ и вмѣстѣ съ ними стремиться къ совмѣстнымъ цѣлямъ и планамъ — немыслимо. Нѣтъ увѣренности. Не можетъ быть твердой опоры: не поддержатъ до конца, быстро остынутъ, а то и предадутъ! Таковъ логическій выводъ, къ которому неминуемо приходитъ пѣвецъ борьбы, какимъ, къ слову сказать, въ значительной части своего творчества былъ Франко и какимъ не безъ основанія называетъ его въ своей работѣ „Пѣвецъ борьбы и контрастовъ“ С. Ефремовъ. Мнѣ лично кажется, что къ этому выводу не разъ приводило ущемленное сознаніе поэта, доставляя ему много горькихъ минутъ и переживаній. У поэта съ менѣе выраженнымъ характеромъ борца этотъ выводъ трагически повліялъ бы на все его міро-

ощущеніе, которое, преломившись въ стихіи національности, окрасило бы въ безнадежно-мрачные тона творчество поэта. Но Франко слишкомъ для этого цѣленъ, слишкомъ полонъ вѣрой въ неизжитыя силы украинской націи. Онъ знаетъ, что рабское въ родномъ народѣ, пусть оно долго живетъ и проявляется на протяженіи вѣковъ, все-же уступаетъ мѣсто своему антиподу. Національный рабъ, силою развитія и вѣковыхъ напряженій, дѣлается человѣкомъ, постигающимъ цѣну свободы, и срываетъ вѣковыя путы „съ ногъ и рукъ“ и, конечно, съ сознанія. Въ длительномъ процессѣ освобожденія и превращенія въ „новаго человѣка“ большое вліяніе на психику имѣетъ противопоставленіе рабскимъ чертамъ чертъ противоположныхъ имъ. Въ методѣ, въ пріемахъ этого противопоставленія Франко, помимо рѣзкаго контрастированія, обладаетъ особенной способностью задѣвать чувствительныя точки сознанія, какъ, напр., стыдъ, чувство національнаго достоинства. Въ направленіи задѣвающихъ эти точки сознанія ударовъ Франко силенъ какъ никто изъ украинскихъ поэтовъ и какъ никто изъ нихъ можетъ этими ударами вызвать возмущеніе, негодованіе и въ конечномъ счетѣ достичь эффекта. Его слово бьетъ какъ бичъ и очищаетъ какъ раскаяніе. Онъ часто при этомъ сгущаетъ краски, нападаетъ на „мнимыя величины“, „признанныя святыни“, превратившіяся въ идоловъ, свергаетъ ихъ съ высокихъ подножій, и тутъ нападающая рука его такъ сильна, что боль отъ удара ея ощущается долго еще, какъ онъ нанесенъ. Вотъ иллюстрація: въ „любви“ къ Украйнѣ-Руси признаются люди, недостойные этого. Поэтъ говоритъ: если родину его любятъ такіе люди, то онъ не любитъ ея. И когда по поводу брошенной фразы поднимается цѣлая буря противъ автора ея съ нападками, укорами и обвиненіями въ отсутствіи патріотизма, Франко разражается рѣзкимъ отвѣтомъ, срывающимъ маску съ національнаго патріотизма недостойныхъ признаваться въ немъ и устанавливающимъ чистое содержаніе и неподкупные мотивы этого высокаго чувства:

Ти, брате, любиш Русь
Як хліб і кусень сала,
Я ж гавкаю раз в раз,
Щоби вона не спала.
Ти, брате, любиш Русь
Як люблять добре пиво,
Я ж не люблю її, як жнець
Не любить спеки вжниво.
Ти, брате, любиш Русь
За те, що гарно вбрана,

Я ж не люблю її, як раб
Не любить свого пана,
Бо твій патріотизм—
Празнична одежина.
А мій—то труд тяжкий,
Гарячка невдержима.
Ти любиш в ній князів,
Гетьмання—панування,
Мене ж болить її
Відвічнеє страждання.
Ти любиш Русь, зате
Тобі і честь і шана,
У мене ж тая Русь
Крівава в серці рана.

Ти, брате, любиш Русь,
Як дім, воли, корови,
Я ж не люблю її
З надмірної любови.

Не будетъ ошибки, если черты патріотизма, осмѣяннаго Франкомъ, признать характерными кое-въ-чемъ и для нѣкоторыхъ группъ современнаго намъ украинскаго общества.

Въ патріотизмѣ Франка нѣтъ мѣста личному благополучію или выгодѣ, равно какъ и многимъ потерявшимъ смыслъ „идеализаціямъ" традицій—этой „праздничной одеждѣ", какъ называетъ ихъ поэтъ. Любовь Франка къ родному народу общечеловѣчна по своему содержанію, связана съ неустаннымъ трудомъ, „кровавой въ сердцѣ раной", всегда болѣющей, всегда заставляющей его думать о благѣ народа. Это—„надмірная любовь", заполняющая собою все существо поэта, которая никогда не должна утихать и понижаться въ своемъ напряженіи, а неустанно горѣть въ душѣ и нашептывать:

Не покидай мене, пекучий болю,
Не покидай мене, важкая думо-муко
Над людским горем, людською журбою!
Рви серце в мні, бліда жура—марюко,
Не дай заснуть в постелі безучасти,—
Не покидай мене, грижо—гадюко!

Все, что поверхностно, формально, нечистоплотно и деморализующе въ національномъ патріотизмѣ, все, что далеко отъ неподкупной любви къ родному народу и мѣшаетъ ей разлиться по національному организму, оплодотворивъ силы его,—все это находитъ въ лицѣ Франка отрицателя, врага, борца и протестанта. Протестъ Франка—двоякаго характера. Въ общественно-поэтической проповѣди его поэтъ имѣетъ въ виду: 1) реальнаго врага, отча-

сти историческаго, отчасти современнаго, чье насиліе сковывало и сковываетъ развитіе украинскаго народа, и 2) врага, таящагося въ коллективной душѣ украинца, въ его изломанномъ вѣками и исторіей національномъ *Я*, который болѣе опасенъ, чѣмъ первый.

(Конецъ будетъ).

С. Петлюра.

БІБЛІОТЕКА
НАУК. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКА

По серединѣ стоитъ: В. Б. Антоновичъ.
Сидятъ съ лѣвой стороны: Ѳ. Р. Рыльскій, В. Л. Беренштамъ. Съ правой: Ѳ. Т. Панченко, Б. С. Познанскій.

Воспоминанія

(Окончаніе [1]).

Такъ вотъ ты, друже, видишь, что на первыхъ порахъ, отставъ отъ поляковъ, мы, собственно говоря, не прилѣпились и къ малороссамъ и стояли особнякомъ. Кромѣ коренного украинца Панченка, у насъ еще былъ знакомый, въ національности котораго нельзя было сомнѣваться,—это бывшій тогда еще студентомъ поповичъ съ Подоліи Анатолій Свидницкій. Хотя еще до отъѣзда въ село я и мы (Антоновичъ и Рыльскій) были на какихъ-то общеславянскихъ собраніяхъ, устраиваемыхъ студентами духовной академіи, но особенно я лично не сошелся. Первое лѣто я безотлучно прожилъ въ Дударяхъ и ѣздилъ только въ Каневъ, гдѣ познакомился съ оставшимся тамъ для оправки могилы Тараса Грыцькомъ Честоховскимъ и увезенной имъ впослѣдствіи въ Питеръ красавицей Марусей Гостривной. Рыльскій пріѣзжалъ въ Дудари, и я живо помню его восторженность обстановкою и установившимися отношеніями.

Осенью уже заявились ко мнѣ два оригинальныхъ субъекта,—это подполковникъ Красовскій и Павелъ Косачъ. Первый погибъ въ омутѣ всероссійскаго бунтарства, второй, упоминаемый Лѣсковымъ въ его разсказахъ о жизни въ Парижѣ, какъ кажется, пропалъ въ ссылкѣ, но не по политическимъ дѣламъ, а за мошенничество.

Когда я уже зимою повернулся въ Кіевъ, то нашелъ тамъ Антоновича и Рыльскаго вполнѣ сблизившимися съ малороссами, причемъ уже я зналъ о напечатанномъ въ „Основѣ“ отвѣтѣ Антоновича Падалицѣ и о ссылкѣ Чубинскаго въ Архангельскъ. Журналъ „Основа“, „Черная Рада“, „Кобзарь“ Шевченко, оповідання Марка-Вовчка, повісті Квітки, „Метелики“ и Граматки Кулиша,—все это ставило насъ въ близкія отношенія къ все больше и больше заявляющимъ себя малороссамъ и совершенно отдѣляло отъ поляковъ и ихъ справы, которая однако же въ это время (конецъ 1861 г.) все больше и больше разгоралась.

---

[1]) См. „Украинская Жизнь“, 1913 г., апрѣль.

Тогда еще я узналъ о ростѣ польско-возстанской пропаганды въ Кіевѣ. Первою жертвою этого дѣла былъ сынъ дударовской помѣщицы Яковъ Габель, сосланный въ Нерехту за то, что по просьбѣ кого-то изъ повстанскихъ дѣятелей передавалъ присланную на его имя телеграмму. Разслѣдованія польской пропаганды вызвали со стороны правительства мѣры, но пока еще дѣянія мѣстныхъ поляковъ не обозначались особенно рѣзко, и мѣры, принятыя противъ нихъ, не превышали арестовъ и административныхъ ссылокъ. На мѣсто умершаго князя Васильчикова былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Анненковъ, который увидѣлъ—самъ ли, или ему указали,—что у него тутъ же, подъ рукою имѣется противовѣсъ польскому движенію, во-первыхъ, въ чиновничествѣ, только ожидавшемъ малѣйшаго поощренія въ этомъ дѣлѣ противодѣйствія польскости; во-вторыхъ, въ массѣ мѣстнаго крестьянскаго населенія, всегда готоваго въ польскомъ движеніи видѣть бунтъ противъ Царя, отобравшаго крестьянъ отъ помѣщиковъ, и, наконецъ, въ развивающемся на его глазахъ украинофильствѣ, силѣ интеллигентной, которую тоже можно будетъ направить противъ тѣхъ же поляковъ.

Въ зиму съ 1861 на 1862 годъ польское движеніе обнаружилось траурами и панихидами по жертвамъ уличныхъ безпорядковъ въ Варшавѣ, сопровождаемыми пѣніемъ гимновъ. Это совершалось повсемѣстно, гдѣ только были поляки и костелы. Университетская молодежь польская, само собою, стояла впереди этихъ демонстративныхъ панихидъ и пѣній гимновъ, причемъ уже стало извѣстнымъ, что въ Царствѣ Польскомъ готовится повстаніе. Появились на молодежи чемарки, венгерки, костюшкувки, конфедератки. Польскія демонстраціи въ стѣнахъ университета вызвали протестъ студентовъ-украинцевъ, поданный попечителю, въ которомъ заявлено, что кіевскій университетъ нельзя считать польскимъ и что весь университетъ нельзя считать отвѣтственнымъ за дѣйствія студентовъ-поляковъ. Такой протестъ помнится, былъ напечатанъ въ какой-то газетѣ,—кажется, въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“,—и вызванъ былъ угрозою правительства закрыть университетъ.

Наступившія каникулы, а слѣдовательно и разъѣздъ молодежи изъ Кіева сдѣлали перерывъ въ польскихъ демонстраціяхъ, но съ наступленіемъ осени опять съѣхалась молодежь, опять въ Кіевѣ появились чемарки, конфеде-

ратки, оживилось польское движеніе, пробуждаемое ростомъ волненій въ Варшавѣ и вообще Царствѣ Польскомъ. Коронярей уменьшилось въ Кіевѣ: они, очевидно, нашли дѣло въ организаціи движенія въ Царствѣ Польскомъ, но зато мѣстная наша польская молодежь видимо организовывалась: появились вожаки, очевидно, и лѣто проработавшіе по устройству своихъ дѣлъ.

Помню, однажды, лѣтомъ, поздно вечеромъ заявился ко мнѣ Готфридъ Пршеднельскій, уставшій, запыленный. Онъ не сказалъ мнѣ, откуда его Богъ принесъ, и только попросилъ ѣсть. Но пока я собиралъ ему поѣсть, онъ заснулъ, и мнѣ никакъ не удалось его разбудить. Когда я проснулся,—а это было 4—5 часовъ утра,—то Готфрида уже не было: онъ исчезъ, забравъ съ собою собранную для него съ вечера снѣдь. Послѣ я узналъ, что онъ „на світанні" обошелъ горою село и направился въ Ходоровъ... Это, очевидно, была какая-то таинственная экспедиція.

Къ зимѣ пропаганда польской справы захватила все польское населеніе на Украинѣ. Въ Кіевѣ, а можетъ быть и во всемъ Ю.-з. краѣ во главѣ польскаго движенія стояли Стефанъ Бобровскій (студентъ), Антонъ Юрьевичъ (вольнослушатель), Левъ Сырочинскій (студентъ), Хамецъ (окончившій университетъ, Викентій Василевскій и Готфридъ Пршеднельскій (студенты). Другихъ не вспомню сразу. Все это были наилиберальнѣйшіе изъ поляковъ, искренне отдавшіеся польскому дѣлу, но чуждые какихъ-либо посягательныхъ намѣреній по отношенію къ Украинѣ.

Здѣсь, кстати, припоминаю такой случай. Въ одномъ аристократическомъ польскомъ домѣ въ Кіевѣ Стефанъ Бобровскій (впослѣдствіи начальникъ г. Варшавы, погибшій на дуэли при отстаиваніи имъ чести Лянгевича) порицалъ мошрадзѣевъ за ихъ косность, стяжательность по отношенію крестьянъ, между прочимъ указалъ на неблаговидность поступка Неймана, сдѣлавшаго на меня доносъ, очертивъ всю неприглядность и безосновательность этого поступка, роняющаго, а ничуть не возвышающаго нравственный обликъ современнаго поляка-магната. При этихъ словахъ вдругъ одинъ изъ гостей заявляетъ, что Нейманъ, о которомъ такъ говоритъ Бобровскій,—его отецъ.

— Прошу извиненія! Я не имѣю привычки при дѣтяхъ нехорошо говорить объ ихъ родителяхъ, но разъ это помимо моей воли случилось, я словъ своихъ не беру назадъ,

такъ какъ разсказанное мною правда, а только могу дать вамъ свою карточку.

И онъ подалъ таковую молодому Нейману. Всѣ думали, что произойдетъ дуэль, но Нейманъ утромъ выѣхалъ изъ Кіева и болѣе туда не являлся.

Ольшанскій—берейторъ университетскаго.... очевидно, попалъ въ составъ главарей движенія потому, что ему удобно было организовать маленькій отрядъ конный въ 66 коней (Пойманный гдѣ-то на Полѣсьѣ, онъ по приговору военно-судной комиссіи былъ разстрѣлянъ въ равелинѣ Кіево-печерской цитадели).

Почему-то мнѣ припоминается, что и Вицусь Василевскій, и Готфридъ Пршеднельскій были второстепенными лицами въ организаціи возстанія и назначались въ предводители имѣвшихъ сформироваться отрядовъ изъ крестьянъ (Не ручаюсь, но мнѣ всегда такъ стояло въ памяти).

Къ концу года (1862 г.) короняры улетучились изъ Кіева потому, думаю, что имъ у себя въ Царствѣ Польскомъ было немало дѣла. Бѣжалъ изъ Кіева и Бобровскій. Изъ коронярей, впрочемъ, часть осталась на Украинѣ, но не въ Кіевѣ. Въ Большой Половецкой (Волынскаго уѣзда), въ имѣніи графовъ Браницкихъ, въ качествѣ ученыхъ агрономовъ оставались воспитанники Моримонскаго (?) сельскохозяйственнаго института. Изъ нихъ помню Густава Василевскаго, одного изъ видныхъ вожаковъ дѣла, и Сулимскаго. (Оба погибли, убитые крестьянами: Василевскій—около Исаекъ (?) Таращанскаго уѣзда, Сулимскій — въ Розальевик-Миревкѣ (?) Васильковскаго уѣзда). Въ Шамраевкѣ, на сахарномъ заводѣ гр. Браницкихъ, тоже осталось нѣсколько человѣкъ коронярей и галичанъ.

Между тѣмъ въ Кіевѣ мои пріятели Антоновичъ и Рыльскій успѣли сойтись съ заявившими себя малороссами, вполнѣ ихъ оцѣнившими. Я тоже при моихъ посѣщеніяхъ Кіева познакомился со многими. Женитьба Антоновича на двоюродной сестрѣ Павла Чубинскаго Варварѣ Ивановнѣ, урожденной Михельсонъ, а затѣмъ женитьба А. Ѳ. Кистяковскаго на другой сестрѣ, Александрѣ Ивановнѣ, немало способствовали этому сближенію. Рыльскій на нѣкоторое время былъ отвлеченъ отъ насъ: женившись на своей кузинѣ, тоже Рыльской, онъ сталъ не такъ свободенъ въ своихъ отношеніяхъ къ намъ: жена его, полька по ея убѣжденіямъ, сдерживала его, возила его за границу... (Она не-

долго жила, и послѣ ея смерти онъ женился вторымъ бракомъ на Меланьѣ Ѳедоровнѣ). Въ Кіевѣ послѣ вышеупомянутаго протеста противъ поляковъ и ихъ затѣй, угрожавшихъ закрытіемъ университета, заиграли малороссы. Правительство, очевидно, видѣло въ нихъ немалый противовѣсъ польской справѣ.

Первымъ виднымъ дѣломъ со стороны правительства было закрытіе польскаго театра въ Кіевѣ и появленіе русскихъ актеровъ, для поддержанія престижа выписанныхъ изъ Москвы. На гастроли были приглашены корифеи Императорскихъ московскихъ театровъ (Помню фамилію одну—Дмитріева).

Взамѣнъ дававшагося ежегодно польско-студенческаго вечера состоялся (не помню, въ декабрѣ 1862 или январѣ 1863 г.) малорусско-студенческій вечеръ съ хоромъ и живыми картинами. Каленикъ Варѳоломеевичъ Шевченко и его сестра Прися Варѳоломеевна, по мужу Вельгорская, дѣти названнаго брата покойнаго Тараса Григорьевича Шевченка, были гвоздемъ этого вечера. Я тоже участвовалъ въ этомъ вечерѣ.

Кіевъ уже насторожился: объявлено было военное положеніе, усилены рунды и разъѣзды. Помню, съ вечера мнѣ пришлось провожать дамъ. Ѣхали мы на нѣсколькихъ извозчикахъ. Насъ опередила пѣшая компанія, шедшая толпой по панели около Левашовскаго института. Компанія эта, еще не остывшая отъ впечатлѣній „вечера“, затянула хоромъ какую-то пѣсню. Ѣхавшія впереди наши дамы приказали извозчикамъ ѣхать шагомъ. Весь нашъ кортежъ замедлилъ ходъ. Вдругъ слышимъ лязгъ лошадиныхъ подковъ, и насъ, ѣдущихъ на извозчикахъ, вмѣстѣ съ идущими по панели пѣвцами окружилъ конный разъѣздъ драгунъ. Они выплясывали на лошадяхъ около толпы, не имѣя возможности прижать публику еще болѣе къ стѣнѣ, такъ какъ этому мѣшали водосточный ровикъ и тумбы.

— Тише, тише!—уговаривалъ толпу какой-то всадникъ, но толпа не унималась и очень стройно пѣла „Гей, не дивуйте, добріі люди, що на Вкраіні повстало“. Толпу догналъ какой-то полицейскій чинъ, и я слышалъ самъ, какъ онъ сказалъ драгунамъ:

— Пущай! Это не поляки.

И драгуны отстали.

Значитъ, усиленные разъѣзды имѣли въ виду только поляковъ и ихъ пѣніе—гимны.

Изъ разсказовъ я, пріѣзжая въ Кіевъ зимою 1862/63 года, зналъ, что возстаніе въ Царствѣ Польскомъ уже началось и что таковое же у насъ, что въ силу особыхъ со-
Изъ словъ Антоновича я зналъ, что въ силу особыхъ соглашенй съ вожаками польскаго дѣла они обязаны никого изъ нашихъ (малороссовъ и украинцевъ) не трогать. Очевидно, Антоновичъ многихъ сдерживалъ отъ участія въ польскомъ движеніи и былъ настолько нежелателенъ для поляковъ въ Кіевѣ, что ему предлагали немалую сумму денегъ за то, чтобы онъ уѣхалъ за границу. Я помню визитъ къ нему какого-то господина передъ вечеромъ, въ сумеркахъ, послѣ ухода коего Антоновичъ разсказалъ мнѣ про это предложеніе и про то, что визитеръ этотъ былъ „свѣтлѣйшій іезуитъ".

Съ нашей стороны обѣщанъ былъ полякамъ полнѣйшій нейтралитетъ и ни малѣйшаго добровольнаго вмѣшательства въ ихъ игру. Полагаю, что Антоновичу многое было извѣстно изъ „справы польской" такого, обнаруженіе чего могло быть вреднымъ для готовящагося повстанія.

Въ началѣ 1863 года, зимой, вполнѣ уже выяснилось, что у насъ на Украинѣ возстаніе неизбѣжно вспыхнетъ. Не нужно было быть особенно прозорливымъ, чтобы въ этомъ убѣдиться вполнѣ. Студентовъ-поляковъ стало въ Кіевѣ очень мало: всѣ они попереодѣлись въ чемарки изъ коричневаго сукна, казакины. Блюнкъ, извѣстный кіевскій сапожникъ, еле успѣвалъ изготовлять сапоги-ботфорты по заказу поляковъ. Нѣкоторые изъ молодежи съ рождественскихъ праздниковъ не нанимали особыхъ квартиръ, а жили совершенно по-бивуачному, по нѣсколько человѣкъ въ одномъ помѣщеніи. Можно было увидѣть на улицѣ, особенно въ Новомъ Строеніи (такъ называлась тогда въ просторѣчьѣ почти вся Лыбедская часть города), повстанца во всеоружіи: большіе отъ Блюнка сапоги, штаны и чемарка коричневаго или верблюжьяго сукна, кожаный широкій поясъ съ револьверомъ въ кобурѣ и небольшимъ штилетомъ, на головѣ конфедератка.

Полиція какъ-будто бы не видѣла всего этого и, какъ оказалось впослѣдствіи, все отлично знала, но находила неудобнымъ затѣвать исторіи въ городѣ, гдѣ могло до-

статься отъ подстраиваемой противъ поляковъ черни и не полякамъ. Однимъ словомъ, очень остроумно сообразила, что съ ними лучше справиться, когда они выйдутъ въ поле, что и было сдѣлано впослѣдствіи и разыграно какъ по нотамъ.

Въ мой пріѣздъ въ Кіевъ я встрѣчался съ моими друзьями-поляками, бывалъ въ польскихъ домахъ и слыхалъ разсказы про вспыхнувшее въ Царствѣ Польскомъ возстаніе, часто разнящіеся отъ газетныхъ извѣстій. Гремѣло уже тогда имя Лянгевича, ходило по рукамъ много брошюръ и печатныхъ листковъ. Мы мало вѣрили какъ разсказываемому въ этихъ листкахъ, такъ и газетнымъ извѣстіямъ. Послѣднія сильно подрывали довѣріе къ себѣ преувеличенными цифрами побитыхъ повстанцевъ и страшно малымъ числомъ убитыхъ и раненныхъ нашихъ солдатъ. Помню, какой-то остроумный читатель газетъ сводилъ цифры побитыхъ по газетнымъ реляціямъ повстанцевъ. Получался выводъ такой, что все населеніе Царства Польскаго перебито.

Въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ Кіевъ, въ концѣ зимы 1863 г., Готфридъ Пршеднельскій пригласилъ меня притти въ условный часъ потолковать „съ ними“. Это толкованіе происходило въ домѣ Кардашевскаго, на углу Б. Васильковской и Жандармской (нынѣ Маріинско-Благовѣщенской) улицъ. Въ домѣ этомъ въ 1866 году помѣщалось полицейское управленіе Лыбедской части. Въ мое посѣщеніе этого дома по приглашенію Пршеднельскаго это была конспиративная квартира, нарочно нанятая для такихъ сходокъ. Всѣ комнаты были безъ всякой мебели, и только въ одной комнатѣ было 3—4 табуретки. Неметеный соръ, масса окурковъ на полу доказывали, что тамъ сходились, но не жили.

Въ домѣ я засталъ Викентія Василевскаго, Антона Юрьевича, Готфрида Пршеднельскаго. Меня сразу начали разспрашивать о настроеніи народа, въ который уже стали проникать вѣсти о возстаніи въ Царствѣ Польскомъ. Я разсказалъ имъ все, что зналъ, а это все было очень неутѣшительно для нихъ. Народъ на Украинѣ подъ именемъ поляка, ляха понималъ того поляка, ляха, какого онъ зналъ у себя и около себя на Украинѣ, т.-е. пана. На возстаніе этого поляка-пана онъ смотрѣлъ какъ на выраженіе неудовольствія по случаю освобожденія крестьянъ (ихъ же, украин-

цевъ) отъ крѣпостной зависимости. Что никакими способами не сумѣютъ они внушить народу довѣріе къ себѣ, къ своимъ дѣйствіямъ. Народъ еще только сталъ улавливать смыслъ своей свободы, начиналъ оправляться послѣ вѣкового рабства, и потому война на его землѣ, около него, ему не нужна. Въ любомъ изъ столкновеній повстанцевъ съ войсками-солдатами народъ въ солдатахъ будетъ всегда видѣть своихъ, а въ сражающихся съ ними, солдатами,— чужихъ. Даже на нейтралитетъ народа въ такихъ столкновеніяхъ разсчитывать нельзя.

Разсказывая это все, я нѣсколько разъ обращался къ Пршеднельскому со словами:

— Вѣдь ты же это знаешь!

Мнѣ почему-то казалось, что Юрьевичъ и Вицусь мало знаютъ народъ, село, а Готфридъ Пршеднельскій, какъ мнѣ казалось, долженъ былъ знать народъ не меньше моего. Но онъ промолчалъ и не подтверждалъ этихъ моихъ на него ссылокъ. Разъ только, когда я сталъ доказывать, что, открыто выступая въ этой борьбѣ, они рискуютъ безопасностью своихъ семействъ, родныхъ и, наконецъ, всѣхъ поляковъ на Украинѣ, на которыхъ можетъ броситься народъ,—Пршеднельскій и мрачный, съ потупленнымъ взглядомъ, Вицусь какъ-то глухо и въ одинъ голосъ сказали:

— Знаемъ! (Wiemy!).

Красивое лицо Юрьевича какъ-то передернулось, и онъ, какъ бы желая положить конецъ этимъ моимъ внушеніямъ, произнесъ памятныя мнѣ слова:

— Wszystko to, coś nam prawisz, my sami doskonale wiemy i rosumiemy, ale teraz juz pòzno powracać; erekcya zanadto silna i musi sakònczyć się wybuchiem.

(Все, о чемъ ты намъ разглагольствуешь, мы сами знаемъ и понимаемъ, но теперь уже поздно поворачивать: подъемъ духа сильный и должно кончиться вспышкой).

— Но дѣла наши не такъ безнадежны, какъ ты думаешь, и когда мы тебѣ в с е разскажемъ, то ты въ этомъ убѣдишься. Мы тебѣ разскажемъ все, да это и необходимо, но только потребуемъ отъ тебя честнаго слова въ томъ, что ты ничего изъ разсказаннаго тебѣ не передашь Антоновичу...

Я былъ пораженъ этимъ предложеніемъ; закуривая трубку, я соображалъ, что, во-первыхъ, имъ почему-то не-

обходимо все разсказать мнѣ и, во-вторыхъ, очевидно, мнѣ только одному. Мнѣ обидно было за Антоновича, въ честность и полнѣйшую корректность котораго по отношенію къ полякамъ я безусловно вѣрилъ.

„Что-нибудь особенное произошло между ними (поляками) и Антоновичемъ“,—подумалъ я себѣ.

Съ Юрьевичемъ я не былъ особенно близокъ и потому и не проникалъ въ его намѣренія, но Василевскаго и Готфрида я хорошо зналъ, вѣрилъ имъ, и ихъ мрачное молчаніе при этихъ словахъ Юрьевича меня крайне поразило. Я не могъ понять этого недовѣрія къ Антоновичу и смысла необходимости внѣдренія меня, убѣжденія коего они знали, въ сущность ихъ дѣла.

— Такъ вотъ дай намъ слово, что ты ничего изъ услышаннаго отъ насъ не скажешь Антоновичу, и мы тебѣ откроемъ все, всѣ наши планы, и ты убѣдишься, что дѣло еще не совсѣмъ безнадежно,—повторилъ Юрьевичъ.

Вицусь и Готфридъ все такъ же молчали. И тогда, и послѣ, когда я возстановилъ въ памяти моей эту сцену, я вѣрилъ, что эти мои друзья, хорошіе друзья, Вицусь и Готфридъ, были въ полномъ подчиненіи Юрьевича, помогали ему въ его относительно меня намѣреніяхъ ... готовы были на всякія крайности: они могли бы тутъ же убить меня, если бы это понадобилось, если бы такъ приказалъ Юрьевичъ.

Я отвѣтилъ примѣрно такъ:

— Я не состою ни въ какой обязательной зависимости къ Антоновичу, нѣтъ у насъ никакой корпоративной дисциплины, которая обязывала (бы) меня о томъ или другомъ доносить немедленно ему; но единомышленность наша, наша политическо-національная вѣра, несомнѣнно, можетъ ставить меня въ необходимость сообщить ему все то, что, по моему мнѣнію, грозитъ ему—намъ опасностью личною или даже партійною. Въ этомъ рѣчи не можетъ быть о моемъ молчаніи, о несообщеніи ему о грозящей опасности.

Наступило общее молчаніе, и всѣ мы потупились. Какъ мнѣ послѣ того казалось и теперь кажется, Юрьевичъ сдѣлалъ какое-то (условное, можетъ быть) движеніе, и Вицусь съ Готфридомъ, по сю пору молчавшіе, съ жаромъ набросились на меня, требуя все того же обѣщанія не говорить ничего изъ того, что мнѣ будетъ разсказано,

Антоновичу. Я стоялъ на своемъ и отказался дать такое обѣщаніе.

Обсуждая и самъ и съ другими много разъ этотъ случай, я понялъ его такъ:

Антоновичу было многое, касающееся польской справы, извѣстно, и этимъ онъ, по всему вѣроятію, былъ имъ страшенъ и добился соглашенія о неприкосновенности нашей. Я по крайней мѣрѣ тоже зналъ, что помимо намѣревающихся выступить съ оружіемъ въ рукахъ въ Кіевѣ, да и вообще въ краѣ, оставалась цѣлая организація для поддержки возстанія, снабженія его денежными средствами и вообще всякою помощью. Не могъ, разумѣется, не знать этого и Антоновичъ. Но тогда уже, когда состоялось описываемое мною свиданіе, по всему вѣроятію, создались у нихъ (повстанцевъ) новые планы, новыя комбинаціи, въ которыхъ они во мнѣ искали, быть можетъ, какого-либо содѣйствія, и боялись, что Антоновичъ отговоритъ меня.

Такъ мнѣ сдается.

На уговоры Василевскаго и Пршеднельскаго я опять повторилъ тотъ же отказъ и, желая перевести разговоръ на другую почву, сказалъ:

— Почему бы вамъ не направить тѣхъ, кто ужъ такъ особенно жаждетъ открытой борьбы, въ Царство Польское, гдѣ они, быть можетъ, и пригодятся, между тѣмъ какъ здѣсь, на Украинѣ, они, намѣрное, погибнутъ безрезультатно?

Мнѣ ничего на это не отвѣтили. Я въ лицѣ Юрьевича увидѣлъ какое-то особенное озлобленіе.

— Довольно (Dosyć),— прервалъ онъ уговоры меня Василевскимъ и Пршеднельскимъ.—Намъ не о чемъ съ нимъ говорить: онъ слишкомъ зависимъ отъ Антоновича,— какъ бы желая уколоть меня этимъ, закончилъ онъ, подавъ мнѣ руку, и вышелъ изъ этой комнаты.

Мы остались втроемъ,—я, Вицусь и Готфридъ,—и стояли молча...

— Бросьте опасную игру,—играете...—началъ было я, но они прервали меня.

— Прощай! Мы тебя вполнѣ понимаемъ,— сказалъ кто-то изъ нихъ, и мы расцѣловались.

Пршеднельскій потиралъ ладонью кончикъ носа, что у

него означало особое возбужденіе. Вицусь былъ мрачнѣе обыкновеннаго. Я готовъ былъ разрыдаться и еле сдерживалъ себя.

Такъ мы и разстались.

30-го апрѣля послѣ этого прощанія я, узнавъ, что всѣ трое они были побиты крестьянами въ Соловіевкѣ, напился пьянымъ и горько поплакалъ надъ ихъ долею.

Впослѣдствіи выяснилось, что на-смерть былъ убитъ изъ этихъ трехъ Готфридъ Пршеднельскій, а сильно изуродованные Василевскій и Юрьевичъ остались живы. Василевскій былъ въ каторгѣ и возвратился. Въ какомъ-то иллюстрированномъ польскомъ журналѣ я видѣлъ статью о Сибири, подписанную W. Wasilewski. Вѣроятно, это Вицусь. Антона Юрьевича, бѣжавшаго изъ кіевской крѣпости, имя упоминалось въ газетныхъ извѣстіяхъ о покушеніи Брозовскаго въ Парижѣ на жизнь государя Александра II, гдѣ разсказывалось, что еще раньше, въ Кистиченѣ затѣвалось такое же покушеніе подъ руководствомъ „бѣглаго студента кіевскаго университета Антона Юрьевича“ (Юрьевичъ никогда не былъ студентомъ, а былъ вольнослушателемъ... [1]).

Б. С. Познанскій.

---

[1]) На этомъ обрываются воспоминанія Б. Познанскаго, любезно предоставленныя въ распоряженіе „Украинской Жизни“ для напечатанія семьей покойнаго украинскаго дѣятеля. *Ред.*

Петербургская академія наукъ и украинская литература.

„Большинство малороссіянъ“ того мнѣнія, что „никакого особеннаго малорусскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ, нарѣчіе же, употребляемое простонародіемъ, есть тотъ же русскій языкъ, испорченный только вліяніемъ на него Польши; что общерусскій языкъ такъ же понятенъ для малороссовъ, какъ и для великороссіянъ, и даже гораздо понятнѣе, чѣмъ теперь сочиняемый украинскій языкъ“, —пишетъ 18-го іюля 1863 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ въ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія Головину и съ чисто бюрократической логикой и государственной мудростью въ томъ же 1863 г. переходитъ отъ слова къ дѣлу, циркулярно защищая то, чего никогда „не было и быть не можетъ“: „пропускомъ книгъ на малороссійскомъ языкѣ какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтенія народа,—пріостановиться“.

Но уже въ 1876 г. „законъ“ Валуева оказывается недостаточнымъ. Малороссіяне, возлюбившіе отечество больше родины, со свойственнымъ имъ самоотверженіемъ добиваются новаго доказательства бдительнаго попеченія начальства объ „единокровныхъ русскихъ соплеменникахъ“. 1876 г. 18-го мая русское правительство, за приготовленіями къ защитѣ балканскихъ „братьевъ-славянъ“ не забывшее поддержать славянъ россійскихъ и даже (какъ любятъ нѣкоторые выражаться) „русскихъ“, издаетъ тайный указъ „тайнаго совѣтника“ М. В. Юзефовича, гласящій буквально слѣдующее:

„Государь Императоръ въ 18/30 день минувшаго мая Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Не допускать ввоза въ предѣлы Имперіи безъ особаго на то разрѣшенія какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ за границею на малорусскомъ нарѣчіи.

2) Печатаніе и изданіе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на томъ же нарѣчіи воспретить, за

исключеніемъ лишь: а) историческихъ документовъ и памятниковъ и б) произведеній изящной словесности, но съ тѣмъ, чтобы... въ произведеніяхъ изящной словесности не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго (?) русскаго правописанія.

3) Воспретить также различныя сценическія представленія и чтенія на малорусскомъ нарѣчіи, а равно и печатаніе на таковомъ же текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ".

Результатомъ такихъ исключительныхъ репрессій, имѣющихъ цѣлью „воспрепятствовать развитію украинофильскаго движенія, направленнаго къ литературному, а засимъ, быть можетъ, даже и политическому обособленію Малороссіи отъ остальной Россіи", могло быть только одно—культурное одичаніе украинскаго населенія, что дѣйствительно и было констатировано спустя сорокъ лѣтъ, въ 1904 г., комитетомъ министровъ, а такъ какъ для отмѣны этихъ стѣсненій „въ виду комитета не имѣлось достаточныхъ фактическихъ свѣдѣній" (sic!), то за ними комитетъ обратился къ Императорской академіи наукъ, Императорскимъ университетамъ въ Кіевѣ и Харьковѣ и къ кіевскому, подольскому и волынскому генералъ-губернатору.

Таковы были обстоятельства, вызвавшія появленіе извѣстной „Записки академіи наукъ—объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова" [1]), съ содержаніемъ которой мы и хотимъ прежде всего познакомить въ настоящей статьѣ читателей „Украинской Жизни".

Академія наукъ является, какъ извѣстно, высшимъ учебнымъ учрежденіемъ въ Россіи, компетенція и авторитетъ котораго въ такихъ вопросахъ, какъ вопросъ объ украинскомъ языкѣ, литературѣ и т. д.,—безусловны; въ виду всего этого къ мнѣнію ея по даннымъ вопросамъ, высказанному въ „Запискѣ", слѣдуетъ относиться съ полнымъ довѣріемъ и вниманіемъ.

Въ январѣ 1905 г. при академіи наукъ для разсмотрѣнія вопроса о стѣсненіяхъ украинскаго языка была образована комиссія подъ предсѣдательствомъ академика Ѳ. Корша изъ академиковъ А. Фаминцына, В. Заленскаго, Б. Фортунатова, А. Шахматова, А. Лаппо-Данилевскаго и С. Ольденбурга.

---

[1]) Цитируемъ вездѣ по 2-му изд. (1910 г.); 1-е, вышедшее „на правахъ рукописи" въ 1905 г., содержитъ кромѣ „Записки" также много очень цѣнныхъ приложеній.

Этой комиссіей была выработана докладная записка, ознакомившись съ которой, общее собраніе Императорской академіи наукъ пришло къ заключенію, что „цензурныя стѣсненія малорусскаго печатнаго слова не были вызваны какими бы то ни было угрожающими единству Россіи стремленіями малорусскаго народа", цензурныя же репрессіи „помѣшали опредѣлиться взаимнымъ отношеніямъ великорусской и малорусской литературъ, служатъ источникомъ сильнаго и вполнѣ естественнаго недовольства образованныхъ слоевъ малорусскаго населенія Россіи и нарушаютъ интересы сельскаго населенія Малороссіи" въ виду недостаточнаго знакомства или полнаго незнакомства украинцевъ съ русскимъ языкомъ. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній Императорская академія наукъ высказалась за необходимость „нынѣ же отмѣнить Высочайшее повелѣніе 18-го мая 1876 г., а также удостоившееся Высочайшаго одобренія распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ 1863 г., —малорусское населеніе должно имѣть такое же право, какъ и великорусское, говорить публично и печатать на родномъ своемъ языкѣ" (7—8).

Наканунѣ россійской революціи, снесшей вообще предварительную цензуру, эти „законы" были дѣйствительно отмѣнены, оставивъ послѣ себя лишь печальную память.

Обращаясь къ докладу „комиссіи по вопросу объ отмѣнѣ стѣсненій малороссійскаго печатнаго слова", приводимъ изъ него для нашихъ русскихъ читателей наиболѣе популярныя выдержки, рекомендуя имъ ознакомиться съ полнымъ текстомъ этого цѣннаго документа.

„Первыя извѣстныя намъ попытки употребленія малорусской рѣчи въ письменности относятся къ XVI в., въ которомъ можно указать хотя бы на пересопницкое евангеліе" (8). „Большинство малороссіянъ", оказывается, ввело легковѣрнаго русскаго министра въ жестокое заблужденіе. Новѣйшей украинской литературы, начинающейся съ Котляревскаго (1798 г.), мы здѣсь не будемъ касаться, хотя ей въ „Запискѣ" посвящено довольно много мѣста.

Останавливаясь на результатахъ закона 1863 г., „Записка" говоритъ: „Св. писаніе, которымъ галицкіе малороссы свободно пользуются въ переводѣ на ихъ родной

языкъ, украинскому [1]) простонародью было доступно лишь въ церковно-славянскомъ или въ великорусскомъ переводѣ, что равняется тому, что оно вовсе не было ему доступно" (18).

„Въ правѣ ли мы говорить объ языкѣ „общерусскомъ"? Въ наукѣ принято называть языкомъ „общерусскимъ" языкъ, не дошедшій до насъ въ письменныхъ памятникахъ и возстановляемый предположительно. Еще въ эпоху доисторическую „общерусскій" языкъ представлялъ въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ рѣзкія діалектическія отличія, дающія основанія допускать исконное дѣленіе русскаго племени на три группы: южно-русскую, средне-русскую, и сѣверно-русскую. Южно-русскіе памятники XI и XII вѣковъ, какъ доказано академикомъ А. Соболевскимъ, представляютъ рядъ типическихъ особенностей малорусской рѣчи. Историческая жизнь не создала общаго для великороссовъ и малороссовъ языка, напротивъ, усугубила выступившія вначалѣ діалектическія особенности. Живой великорусскій языкъ не можетъ быть названъ „общерусскимъ", въ противоположность малорусскому языку" (24—25).

„Но не имѣются ли основанія признать „общерусскимъ" нашъ (т.-е. русскій) литературный языкъ? Усиліями великихъ писателей нашихъ уже въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. сдѣлался нашъ литературный языкъ вполнѣ великорусскимъ, и нашу литературную рѣчь должно признать вполнѣ великорусской. Основаній назвать теперь эту рѣчь „общерусской" мы не видимъ, ибо она не представляетъ изъ себя амальгамы, въ которой бы отразились особенности всѣхъ живыхъ русскихъ нарѣчій" (26).

Сходное явленіе наблюдаемъ и на Украинѣ, и здѣсь „живой разговорный языкъ становится письменнымъ языкомъ. Мысли и чувства малоросса неудержимо рвутся на бумагу, и ему нѣтъ иного исхода, какъ выразить ихъ обычнымъ своимъ просторѣчьемъ, ибо чуждый ему великорусскій литературный языкъ не можетъ стать проводникомъ родной его рѣчи, не

[1]) Мы, къ сожалѣнію, не можемъ здѣсь останавливаться на не всегда ясной терминологіи, которой пользуется „Записка" по отношенію къ восточно-славянскимъ народамъ, — въ данномъ случаѣ разумѣются россійскіе украинцы.

можетъ и, по существу своему, не долженъ быть съ нею сближенъ и сравненъ. Съ одной стороны книжный великорусскій языкъ сравнялся съ разговорнымъ языкомъ великоруссовъ, а съ другой — разговорный языкъ малоруссовъ сталъ языкомъ новой малорусской письменности" (27). „Законностью и естественностью возникновенія малорусскаго письменнаго языка опредѣляется законность и всего дальнѣйшаго его развитія. Источникомъ его былъ живой разговорный языкъ, языкъ взросшей въ совершенно отличныхъ условіяхъ отъ интеллигенціи великорусской—украинской интеллигенціи, продолжавшей и въ XVIII, и въ XIX вв. воспринимать польскую культуру, которой не пришлось вытѣснить ни Москвѣ, ни Петербургу. Въ разговорномъ языкѣ украинской интеллигенціи, ставшемъ письменнымъ (украинскимъ) языкомъ съ начала XIX в., появляются въ качествѣ наносныхъ элементовъ на народной малорусской основѣ, съ одной стороны—польскіе, съ другой — великорусскіе слова и обороты, вѣдь обогащеніе иноязычными элементами—это удѣлъ каждаго литературнаго языка" (28).

„Стѣснительные законы 1863 и 1876 гг. были введены, можно думать, въ интересахъ великорусскаго литературнаго языка", но „эти законы разрушили ту братскую связь, которая завязалась въ разныхъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ между великорусскою и малорусскою письменостью, они прекратили братское между ними соревнованіе, разъединивъ ихъ окончательно" (30).

Далѣе „Записка" доказываетъ, что мнѣніе правительственныхъ круговъ, будто бы за литературнымъ обособленіемъ украинской литературы „естественно и даже необходимо должно послѣдвать стремленіе къ обособленію политическому" (35),—вовсе неосновательно, а борьба съ этимъ еще имѣющимъ возникнуть „стремленіемъ" при помощи „законовъ" 1863 и 1876 гг., вызвавшихъ въ украинскомъ обществѣ вполнѣ понятное раздраженіе,—нелѣпа.

Подвергнувъ подробному анализу „законы" противъ украинской литературы, „Записка" говоритъ: „Знакомство съ исторіей цензурныхъ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова убѣждаетъ въ томъ, что они вызваны неправильными соображеніями государственныхъ пользъ и нуждъ, разсмотрѣніе же аргументовъ, выдвинутыхъ въ публицистикѣ противъ существованія малорусской литературы, противъ ея самостоятельнаго и свободнаго развитія и въ пользу ея

стѣсненій, привело къ заключенію, что аргументы эти основаны частью на одностороннемъ пониманіи исторіи малорусскаго народа и его языка, частью же на тенденціозномъ стремленіи ограничить права малорусской народности въ угоду неправильно понятыхъ интересовъ великорусскихъ..." (39).

Въ заключеніе „Записка" съ полнымъ убѣжденіемъ рѣшается повторить слова Ю. Самарина: „Пусть же украинскій народъ сохраняетъ свой языкъ, пусть въ братскомъ общеніи и рука-объ-руку съ великорусскимъ племенемъ развиваетъ онъ на поприщѣ науки и искусства, для которыхъ такъ щедро надѣлила его природа, свою духовную самобытность, пусть учрежденія, для него созданныя, приспособляются болѣе и болѣе къ мѣстнымъ его потребностямъ" 42—43) [1]).

Такъ отвѣтила по вопросу объ украинской литературѣ русская академія наукъ русскому правительству, открыто признавшему свою некомпетентность въ данномъ вопросѣ— отсутствіе „достаточныхъ фактическихъ свѣдѣній"—и обратившемуся къ ея компетенціи и авторитету.

По нашему мнѣнію, „Записка" академіи наукъ, является документомъ, основаннымъ на принципѣ „самъ живи и другимъ давай жить", гораздо болѣе способствовала установленію добрыхъ отношеній между двумя наиболѣе численными славянскими народами, чѣмъ тотъ шумъ и возня, которые подымаютъ теперь по вопросу объ украинскомъ „партикуляризмѣ" и „сепаратизмѣ" какъ либеральные, такъ и вовсе нелиберальные русскіе патріоты, эти горячіе воссоединители того, что или едино, или несоединимо, кстати и не кстати кричащіе о великой Россіи, возмущающіеся тѣмъ, „что малороссіянинъ самъ собою, какъ сатана, стоять хочетъ" (выраженіе патріарха Никона), и прикрывающіе свои волчьи вожделѣнія беззастѣнчивымъ и хвастливымъ каляканьемъ о великой русской культурѣ. Забываютъ эти патріоты, что кичиться успѣхами и величіемъ русской культуры не всегда удобно, а кичиться передъ украинцами просто стыдно.

Свои теоретическія воззрѣнія на украинскій языкъ и литературу академія наукъ вполнѣ послѣдовательно примѣняетъ и на практикѣ.

[1]) Разрядка вездѣ принадлежитъ намъ. В. Я.

Когда въ началѣ 1905 г. такъ долго запрещавшійся и признававшійся „угрожающимъ государственному единству Россіи“ украинскій переводъ евангелія былъ, наконецъ, разрѣшенъ правительствомъ и даже получилъ благословеніе синода,—при академіи наукъ была немедленно образована особая комиссія, которая совмѣстно съ сотрудниками-украинцами занялась приготовленіемъ къ печати въ 1911 г. уже вышедшаго въ свѣтъ перевода евангелія на украинскій языкъ.

Еще въ 1904 г. 2-е отдѣленіе Императорской академіи наукъ выпускаетъ первый томъ „Статей по славяновѣдѣнію“ подъ редакціей В. Ламанскаго и въ этомъ томѣ печатаетъ, на-ряду со статьями на другихъ славянскихъ языкахъ, также статьи по-украински (н а у ч н ы я!) и фонетическимъ правописаніемъ. Если мы замѣтимъ, что это было въ 1904 г., когда украинцамъ было дозволено на своемъ языкѣ развлекаться только разсказиками, обязательно замаскированными казеннымъ правописаніемъ, то этотъ поступокъ академіи наукъ представится намъ цѣлымъ гражданскимъ подвигомъ,—недаромъ же нашъ „самоотверженный малороссіянинъ“ г. С. Щеголевъ, запоздавъ на восемь лѣтъ, рветъ и мечетъ по поводу этого попустительства, несоотвѣтствующаго государственнымъ интересамъ Россіи (см. 140 стр. его „труда“).

Какъ бы то ни было, въ I т. появилось три научныхъ украинскихъ статьи, принадлежащихъ перу проф. Мих. Грушевскаго: „Звичайна схема „русскоі“ історіï й справа раціональнаго укладу історіï східнього словянства“, „Спірні питання староруськоі етнографіï“ и „Етнографічні категорії й культурно-археольогічні типи в сучасних студиях Сходньої Европи“, изъ которыхъ для неспеціалистовъ особенно интересной является первая статья, выясняющая всю ненаучность той препараціи „русской исторіи“, которую мы имѣемъ теперь у русскихъ историковъ, а по ихъ стопамъ и у историковъ русской литературы.

Во 2-мъ т. „Статей по славяновѣдѣнію“ помѣщена статья Ив. Франко „Притча про слѣпця і хромця“, въ 3-мъ — статья С. Томашивськаго „Етнографічна карта Угорськоï Руси“, представляющая обширный географическо-статистическій комментарій къ этнографической картѣ венгерской Украины. Карта эта принадлежитъ тому же С. Томашивському, написана она, какъ и статья, по-украински

и является наилучшей изъ существующихъ украинскихъ картъ нашей страны, какъ областныхъ, такъ и общеукраинскихъ. Такова ужъ, видно, была иронія судьбы, пожелавшей хоть чѣмъ-нибудь вознаградить эту отмирающую въ мукахъ область Украины за ея долготерпѣніе.

Въ 1908 г. академія наукъ начала многотомное изданіе—„Энциклопедію славянской филологіи". Изъ проспекта „Энциклопедіи" видно, что предположены къ печатанію такія отдѣльныя статьи по украиновѣдѣнію: „Образованіе современнаго литературнаго малорусскаго языка", „Малорусскія нарѣчія".

Изъ появившихся уже выпусковъ довольно много матеріаловъ по украинской филологіи имѣемъ въ 1-мъ т. „Исторія славянской филологіи" И. Ягича; 12-й вып. составляетъ статья Е. Будде „Очеркъ исторіи современнаго литературнаго языка (XVII—XIX в.)", ознакомиться съ которой горячо рекомендуемъ невѣжественнымъ зоиламъ современнаго литературнаго украинскаго языка, настойчиво забывающимъ, что „нѣтъ ни единаго языка, родившагося во весь ростъ и во всеоружіи, какъ Минерва изъ головы Юпитера".

Вып. 2-й состоитъ изъ „Обозрѣнія современнаго славянства" Л. Нидерле, которое представляется намъ въ отдѣлѣ, посвященномъ восточнымъ славянамъ, особенно неяснымъ. Авторъ, очень убѣдительно доказавъ, что „русскіе" (т.-е. восточные славяне) не были никогда народомъ вполнѣ цѣльнымъ" (25) и что „несомнѣнно, уже ко временамъ татарскаго ига прежнія родовыя единицы объединились въ малорусскую, великорусскую и бѣлорусскую группы" (10), отличающіяся и языкомъ, и антропологическими и этнографическими чертами, и традиціей, и психикой, причемъ особенно рѣзкое отличіе наблюдается между малоруссами и великоруссами (32, 33),—все-таки объединяетъ эти всѣ группы въ единый „русскій" народъ (11),—вѣдь „разстояніе между великоруссами и чехами гораздо значительнѣе, чѣмъ между первыми и малоруссами" (3), хотя ожидать противоположнаго было бы совсѣмъ страннымъ,—вѣдь, недаромъ же украинцевъ и русскихъ ученые относятъ къ восточнымъ славянамъ, а чеховъ—къ западнымъ. Неясность взглядовъ автора въ данномъ отношеніи очень повредила его статьѣ какъ съ методологической стороны, такъ и со стороны точности и научности (34, 37) изложенія.

Вып. 5-й составляетъ изслѣдованіе О. Брока „Очеркъ физіологіи славянской рѣчи", въ которомъ авторъ отводитъ особый отдѣлъ украинскому языку на-ряду съ другими славянскими языками (болгарскимъ, сербо-хорватскимъ, словенскимъ, чешскимъ, польскимъ и русскимъ,—языки бѣлорусскій, словацкій и лужицкій опущены. Это изслѣдованіе своими украинскими отдѣлами является цѣннымъ вкладомъ въ украинскую лингвистику и будетъ очень полезно тѣмъ русскимъ лингвистамъ, которые настойчиво продолжаютъ писать объ „общерусскомъ" литературномъ произношеніи, оказывающемся, вопреки истинѣ, общимъ для всѣхъ восточныхъ славянъ.

Въ „Извѣстіяхъ 2-го отд. Императорской академіи наукъ" за послѣдніе годы встрѣчаемъ довольно много изслѣдованій украинскихъ ученыхъ на украинскія темы—В. Адріановой, В. Данилова, А. Грушевскаго, Г. Голоскевича, В. Перетца и др.; разумѣется, очень большого числа работъ отъ украинскихъ ученыхъ нельзя и не слѣдуетъ здѣсь требовать,—вѣдь у нихъ есть своя насущная задача—развивать украинскую науку въ украинскихъ же формахъ и снабжать своими изслѣдованіями тѣ научные украинскіе органы, которые, наконецъ, украинцы получили возможность издавать не только въ „нѣмецкой" Австріи, но и въ „русской" Россіи и которые дружески поддерживаютъ своими работами и немногіе русскіе ученые—члены академіи наукъ.

Въ заключеніе укажемъ, что академіей наукъ издана недавно программа по украинской діалектологіи (руководство къ собиранію украинскихъ лингвистическихъ особенностей) подъ ред. К. Мыхальчука и А. Крымскаго (еще раньше вышедшая по-украински) и выданы награды за „Словарь украінської мови" Б. Гринченка и за „Очеркъ исторіи украинскаго народа" Мих. Грушевскаго.

Изложенное выше показываетъ намъ, что истинно-культурная дѣятельность академіи наукъ по отношенію къ украинской культурѣ является свѣтлой точкой на темномъ фонѣ идейной и рукопашной борьбы русскихъ патріотовъ съ украинствомъ при неподающемъ особенно розовыхъ молчаніи русскаго общества.

Вол. Я.

Петербургская „Просвіта".

Народная темнота, обусловленная нераціональностью начальной школы, является незаживающей раной въ организмѣ украинскаго народа. Вотъ почему въ работѣ украинской интеллигенціи такое видное мѣсто занимаютъ разнаго рода просвѣтительныя организаціи, такъ-называемыя „Просвіти". Въ Украинѣ австрійской благодаря политической свободѣ подобныя организаціи имѣютъ возможность восполнять дефекты правительственной школы; львовская „Просвіта", съ ея 20,000 членовъ-крестьянъ, съ тысячами сельскихъ библіотекъ-читаленъ, съ широко поставленнымъ издательствомъ, выполняетъ огромной важности культурную миссію въ жизни галицкаго крестьянства...

Въ нашихъ условіяхъ о свободной работѣ просвѣтительныхъ общественныхъ организацій говорить не приходится; самое возникновеніе „Просвіт" въ россійской Украинѣ стало возможно только съ конца 1905 года; но уже черезъ нѣсколько лѣтъ дѣятельность ихъ подверглась значительнымъ стѣсненіямъ. Изъ возникшихъ за это время на Украинѣ „Просвіт" наиболѣе активныя были закрыты за „вредную" дѣятельность, нѣкоторыя—за „бездѣятельность" (послѣ того, какъ по волѣ администраціи, изъ ихъ состава были устранены самые дѣятельные члены), и до нынѣшняго времени дожило лишь два—три общества умѣренной энергіи, а возникновенію новыхъ положенъ предѣлъ извѣстнымъ сенатскимъ указомъ противъ „инородческихъ" организацій.

Въ ряду этихъ обществъ-эфемеридъ имѣется своего рода Маѳусаилъ, — общество, насчитывающее почти полтора десятка лѣтъ жизни, ибо народилось на свѣтъ оно еще при старомъ режимѣ, задолго до эпохи „свободъ". Съ этимъ обществомъ мы и хотимъ ближе познакомить читателей, такъ какъ нѣкоторыя подробности его дѣятельности довольно ярко характеризуютъ тѣ условія, которыми у насъ обставлена просвѣтительная работа для украинскаго крестьянства.

Эти условія сказываются уже въ томъ, что украинское общество, о которомъ идетъ рѣчь, существуетъ не на Украинѣ, а въ С.-Петербургѣ и называется не „Просвіта“, какъ бы слѣдовало по его характеру, а „Благотворительное общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ“... Учреждено оно въ концѣ 1898 года, — когда еще во всей силѣ былъ секретный циркуляръ, запрещавшій на украинскомъ языкѣ всѣ роды литературы, кромѣ чистой беллетристики (такъ-называемый „законъ Юзефовича“ — lex Jusefoviana). При этомъ спеціальномъ режимѣ, тяготѣвшемъ надъ украинскимъ языкомъ, нельзя было, конечно, и мечтать объ учрежденіи на Украинѣ общественной организаціи, съ украинскимъ названіемъ и съ опредѣленно выраженнымъ правомъ распространенія украинской популярно-научной литературы. Но въ Петербургѣ организаторамъ общества [1]) удалось достичь по тому времени сравнительно очень многаго: цѣлью общества по уставу указано содѣйствіе „религіозно-нравственному развитію и экономическому благосостоянію малорусскаго народа“, а средствомъ для достиженія этой цѣли—изданіе „одобренныхъ цензурою и доступныхъ по языку и изложенію книгъ“ разнаго содержанія.

При такихъ условіяхъ украинской интеллигенціи Петербурга представилась возможность организовать книгоиздательство, спеціально посвященное популярной литературѣ на украинскомъ языкѣ, какъ наиболѣе доступномъ для малорусскаго народа. Но имѣть законную возможность издавать украинскія брошюры еще не значило безвозбранно этою возможностью пользоваться. Для украинской литературы, какъ мы уже говорили, была установлена особая цензура, не предварительная, а запретительная. Все, что хоть сколько-нибудь выходило за рамки чистой беллетристики, подвергалось безпощадному гоненію; цензурное вѣдомство, въ своей оцѣнкѣ украинскихъ рукописей, съ особенною суровостью относилось къ произведеніямъ, чтеніе которыхъ могло внушить мысли о возможности примѣненія украинскаго языка къ школѣ и наукѣ; поэтому книжки для дѣтей, для внѣшкольнаго чтенія, для самообразованія трактовались чуть ли не наравнѣ съ революціонной литературой. Задачею вдохновителей тогдашняго цензурнаго

[1]) Организовалъ общество и исходатайствовалъ разрѣшеніе его устава ген.-маіоръ въ отставкѣ Н. Ф. Федоровскій.

режима было постепенно свести украинское литературное движеніе къ нулю и этимъ доказать справедливость возвѣщеннаго еще въ 1863 году Валуевымъ афоризма: „никакого малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ“... Для облегченія цензурѣ этой задачи весь надзоръ за украинской литературой былъ сосредоточенъ въ петербургскомъ цензурномъ комитетѣ и главномъ управленіи по дѣламъ печати: сюда направлялись со всѣхъ концовъ Украины вороха рукописей на украинскомъ языкѣ и своимъ утомительнымъ обиліемъ поддерживали въ офиціальныхъ рецензентахъ профессіональное раздраженіе противъ этой, обреченной на гибель, но не желающей умирать литературы.

Какъ видитъ читатель, возникновеніе украинскаго издательскаго общества въ Петербургѣ было вполнѣ естественнымъ послѣдствіемъ установленнаго для украинской литературы цензурнаго централизма. Близость къ высшей цензурной инстанціи давала возможность путемъ личныхъ хлопотъ и ходатайствъ ускорять движеніе рукописей черезъ цензуру и, въ отдѣльныхъ рѣдкихъ случаяхъ, увеличивала шансы на благопріятный для данной рукописи исходъ.

Къ тому времени, впрочемъ, въ цензурномъ режимѣ наступила полоса нѣкотораго облегченія: и „рука бойцовъ колоть устала“, и практика нашла необходимые компромиссы между требованіями циркуляра и жизни... Прежде всего цензурное вѣдомство стало разрѣшать къ печати популярныя брошюры по сельскому хозяйству, получившія предварительно одобреніе ученаго комитета министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. А такъ какъ въ то время „объединеннаго кабинета“ еще не существовало и министерство земледѣлія располагало возможностью относиться къ своимъ задачамъ объективно, внѣ связи съ внутреннею политикою, то на свѣтъ Божій появилось нѣсколько цѣнныхъ популяризацій на украинскомъ языкѣ, получившихъ впослѣдствіи огромное распространеніе среди украинскаго крестьянства. Для брошюръ, популяризовавшихъ другія отрасли научныхъ и прикладныхъ знаній, не связанныхъ съ сельскимъ хозяйствомъ, выработались иные способы огражденія отъ „дурного глаза“ цензуры... Такъ какъ изящная литература на украинскомъ языкѣ по дѣйствовавшему режиму не была отнесена къ запретному роду

творчества, то авторы и издатели популярно-научныхъ брошюръ стали придавать имъ, по возможности, беллетристическую форму, вводя изложеніе въ рамки болѣе или менѣе искусственной фабулы или по меньшей мѣрѣ діалога между популяризаторомъ и слушателемъ. Затѣмъ, заинтересованнымъ лицамъ предоставлялось, въ случаѣ опасности запрешенія, доказывать, что представленный въ цензуру очеркъ, положимъ, метеорологическихъ явленій, есть произведеніе изящной словесности... При этомъ, чтобы не впасть съ собою въ противорѣчіе, авторъ долженъ былъ дать своей брошюрѣ не только беллетристическую форму, но и подходящее заглавіе. Назвать, напр., брошюру по метеорологіи „Разсказы объ атмосферическихъ явленіяхъ“ значило окончательно погубить ее; а поставивъ заголовокъ въ родѣ „Приключеніе на хуторѣ“ можно было съ извѣстною вѣроятностью разсчитывать на успѣхъ...

Въ этой тяжелой атмосферѣ принципіальной враждебности, мелочныхъ придирокъ и личнаго усмотрѣнія пришлось вести свою работу „Благотворительному обществу“. Много труда, времени и энергіи затратило оно на ненужныя и тягостныя тренія, на маяту борьбы съ перегородками и затворами, которыми у насъ сдерживаются порывы общественной энергіи и иниціативы. Въ концѣ-концовъ вся работа размѣнивалась на эти мелочи, и незначительная удача превращалась въ глазахъ работниковъ въ крупную побѣду, въ общественное пріобрѣтеніе... Какою радостью встрѣченъ былъ благополучный исходъ изъ цензуры двухъ рукописей на историческія темы: „Оповідання про Антона Головатого“ и „Про Богдана Хмельницького“! Это были первыя ласточки облегченнаго цензурнаго режима! Послѣ долгаго промежутка, свыше двухъ десятковъ лѣтъ,—въ теченіе которыхъ безъ пощады запрещалось все, что имѣло самую отдаленную связь съ исторіей Украины,—вдругъ такой радостный даръ суровой судьбы! Но тяжелый опытъ не позволялъ довѣряться случайности и на единичныхъ фактахъ основывать радужныя надежды на будущее: брошюра о „Черномъ парѣ и плодосмѣнѣ“, имѣвшая за собою высокую оцѣнку ученаго комитета министерства земледѣлія, не была допущена цензурою ко второму изданію, и потребовались спеціальныя ходатайства автора передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, чтобы добиться цензурнаго разрѣшенія... И вотъ, въ огражденіе отъ подобнаго же поворота въ

цензурныхъ усмотрѣніяхъ, „Благотворительное общество“ печатаетъ свои первыя историческія брошюры въ непомѣрно большомъ числѣ экземпляровъ—15—25 тысячъ, не подозрѣвая, что этому запасу, заготовленному въ прокъ, суждено пережить самое предварительную цензуру... Такимъ же шумнымъ успѣхомъ въ борьбѣ съ цензурными мытарствами было разрѣшеніе популярной біографіи Шевченка, которую также общество напечатало въ 25 тысячахъ экземпляровъ.

Но въ проведеніи рукописей черезъ цензуру и печатаніи полученнаго этимъ путемъ, болѣе или менѣе случайнаго, матеріала заключалась лишь часть задачъ, лежавшихъ на „Благотворительномъ обществѣ“. Необходимо было повысить самое производство украинскихъ рукописей, усилить энергію авторовъ-популяризаторовъ какъ для пополненія пробѣловъ существующей популярной литературы, такъ и для увеличенія „выхода“ рукописей изъ цензурной машины. Расчетъ здѣсь былъ простой, ариѳметическій: установлено было практикою, что въ среднемъ цензура пропускаетъ не болѣе $^1/_3$ представленныхъ на просмотръ рукописей; слѣдовательно, чтобы съ извѣстною вѣроятностью разсчитывать на полученіе 10 брошюръ, необходимо было представить въ цензуру не менѣе 30 рукописей... Правленію „Благотворительнаго общества“ пришлось разсылать украинскимъ литераторамъ спеціальныя приглашенія къ сотрудничеству, публиковать списки темъ для популяризацій, объявлять конкурсы на популярныя брошюры. И эти, казалось бы, невинныя и естественныя для издательскаго предпріятія, мѣры не всегда проходили безъ треній, ибо издательство было не какое-нибудь обыкновенное, а украинское, то-есть, съ точки зрѣнія администраціи, почти „угрожающее общественной безопасности“... Такъ, когда правленіе „Благотворительнаго общества“ рискнуло напечатать въ „Новостяхъ“ приглашеніе присылать на конкурсъ украинскія рукописи по сельскому хозяйству, причемъ однимъ изъ условій конкурса была поставлена беллетристическая форма изложенія,—публикація эта вызвала большой переполохъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ: какъ, публичный конкурсъ для запретныхъ рукописей на запретномъ языкѣ! И съ указаніемъ способа обойти цензурныя ограниченія—беллетристическою формой! Раздраженіе министерства было тѣмъ сильнѣе, что официально

оно не могло ни пріостановить, ни покарать „смѣлую“ публикацію, такъ какъ запретительный законъ объ украинской литературѣ не былъ официально оглашенъ и носилъ секретный характеръ... Кончилась эта исторія тѣмъ, что одному изъ организаторовъ „Благотворительнаго общества“ при случайной встрѣчѣ съ крупнымъ чиномъ цензурнаго вѣдомства былъ учиненъ жестокій разносъ за дѣяніе правленія, въ которомъ тотъ фактически даже не участвовалъ...

Серьезную заботу общества составляло распространеніе его изданій среди сельскаго населенія Украины. Обычные пути торговаго сбыта украинской книги шли главнымъ образомъ черезъ кіевскіе книжные магазины, къ которымъ обращались со своими заказами земства и мелкіе комиссіонеры изъ разныхъ городовъ украинскихъ губерній. Установить непосредственныя сношенія съ селомъ было очень трудно. Общество пробовало для этого заводить собственныхъ книгоношъ, но неудачно; обращалось къ содѣйствію сельской интеллигенціи—помѣщиковъ, священниковъ, учителей; разсылало свои каталоги въ волостныя правленія чрезъ посредство „Сельскаго Вѣстника“. Всего свободнѣе доходили до народныхъ массъ брошюры прикладного характера, главнымъ образомъ по сельскому хозяйству: большинство ихъ имѣли за собою одобреніе министерства земледѣлія, и это открывало имъ доступъ въ низшія сельскохозяйственныя школы этого министерства. Открыть путь къ сельской школѣ брошюрамъ общеобразовательнаго содержанія могла бы лишь рекомендація ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, но на дверяхъ этого учрежденія для украинской литературы была надпись: „оставь надежду навсегда“. Попытки получить одобрительный отзывъ ученаго комитета объ отдѣльныхъ брошюрахъ не имѣли успѣха, а на возбужденное „Благотворительнымъ обществомъ“ въ 1902 году ходатайство общаго характера о допущеніи популярныхъ брошюръ на украинскомъ языкѣ въ школьныя библіотеки, въ качествѣ матеріала для внѣшкольнаго чтенія, министерство отвѣтило категорическимъ отказомъ. Къ этому времени, однако (въ концѣ 1901 г.), министерство народнаго просвѣщенія разослало циркуляръ попечителямъ учебныхъ округовъ съ предложеніемъ допускать въ подвѣдомственныя министерству школьныя библіотеки тѣ изданія сельскохозяйственнаго и техническаго содержанія, которыя имѣютъ одобреніе ми-

нистерства земледѣлія и допускаются послѣднимъ въ низшія сельскохозяйственныя школы. Правленію „Благотворительнаго общества“ пришлось на обложкѣ своихъ изданій печатать ссылку на этотъ циркуляръ, чтобы хотя этимъ способомъ облегчить распространеніе сельскохозяйственныхъ популяризацій и въ школахъ вѣдомства народнаго просвѣщенія.

Вообще въ то время, когда львовская украинская „Просвіта“, не ограничиваясь выполненіемъ просвѣтительныхъ задачъ, свободно и безвозбранно стала работать даже въ области экономической помощи крестьянству, организуя въ селахъ потребительныя лавки, ссудо-сберегательныя кассы, общественные магазины и другіе виды кооперативовъ,—ея петербургскій собратъ условіями времени и мѣста былъ принужденъ отдавать свою энергію „ходатайствамъ“ объ облегченіи режима. Кромѣ упомянутаго только-что частнаго вопроса, „Благотворительное общество“ въ 1904 году входило въ подлежащія инстанціи съ мотивированными записками о необходимости отмѣны лежащихъ на украинской литературѣ цензурныхъ ограниченій; тогда же обществомъ было возбуждено ходатайство и предъ синодомъ о разрѣшеніи къ печати украинскаго перевода Евангелія. Вскорѣ послѣ того, съ наступленіемъ новыхъ вѣяній, вопросы эти при содѣйствіи болѣе вліятельныхъ учрежденій были въ концѣ-концовъ, какъ извѣстно, разрѣшены въ благопріятномъ для украинцевъ смыслѣ; но „Благотворительному обществу“ пришлось со своими ходатайствами толкаться еще въ запертыя двери, и, въ частности, относительно украинскаго Евангелія общество успѣло получить отъ синода отказъ почти наканунѣ положительнаго разрѣшенія того же вопроса въ болѣе высокихъ сферахъ.

До 1904 года включительно „Благотворительнымъ обществомъ“ было при такихъ условіяхъ выпущено 32 брошюры, въ томъ числѣ изъ области сельскохозяйственныхъ знаній—11, біографій—7, по беллетристикѣ—6, по медицинѣ—3, по исторіи—3.

Освободительные годы вмѣстѣ съ призракомъ общихъ гражданскихъ свободъ принесли съ собою освобожденіе украинской печати отъ спеціальнаго режима. Съ конца 1905 года украинская книга и газета юридически получили равноправіе. Этимъ пріобрѣтеніемъ, конечно, воспользовалось и „Благотворительное общество“. Содержаніе его из-

даній, уже не завися отъ цензурныхъ усмотрѣній, сдѣлалось разнообразнѣе. Въ соотвѣтствіи съ запросами времени общество въ 1905—6 гг. выпустило рядъ брошюръ на общественныя темы: объ избирательномъ правѣ, объ основахъ представительнаго строя, о народоправствѣ въ древнихъ государствахъ. И,—такова иронія судьбы по отношенію къ украинской популярной литературѣ, — одновременно былъ изданъ обществомъ украинскій букварь, такъ какъ только съ этого времени оказалось возможнымъ печатать на украинскомъ языкѣ школьныя и дѣтскія книги. Въ связи съ ростомъ кооперативнаго движенія общество выпустило брошюры объ организаціи потребительныхъ лавокъ и кредитныхъ товариществъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ общество продолжаетъ печатать и общеобразовательныя брошюры, а также изданія по сельскому хозяйству.

Всего „Благотворительнымъ обществомъ“ издано съ 1899 года по 1912 г. 67 брошюръ. Число это, конечно, очень невелико, но на фонѣ условій работы общества эту цифру приходится оцѣнивать не только по абсолютной величинѣ... По содержанію изданія общества распредѣляются на слѣдующія группы:

1) Сельское хозяйство, животноводство и ветеринарія—13 брошюръ; особеннаго вниманія заслуживаютъ цѣнная серія сельскохозяйственныхъ популяризацій Чикаленка („Чорний пар та плодозмін“, „Худоба“, „Сіяні трави“, „Сад“, „Виноград“), „Скотолічебник“ Королева, „Бжільництво“ (пчеловодство) Немоловскаго, „Домашня птиця“ (птицеводство) Королева, „Про городину“ (огородничество) Степовика, „Основы метеорологіи“ („Пригода на хуторі“) Русова.

2) Медицина и гигіена—5 брошюръ (объ эпидеміяхъ вообще, объ укусѣ бѣшеной собаки, о дифтеритѣ, о сифилисѣ, объ уходѣ за дѣтьми).

3) Природовѣдѣніе и землевѣдѣніе—10 брошюръ, въ томъ числѣ: „Основы химіи“ Мазуренка, „Начальная ботаника“ Степовика, „Начальная географія“ Русовой, очерки быта южной Франціи и Норвегіи ея же и нѣсколько переводовъ естественно-научныхъ брошюръ Лункевича.

4) Исторія—6 брошюръ, въ томъ числѣ популярная исторія Украины Грушевскаго („Про старі часи на Україні“).

5) Біографіи—13 брошюръ, въ томъ числѣ рядъ біографій украинскихъ дѣятелей (Шевченка, Котляревскаго, Гребенки, Кулиша, Грабовскаго), выдающихся людей славянства (Гуса, Караджича) и всемірной исторіи (Сократа, Рафаэля, Оуэна, Линкольна, Гарфильда, Стефенсона).

6) Кооперація, экономика и общественные вопросы—9 брошюръ, въ томъ числѣ, о кредитныхъ кооперацiяхъ С. В. Бородаевскаго, о потребительныхъ лавкахъ В. Доманицкаго, объ основахъ морали Нашего.

7) Беллетристика—8 брошюръ, въ томъ числѣ произведенія Шевченка, Кулиша, М. Левицкаго.

8) Школьныя пособія—3 брошюры: букварь и двѣ хрестоматіи для внѣшкольнаго чтенія.

Приведемъ нѣкоторые цифровые итоги операцій „Благотворительнаго общества“ за 14 лѣтъ его работы.

Всего выпущено въ свѣтъ 795.133 экз. различныхъ брошюръ, по номинальной стоимости на 58.705 рублей. Изъ этого числа распродано 416.808 экз., т.-е., считая на продажу 13 полныхъ лѣтъ, по 32,062 экз. въ годъ въ среднемъ.

Издержано обществомъ на изданія, ихъ распространеніе и другіе операціонные расходы 40.712 р. 67 к., въ томъ числѣ собственно на изданія—28.730 р. 1 к.

Поступило въ кассу общества изъ разныхъ источниковъ всего 44.453 р. 22 к., въ томъ числѣ членскихъ взносовъ—13.692 р., отъ продажи изданій—16.761 р. 76 к., пожертвованій и спеціальныхъ поступленій—9.946 р. 95 к., случайныхъ и оборотныхъ доходовъ—4.052 р. 51 к. Такимъ образомъ, главнымъ источникомъ дохода общества является торговля собственными изданіями, но такое отношеніе доходныхъ статей установилось только въ послѣдніе годы: прежде общество работало преимущественно на членскіе взносы и пожертвованія, пока возникновеніе новыхъ издательскихъ и просвѣтительныхъ обществъ не отвлекло вниманія украинской интеллигенціи въ другую сторону.

Общій итогъ пожертвованій, полученныхъ обществомъ за 14 лѣтъ, достигъ все-же почтенной цифры — около 10.000 рублей.

Нѣкоторыя изъ этихъ пожертвованій составили особые издательскіе фонды, какъ, напр., фондъ въ память 40-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ; фондъ имени А. А. Русова, собранный его почитателями по поводу 25-лѣтія его

общественной дѣятельности; фондъ на изданіе брошюръ по кооперації и др.

Кромѣ денежныхъ пожертвованій, въ распоряженіе „Благотворительнаго общества“ передавались имущества въ книгахъ. Такъ, общество получило отъ Б. Д. Гринченка на 1000 руб. изданныхъ имъ въ Черниговѣ популярныхъ брошюръ подъ фирмою изданій Череватенка, а въ послѣдніе годы „Благотворительное общество“ сдѣлалось правопреемникомъ закрытой кіевской „Просвіти“, получивъ въ свое распоряженіе весь оставшійся по ликвидаціи запасъ ея изданій.

Изъ выпущенныхъ обществомъ брошюръ самыми ходкими оказываются сельскохозяйственныя популяризаціи Чикаленка, которыхъ въ общей сложности продано 114.546 экземпляровъ; въ отдѣльности для каждой изъ пяти брошюръ Чикаленка сбытъ опредѣлился отъ 19,889 экземпляровъ („Худоба“) до 26.265 экз. („Сіяні трави“). Слѣдующее мѣсто послѣ брошюръ Чикаленка занимаетъ біографія Шевченка (21.432 экз.), далѣе поэма Шевченка „Катерина“ (18.374 экз.), „Про старі часи на Украіні“ Грушевскаго (15.578 экз.), „Про Антона Головатого“ Комарова (13.126 экземл.), „Про городину“ Степовика (12.730 экз.), поэма „Наймичка“ Шевченка (11.052 экз.), поэма „Орися“ Кулиша (10,709 экз.) и, наконецъ, „Про Богдана Хмельницького“ Комарова (10.211 экз.).

Менѣе ходкую группу брошюръ съ распространеніемъ въ предѣлахъ 5—10 тыс экз. составляютъ 14 названій разнообразнаго содержанія; остальныя же 40 брошюръ, главнымъ образомъ изданныхъ въ послѣдніе годы существованія общества, разошлись въ количествѣ меньше 5000 каждая.

Выше было указано, что въ своей издательской работѣ общество въ значительной степени опиралось на матеріальное содѣйствіе сочувствующей его задачамъ украинской интеллигенціи; кромѣ денежныхъ пожертвованій это содѣйствіе выражалось въ даровомъ трудѣ авторовъ, значительная часть которыхъ предоставляла обществу свои произведенія безплатно. Съ своей стороны, въ соотвѣтствіи съ общимъ филантропическимъ характеромъ своей организаціи, общество широко жертвовало свои изданія въ сельскія библіотеки и разсылало отдѣльныя брошюры безплатно по просьбамъ неимущихъ лицъ. Всего за 14 лѣтъ общество роздало и разослало безплатно 76.082 экз. разныхъ брошюръ.

Колесо жизни повернулось,—и въ послѣдніе годы „Благотворительному обществу“ опять приходится вспомнить уже, казалось, безвозвратно отошедшія въ прошлое „утѣснительныя“ времена... Правда, предварительной цензуры все-таки нѣтъ, но для украинской литературы наступилъ новый періодъ притѣсненій, вытекающихъ изъ національстическаго направленія внутренней политики. Украинская деревня вновь всякаго рода мѣропріятіями ограждается отъ украинской жизни,—и это уже сказалось замѣтнымъ сокращеніемъ сбыта изданій „Благотворительнаго общества“. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ „конституціонный“ періодъ принесъ съ собою даже ухудшеніе условій работы общества по сравненію съ періодомъ дореформеннымъ. Такъ, ученый комитетъ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія въ настоящее время вовсе не принимаетъ больше къ разсмотрѣнію брошюръ на украинскомъ языкѣ. Въ вопросѣ о допущеніи украинской популярной литературы въ народныя школы учебная администрація теперь держится еще непримиримѣе, чѣмъ прежде. Но жизнь въ конечномъ итогѣ идетъ все-же впередъ. Пережилось прошлое,—самое тяжелое,—минуетъ, нужно надѣяться, и настоящее плохое, а пока петербургское „Благотворительное общество“, вмѣстѣ съ другими украинскими „Просвітами“, будетъ продолжать свою работу по распространенію свѣта и полезныхъ знаній въ широкихъ кругахъ родного народа.

П. Стебницкій.

Украина въ европейской прессѣ.

Журналъ, посвященный интересамъ негосподствующихъ національностей, „Les Annales des Nationalités", продолжаетъ второй годъ выходить въ Парижѣ. Съ начала 1913 г. онъ каждый мѣсячный № посвящаетъ ознакомленію съ культурными и политическими нуждами отдѣльныхъ націй Европы. Первыя двѣ книжки—январь и февраль—заняты были интересами южныхъ славянъ—Болгаріи и Сербіи; рядомъ съ ними разбирался вопросъ объ Албаніи, о положеніи румынъ въ Австріи, о культурномъ развитіи чеховъ. Теперь только-что вышла двойная книжка „Анналовъ", мартъ—апрѣль [1]), вся посвященная изученію Украины,— „Numéros consacrés à l'étude de l'Ukraine",— какъ сказано на оберткѣ книжки.

Пріятно видѣть, что угнетенное положеніе одного изъ многочисленнѣйшихъ славянскихъ народовъ обратило на себя вниманіе европейской прессы. И раньше отдѣльныя извѣстія о преслѣдованіи украинской національной культуры и о цѣнности этой культуры попадали на страницы европейскихъ періодическихъ изданій—„Ruthenische Revue", изд. въ Вѣнѣ, „Studio" и „Russian Review" (№ 4 November 1912 г., „The Ukraine Question", Volkow).

Но въ „Анналахъ" помѣщено общее краткое и въ то же время довольно обстоятельное изслѣдованіе о нашей Украинѣ какъ въ исторической перспективѣ, такъ и въ современномъ ея состояніи. Въ книгѣ помѣщено 12 статей, посвященныхъ статистикѣ и территоріальному размѣщенію украинскаго народа, его исторіи, его литературѣ, орнаменту, театру, архитектурѣ, состоянію его школъ, лишенныхъ роднаго языка преподаванія, подавленію его культурнаго роста, благодаря ничѣмъ со стороны украинцевъ не вызываемымъ тяжелымъ преслѣдованіямъ; есть статья, ярко показывающая, какъ Украина борется за свои жизненныя права, какъ неудержимо идетъ ея возрожденіе и растетъ ея національное самосознаніе. Статьи написаны съ полнымъ знаніемъ настоящаго положенія дѣлъ въ Украинѣ и, оче-

[1]) Цѣна 2 фр. 25 с. Выписывать можно изъ редакціи журнала: Paris, Boulevard des Batignolles, № 41.

видно, отчасти составлены самою редакціей „Анналовъ“ по собраннымъ ею матеріаламъ; отчасти заказаны редакціей авторитетнымъ извѣстнымъ украинскимъ ученымъ и писателямъ. Получается цѣльное и правдивое представленіе о большой славянской территоріи, населенной многомилліоннымъ славянскимъ народомъ, которому отказано въ проявленіи своего національнаго я, въ употребленіи родного языка—главнаго сокровища мысли каждаго народа, каждаго человѣка. Самое существованіе такого народа было неизвѣстно культурному міру Европы,—настолько объятія „старшаго брата“ аннулировали его.

Извѣстный ученый Сеньобосъ въ краткомъ вступленіи къ украинскимъ статьямъ говоритъ: „Вотъ народъ, одинъ изъ многочисленнѣйшихъ въ Европѣ и тѣмъ не менѣе почти неизвѣстный. Онъ не владѣетъ даже прочно присвоеннымъ именемъ: то его зовутъ малороссами, чтобы отличить отъ русской народной массы, то украинцами, для обозначенія его разселенія на окраинѣ Россіи и Польши, то его же часть называетъ себя рутенами. Онъ никогда не былъ объединенъ въ одно прочное государство. Онъ жилъ всегда въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ!“ Сеньобосъ указываетъ на исключительность преслѣдованій русскаго правительства и на несправедливыя угнетенія со стороны поляковъ. Какъ французъ, онъ не можетъ себѣ представить, какъ можно запрещать книги только за языкъ, на которомъ онѣ написаны, и, какъ образецъ такого „абсурда“, говоритъ: „Представьте только себѣ, чтобы у насъ запретили Мистралю печатать его провансальскую поэму „Мирейль“. Украинцы,—продолжаетъ онъ далѣе,—не думаютъ бунтовать (se revolter) или прибѣгать къ силѣ ни противъ русской, ни противъ австрійской государственной власти. Они только добиваются необходимой автономіи, при которой ихъ языку было бы обезпечено употребленіе и ихъ обычаямъ уваженіе“.

Отношеніе „Анналовъ“ къ національному вопросу за годъ ихъ существованія проявилось достаточно опредѣленно: національную культуру каждаго народа они считаютъ сокровищемъ мірового прогресса, вотъ почему они не только знакомятъ съ культурой разныхъ народовъ и съ тѣми условіями, въ какихъ она развивается, но они и взываютъ къ мнѣнію прогрессивнаго человѣчества для защиты правъ всѣхъ націй. Редакція журнала не могла остаться

равнодушною къ факту угнетенія культуры украинскаго народа, да еще внутри такого государства, которое всегда называетъ себя защитникомъ интересовъ славянскихъ народовъ. Конечно, книжка „Анналовъ", посвященная украинской націи, прольетъ хоть немного свѣта для Европы на отношеніе Россіи къ живущей въ ея границахъ славянской народности, — свѣтъ же всегда нуженъ, и чѣмъ его больше, тѣмъ обезпеченнѣе человѣчество отъ всякихъ заблужденій.

Какъ трудъ, вышедшій за границей, № 3—4 „Анналовъ" не лишенъ недостатковъ,—очень много корректурныхъ ошибокъ въ именахъ собственныхъ: Kiotko — вмѣсто Kvitka и много другихъ. Есть пробѣлы, — очень мало сказано о современной украинской литературѣ и у насъ, и въ Галиціи (про Галицію вообще слишкомъ мало сказано, помѣщена только одна статья Цегельскаго, члена австрійскаго парламента, „Les Désidérata des Ukraniens eu Aurtiche et leurs efforts pour les réaliser"), не полонъ списокъ періодическихъ изданій, выходящихъ на украинскомъ языкѣ въ Россіи, и не упомянуто ни одно галицкое изданіе; а главное, чего недостаетъ, что является большимъ недостаткомъ при такомъ многостороннемъ изслѣдованіи объ Украинѣ, это отсутствіе указанія на ея музыку, о которой нѣтъ ни малѣйшей замѣтки. Нельзя не пожалѣть также о томъ, что карта Украины исполнена очень небрежно: самыми густыми по украинскому населенію показаны не Полтавщина и Кіевщина или Подолія, а почему-то мѣстности около Ростова-на-Дону.

Всѣ эти недостатки однако не ослабляютъ живого значенія этой книжки „Анналовъ". Можно съ увѣренностью сказать, что она представляетъ интересъ не только для западно-европейскихъ читателей, но и для многихъ русскихъ людей, совершенно незнакомыхъ съ настоящимъ положеніемъ національнаго вопроса въ Украинѣ. Здѣсь же въ сжатомъ изложеніи, совершенно правильно освѣщенномъ, можно съ нимъ хоть до нѣкоторой степени ознакомиться. Украинцы, конечно, не могутъ не высказать глубокой благодарности уважаемой редакціи „Анналовъ", отнесшейся съ такимъ лестнымъ вниманіемъ къ ихъ народнымъ страданіямъ, къ ихъ національной культурѣ и обратившей вниманіе всей читающей Европы на родину Шевченка.

С. Русова.

Начало конца.

(Письмо изъ Галиціи).

3-го мая 1791 года, въ тяжелую годину для Рѣчи Посполитой польской, варшавскій сеймъ принялъ извѣстную „конституцію“, которая должна была влить новыя силы въ дряхлѣющій организмъ республики. 3-го же мая 1913 года, сто двадцать два года спустя, появился въ офиціальной „Газетѣ Львовской“ императорскій указъ о закрытіи галицкаго сейма.

Сколько болѣзненныхъ воспоминаній въ умѣ каждаго поляка должна вызвать эта, сама собою напрашивающаяся, аналогія между однимъ и другимъ 3-мъ мая! Сколько тревожныхъ сопоставленій и зловѣщихъ прогнозовъ! Сколько тяжелыхъ сомнѣній въ будущемъ своей націи!..

Какъ тогда, такъ и теперь, вопросы, стоявшіе въ порядкѣ дня сейма, были не только лишь вопросами чисто мѣстными, внутренно-государственными. Какъ тогда, такъ и теперь дѣло шло о возведеніи новаго фундамента, новой основы для мирной и согласной жизни обоихъ народовъ. Конституція 3-го мая—тогда, проектъ избирательной реформы—теперь хотѣли, хотя бы отчасти, сломить привилегіи магнатовъ и расширить понятіе гражданина на широкіе слои польскаго и украинскаго населенія. Они должны были связать украинцевъ тѣсными узами съ западной культурой.

Дѣло возрожденія въ 1791 году было задушено. Теперь мы присутствуемъ при томъ же самомъ зрѣлищѣ. Оппозицію противъ реформы ведутъ тѣ же самые Феликсы Потоцкіе и Ксаверіи Браницкіе подъ именемъ Абрагамовичей и Чарторыйскихъ; такъ же, какъ и старые, составляютъ новые „торговичане“ незначительное меньшинство въ краѣ, и—что придаетъ особенно зловѣщій характеръ картинѣ—такъ же, какъ и тогда, къ ихъ работѣ присматривается съ нескрываемымъ удовольствіемъ тотъ же самый tertius gaudens! Исторія повторяется...

Чтобы оцѣнить всю безсмысленность упорства „оппозиціи“ противъ проекта избирательной реформы, принятаго большинствомъ польскихъ партій и украинцами, достаточно указать, что настоящая избирательная система въ Галиціи существуетъ ни много, ни мало какъ пятьдесятъ два года.

Эта почтенная цифра даже для такого отсталаго края, какъ Галиція, что-нибудь да значитъ. И дѣйствительно, хотя благодаря упорству шляхты политическое господство въ краѣ до сихъ поръ принадлежитъ ей, но взаимоотношеніе соціальныхъ и національныхъ силъ за эти пятьдесятъ съ лишнимъ лѣтъ кардинально измѣнилось. Прежде всего сильно понизился удѣльный вѣсъ крупнаго землевладѣнія. Вслѣдствіе парцелляціи шляхетскихъ имѣній сократилось болѣе чѣмъ на сотню число избирателей по этой куріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ сократился и процентъ прямыхъ податей, вносимыхъ крупнымъ землевладѣніемъ, по отношенію къ общей, платимой краемъ, суммѣ. Если еще въ 1860 г. этотъ процентъ составлялъ 25,6, то въ настоящее время онъ едва превышаетъ 12. Наоборотъ, экономическая сила городской буржуазіи замѣтно возросла. Во многихъ большихъ городахъ (съ населеніемъ болѣе 20.000) за десятилѣтіе между 1890 и 1900 гг. количество населенія увеличилось на 20, 30 и даже 60 процентовъ. Податная сила буржуазіи возросла въ три раза. Вмѣсто 14,4% въ 1860 г. города Галиціи платятъ теперь 40,1% общей суммы прямыхъ налоговъ, собираемыхъ въ краѣ. И, несмотря на такое наглядное перемѣщеніе центра соціальной тяжести въ сторону городовъ, они до сихъ поръ посылаютъ въ сеймъ лишь 28 представителей, тогда какъ курія крупнаго землевладѣнія — 44.

Рѣзко измѣнились и національныя отношенія въ краѣ. Ростъ городовъ означалъ одновременно и ростъ въ нихъ украинскаго элемента (въ вост. Галиціи). Въ промежуткѣ между 1880 и 1900 гг. число греко-католиковъ увеличилось: во Львовѣ—съ 14,5% до 16,5, въ Перемышлѣ—съ 7,5 до 14,4, въ Станиславовѣ—съ 7,3 до 13,4, въ Самборѣ—съ 4,5 до 13 и т. д. Процентъ увеличенія украинскаго населенія если и не вполнѣ совпадаетъ съ этими цифрами, то во всякомъ случаѣ едва ли далеко отъ нихъ отстаетъ. Ростъ украинскаго элемента въ городахъ, возникновеніе и быстрая организація украинской мелкой и средней буржуазіи, усилившіе раз-

махъ и силу украинскаго національнаго движенія въ краѣ, наконецъ, возникновеніе украинскаго фабричнаго пролетаріата,—все это не могло не увеличить удѣльный вѣсъ украинцевъ въ краѣ. Логическимъ послѣдствіемъ этого факта было усиленіе украинскихъ позицій въ парламентѣ. По сравненію же съ тѣми 26,4% всѣхъ галицкихъ депутатовъ, которые посылаютъ украинцы въ Вѣну, то жалкое число мандатовъ, которыми они пользовались по милости поляковъ въ сеймѣ (21 на 149 избираемыхъ), представлялось совершеннымъ анахронизмомъ. Парламентъ—при послѣдней избирательной реформѣ—учелъ измѣнившееся соотношеніе національныхъ силъ въ краѣ, долженъ былъ его учесть и сеймъ.

Еще настоятельнѣе требовали измѣненія существующей избирательной системы такъ-называемые „виды центральнаго правительства". Дѣло въ томъ, что система безусловной поддержки польскаго элемента,—оппозиціоннаго Россіи,—дала совершенно неожиданные результаты. Новая „неославянская" оріентація вшехполяковъ и подоляковъ и ростъ поддерживаемаго ими москвофильства,—заставили вѣнское правительство искать болѣе надежной опоры въ краѣ. Кромѣ того, реформа была необходима и въ интересахъ нормальнаго функціонированія парламента.

Реформа стала необходимой... Но отнюдь не для шляхты. Несмотря на ростъ сознательности и организованности демократическихъ элементовъ, политика сейма какъ была, такъ и осталась польско-шляхетской. 30.000 крестьянъ ежегодно покидаютъ край, эмиграція принимаетъ ужасающіе размѣры, но сейму некогда объ этомъ думать. Единственнымъ средствомъ остановить эмиграціонный потокъ было бы развитіе мѣстной промышленности. Но какъразъ этого-то и боится большинство сейма. Фабрика непремѣнно повліяла бы на повышеніе заработной платы сельскихъ рабочихъ, что, разумѣется, невыгодно галицкимъ плантаторамъ. Не на руку имъ и „радикализированіе" края: вѣдь они только и держатся у власти благодаря слабости городской демократіи. Не въ интересахъ этихъ господъ лежитъ и просвѣщеніе широкихъ массъ населенія: болѣе 1000 „громадъ" въ Галиціи не имѣютъ школъ или остаются безъ учителей, 15,000 учителей принуждены устраивать чуть ли не революцію, чтобы обратить милостивое вниманіе сейма на ихъ нищенское положеніе. Единственно, о чемъ

заботится сеймъ,—это создать изъ Галиціи, хотя бы въ миніатюрѣ, печальной памяти „clarum regnum Polonorum", которое старая пѣсня называла:

Coelum nobilitorum
Et infernus rusticorum.

Къ этой благородной цѣли стремится большинство принимаемыхъ и принятыхъ сеймомъ законовъ: законъ дорожный, охотничій, о такъ-называемыхъ „рентовыхъ оселяхъ", придуманный спеціально въ цѣляхъ колонизаціи украинской части Галиціи мазурами, законъ о бюро посредничества труда для борьбы съ крестьянскими стачками, законъ объ уѣздныхъ совѣтахъ, отдавшій власть въ такъ-называемыхъ „радахъ повѣтовыхъ" въ руки шляхты и ея ставленниковъ и т. д. Занятый насажденіемъ въ краѣ „панскаго рая", сеймъ не забываетъ и о другой, не менѣе важной, своей исторической миссіи: о борьбѣ съ украинствомъ. Прекрасной машиной для этой цѣли является бюджетъ. Вотъ нѣсколько цифръ, взятыхъ изъ „прелиминарія" областного совѣта на 1913 годъ. На украинскія частныя семинаріи предлагаетъ совѣтъ ассигновать 12,000 кр., на польскія—75,000. На „театръ и искусства" украинцамъ—24,500, полякамъ—195.096 кр. Въ рубрикѣ „благотворительность" для украинцевъ—2.000, для поляковъ—30.615. Въ рубрикѣ „историческіе памятники" предложена общая сумма — 330.534 кр., изъ которой на украинскіе памятники приходится 1.690 кронъ! Эти сопоставленія можно бы было продолжать ad infinitum. Ad infinitum продолжалось бы и хозяйничанье шляхты въ краѣ, если бы не призракъ финансоваго банкротства, ставшій передъ Галиціей вслѣдствіе невозможности правильнаго функціонированія сейма. Невозможность функціонированія сейма означаетъ невозможность декретировать новые мѣстные налоги (такъ-называемыя „прибавки къ податямъ"). А это обстоятельство ведетъ къ экономничанію, иногда цѣною неудовлетворенія насущнѣйшихъ нуждъ края. Уже въ „прелиминаріи" на 1913 г. областной совѣтъ былъ вынужденъ, въ цѣляхъ покрытія дефицита, „счеркнуть" по отдѣльнымъ рубрикамъ цѣлые милліоны кронъ. Такъ, въ рубрикѣ „санитарныя дѣла" счеркнуто болѣе 1 милл. кронъ въ расходахъ, въ рубрикѣ „благотворительность"—около 70.000 кр., въ рубрикѣ „просвѣщеніе и искусство"—1.755.626 кр., въ рубрикѣ

„общественная безопасность“ счеркнута сумма въ 559,477 кронъ, „путей сообщенія“—1.953.000 и т. д. Если такъ, какъ теперь, будетъ идти и дальше, галицкій областной совѣтъ, вѣроятно, вынужденъ будетъ по примѣру чешскаго выпускать на улицу обитателей домовъ для сумасшедшихъ вслѣдствіе недостатка средствъ на ихъ содержаніе.

Всѣ указанныя выше причины,—ростъ сознательной и организованной городской и сельской демократіи, заостреніе національной борьбы, неспособность сейма стать выше узко-плантаторскихъ интересовъ шляхты, — привели къ тому, что реформа избирательной системы стала неизбѣжной. Тутъ, однако, мы встрѣчаемся съ однимъ необыкновенно характернымъ—чисто галицкимъ—явленіемъ. Несмотря на то, что сознаніе необходимости реформы проникло въ самые широкіе слои какъ украинскаго, такъ и польскаго народа, несмотря на то, что большинство польскихъ партій за реформу,—реформы до сихъ поръ нѣтъ. До самаго послѣдняго времени даже партіи, сочувствующія реформѣ, въ рѣшительный моментъ не колебались идти подъ команду разныхъ политическихъ проходимцевъ и крикуновъ, у которыхъ было достаточно наглости отождествлять свои групповые интересы съ интересами польской націи.

Такъ было во время украинской обструкціи въ сеймѣ, которую не хотѣли поддержать людовцы, такъ было при переговорахъ объ украинскомъ университетѣ, когда г. Грабскій съ „czytel'nею akademick'ею“ навязалъ свою точку зрѣнія колу польскому, склонявшемуся уже къ болѣе толерантному разрѣшенію вопроса. Едва-едва не случилось такъ и теперь. Причина лежитъ въ томъ, что въ вопросѣ реформъ моментъ политическій тѣсно связанъ съ національнымъ. Демократизація края означаетъ въ то же время его украинизацію. Если бы поляки сами были „неисторическою“ націею,—демократизація могла бы быть имъ только лишь на-руку. Но они—нація „историческая“, съ сильнымъ земледѣльческимъ классомъ и растущей буржуазіей. Поэтому расширеніе правъ демократіи неизбѣжно суживаетъ ихъ „stan posiadania“. Съ другой стороны, поляки—очень своеобразная „историческая“ нація: они—„историческая“ нація, лишенная своей государственности. Если бы они располагали государственнымъ аппаратомъ, то и ростъ демократіи не былъ бы имъ такъ страшенъ. Во-первыхъ, они всегда

были бы увѣрены въ „польскости“ милліонной еврейской массы, принимающей національность господствующаго народа. Во-вторыхъ, они располагали бы довольно дѣйствительными средствами для „защиты“ своей національности, какими пользуются, напримѣръ, пруссаки и венгры. Не имѣя же своего государственнаго организма, а съ другой стороны все-таки принадлежа къ „историческимъ“ націямъ, поляки несутъ всѣ дурныя и ни одного хорошаго послѣдствія своего оригинальнаго положенія. Вынужденные уступать стихійному напору украинцевъ и евреевъ, причемъ послѣдніе иногда переходятъ на сторону украинцевъ, они не въ состояніи бороться съ этимъ напоромъ тѣми средствами, которыми располагаетъ болѣе счастливая „историческая“ нація. Въ этомъ и кроется причина польской неуступчивости въ вопросѣ о сеймовой реформѣ. Призракъ украинизаціи не даетъ спать не только князю Чарторыйскому, но и д-ру Лео и даже г. Стапинскому, лидеру людовцевъ.

Въ послѣдній моментъ, однако, очевидно, какой-то духъ сошелъ на большинство польскихъ партій и заставилъ ихъ, несмотря ни на что, несмотря на бѣшеную агитацію вшехполяковъ, подоляковъ и клира, заключить компромиссъ съ украинцами.

О колоссальномъ историческомъ значеніи этого компромисса скажу въ концѣ статьи. Теперь же нѣсколько словъ о самой „угодѣ“.

Правда, избирательная система, легшая въ основу соглашенія, еще не стала фактомъ. Отчаяннымъ усиліемъ истинно-польскихъ армянъ, — Абрагамовичей, Залескихъ и пр.,—удалось и на этотъ разъ провалить дѣло реформы. Но на этотъ разъ ихъ игра имъ не удалась. Большинство не пошло за ними. Сеймъ распущенъ, новые выборы, внѣ всякаго сомнѣнія, принесутъ побѣду сторонникамъ компромисса, и проектъ избирательной реформы будетъ принятъ новымъ сеймомъ приблизительно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ его приняли украинцы и партіи блока. Разумѣется, этотъ проектъ далеко не идеаленъ. Но по сравненію съ тѣмъ, что есть теперь, проектъ представляетъ громадный шагъ впередъ. Принципъ, положенный въ основу распредѣленія мандатовъ, — средняя пропорціональная между процентами населенія и процентомъ прямыхъ налоговъ. Принципъ этотъ проведенъ, однако, непослѣдова-

тельно. Иначе,—даже согласно польско-офиціальной статистикѣ,—украинцы должны были получить 30% всѣхъ мандатовъ, а не 27,2%, какъ стоитъ въ проектѣ. На прилагаемой таблицѣ показано распредѣленіе мандатовъ по отдѣльнымъ куріямъ, согласно существующей избирательной системѣ и проекту.

При сущ. изб. сист.	Согл. проекта.
Курія круп. землевл. 44	45 (1 укр.)
Курія средняго земл. . . . . —	8 (4 укр.)
Сельская курія 74	99 (44 укр.)
Большіе города. 28	44 (5 укр.)
Курія общаго голосованія въ гор. —	12 (3 укр.)
Курія торг. и пром. палатъ . . . 3	5
Курія ремесл. палатъ . . . . . —	2
Вирилисты. 12	13 (5 укр.)

Общее число поляковъ и украинцевъ теперь должно быть 166 и 62. Въ настоящемъ сеймѣ число украинцевъ едва превышало одну треть послѣдней цифры.

Согласно проекту, число членовъ областного совѣта увеличивается до 7. Украинцы получаютъ въ немъ 2 мѣста. Вмѣстѣ съ тѣмъ создается въ сеймѣ родъ украинской куріи, которая выбираетъ сама (безъ поляковъ) членовъ областного совѣта, сеймовыхъ комиссій и нѣкоторыхъ областныхъ учрежденій.

Проектъ безусловно не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ демократіи. Прежде всего сохранены вирилисты (епископы, ректоры университетовъ и пр.), засѣдающіе въ сеймѣ безъ выбора; сохранены куріи, причемъ ихъ число увеличено съ 4 до 7. Создана новая курія средней земельной собственности—опора политическаго консерватизма, многіе города приклеены искусственно къ сельскимъ округамъ, чтобы утопить городской фабричный демократически настроенный пролетаріатъ въ крестьянскомъ морѣ. Созданы — въ восточной Галиціи — 17 двумандатныхъ округовъ со спеціальною цѣлью форсировать путемъ террора и подкупа москвофильскихъ и польскихъ кандидатовъ въ украинскихъ округахъ, въ нѣкоторыхъ куріяхъ введена плюральность голосованія, ничтожно число представителей городского пролетаріата и пр. Однако, несмотря на всѣ эти недостатки, проектъ не лишенъ извѣстныхъ положительныхъ сторонъ. Прежде всего введена всеобщность голосованія. Никого, кромѣ женщинъ, проектъ права голо-

сованія не лишаетъ. Въ городахъ создана новая курія всеобщаго голосованія, въ которой избирательнымъ правомъ пользуются всѣ до сихъ поръ его не имѣвшіе. Въ сельской куріи вводится не только всеобщее, но и прямое и тайное голосованіе: для нея эта новація имѣетъ особенно важное значеніе. До сихъ поръ явность и посредственность голосованія въ сельской куріи не разъ помогали польскимъ помѣщикамъ быть выбранными въ сеймъ голосами украинскихъ крестьянъ. Теперь этому долженъ быть положенъ конецъ. Ограничивается и политическое вліяніе шляхты. Если до сихъ поръ отношеніе числа представителей помѣщиковъ въ сеймѣ по числу городскихъ представителей было 44 къ 28, то теперь оно равняется 53 къ 56. Если настоящій сеймъ совершенно не зналъ куріи всеобщаго голосованія, то въ будущемъ число депутатовъ, избранныхъ всеобщимъ голосованіемъ, должно составлять почти 49% всего состава сейма. Въ національномъ отношеніи реформа дѣлаетъ существенныя уступки украинцамъ,—увеличеніе числа украинскихъ членовъ областного совѣта, суррогатъ украинской куріи въ сеймѣ и закрѣпленіе постояннаго числа украинскихъ мандатовъ, количество которыхъ почти въ три раза будетъ превышать теперешнее число сеймовыхъ украинскихъ депутатовъ.

Всего этого было достаточно, чтобы шляхетское отечество было объявлено въ опасности. Застрѣльщиками выступили подольскіе зубры, къ нимъ присоединились патентованные защитники „польскости“, — антисемитски настроенные націоналъ-демократы, взявшіе себѣ въ союзники сіонистовъ, по-прежнему, какъ и въ 1908 году, предложили свои услуги врагамъ реформы „подъяремные“ москвофилы. Когда оказалось, что эта „невеличка, але чесна“ компанія недостаточна для того, чтобы привести къ гибели съ такимъ трудомъ налаженный компромиссъ, выдвинуты были изъ-за кулисъ епископы-вирилисты. Имъ, наконецъ, удалось совершить „богоугодное“ дѣло и спасти край отъ „радикализаціи“ и „анархизма“. Часть краковскихъ консерваторовъ, готовыхъ голосовать за реформу, но все еще колеблющихся, спряталась за епископскія мантіи и, какъ „вѣрные католики“, объявила, что голосовать за реформу послѣ veto епископовъ не будетъ. Этимъ судьба реформы была припечатана. Послѣ дезертирства консерваторовъ стало ясно, что необходимаго ква-

лифицированнаго большинства (трехъ четвертей) въ сеймѣ проектъ не получитъ.

То самое liberum veto, то старо-шляхетское „nie pozvalam!“, которому Польша обязана не однимъ бѣдствіемъ въ прошломъ, одержало и теперь побѣду, къ величайшей радости „Новаго Времени“ и прочихъ опекуновъ „подъяремной Руси“.

Если, однако, excessus defensionis вшехпольско-подольско-сіонистко-москвофильско-епископской коалиціи и можно назвать побѣдою, то развѣ лишь пирровой побѣдой.

Что въ Галиціи нашлась кучка политическихъ дегенератовъ, старающаяся повернуть назадъ колесо исторіи и хоть на нѣсколько мѣсяцевъ отсрочить свою неминуемую смерть,—неудивительно. Но гораздо важнѣе тотъ фактъ, что большинство польскихъ партій заключило съ украинцами компромиссъ и за этотъ компромиссъ готово честно бороться вмѣстѣ съ украинцами противъ враговъ реформы. Событіе, всѣ послѣдствія котораго теперь врядъ ли даже можно предвидѣть!

Не касаясь здѣсь значенія реформы сейма для будущаго края, для его экономическаго и вообще культурнаго прогресса, не касаясь и вліянія, какое окажетъ польско-украинское соглашеніе на положеніе и значеніе галицкаго представительства въ парламентѣ, мы вкратцѣ остановимся на выясненіи значенія компромисса для всей суммы польско-украинско-русскихъ отношеній вообще. Избирательная реформа поставила передъ польскимъ обществомъ болѣе принципіальный вопросъ: въ какомъ направленіи должна идти польская политика,—по линіи ли, указанной Дмовскимъ и пражскими коммивояжерами, логическимъ слѣдствіемъ чего была бы борьба „на ножи“ съ украинцами, или же въ союзѣ съ послѣдними?

Съ полною моральною сатисфакціей можемъ констатировать, что большинство польской націи и ея политическаго представительства избрало второй путь. Если бы партіямъ компромисса удалось до конца отстоять свои позиціи, то это значило бы, что москвофильской оріентаціи поляковъ (по крайней мѣрѣ въ Галиціи) нанесенъ смертельный ударъ. Это было бы первымъ важнымъ послѣдствіемъ компромисса. Вторымъ, не менѣе важнымъ, была бы политическая смерть украинскаго москвофильства. Чуя,

что только отсутствіе надежды на улучшеніе своей доли въ Галиціи гонитъ украинскаго крестьянина въ ихъ партію, гг. Дудыкевичи всѣми силами стараются помѣшать всякому расширенію правъ украинцевъ и улучшенію ихъ положенія въ Галиціи. Въ 1908 году, по компетентному свидѣтельству предсѣдателя „Рады Народовой“ (организаціи, которая между прочимъ ведетъ избирательную кампанію) г. Ценскаго, москвофилы пользовались поддержкой этой организаціи, яростно боровшейся съ украинцами. Въ 1913, продолжая служить своимъ господамъ, москвофилы усердно борются и противъ компромисса. Сеймовая реформа, открывающая для украинцевъ возможность реальной работы въ сеймѣ для улучшенія экономическаго и соціальнаго положенія украинскаго крестьянина, вырветъ почву у демагогической агитаціи москвофиловъ и сведетъ ихъ роль въ краѣ къ нулю.

Наконецъ, выступая противъ вшехполяковъ и подоляковъ, партіи блока срываютъ съ нихъ ту національно-польскую маску, которою они до сихъ поръ прикрывали всѣ свои продѣлки по отношенію къ украинцамъ. Польскій „interes narodovy“ пересталъ бы быть синонимомъ гнета и насилія.

Нельзя быть настолько наивнымъ, чтобы ожидать какого-то рая отъ проектируемой реформы. Но одно несомнѣнно, что она введетъ существующую національную борьбу въ легальныя рамки. А пораженіе галицкаго москвофильства (какъ нашего, такъ и польскаго) и его сіятельныхъ покровителей уничтожитъ одно изъ самыхъ важныхъ препятствій для кооперації обоихъ народовъ, преслѣдующей какъ мѣстныя, такъ и болѣе широкія цѣли.

Въ своей прекрасной рѣчи, произнесенной въ началѣ апрѣля на засѣданіи сеймового польскаго кола, депутатъ Яворскій сказалъ: „Послѣ долгой внутренней борьбы большинство польскихъ партій признало, что наступилъ моментъ, когда держаться старыхъ взглядовъ уже нельзя. Ни одного политика не должно пугать неизбѣжное, и мы хотимъ лишь, чтобы никогда не теряла своего значенія одна категорія: необходимость соглашенія между обѣими народами, чтобы дальнѣйшая борьба велась не вслѣдствіе разницы политическихъ аспирацій обоихъ націй. Пусть поляки и украинцы идутъ въ національныхъ вопросахъ подъ

разными знаменами, но когда эти знамена въ великихъ національныхъ движеніяхъ мірового значенія шли бы разомъ, тогда мы помѣстили бы на обоихъ знаменахъ слова: nil desperandum!

Сто двадцать два года назадъ Сташицъ страшивалъ своихъ соотечественниковъ: „Czy niema dla reczty Polski ratunku?. Подобный же вопросъ задали себѣ и теперешніе галицкопольскіе политики, а заключая компромиссъ съ украинцами, дали и недвусмысленный отвѣтъ на вопросъ. „Ratunec" есть, и лежитъ онъ не въ теоріяхъ Дмовскаго и его сторонниковъ въ Галиціи, а въ честномъ соглашеніи съ украинцами.

Въ томъ, что большинство поляковъ въ Галиціи пришло, наконецъ, къ этому убѣжденію, заключается одновременно оцѣнка силы украинства и залогъ свѣтлаго будущаго обоихъ народовъ.

1913 годъ—годъ компромисса—будетъ записанъ въ исторіи какъ годъ, въ которомъ началась новая глава многострадальной исторіи польско-украинскихъ отношеній.

Дм. Донцовъ.

На текущія темы.

Модный вопросъ.—Символическія фигуры и насажденіе добрыхъ нравовъ.—Борьба съ хулиганствомъ.—Нефтеносный фонтанъ въ редакціи „Новаго Времени“.

Конецъ прошлаго и первые мѣсяцы настоящаго года выдвинули въ офиціальныхъ и смежныхъ съ ними сферахъ настоящее „посполитое рушенье“ противъ такъ-называемаго хулиганства въ деревнѣ. Землевладѣльческіе вопли о томъ, что „невозможно стало жить въ деревнѣ“, подтверждаемые часто фантастическими примѣрами и совершенно невѣроятными „происшествіями“, нашли свой отзвукъ не только на съѣздахъ объединенныхъ Пуришкевичей. Главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства настолько внимательно прислушивалось къ этимъ воплямъ, что еще въ ноябрѣ разослало подвѣдомственнымъ мѣстамъ циркуляръ, въ которомъ предлагалось „обсудить мѣры“. На мѣстахъ въ силу этого началось собираніе матеріала и выработка мѣръ... Земскія собранія послѣдней сессіи, состоящія по преимуществу изъ тѣхъ же вполнѣ добропорядочныхъ элементовъ пуришкевическаго типа, пошли навстрѣчу правительственному предложенію, и вопросъ о хулиганствѣ сдѣлался боевымъ вопросомъ. На многихъ изъ этихъ собраній среди земцевъ самоновѣйшей формаціи вновь увѣренно прозвучало полузабытое „др-рать“ и беззастѣнчиво предлагались всеисцѣляющія мѣры изъ репертуара бараньяго рога и кузькиной матери. Отдѣльные голоса, пытавшіеся указать истинные размѣры и причины явленія, а также намѣтить цѣлесообразные пріемы борьбы съ нимъ, конечно, потонули въ морѣ владѣльческаго возмущенія. Состоявшееся въ февралѣ совѣщаніе губернаторовъ направилось, конечно, по торной дорожкѣ, и въ настоящее время уже повсемѣстно примѣняются выработанныя имъ обязательныя постановленія, воспрещающія „безчинство и озорство“ и карающія нарушителей въ административномъ порядкѣ арестомъ до 3-хъ мѣсяцевъ и штрафомъ до 500 рублей. Кругъ явленій,

какъ видимъ, замкнулся вполнѣ соотвѣтственнымъ образомъ: стоило заговорить объединенному дворянству, какъ поднялась возня по всей линіи, закончившаяся неизмѣнными обязательными постановленіями.

Я не буду разсматривать вопросъ о хулиганствѣ во всей его полнотѣ: всесторонняя оцѣнка какъ всего затѣяннаго похода противъ деревни, такъ и спеціально способовъ борьбы съ хулиганствомъ сдѣлана уже въ общей печати. Не стану также отрицать наличности—въ нѣкоторой, разумѣется, степени — тѣхъ явленій, которыя принято подводить подъ модное теперь понятіе хулиганства. Я хочу лишь обратить вниманіе на одну сторону вопроса, мало освѣщенную въ печати, а между тѣмъ у насъ на Украинѣ имѣющую громадное значеніе. Освѣщеніе именно этой стороны пояснитъ намъ многое какъ въ вопросѣ о происхожденіи современнаго хулиганства, такъ и въ отношеніи способовъ борьбы съ нимъ. Вотъ одинъ фактъ, взятый на-удачу изъ множества подобныхъ.

„Наше село, — пишутъ изъ Малой Дѣвицы Прилукскаго уѣзда въ „Раду“,—очень большое и очень темное. Вся молодежь, окончившая мѣстную школу, и въ руки не беретъ книги. По окончаніи школы каждый парень начинаетъ „парубковать“: ходитъ на „досвітки“, пьетъ водку, никого въ грошъ не ставитъ, потому что онъ уже „парубокъ“. И вотъ среди этой безпросвѣтной темноты выдѣлилось нѣсколько молодыхъ парней, которые бросили „досвітки“ и похожденія и начали собираться для чтенія книгъ. Читали книги и русскія, но больше на своемъ родномъ языкѣ, какъ-то: „Кобзарь“, сочиненія Гринченка, Кулиша и другихъ писателей. Ходили на „досвітки“ читать „Кобзаря“, читали и старикамъ, когда послѣдніе собирались по воскресеньямъ и другимъ праздникамъ. Потомъ, когда кружокъ увеличился, выписали газету „Раду“. Но не долго пришлось ее читать. Мѣстный стражникъ, узнавъ, что парни собираются и читаютъ книги и газету на „хохлацкомъ языкѣ“, напился пьянъ, пришелъ къ парнямъ и запретилъ имъ читать эти „поганыя“ книжки. Сказалъ, что если еще соберутся, то онъ всѣхъ отправитъ въ тюрьму. Съ большимъ огорченіемъ разошлись парни, не зная, за что ихъ Богъ (sic!) наказалъ. Стражникъ даже не зналъ, хорошее или худое они читаютъ: самъ онъ книгъ не читаетъ и называетъ ихъ „послѣдняя гадость“, а разогналъ читателей един-

ственно потому, чтобы не разводили „демократщины“. И теперь,—заканчивается корреспонденція,—когда распался этотъ кружокъ, нельзя ожидать ничего хорошаго отъ другихъ“ [1]).

Я перевелъ буквально эту немного наивную, но уже самой наивностью своею ручающуюся за полную достовѣрность корреспонденцію. Она настолько типично обрисовываетъ ту обстановку, въ которой находится сейчасъ украинское село, что, пожалуй, излишнимъ дѣлаетъ всѣ тѣ многочисленныя вырѣзки съ подобными же сообщеніями, которыя лежатъ сейчасъ предо мною. Въ то же время своимъ вполнѣ объективнымъ, безпристрастнымъ тономъ лѣтописнаго повѣствованія она громко вопіетъ, протестуя какъ противъ огульныхъ обвиненій деревни въ хулиганствѣ, такъ и противъ тѣхъ мѣръ, которыми предположено съ нимъ бороться. Представьте только эту обстановку. Среди ужасающей тьмы и тяжелаго труда, на фонѣ всеобщаго пьянства и полнаго отсутствія какихъ бы то ни было разумныхъ развлеченій вдругъ какими-то невѣдомыми путями загорается маленькій огонекъ иной, культурной жизни. Онъ еще слабо освѣщаетъ людямъ ихъ тяжелую жизнь, но все-же освѣщаетъ, все-же даетъ ту высшую отраду, которой такъ мучительно ищутъ и въ деревнѣ, какъ и въ городѣ. Огонекъ разростается, онъ уже создаетъ извѣстныя культурныя потребности, онъ привлекаетъ все большее число людей въ освѣщенную черту... Но вотъ приходитъ нѣкто и грубымъ, грязнымъ сапожищемъ затаптываетъ этотъ огонекъ. Затаптываетъ безъ всякой даже злобы, равнодушно и сонно, просто исполняя свое назначеніе — гасить всякій лучъ свѣта единственно потому, что это „демократщина“...

Что,—спрашиваю васъ,—можетъ быть въ такой обстановкѣ и чего можно ожидать отъ людей, насильно вдвинутыхъ опять въ ту одуряющую жизнь, изъ которой они пытались было съ невѣроятными усиліями выкарабкаться? И не представляется ли вамъ этотъ невѣдомый стражникъ символической фигурой, поставленной, какъ сейчасъ увидимъ, на-стражѣ всяческаго хулиганства, хотя и караемаго вмѣстѣ съ тѣмъ арестами и штрафами по произволу того же стражника?..

---

[1]) „Рада“ 1912 г., № 256.

Впрочемъ, эта символическая фигура требуетъ своего естественнаго дополненія, и его мы находимъ въ новомъ сообщеніи изъ той же Малой Дѣвицы. „Къ намъ,—пишутъ оттуда же черезъ нѣкоторое время, — назначенъ новый урядникъ, который энергически приступилъ къ своимъ обязанностямъ. Узнавъ, что въ селѣ есть „зашкурні шинки“ (тайная продажа водки. С. Е.), да еще вблизи волостного правленія, онъ отправился къ бабѣ Маринѣ и другимъ и приказалъ имъ прекратить незаконную торговлю. Послѣ этого онъ запретилъ „досвітки“ и всякія собранія по вечерамъ. И теперь всѣ должны сидѣть дома, а если кто пойдетъ къ сосѣду или къ кому иному и объ этомъ узнаетъ урядникъ, то арестуетъ на сутки. Такое запрещеніе всѣхъ удивляетъ (!). Всѣ крестьяне зимой собирались по вечерамъ для развлеченія, а теперь должны сидѣть дома. Впрочемъ,—заканчивается корреспонденція поистинѣ классическимъ штрихомъ,—настроеніе урядника, очевидно, перемѣнилось, такъ какъ Марина все-таки продаетъ водку“ [1]).

Все-таки продаетъ и будетъ продавать, несмотря ни на что, тогда какъ слабый огонекъ общественности и культурности растоптанъ сапожищемъ безповоротно: перемѣна настроенія къ нему, конечно, не относится... Марина, все-таки продающая водку,—фигура въ нашей дѣйствительности опять-таки глубоко символическая, прекрасно дополняющая образъ стражника, равнодушно затаптывающаго ростки новой жизни, новыхъ запросовъ и потребностей. Она, эта символическая Марина, умѣетъ ладить съ символическимъ сапожищемъ и, несмотря на явное беззаконіе своихъ поступковъ, конечно, не подпадаетъ подъ дѣйствіе обязательныхъ и необязательныхъ постановленій, такъ твердо основавшихся въ нашей жизни. Это не „читатели“, неизвѣстно для какой надобности собирающіеся и приверженные къ такой „послѣдней гадости“, какъ книга. И потому „баба Марина“ все-таки процвѣтаетъ, а „читатели“ всемѣстно и всецѣло упразднены...

Теперь поставьте все многомилліонное населеніе нашей деревни, всѣхъ этихъ читателей и нечитателей, между грубымъ сапожищемъ стражника и соблазнительнымъ притономъ бабы Марины и вы будете имѣть ту подлинную обстановку, въ которой задыхается деревня. Обитатели ея

[1]) „Рада“ 1913 г., № 39.

дѣйствительно стоятъ между этими двумя символическими фигурами, изъ которыхъ одна отталкиваетъ отъ всего, что̀ можетъ препятствовать развитію „безчинства и озорства“, а другая привлекаетъ именно къ этому послѣднему. Въ этой обстановкѣ и заключается весь корень вопроса о „хулиганствѣ“, объ его причинахъ и о мѣрахъ борьбы съ нимъ. И переносить весь вопросъ въ плоскость какой-то спеціальной „распущенности“, якобы вдругъ охватившей народныя массы, и обязательныхъ постановленій, какъ средства борьбы съ этой распущенностью, значитъ занять совершенно безнадежную позицію,—безнадежную даже въ карательномъ смыслѣ. Явленіе, конечно, не исчезнетъ отъ того, что нѣсколько случайно захваченныхъ людей будутъ подвергнуты отсидкѣ или штрафу въ административномъ порядкѣ. Напротивъ, оно еще сильнѣе будетъ оттѣняться этими безсильными потугами вырвать то, что ревностно насаждается и поощряется всѣмъ строемъ нашей современности.

Въ самомъ дѣлѣ. Благодаря событіямъ послѣдняго времени народныя массы несомнѣнно предъявляютъ болѣе повышенныя требованія и запросы въ общественныхъ отношеніяхъ, личность несомнѣнно выросла и болѣе чутко относится къ своему положенію. И въ то же время внѣшнія условія также несомнѣнно ухудшились, выросла та подозрительность къ „демократщинѣ“, которая въ концѣ-концовъ по-своему рѣшаетъ всѣ вопросы бытія и даетъ тонъ жизни не въ одной только деревнѣ, но въ ней въ особенности. Всѣ слабые ростки общественности и культуры безжалостно растоптаны; хорошая книга и газета безпощадно преслѣдуется, библіотеки ликвидированы или заполнены неудобь читаемыми произведеніями барабанной музы, народные спектакли всячески стѣсняются, общеніе хотя бы на самой безобидной почвѣ энергически пресѣкается, союзничество столь же энергически насаждается... Это съ одной стороны. Съ другой—гостепріимно раскрыты двери явныхъ и тайныхъ мѣстъ, торгующихъ водкой, „бабы Марины“, не боясь конкурренціи культуры, усиленно зазываютъ въ свои притоны... Идетъ полное спаиваніе всѣмъ, чѣмъ можно, вплоть до знаменитаго „гардемана“ (денатурированный спиртъ) людей, которымъ во всѣхъ иныхъ отношеніяхъ руки связаны, которые чувствуютъ себя совершенно беззащитными въ самыхъ элементарныхъ

правахъ, которымъ остается невозбраннымъ одно развлеченіе—водка, пьяный дебошъ и разгулъ. Что удивляться, если люди идутъ иногда по линіи наименьшаго сопротивленія и скатываются по наклонной плоскости? Мало того,—послѣднее входитъ иногда даже въ „виды и намѣренія“ нѣкоторыхъ реалистически мыслящихъ администраторовъ, какъ доказываютъ непререкаемые факты. Вспомните знаменитаго Неровню, насаждавшаго публичные дома въ качествѣ „рабочихъ клубовъ“, какъ лучшее и вѣрнѣйшее средство отвлечь населеніе отъ „демократщины“. Вспомните и не удивляйтесь, съ одной стороны, развитію „безчинства и озорства“, а съ другой—видимому,—чуть не сорвалось,—преднамѣренному безсилію борьбы съ ними. Въ сущности даже и борьбы никакой не происходитъ, ибо хулиганство именно и насаждается тѣми мѣрами, которыя якобы направлены на его уничтоженіе. Вообразите хотя бы на одинъ мигъ упомянутаго сейчасъ Неровню въ роли насадителя добрыхъ нравовъ и хорошаго тона, и если у васъ была хоть тѣнь сомнѣнія на счетъ истиннаго смысла его „борьбы съ хулиганствомъ“, то оно должно будетъ безъ остатка разсѣяться. Ибо если въ качествѣ блюстителей нравственности, какъ censores morum, дѣйствуютъ Неровни, то какая же рѣчь можетъ быть о б о р ь б ѣ съ хулиганствомъ.

Въ особенности происходитъ это на Украинѣ, какъ и вездѣ, впрочемъ, гдѣ къ дѣлу „демократщины“ примѣшивается еще и національное угнетеніе. Украинскій крестьянинъ еще беззащитнѣе предъ сапожищемъ стражника, съ одной стороны, и зазываніемъ бабы Марины—съ другой. Всѣ условія его національной жизни старательно вытравляютъ изъ его души сознаніе человѣческаго достоинства, опустошаютъ ее, не давая взамѣнъ ничего, и тѣмъ, конечно, понижаютъ правовое самосознаніе. Школа, солдатчина, отхожіе промыслы, государственныя и общественныя учрежденія, практика повседневной жизни—все это силится внушить ему, что онъ не человѣкъ, а нѣчто низшее, особая мужицкая порода, годная лишь для обрусенія, предназначенная на денаціонализацію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ, навѣрное, мѣстности въ Россіи, гдѣ бы съ большимъ ожесточеніемъ и озлобленіемъ шла борьба противъ того, что въ этомъ представителѣ „низшей породы“ могло бы воспитать самоуваженіе и правовое сознаніе. Украинская книга, украин-

ская газета, всѣ формы и виды національной культуры, вплоть до языка, пользуются вѣдь особеннымъ вниманіемъ лицъ, облеченныхъ властью; національное воспитаніе, которое является, въ сущности, единственнымъ путемъ для массъ выйти изъ положенія парій между народами и пріобрѣсти нѣчто отъ культуры, совершенно отсутствуетъ. И въ то время, какъ это нѣчто старательно затаптывается офиціальными и добровольческими каблуками, баба Марина одна дѣйствуетъ вовсю и безпрепятственно. Изволь же въ такомъ положеніи удержаться отъ „безчинства и озорства"!..

Конечно, разъ начавшійся процессъ самосознанія не затоптать никакими сапожищами, не залить ни явнымъ, ни тайнымъ кабакомъ. Медленно, но неуклонно оно продолжаетъ расти; многія деревни на Украинѣ уже являются культурными центрами въ своемъ родѣ, откуда протягиваются и по окрестностямъ нити лучшей, болѣе разумной и сознательной жизни, по крайней мѣрѣ стремленіе къ ней. Я не буду называть этихъ свѣтлыхъ точекъ, чтобы не давать матеріала для dossier всевозможныхъ гг. Щеголевыхъ (съ ними вѣдь по нынѣшнимъ временамъ очень и очень приходится считаться); скажу лишь, что именно этимъ культурнымъ очагамъ, возникшимъ часто путемъ самозарожденія и мучительныхъ поисковъ правды, придется сыграть крупную роль въ борьбѣ съ одичаніемъ и разложеніемъ. Всѣ же офиціальныя мѣры здѣсь не при чемъ,— вѣрнѣе, очень даже при чемъ, но только въ обратную сторону...

Пасхальные праздники въ лѣто 1913-е ознаменовались однимъ крупнымъ событіемъ въ исторіи россійскаго патріотизма: забилъ нефтеносный фонтанъ въ редакціи „Новаго Времени", что въ Эртелевомъ пер., въ Петербургѣ. Забилъ разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ, хотя и совершенно въ соотвѣтствіи съ природой казеннаго націонализма. Нефтеносные и иные источники, обнаруженные нынѣ въ редакціи „Новаго Времени" благодаря домашнему спору между семьей Суворинихъ и г. Снѣссаревымъ, не были, впрочемъ, секретомъ и раньше: всѣмъ было извѣстно, на какія средства путешествуютъ эти благородные рыцари. Если теперь они и сдѣлались въ нѣкоторомъ родѣ злобой дня, то лишь потому, что дождались, наконецъ, до-

ментальнаго засвидѣтельствованія и притомъ со стороны лица, пользовавшагося неограниченнымъ довѣріемъ торговой фирмы „Суворинъ и С-вья“.

Нефтеносный фонтанъ въ редакціи „Новаго Времени“ слѣдуетъ отмѣтить и въ украинской печати, что и дѣлаю съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія. Всѣмъ, вѣроятно, памятенъ еще тотъ шумъ, которымъ патріотическая пресса съ „Новымъ Временемъ“ во главѣ встрѣтила такъ-называемыя разоблаченія Раковскаго о прусскихъ маркахъ; захлебываясь, сообщала она о подкупѣ украинскихъ дѣятелей и прессы, раздувала жалкое созданіе прусскаго шпіона, сама измышляла лживыя подробности и, смакуя ихъ, взывала къ бичамъ и скорпіонамъ. И оказывается, что въ то время, когда произносились эти захлебывающіяся рѣчи, фонтанъ въ редакціи „Новаго Времени“ уже билъ... Билъ пока тайно, но, какъ извѣстно, нѣтъ ничего тайнаго, что бы современемъ не сдѣлалось явнымъ. Теперь фонтанъ забилъ уже явно... Могу лишь поздравить почтенную компанію благородныхъ обличителей и пожелать имъ всяческаго преуспѣянія фирмѣ бр. Суворинныхъ на славу, Раковскимъ на утѣшеніе, Вестингузамъ на пользу...

С. Ефремовъ.

На Украинѣ и внѣ ея.

За мѣсяцъ.

Памяти М. М. Коцюбинскаго. 22-го апрѣля въ Кіевѣ состоялось засѣданіе «Українського Наукового Товариства», посвященное памяти М. М. Коцюбинскаго. Характеризуя личность и дѣятельность покойнаго писателя, проф. М. С. Грушевскій указалъ въ своей рѣчи, что въ отношеніи къ родному краю Коцюбинскій былъ патріотомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Положеніе украинскаго писателя требуетъ многихъ жертвъ, и Коцюбинскій жертвовалъ собой, выполнялъ національную миссію и былъ истиннымъ строителемъ украинской культурно-національной жизни. Съ характеристикой творчества М. М. Коцюбинскаго выступили Л. М. Старицкая-Черняховская, С. Ф. Черкасенко и В. Н. Леонтовичъ, который, отмѣчая высокую красоту моральной личности покойнаго, замѣтилъ, что Коцюбинскаго не прельщали ни слава, ни деньги, прельстившія многихъ писателей, значительно меньшаго калибра, чѣмъ Коцюбинскій. Въ бумагахъ покойнаго остался рядъ писемъ солидныхъ русскихъ издателей, приглашавшихъ его писать по-русски или по крайней мѣрѣ, печатать свои произведенія одновременно на русскомъ и украинскомъ языкахъ, но Коцюбинскій отклонялъ такія предложенія.

Запрещеніе украинскихъ рефератовъ. Въ апрѣлѣ совѣтъ старшинъ кіевскаго общественнаго собранія «Родина» обратился къ кіевскому губернатору съ ходатайствомъ о разрѣшеніи прочесть въ помѣщеніи собранія слѣдующіе рефераты на украинскомъ языкѣ: «Давность бѣлой расы», «Самовоспитаніе учителя», «Современное положеніе науки о воспитаніи», «Поэзія Чупринки, ея мотивы и форма», «Новыя данныя о теоремѣ Пиѳагора», «Земледѣліе въ Бразиліи». Несмотря на совершенную невинность темъ, рефераты не были разрѣшены, причемъ губернаторъ предложилъ полицеймейстеру увѣдомить совѣтъ, что и впредь устройство лекцій или рефератовъ на украинскомъ языкѣ, въ силу данныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ указаній, не будетъ разрѣшаемо.

«Законное основаніе». Желая обжаловать запрещеніе полтавскаго полицеймейстера употреблять на общихъ собраніяхъ существующаго въ Полтавѣ о-ва «Боян» украинскій языкъ, правленіе общества приняло мѣры къ полученію мотивированнаго распоряженія о запретѣ. Полицеймейстеръ мотивировалъ свои дѣйствія тѣмъ соображеніямъ, что-де въ уставѣ общества не указано, что засѣданія можно вести на украинскомъ языкѣ.

Конфискація. Въ Кіевѣ конфискованъ № 3 украинскаго марксистскаго журнала «Дзвін». Конфискація утверждена судебной властью. Редакторъ привлекается къ отвѣтственности по по 129 ст.

Противъ украинскаго языка. Въ Бердичевѣ полицеймейстеръ не разрѣшилъ товариществу украинскихъ артистовъ, подъ управленіемъ Ив. Горемыки, печатать афишу, такъ какъ группа названа была «украинской». Разрѣшеніе послѣдовало послѣ замѣны этого страшнаго слова словомъ «малорусскій».

— Каневскій исправникъ Жежелевскій, къ которому редакція мѣстной газеты обратилась за разрѣшеніемъ печатать объявленія о подпискѣ на украинскіе журналы «Літературно-Науковий Вістник», «Дніпрові Хвині», «Добра Новина», и «Світло», заявилъ, что не разрѣшитъ печатать, пока не ознакомится съ закономъ. Встрѣтивъ затѣмъ, черезъ нѣсколько дней владѣльца типографіи, г. Жежелевскій, по словамъ корреспондента «Рады», сказалъ ему: «Что это за языкъ такой у этихъ объявленій? Я самъ малороссъ, но этой «мовы» не понимаю! Что это за балаганщина? Что это за акцентъ такой?»

— Къ лику гонителей украинскаго языка приходится причислить не только чиновъ полиціи изъ «тоже малороссовъ», но и нѣкоторыхъ учителей. Такъ, по словамъ «Рады», учитель двухкласснаго училища въ Самгородкѣ Кіевской губ., не довольствуясь преслѣдованіемъ чтенія учениками украинскихъ книжекъ, разыскиваетъ по селу людей, выписывающихъ украинскія изданія, и упрекаетъ ихъ въ этомъ.

— Въ с. Максимовкѣ Черниговской губ. становой приставъ открылъ «крамолу» въ видѣ украинской вывѣски на потребительской лавкѣ: «Крамниця потребителів», повѣшенной по постановленію правленія лавки. «Я самъ малороссъ,—заявилъ приставъ,—но такихъ словъ не встрѣчалъ: что это за «крамница потребителів»? Такъ какъ приказчикъ отказался снять вывѣску, ссылаясь на правленіе, то приставъ прислалъ урядника, который заявилъ, что-де правленіе будетъ привлечено къ «законной отвѣтственности», и уѣхалъ, пообѣщавъ составить протоколъ.

— Въ предмѣстьѣ Кіева Куреневкѣ въ чайной о-ва трезвости запрещено было устройство вечера изъ произведеній Шевченка, а вслѣдъ за тѣмъ запрещено устраивать всякіе вечера со смѣшанной украинско-русской программой. Вечера эти привлекали много народу, причемъ особенной симпатіей куреневцевъ пользовались украинскіе номера.

Запрещеніе панихидъ по Шевченкѣ. Епископъ подольскій Серафимъ запретилъ подчиненному ему духовенству служить панихиды по Шевченку «въ виду ихъ демонстративнаго характера». Вслѣдствіе этого запрещенія въ Каменецъ-Подольскѣ не состоялась панихида по Шевченку, назначенная подольской «Просвітой» на 3-е марта.

† **Андрій Франко**. Въ ночь на 22-е апрѣля (нов. ст.) во Львовѣ умеръ отъ разрыва сердца сынъ извѣстнаго украинскаго писателя Ивана Франка Андрій. Покойный окончилъ львовскій университетъ по философскому факультету и отдался научной работѣ. Ему принадлежитъ между прочимъ студія объ украинскомъ этнографѣ Илькевичѣ, напечатанная во львовскихъ «Запискахъ Наукового Т-ва ім. Шевченка». Скромный и тихій, Андрій Франко со времени болѣзни отца былъ его постояннымъ помощникомъ и товарищемъ, помогалъ ему въ научныхъ занятіяхъ, писалъ его произведенія и окружилъ его заботливымъ уходомъ. Неожиданная смерть скосила его на 26 году жизни.

† **Илья Коломинскій** д-ръ медицины, ассистентъ глазной клиникѣ при Юрьевскомъ университетѣ, неожиданно и трагически скончался 17-го мая въ г. Рѣжицѣ: на него напала свора собакъ, искусавшая его такъ сильно, что черезъ нѣсколько часовъ Коломинскій умеръ. Покойный—сознательный украинецъ, принимавшій дѣятельное участіе въ украинской жизни. Онъ былъ однимъ изъ основателей украинскаго кружка при юрьевскомъ университетѣ.

Шевченковскій музей. Украинское Научное О-во въ Кіевѣ напечатало слѣдующее обращеніе: «Украинское Научное Общество» въ Кіевѣ основываетъ спеціальный отдѣлъ всевозможныхъ вещей, связанныхъ съ памятью Т. Шевченка, куда желательно собирать различныя, даже незначительныя, вещи, если только онѣ связаны съ именемъ поэта. Сюда относятся вещи самого Шевченка, затѣмъ печатные матеріалы: книги, журналы и газеты со статьями о немъ; афиши и программы шевченковскихъ празднествъ, объявленія и проч.; затѣмъ, картины, кустарныя издѣлія и вообще все, что касается Шевченка. Поэтому О-во обращается ко всѣмъ, кто чтитъ память поэта, съ просьбой помочь въ собраніи означенныхъ вещей, а печатныхъ — даже въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Имѣя въ виду систематическое расширеніе музея, Общество проситъ своихъ будущихъ сотрудниковъ о постоянной помощи въ этомъ дѣлѣ. Желательныя вещи просимъ присылать по адресу Общества: Кіевъ, Большая Подвальная, 14. Если за какія-либо вещи нужна плата, то объ этомъ необходимо заранѣе увѣдомлять О-во».

За Шевченка. Въ Лебединѣ (Харьковск. губ.) группа гимназистовъ, какъ сообщаетъ «Русск. Молва», устроила вечеръ памяти Т. Шевченка, на которомъ былъ прочитанъ рефератъ и нѣкоторыя стихотворенія изъ «Кобзаря». Узнавъ о вечерѣ, директоръ гимназіи усмотрѣлъ въ немъ «незаконное сборище» съ чтеніемъ «нелегальныхъ произведеній» и увѣдомилъ попечителя округа.

Евангеліе на украинскомъ яз. На Пасху, когда въ церквахъ принято читать евангеліе на различныхъ языкахъ, въ Черниговѣ и Екатеринославѣ евангеліе было прочитано и на украинскомъ яз. Въ Черниговѣ украинское евангеліе читалось въ духовной семинаріи и елецкомъ монастырѣ, въ Екатеринославѣ — въ семинаріи и коммерческомъ училищѣ.

Изъятіе произведеній Шевченка. На основаніи циркуляра министра нар. просвѣщ. о народныхъ библіоткахъ, изъ земскихъ школъ въ Харьковской губ. изъяты между прочимъ слѣдующія произведенія Шевченка: «Катерина», «Невольник» и «Назар Стодоля».

† **А. И. Рубецъ.** Въ Стародубѣ (Черниговск. губ.) умеръ А. И. Рубецъ, бывшій съ 1866 г. преподавателемъ элементарной теоріи и сольфеджіо въ петербургской консерваторіи, а съ 1880 г. профессоромъ тѣхъ же классовъ. Въ началѣ 90-хъ годовъ Рубецъ ослѣпъ и поселился въ Стародубѣ. Слѣпота, однако, не мѣшала ему подготовлять новыхъ учениковъ въ консерваторію. Родившійся въ 1837 г. въ Чугуевѣ (Харьк. губ.), въ старой украинской дворянской семьѣ, и учившійся на Украинѣ, въ нѣжинскомъ лицеѣ, Рубецъ, хотя и не былъ сознательнымъ украинцемъ въ современномъ значеніи этого слова, но, тѣмъ не менѣе, очень интересовался украинскимъ народнымъ искусствомъ и выпустилъ рядъ сборниковъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ, оставивъ этимъ замѣтный слѣдъ въ сферѣ украинской музыкальной этнографіи.

«Тарас Бульба» Лысенка. Въ Москвѣ, въ театрѣ Зимина, и въ Кіевѣ, въ оперномъ театрѣ, демонстрировалась опера покойнаго Лысенка «Тарас Бульба». Продемонстрированные въ Кіевѣ въ присутствіи антрепренера оперы Багрова отрывки произвели прекрасное впечатлѣніе, и возможно, что опера будетъ включена въ репертуаръ будущаго сезона. Для Кіева имѣютъ особенный интересъ первая картина, происходящая въ кіевскомъ Братскомъ монастырѣ, и вторая картина, мѣсто дѣйствія которой — дворецъ воеводы въ Кіевѣ.

Украинская книга въ селѣ. На основаніи выпущеннаго кіевскимъ губернскимъ земствомъ «Отчета о земскихъ школахъ и земскихъ внѣшкольныхъ просвѣтительныхъ мѣропріятіяхъ въ Кіевской губ. за 1911 г.»,—давшаго, кстати сказать, «Кіевлянину» поводъ обвинить сверхблагонамѣренное кіевское земство «въ систематическомъ насажденіи въ земскихъ библіотекахъ отдѣловъ малорусскихъ книгъ»,—въ «Радѣ» помѣщена статья, характеризующая отношеніе украинскаго крестьянства къ украинской книгѣ. Изъ числа 155 земскихъ библіотекъ, существовавшихъ въ 1911 г. въ Кіевской губ., отчетъ даетъ свѣдѣнія о 140 библіотекахъ. Изъ нихъ лишь въ одной (въ с. Прусахъ Васильковск. у.) не было украинскаго отдѣла, въ остальныхъ же 139 библіотекахъ на 86.280 русскихъ книгъ приходилось 8.369 украинскихъ, что составляетъ 9,7 проц. Въ разсматриваемыхъ 139 библіотекахъ взято было въ 1911 г. 197.668 книгъ, въ томъ числѣ украинскихъ 16.199 (т.-е. 8,2 проц.). Такимъ образомъ, если разсматривать вопросъ въ общемъ, то приходится сдѣлать выводъ, что украинскія книги читались меньше русскихъ. Но при разсмотрѣніи каждаго уѣзда въ отдѣльности получается иная картина: въ однихъ уѣздахъ (Уманскій и Таращанскій) украинскія книги

читались больше, чѣъ русскія, въ другихъ (Звенигородскій и Сквирскій)—наравнѣ съ русскими, въ остальныхъ же уѣздахъ—значительно меньше, чѣмъ русскія. Еще болѣе интересные выводы даетъ «Отчетъ» при разсмотрѣніи отдѣльныхъ земскихъ библіотекъ. Въ селахъ, гдѣ работали сознательные украинцы, гдѣ крестьяне имѣли возможность слышать живое слово отъ живого человѣка, гдѣ было кому научить ихъ читать книги, напечатанныя новымъ, украинскимъ фонетическимъ правописаніемъ,—отмѣчаетъ «Рада», — тамъ украинская книга совершенно вытѣсняла русскую. Для примѣра можно взять хотя бы с. Колодистое, въ которомъ работалъ В. Доманицкій. Въ этомъ селеніи, какъ видно изъ отчета, крестьяне читаютъ книги почти исключительно на украинскомъ языкѣ. Что же касается того, что украинскія книги вообще читаются меньше русскихъ, то объясненіемъ этого является, во-первыхъ, ихъ небольшое количество, а во-вторыхъ, ихъ подборъ. Въ сельскія библіотеки допускаются книги на украинскомъ языкѣ преимущественно по вопросамъ агрономіи, ветеринаріи, и т. п., все же болѣе или менѣе интересное изъ беллетристики запрещено,—даже такія невинныя произведенія, какъ «Катерина» Шевченка, не говоря уже о полномъ «Кобзарѣ». Въ виду этого крестьяне волей-неволей принуждены обращаться къ русскимъ книгамъ, когда хотятъ получить книгу по беллетристикѣ, общественнымъ вопросамъ и т. п.

Впрочемъ,—добавимъ отъ себя,—«Рада» нѣсколько сгущаетъ пессимистичность выводовъ относительно читаемости украинскихъ книгъ, если даже разсматривать отчетъ не въ частностяхъ, а въ общемъ. Сравнивая читаемость украинскихъ книгъ съ ихъ количествомъ и принимая во вниманіе ихъ подборъ, можно прійти даже къ довольно утѣшительнымъ результатамъ. Количество украинскихъ книгъ въ библіотекахъ составляетъ 9,7 проц., читаемость же ихъ равняется 8,2 проц., что лишь немногимъ ниже процента ихъ количества. Такимъ образомъ, читаемость украинскихъ книгъ, даже при теперешнемъ подборѣ, стоитъ почти наравнѣ съ читаемостью русскихъ книгъ. Это даетъ основаніе вполнѣ присоединиться къ мнѣнію «Рады», что при широкомъ допущеніи украинскихъ книгъ въ народныя библіотеки отношеніе между читаемостью русскихъ и украинскхъ книгъ было бы совершенно иное.

Исторія памятника Хмельницкому. Въ засѣданіи кіевскаго Украинскаго Научнаго О-ва 29-го апрѣля прочитанъ былъ рефератъ О. И. Левицкаго «Исторія сооруженія памятника Б. Хмельницкому», въ которомъ авторъ, самъ близко стоявшій къ дѣлу, излагаетъ чрезвычайно поучительную исторію постановки этого монумента. Рефератъ г. Левицкаго тѣмъ болѣе интересенъ, что о сооруженіи памятника Хмельницкому въ Кіевѣ до сихъ поръ не появилось полнаго отчета, хотя со времени его постановки истекаетъ уже 25 лѣтъ. Мысль о сооруженіи памятника Хмельницкому въ Кіевѣ возникла еще въ 50-хъ годахъ. Объ этомъ писалъ первый ректоръ кіевскаго университета М. Максимовичъ въ своемъ «Украинцѣ» за 1859 г., а потомъ извѣстный М. Юзе-

фовичъ, предсѣдатель кіевской археографической комиссіи, нѣсколько разъ мѣнявшій свою политическую физіономію и въ либеральную эпоху Александра II выдававшій себя за украинца и даже работавшій въ «Основѣ». Въ то время въ Россіи поставлено было нѣсколько историческихъ памятниковъ, появилось немало художниковъ, предлагавшихъ сами свои услуги. Между ними особенно извѣстенъ былъ Микѣшинъ, принимавшій участіе въ сооруженіи памятниковъ тысячелѣтія Россіи, Екатеринѣ II и адмиралу Грейгу въ Николаевѣ. Юзефовичъ пригласилъ Микѣшина въ Кіевъ. Лѣтомъ 1868 г. они осмотрѣли городъ и выбрали для памятника мѣсто на Софійской площади. Микѣшинъ составилъ проектъ и повѣсилъ его въ своей мастерской, гдѣ лѣпилъ фигуры для памятника Екатеринѣ II. Здѣсь проектъ увидѣлъ Александръ II, заинтересовался имъ и одобрилъ намѣреніе поставить памятникъ гетману за патріотическую заслугу присоединенія Украины къ Россіи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (16-го января 1870 г.) кіевскій генералъ-губернаторъ Дондуковъ-Корсаковъ получилъ формальное Высочайшее разрѣшеніе на сборъ пожертвованій по всей Россіи на памятникъ Хмельницкому. Былъ образованъ комитетъ по сооруженію памятника, имѣвшій полуказенный характеръ, такъ какъ постановленія его утверждалъ генералъ-губернаторъ, а въ болѣе важныхъ вопросахъ — министръ внутр. дѣлъ. Комитетъ разослалъ записку о дѣятельности Хмельницкаго съ предложеніемъ жертвовать на памятникъ тому, кто «спасъ, быть можетъ, православіе на берегахъ Днѣпра и положилъ краеугольный камень нынѣшнему государственному зданію всей Россіи». Послѣ долгихъ споровъ о мѣстѣ для памятника комитетъ рѣшилъ поставить его на Софійской площади, гдѣ происходила торжественная встрѣча Хмельницкаго въ 1647 г. и гдѣ памятникъ будутъ видѣть крестьяне-богомольцы. По модели Микѣшина, памятникъ долженъ былъ изображать конную фигуру Хмельницкаго, подъ копытами коня лежалъ трупъ ксендза, закрытый разорваннымъ польскимъ знаменемъ, здѣсь же валялась разорванная цѣпь, со скалы летѣлъ внизъ головой польскій панъ, а ниже изображенъ былъ еврей съ награбленнымъ церковнымъ добромъ. Эти фигуры должны были стоять на четыреугольномъ лабрадоровомъ пьедесталѣ, на трехъ сторонахъ котораго имѣли быть три бронзовые барельефа: Збаражская битва, Переяславская рада и торжественная встрѣча Хмельницкаго въ Кіевѣ. Ниже конной статуи Хмельницкаго предполагалось поставить группу изъ великорусса, бѣлорусса, малорусса и червонорусса, собравшихся вокругъ кобзаря, который поетъ и играетъ на бандурѣ. Моделью для кобзаря Микѣшинъ предполагалъ взять Шевченка. Надъ этой группой должна была красоваться надпись: «Единая недѣлимая Россія гетману Богдану Хмельницкому», а подъ фигурой кобзаря слова изъ думы о Хмельницкомъ: «Та не буде лучче, та не буде краще, Як у нас на Вкраїні, Що немае жида, що немае ляха, Не буде й уніі» или же другой варіантъ: «Згине Польща, згине, А Русь буде панувати». Модель эта была потомъ пріобрѣтена В. Тарновскимъ для своего музея.

И общество и даже нѣкоторые члены комитета запротестовали противъ такого проекта памятника. Но онъ былъ уже Высочайше утвержденъ, а самъ Микѣшинъ и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы выбросить изъ-подъ ногъ коня фигуры. По смѣтѣ Микѣшина, постановка памятника должна была обойтись въ 145.200 р., не считая металла, лабрадора и каменной работы. Комитетъ заявилъ, что не надѣется собрать столько денегъ, и Микѣшинъ сбросилъ 49.500 р., за что, въ видѣ компенсаціи за «патріотизмъ», получилъ по ходатайству комитета и Дондукова-Корсакова тысячу десятинъ казенной земли въ Екатеринославской губ. Для отливки памятника отпущено было 1.600 пуд. казенной мѣди въ видѣ старыхъ пушекъ. Всѣ подготовительныя работы Микѣшинъ обѣщалъ закончить въ 1875 г., но въ виду разныхъ затрудненій закончилъ ихъ лишь весной 1878 г. Послѣ этого состоялся осмотръ императоромъ гипсовыхъ оригиналовъ верхней группы памятника, причемъ повелѣно было выбросить всѣ фигуры изъ-подъ ногъ коня, оставивъ только одну конную фигуру гетмана. Между тѣмъ выяснилось, что Микѣшинъ, получивъ изъ складовъ отпущенную для отливки памятника мѣдь, продалъ ее нѣкоему Дж. Берду, который условился съ нимъ вылить всѣ фигуры изъ собственной мѣди за тѣ же 15 тыс. руб., которые комитетъ долженъ былъ уплатить Микѣшину за всю работу. Комитетъ требовалъ возвращенія мѣди и привлеченія Микѣшина къ суду, хотѣлъ наложить запрещеніе на подаренное ему имѣніе, но... изъ этого ничего не вышло. Комитетъ тогда порвалъ сношенія съ Микѣшинымъ и самъ вошелъ въ соглашеніе съ Бердомъ, который обязался вылить фигуры по 30 руб. за пудъ, считая отливку и металлъ, между тѣмъ какъ въ контрактѣ съ Микѣшинымъ такая плата условлена была за одну только отливку. Между тѣмъ сборъ пожертвованій на памятникъ далъ всего лишь 40 тыс. руб., такъ что о проектированномъ Микѣшинымъ постаментѣ нечего было и думать. Статуя Хмельницкаго, за неимѣніемъ другого мѣста, была отправлена на сохраненіе въ Старокіевскій участокъ, что повело къ разнымъ шуткамъ объ «арестѣ безпаспортнаго Хмельницкаго». Въ концѣ-концовъ комитетъ рѣшилъ поставить памятникъ на временномъ пьедесталѣ, обсыпанномъ землею наподобіе степной могилы (кургана). Но тутъ возникли пререканія изъ-за мѣста. Духовенство во главѣ съ каѳедральнымъ протоіереемъ П. Лебединцевымъ возстало противъ постановки памятника на Софіевской площади. Образована была спеціальная комиссія для пріисканія мѣста, но только въ 1881 г. удалось, наконецъ, устранить всякія придирки духовенства и получить то мѣсто, на которомъ памятникъ стоитъ въ настоящее время. Но когда начались работы по устройству фундамента, изъ Петербурга пришло распоряженіе прекратить ихъ. Оказалось, что духовенство представило Побѣдоносцеву цѣлый рядъ соображеній противъ постановки памятника на Софіевской площади. Указывалось между прочимъ на то, что богомольцы-де будутъ креститься не на «нерушимую стѣну» Софіевскаго собора, а на заднюю часть лошади. Потребовались спеціальныя измѣренія, чтобы

опровергнуть эти опасенія. Между прочимъ Юзефовичъ, бывшій пріятелемъ Побѣдоносцева, въ частномъ письмѣ къ послѣднему писалъ, что во всей этой исторіи виноватъ П. Лебединцевъ, «достойный представитель украинскаго сепаратизма», который-де, вѣроятно, и слова бы не сказалъ, если бы «памятникъ ставился любезнымъ для украинофиловъ измѣнникамъ Выговскому и Мазепѣ». Наконецъ, комитетъ получилъ разрѣшеніе продолжать работы. Осенью 1881 г. статуя Хмельницкаго была установлена на высокомъ каменномъ столбѣ и покрыта деревянной будкой, а комитетъ началъ обсуждать, что дѣлать дальше, такъ какъ насыпка могилы оказалась въ техническомъ отношеніи неудобной. Такъ памятникъ простоялъ до конца 1885 г., когда, наконецъ, архитекторъ В. Н. Николаевъ взялся устроить постаментъ за 12 тыс. руб. Работы эти были закончены къ 1888 г., когда и состоялось освященіе памятника. За постановку памятника Юзефовичъ получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, а **Николаевъ орденъ. Микѣшина же забыли** даже пригласить къ участію въ открытіи памятника.

Концертъ въ честь Шевченка и Лысенка въ Вѣнѣ. Украинская колонія въ Вѣнѣ ежегодно устраиваетъ собраніе, посвященное памяти національнаго генія. Въ этомъ году вѣнскія украинскія организаціи «Кружок Земляків» и «Січ» рѣшили устроить общій вечеръ, посвященный памяти наиболѣе дорогихъ нашему сердцу творцовъ: Шевченка и Лысенка. На собраніи присутствовало масса мѣстной украинской интеллигенціи, рабочихъ и представителей другихъ славянскихъ народностей. Въ числѣ послѣднихъ слѣдуетъ отмѣтить проф. Массарика, большого поклонника музы Шевченка. Собраніе открыто было рѣчью депутата парламента Л. Цегельскаго, въ яркихъ чертахъ давшаго характеристику Шевченка и указавшаго на громадное значеніе Лысенка какъ въ области культурнаго претворенія пѣсеннаго народнаго творчества, такъ и въ отношеніи созданія украинской оперы, первые начатки которой тѣсно связаны съ его именемъ и ждутъ только развитія украинской сцены, чтобы потомъ, подобну композиціямъ Грига, стать достояніемъ цивилизованныхъ европейскихъ народовъ. Далѣе слѣдовала музыкальная часть программы, составленная изъ произведеній Лысенка и Рубинштейна. Изъ исполнителей особенно выдѣлилась г-жа Днистрянская, исполнившая фортепіанный концертъ d-moll Рубинштейна.

Къ нашему обществу

(*Отъ Библіотеки „Наукового Товариства ім. Шевченка“ во Львовѣ*).

«Наукове Товариство ім. Шевченка» во Львовѣ поставило задачей собрать въ своей библіотекѣ все, что появляется въ печати на украинскомъ языкѣ, и по возможности всѣ печатныя произведенія на иныхъ языкахъ, такъ или иначе касающіяся Украины и украинскаго народа, а также чужихъ народностей,

живущихъ на ея территоріи, чтобы, такимъ образомъ, создать своего рода всеукраинское книгохранилище и архивъ. Многое въ этомъ направленіи библіотека уже успѣла сдѣлать, но, къ сожалѣнію, по недостатку средствъ, а часто и независимо отъ этой причины, многаго не въ состояніи собрать (въ особенности №№ русскихъ газетъ и журналовъ, гдѣ встрѣчаются какія-либо Ukrainica, а также провинціальныхъ ученыхъ изданій—различныхъ архивныхъ комиссій, статистическихъ и церковно-археологическихъ и проч. комитетовъ [1]). Поэтому библіотека позволяетъ себѣ обратиться при посредствѣ «Украинской Жизни» къ лицамъ, сочувствующимъ ея цѣлямъ и задачамъ, не отказать ей въ своей посильной помощи. Библіотека будетъ глубоко благодарна за наименьшее содѣйствіе и съ признательностью возвратитъ желающимъ всѣ расходы по пересылкѣ изданій и ихъ стоимость. При этомъ она проситъ лицъ, желающихъ не пожертвовать, а продать то или иное изданіе, предварительно обратиться со своими предложеніями къ правленію библіотеки, чтобы избѣжать возвращенія ненужныхъ ей дублетовъ изданій. Библіотекѣ нужны прежде всего всѣ изданія, выходящія на территоріи Украины, въ особенности если въ нихъ была когда-либо напечатана хотя бы строчка по-украински. Таковы, напримѣръ, «Таврическій», «Газета Гадячскаго Земства», «Газета Кіевскаго Земства», изданія хорольскаго земства и сельскохозяйственнаго общества, «Роменъ», «Кубанскій Казачій Листокъ», «Почаевскій Листокъ» и «Почаевскія Извѣстія», холмскія изданія и проч. (за всѣ года, особенно за 1911—1913 гг.); изъ прекратившихся изданій библіотекѣ нужны: «Газета Полтавскаго Губ. Земства» и «Кубанецъ». Изъ имѣющихся уже въ библіотекѣ изданій нѣтъ комплектовъ «Лохвицкаго Слова» (недостаетъ № 1 за 1912 г. и №№ за 1913 г.), «Вѣстникъ Золотоношскаго Земства» (за время до 1911 года и за текущій годъ), «Наше Дѣло» (Кіевъ; недостаетъ 1909 года и №№ 1, 2 и 8 за 1912 г.), «Земскій Сборникъ Черниговской губ.» (имѣются лишь 1897, 1898, 1907—1908 гг.).

Кромѣ того, библіотека ищетъ слѣдующія изданія на украинскомъ языкѣ: 1) Безшлях, Нови оповидання (Одесса, 1911); 2) Вельяминовъ, Ой одна я, одна (музыка на слова Шевченка; два изданія: Вильна, 1911, и Спб., 1911); 3) Доброхотовъ, Пѣсни, думки и шумки (для балалайки), Спб., 1911; 4) Лопни, наколядуй (Колядки и щедровки), Одесса, 1911, изд. А. Тяжелоиспытаннаго; 5) Павлюкъ, Тытяна-Чернобровка (Москва, изд. Сытина); 6) Перша українська артистична виставка в Київі (Кіевъ, 1911); 7) А. Соловьевъ, Альбомъ 50 малорос. пѣсенъ (для гитары), Москва, 1911; 8) Швыдкый, Маруся (Москва, изд. Сытина).

Необходимость имѣть украинскія изданія и Ukrainica для библіотеки тѣмъ настоятельнѣе, что библіографическое бюро

[1]) Во многихъ случаяхъ помянутые комиссіи и комитеты не хотятъ высылать свои изданія библіотекѣ даже за деньги.

Науковаго Товариства издаетъ «Украинську Бібліографію», а также участвуетъ въ составленіи отдѣла украиновѣдѣнія въ Славянской Библіографіи петербургской академіи наукъ. Желательно, чтобы оба эти научныя предпріятія были выполнены возможно совершеннѣе, а это безъ поддержки самого украинскаго общества врядъ ли возможно благодаря упомянутымъ выше обстоятельствамъ. Въ надеждѣ, что оно оцѣнитъ стремленія Наукового Товариства, направленныя, говоря словами незабвеннаго Мих. Мих. Коцюбинскаго, «для загальнаго добра» украинской націи и ея культуры, имѣетъ честь быть Правленіе Библіотеки. Адресъ: Бібліотека Науковаго Товариства ім. Шевченка, Львовъ, ул. Супинскаго, № 21. Австрія (Österreich, Lemberg).

Приготовленія къ юбилейному чествованію памяти Шевченка. Въ будущемъ 1914 году исполнится столѣтіе со дня рожденія Шевченка. Въ украинскомъ обществѣ уже теперь идутъ приготовленія къ достойному увѣковѣченію и чествованію памяти національнаго генія. Особенно широкія приготовленія идутъ въ Галиціи. 24-го марта во Львовѣ состоялось по иниціативѣ львовской «Просвіти» собраніе представителей отъ 28-ми украинскихъ мѣстныхъ и краевыхъ культурно-просвѣтительныхъ и общественныхъ учрежденій, обсуждавшихъ, по предложенію проф. В. Шухевича, слѣдующія предложенія: 1) 1914 годъ объявить годомъ юбилейнымъ; 2) ко дню рожденія поэта «Просвіта» обязана снести часть своего зданія по Бляхарской улицѣ, а въ день юбилея освятить закладку новаго зданія; 3) въ день юбилея освятить закладку зданія новаго украинскаго театра на Театральной площади; 4) открыть домъ съ большимъ заломъ, который къ этому времени долженъ быть готовымъ на Театральной площади; 5) постараться, чтобы улица возлѣ этого дома носила имя Лысенка; 6) въ этомъ залѣ устроить торжественное собраніе въ честь Т. Шевченка; 7) вечеромъ концертъ; 8) того же дня въ обѣихъ гимназіяхъ одновременно юбилейные концерты, а въ «Соколѣ» концертъ для народныхъ школъ; 9) того же дня концерты во всѣхъ гимназіяхъ, частныхъ и казенныхъ; 10) постараться освободить на этотъ день отъ занятій учащихся; 11) издать соотвѣтствующія брошюрки съ рефератами, стихами и пѣснями для крестьянскихъ дѣтей; 12) выпустить въ нѣсколькихъ изданіяхъ портреты Т. Шевченка, а также и открытки, которыми пользоваться исключительно въ 1914 году; 13) обратиться съ просьбой къ Національному и Шевченковскому музеямъ, чтобы свои собранія открыли для публики; 14) обратиться къ обществу, чтобы всякія вещи, пригодныя для музеевъ, присылало бы въ музей Шевченка, какъ юбилейный даръ; 15) устроить выставку, которая должна охватить всѣ стороны дѣятельности нашихъ товариществъ; 16) обратиться къ товариществу «Баянъ», чтобы свой шкафъ съ музыкальными инструментами передало музею Т. Шевченка; 17) выпустить воззваніе о собираніи жертвъ на памятникъ поэту; 18) обратиться къ депутатамъ парламента, чтобы постарались добиться обращенія одной изъ украинскихъ част-

ныхъ гимназій въ казенную и назвать ее именемъ Т. Шевченка; 19) позаботиться о соотвѣтствующихъ изданіяхъ со стороны «Просвіти», Тов. им. Шевченка и Украинского Педагогичного Товариства; 20) самъ проф. Шухевичъ объявляетъ, что въ 1914 году появится 1-й томъ украинскихъ пѣсенъ въ изданіи „Das Uolkslied in Oesterreich", 21) устроить въ то же время юбилейныя собранія «Просвіти», Т-ва им. Шевченка и всенародныя вѣча; 22) позаботиться, чтобы бюстъ Т. Шевченка, подаренный г. Володкевичемъ, былъ переданъ въ собственность Т-ва им. Шевченка; 23) стараться, чтобы на Театральной площади заложить основаніе памятника поэту; 24) устроить въ день юбилея манифестаціи съ вѣнками и рѣчами; 25) Т-во «Руська Бесіда» должно къ этому времени перезти во Львовъ театръ и устроить юбилейный спектакль,—напримѣръ, поставить «Назара Стодолю» и живыя картины; 26) во всѣхъ читальняхъ «Просвіти» должны быть устроены въ день юбилея соотвѣтствующія чтенія съ манифестаціями, причемъ надо постараться поназывать улицы въ различныхъ мѣстамъ именемъ поэта.

По поводу этихъ предложеній проф. Шухевича была открыта дискуссія. Присутствующіе, согласившись на его предложенія, прибавили нѣсколько новыхъ: 27) Въ день юбилея устроить всеукраинскій съѣздъ ученыхъ, писателей, артистовъ и журналистовъ, а также, по возможности, пригласить и представителей остальныхъ славянскихъ народовъ; 28) устроить закладку сельскохозяйственной школы имени Шевченка въ Скниловѣ; 29) издать новое научное изданіе произведеній поэта, богато иллюстрированное спеціально для молодежи, и въ этомъ направленіи развить интенсивную дѣятельность со стороны всѣхъ нашихъ просвѣтительныхъ обществъ; 30) завязать сношенія съ закордонными украинцами въ дѣлѣ устройства юбилея; 31) устроить школьный конгрессъ и школьную выставку, которая бы послужила основаніемъ музею; 32) объявить конкурсъ на юбилейныя поэтическія произведенія, которыя бы годились для мелодекламаціи; 33) стараться основывать какъ можно больше народныхъ школъ имени Шевченка; 34) т-во «Петра Могилы» устроитъ рядъ рефератовъ; 35) организовать изъ представителей всѣхъ украинскихъ обществъ бюро для веденія украинскихъ культурныхъ дѣлъ; 36) выпустить соотвѣтствующіе слѣпки, и доходъ съ нихъ назначить на устройство второго Академическаго дома имени Шевченка; 37) стараться увеличить фондъ им. Шевченка при тов. «Просвіта»; 38) основать общество для развитія украинскаго искусства (общество украинскихъ художниковъ); 38) основать академію изящныхъ искусствъ; 40) издать произведенія поэта латинскими буквами.

Въ концѣ дискуссіи рѣшено: 1) устроить еще разъ собраніе представителей всѣхъ львовскихъ украинскихъ обществъ; 2) разослать всѣмъ обществамъ предложенныя засѣданію пожеланія, дабы они разсмотрѣли ихъ на своихъ собраніяхъ; 3) запросить всѣ общества, чтобы они сообщили, какимъ образомъ намѣрены отозваться на юбилей, и чтобы свои проекты предложили ближайшему засѣданію черезъ своихъ представителей.

Независимо отъ этого «Научное Общество имени Шевченка» подготовляетъ изданіе научнаго сборника, посвященнаго Шевченку.

Развалины старинной крѣпости около с. Бачевська Глуховскаго уѣзда Черниговской губ. На границѣ Черниговской и Орловской губ.,—разсказываетъ г. Шумицкій въ «Рідним Краю»,—надъ небольшой рѣчкой, раздѣляющей эти двѣ губерніи, еще и теперь можно замѣтить остатки какого-то удивительнаго сооруженія. Остатки эти — не что иное, какъ руины старинной козацкой пограничной крѣпости. Здѣсь когда-то проходила граница между Московщиной и Украиной. Сама крѣпость, какъ свидѣтельствуетъ названіе близлежащаго села, играла роль стратегическаго пункта для «надзора» за сосѣднимъ государствомъ, ибо названіе «Бачевськ» происходитъ отъ слова «бачити» (видѣть), и само село было, вѣроятно, когда-то военнымъ поселеніемъ, расположившимся подъ защитой крѣпости. Своеобразна и характерна конструкція крѣпости. Крѣпость состояла изъ трехъ концентрическихъ валовъ; каждый изъ нихъ расположенъ былъ одинъ надъ другимъ, а на вершинѣ послѣдняго находилась небольшая круглая площадка, также огороженная валомъ; эта площадка господствовала надъ всѣми валами. Можно только удивляться и отдать должное подобной конструкціи, настолько раціональной, что ее употребляютъ и въ наше время (напримѣръ, во время войны союзныхъ балканскихъ государствъ съ Турціей къ ней прибѣгали обѣ воюющія стороны) подъ названіемъ «концентрированнаго огня». Такое расположеніе валовъ, идущихъ вверхъ одинъ надъ другимъ, давало возможность воинамъ, сидящимъ въ крѣпости, сконцентрировать огонь съ трехъ параллелей на осаждающихъ. Съ верхней площадки шелъ подземный ходъ, обычный въ то время; онъ имѣлъ два развѣтвленія—къ лѣсу или въ ровъ и къ рѣкѣ и давалъ возможность осажденнымъ послѣ взятія врагами первыхъ двухъ валовъ уйти изъ крѣпости. Теперь этого хода уже нѣтъ. Мѣстные старожилы разсказываютъ, что лѣтъ 30 тому назадъ существовалъ входной погребъ, ведшій къ ходу, причемъ самый туннель имѣлъ длину 6—7 саженъ. Подземный ходъ былъ укрѣпленъ отъ обваловъ такимъ образомъ, какъ это теперь дѣлается въ шахтахъ: на протяженіи приблизительно одной сажени одинъ отъ другого, въ длину стѣны вкопаны были два столба, связанные брусьями; «сволокъ», поддерживая потолокъ, принималъ на себя всю тяжесть земли. На мѣстѣ крѣпости крестьяне еще и теперь находятъ много человѣческихъ костей, куски желѣза и оружія. Къ сожалѣнію, крѣпость совершенно забыта и заброшена. Составляя собственность бачевскихъ крестьянъ, она безъ сожалѣнія запахивается. Пройдетъ еще лѣтъ десять, и отъ этой крѣпости не останется ничего. Тѣмъ не менѣе интересно было бы произвести раскопки на этомъ мѣстѣ. Въ подобныхъ крѣпостяхъ всегда имѣлись подземные ходы, гдѣ сохранялись склады оружія, различныхъ снарядовъ и драгоцѣнности. Даже при неглубокихъ разрытіяхъ почвы (во время па-

хоты) крестьяне часто, какъ сказано было выше, находятъ старинныя вещи. Такъ, напримѣръ, два года назадъ, по словамъ крестьянъ, найдено было козацкое ружье и тутъ же продано за безцѣнокъ (чуть ли не за 50 коп.) проѣзжему торговцу-еврею.

Такова уже наша судьба! Много цѣнныхъ памятниковъ старины пропадаетъ, продается на сломъ или вывозится изъ Украины. («Рідний Край», № 3, 1913 г.).

Земская юридическая консультація и украинское населеніе. Любопытную жизненную иллюстрацію къ вопросу о нуждахъ украинскаго населенія въ правовой сферѣ, уже поднимавшемуся неоднократно на страницахъ «Украинской Жизни» [1]), представляетъ докладъ В. И. Никотина «О современной организаціи земской юридической помощи», прочитанный 18-го мая въ Москвѣ въ Юридическомъ собраніи. Докладъ содержалъ въ себѣ впечатлѣнія «земскаго адвоката», работавшаго въ лохвицкомъ земствѣ, которое организовало консультацію для сельскаго населенія. Возникла она по иниціативѣ земства и быстро привлекла къ себѣ симпатіи населенія; объ этомъ наглядно свидѣтельствуетъ количество дѣлъ, прошедшихъ черезъ консультацію: въ 1910 году было 1,100 дѣлъ, въ 1911 г.—1,800, а въ 1912—около 2,200.

Въ преніяхъ, возникшихъ послѣ доклада, указывалось на то, что залогомъ успѣшности въ работѣ земской консультаціи является пользованіе языкомъ мѣстнаго населенія и близкое знаніе всѣхъ особенностей мѣстной жизни. Докладчикъ съ своей стороны подтвердилъ правильность этого положенія и иллюстрировалъ его нѣсколькими примѣрами, какъ изъ работы въ консультаціи, такъ и изъ личной практики въ судѣ, когда на почвѣ взаимнаго непониманія между населеніемъ и судьями или консультирующими возникалъ цѣлый рядъ недоразумѣній.

Такимъ образомъ, практика лохвицкаго земства, пока единичная по своему примѣру среди украинскихъ земствъ, наглядно показываетъ то направленіе, въ какомъ должно вестись важное дѣло организаціи широкой и постояннной юридической помощи украинскому населенію, потребность въ каковой ощущается среди него въ сильной степени, т.-е. condieio sine pua non успѣшности работы консультацій является употребленіе въ нихъ украинскаго языка.

Резолюція московскихъ газетъ противъ законопроекта о печати.

«Представители московской повременной печати, обсудивъ составленный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ проектъ устава о печати и выражая свою солидарность съ представителями петербургской печати въ протестѣ противъ проекта, находятъ, что: 1) проектъ во многихъ случаяхъ сохраняетъ концессіонный порядокъ выпуска періодическихъ изданій; 2) устанавливаетъ обязанность заблаговременно представлять изданіе на просмотръ

[1]) «Укр. Ж.», № 12. 1912, ст. И. В. Лебединскаго «Украинскій языкъ въ судѣ».

и выжидать истеченія опредѣленнаго срока до выпуска его въ свѣтъ, что фактически является возстановленіемъ предварительной цензуры въ формѣ наиболѣе разорительной: тяжелой по техническимъ условіямъ, гибельной для большихъ ежедневныхъ газетъ и совершенно уничтожающей возможность существованія газетъ «понедѣльничныхъ»; 3) вводитъ сковывающій періодическую печать институтъ отвѣтственныхъ издателей, на которыхъ возлагаетъ тройную отвѣтственность—денежную, личную и въ видѣ запрещенія заниматься привычнымъ трудомъ; 4) ставитъ судьбу періодическихъ изданій въ зависимость отъ перемѣны собственника и, обрекая изданіе на длительную пріостановку до вступленія правопреемника, ведетъ къ разоренію собственника; 5) сохраняетъ кару въ видѣ прекращенія изданія и также оставляетъ внѣ защиты гражданскихъ законовъ имущественныя права собственника изданія и трудовые жизненные интересы работниковъ печатнаго дѣла.

Эти особенности министерскаго проекта представители повременной печати считаютъ противорѣчащими обѣщаніямъ манифеста 17-го октября 1905 года и исключающими возможность существованія независимой періодической печати».

Резолюцію подписали представители слѣдующихъ изданій: «Русскія Вѣдомости», «Русское Слово», «Утро Россіи», «Голосъ Москвы», «Руль», «Столичная Молва», «Украинская Жизнь», «Юная Россія», «Педагогическій Листокъ», «Вѣстникъ Права и Нотаріата», «Вѣстникъ Воспитанія», «Голосъ Минувшаго», «Московское Утро», «Путь» и «Вечернія Извѣстія».

Литературная лѣтопись.

— **Къ юбилею І. Франка** украинскій писатель *Яцківъ* выпустилъ небольшую брошюру: „Іван Франко в сорокову річницю письменницької праці". Брошюра вышла въ изданіи „Громадського Голосу", органа украинской радикальной партіи въ Галиціи. Композиторъ *П. Сениця* въ послѣдней серіи своихъ композицій посвящаетъ одну изъ нихъ Франку: „Слава йому, слава", для смѣшаннаго хора, слова и музыка композитора. Ц. 20 к.; Музыкальное издательство „Музична накладня Торбанъ" выпустило: хоровыя кантаты на слова І. Франка „Розвивайся лозо борзо, зелена діброво" и „ Пісня геніїв ночі", музыка *Т. Ярославенка.*

— **„Кіевская Недѣля"**, начавшая выходить съ 1913 г. на русскомъ и украинскомъ языкахъ, въ послѣднихъ №№ пріобрѣтаетъ всѣ болѣе украинскій характеръ: большинство статей, обзоровъ и замѣтокъ печатается на украинскомъ языкѣ. Слѣдуетъ отмѣтить популярность языка.

— Въ статьѣ, посвященной обозрѣнію новаго историческаго журнала „Голосъ Минувшаго", Ник. Василенко останавливается (на страницахъ „Кіевской Мысли", № 108) на работѣ *Л С. Козловскаго* о Северинѣ Гощинскомъ, напечатанной въ этомъ журналѣ и представляющей изъ себя, повидимому, начало цѣлаго ряда очерковъ, посвященныхъ характеристикѣ польскихъ романтиковъ украинской школы. Г-нъ Н. Василенко отмѣчаетъ пропускъ въ статьѣ г. Козловскаго, обошедшаго вопросъ о выясненіи самого понятія польскихъ романтиковъ украинской школы. „Между тѣмъ эта сторона вопроса должна бы по преимуществу интересовать не только историка, но и историка литературы, какимъ является въ своей статьѣ г. Козловскій". „Исповѣдь" В. Антоновича, по мнѣнію Василенко, даетъ ключъ къ объясненію и пониманію „украинской школы".

— Обстоятельную характеристику творчества М. Коцюбинскаго въ связи съ его смертью даетъ на страницахъ

„Южнаго Края" № 11388 отъ 3-го мая знатокъ украинской литературы проф. *Н. Ф. Сумцовъ*.

— **„Южная Заря"** (№№ 2055 и 2056, отъ 23-го и 24-го апрѣля) отозвалась на смерть М. Коцюбинскаго статьей *Л. Жигмайла* „Свѣтлой памяти украинскаго писателя М. М Коцюбинскаго", написанной въ задушевномъ тонѣ, изобилующей яркими цитатами (въ оригиналѣ) изъ произведеній писателя и представляющей изъ себя правдивую характеристику основныхъ моментовъ творчества Коцюбинскаго.

— Въ харьковскомъ еженедѣльникѣ „Другъ Искусства" (№ 8) находимъ слѣдующія статьи: „Про батька" (памяти М. Л. Кропивницкаго съ портретомъ)—Украинскій Художественно-архитектурный отдѣлъ Харьковскаго Литературно-Художественнаго Кружка (съ иллюстраціею зданія въ украинскомъ стилѣ—проектъ художн.-архитектора С. П. Тимощенка"; «М. М. Коцюбинскій» (съ протретомъ) и „Памяти И. А. Науменко" (украинскаго артиста).

— **„Черниговская Земская Недѣля"** (№№ 9 и 10) помѣстила статью S. P. подъ заглавіемъ „Каменное строительство на Украинѣ отъ временъ Богдана Хмельницкаго до временъ Разумовскаго". Къ статьѣ приложены иллюстраціи—фотографіи наиболѣе типичныхъ образцовъ украинскаго зодчества.

— **„Русская Мысль"** (№ 147) помѣстила благопріятную рецензію на первый № украинскаго органа „Украинскій Студентъ", привѣтствуя благое начинаніе и усматривая въ идейномъ объединеніи украинскаго студенчества гарантію возрожденія родного края.

— Та же газета отмѣчаетъ въ замѣткѣ „Изъ украинской литературы" статью г. Никовскаго, напечатанную въ „Літ.-Наук. Вістнику", о современной стадіи въ развитіи украинской литературы. Пріятно и великороссу отмѣтить, заканчиваетъ свою замѣтку авторъ,—что украинская литература съ успѣхомъ борется съ той чертой провинціализма, съ которой нѣкоторые хотѣли бы оставить её навсегда.

— Въ изданіи „Московскаго книгоиздательства" появился въ переводѣ съ украинскаго 3-й томъ разсказовъ *В. Винниченко*.

— Въ „Завѣтахъ" (апрѣль) напечатана въ отдѣлѣ „Текущая жизнь" статья *С. Ефремова* подъ заглавіемъ „Изъ украинской жизни", дающая представленіе читателю этого журнала какъ о репрессіяхъ, падавшихъ на украинское движеніе за послѣдніе годы, такъ и неуклонномъ усиленіи украинскаго движенія. Привѣтствуемъ благое начинаніе редакціи „Завѣтовъ" въ дѣлѣ ознакомленія своей аудиторіи съ украинской жизнью.

— Въ „Вѣстникѣ Европы" (май) авторъ „провинціальнаго обозрѣнія" И. Жилкинъ, говоря о репрессіяхъ и карахъ, примѣняемыхъ по отношенію къ инородцамъ Россіи, останавливается и на тѣхъ, что падаютъ на украинцевъ.

— Въ № 155 „Рѣчи" Мих. Могилянскій посвящаетъ яркую замѣтку „послѣдней книгѣ Коцюбинскаго", „Тѣни забытыхъ предковъ".

— „Кубанскій Казачій Листокъ" въ №№ за май мѣсяцъ помѣстилъ на украинскомъ языкѣ разсказъ „Із прошлаго" г. Хижняка. Интересно отмѣтить, что въ этомъ ретроградномъ-полуофиціальномъ изданіи, часто помѣщающемъ на своихъ страницахъ украинскіе этнографическіе матеріалы, стихотворенія и разсказы на украинскомъ языкѣ, нерѣдко встрѣтить „громовыя" статьи по адресу украинцевъ, обвиняющія ихъ въ мазепинствѣ и доказывающія, по крайнему разумѣнію редакціи, что никакого украинскаго языка нѣтъ. Не менѣе любопытнымъ представляется и слѣдующее явленіе: редакція доказываетъ, что фонетическое правописаніе—вздоръ и „австро-польская" выдумка; это не мѣшаетъ почтенному „казачьему" органу помѣщать украинскіе разсказы съ фонетическомъ правописаніи!

— Москвофильскій дѣятель *Д. Марковъ* выпустилъ книжку *„Die russische und ukrainische Idee in Oesterreich"*, въ которой излагаетъ мотивы москвофильской дѣятельности. Послѣдніе сводятся къ тому, что русскій народъ одинъ, и потому дѣятельность украинцевъ ослабляетъ его силы. Старая пѣсня, перепѣваемая теперь г. Марковымъ!

— Въ послѣднемъ выпускѣ (2 вып. 26-го тома) *„Archiv für Geschichte der Philosophie"* находимъ статью *„Gregor Skovoroda, ein Philosoph der Ukraine, von D-r. Marie Besobrasov in St-Petersburg"*.

— Въ Коломыѣ (Галиція) вышелъ изъ печати № 3—4 *„Ukraina Slelo"*, органъ украинскихъ эсперантистовъ, содержащій въ себѣ произведенія В. Жуковецкой, Кобилянской, А. Шевчука, переводы изъ Шевченка, статью, посвященную воспитательному значенію „Січей", и библіографію.

— Въ чешской с оціалъ-демократической библіотекѣ для дѣтей вышелъ на этихъ дняхъ переводъ съ украин-

скаго разсказовъ І. Франка: Грыцева наука „Олівець“ и др.

— Предположено также издать новый сборникъ, въ переводѣ на чешскій языкъ, разсказовъ умершаго М. Коцюбинскаго.

— Въ переводѣ же на чешскій языкъ предположено издать литературный сборникъ, въ который войдутъ произведенія украинскихъ модернистовъ.

— Грузинская газета „Сахалко“ (№ 873) посвятила Коцюбинскому посмертную статью, написанную въ тепломъ тонѣ признанія передъ памятью почившаго украинскаго писателя и заканчивающуюся слѣдующими словами: „Имя и жизнь покойнаго останутся идеальнымъ образцомъ среди сыновъ націи, занимающей такое же положеніе, какъ и украинцы“.

Новыя книги. Изъ вышедшихъ за послѣднее время на украинскомъ языкѣ отмѣтимъ слѣдующія: 1) *О. Кобилянська.* „Через Кладку“ — большая повѣсть, напечатанная въ „Літер.-Наук. Вістн.“ за 1912 г. и нынѣ вышедшая отдѣльнымъ изданіемъ. 2) *Іван Кревецький* „Проби організовання руських (украинскихъ) національныхъ гвардій въ Галичині“ 1848—1849 р. Эта интересная работа молодого украинскаго историка напечатана была первоначально в „Записках Наукового Товариства ім. Шевченка“ во Львовѣ. 3) „Боротьба за право“ *К. С. Француза* въ переводѣ М. Загірної. 4) *Возняк Михайло* „Стара українська драма і новійші досліди над нею“,—напечатана была первоначально въ „Записках Науков. Тов. ім. Шевченка“. 5) Переписка Михайла Драгоманова з Михайлом Павликом, т. V (1886—1889 р.). Чернівці.

Книги, поступившія въ редакцію.

М. Пилипович. Дещо про сучасну стадію развитку української літературної мови. Видавництво „Нове Життя“. Київ. 1913. Ц. 10 к.

М. Якимовичький. Університетъ для селянъ у Швеції Видавництво „Нове Життя“. Київ. 1913. Ц. 5 коп.

Кичево въ минлото си и сега. Мемоара отъ делегагациитѣ на кичевскія край. Софія, 1913 год.

В. Кархік. Мальовані казочки. Рукавичка. Пан Коцький. Цап та Баран. Бідний Вовк. Видавництво. „Нашим дітям“. Ц. по 1 коп.

Звіт Краєвого Товариства господарского. „Сільский Господар“ у Львові з діяльности за рік 1912. Львів 1913.

А. Белићъ проф. Бѣлград. универс. Сербы и Болгары въ балканскомъ союзѣ. С.-Петербургъ. 1913. Цѣна 75 коп.

Н. А Янчукъ. Николай Николаевичъ Миклухо-Маклай и его ученые труды къ 25-лѣтію его кончины—(1846—1888). С.-Петербургъ 1913.

Труды Полтавской Ученой Архивной Комиссіи. Выпускъ десятый. Полтава 1913.

Редакторъ-издатель **Я. А. Шеремецинскій.**

„ДЗВІН“

новий літературно-науково-артистичний журнал-місячник, виходить у Київі.

«ДЗВІН» є журналом демократичним і обстоює інтереси робітничих верств; містить твори красного письменства, статі наукового змісту з історії, литературы і природничих наук, критику і бібліографію, огляди наукового, літературного і громадського житя в Росії і за кордоном, хронику і переписку редакції; при нагоді містить і люстрації і на окремих листах і в тексті.

«ДЗВІН» виходить при участи такихъ співробітників: Алчевська, Х., Антонович, Д., Бачинській, Ю., Безпалко, О., Богун, М., Бувший, П., Винниченко, В., Вороний, М., Гадячанин, С., Гилька, І., Дніпрова-Чайка, Донцов, Д., Дятловъ П., Коцюбинській, М., Лазаревській, Б., Левинський, Е., Леся Українка, Личко, Д., Лозенко, К., Луначарський, А., Миргородський, К., Назаріїв, О., Петлюра, С., Понятенко, П., Романович, Н., Садовський, В., Сергієнко, Д., Сірий Юр., Скоропис, О., Степанюк, В., Хвиля, М., Черкасенко, С., Чумак, В., Чупринка, Г., Юркевич, Л., и ин.

Рукописи надсилати і в справах редакційних просять тимчасово звертатись по такій адресі: Київ, Жилянська, 20, редакція журнала «Дзвін».

Передплата на «ДЗВІН» коштує: в Россіі на рік 3 карб., на пів року 1 карб. 75 коп., на чверть року 1 карб.; въ Австріи: на рік 6 корон, на пів року 3 корони, на чверть року 1 корона 70 сотиків; в Німеччині на рік 6 марок, на пів року 3 марки; въ Америці на рік 2 доляри, на пів-року 1 доляр.

Передплату с Австріі, Німеччини, Америки і з всіх наших країв належить посилати на таку адресу:

Порфиръ Буняк, у Львові, ул. Різбарска, ч. 5, для «Дзвону». (Lemberg, Anstria).

Приймається передплата на 1913 рік на Український місячник літератури науки й громадського життя

„ЛІТЕРАТУРНО-НАУКОВИЙ ВІСТНИК“

Виходить книжками по 12—15 аркушів великого формату. При близчій участи: В. Винниченка, М. Грушевського, М. Євшана, О. Кобилянської, М. Коцюбинського, О. Левицького, В. Леонтовича, Лесі Українки, О. Олеся, Ю. Сірого, Л. Старицької-Черняхівської, Л. Цегельського і инш.

Л.-Н. Вістник виходить при участи визначнійших письменників, учених і публицистів України Російської і Австрійської та служить органом культурнаго житя цілої України. Л.-Н. Вістникъ подає богато оригінальної белєтристики; переважна більшість визначнихъ наших белєтристів постіино друкує к нім свої твори, а з визначнійших закордонних літературних творів даються переклади. Л.-Н. Вістник містить популярно наукові статі й огляди спеціалистів з української історії, літератури та суспільної економії, наук природних і техніки. Л.-Н. Вістник знайомить з поступами житя і культури української і всесвітної, з філософії і соціольогії, являється неминуче потрібним для всякого освіченого Українця органом всеукраїнського національнаго культурнаго житя.

Редакція і головна контора: Київ, В-Підвальна, 14, кв. 30.

На рік 8 руб.: за пів року 4 руб. 50 коп. для незаможних учнів, студентів, сельських учителів, низчих служащих, робітників і селян 6 руб., але тільки коли вони передлачують журнал просто з контори. Кому трудно відразу, нехай присилає на перше число кожного місяця по 1 руб. поки збереться повна передплата, а журнал посилається зараз. Комісіонерам 5% принятої ними передплати.

КОМПЛЕКТИ за попередні роки продаються по 8 руб.

Открыта подписка на 1913 годъ на ежедневную газету

„Кіевская Мысль".

Еженедѣльно иллюстрированныя приложенія.

Въ газетѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица: Д. Я. Айзманъ, А. В. Амфитеатровъ, Антидъ-Ото, А. Н. Ачкасовъ, Е. А. Адамовъ, М. С. Балабановъ, С. И. Барщевскій, И. М. Билликъ, С. И. Бразуль-Брушковскій, М. Бразъ, Г. Г. Бурдановъ, В. В. Вакаръ, К. П. Василенко, Н. П. Василенко, П. А. Виленскій, Л. Н. Войтоловскій, В. И. Володинъ, О. Волкенштейнъ, А. Вороновъ, Гарольдъ (И. М. Левинскій), Елена Гинзбургъ, Homunculus, Э. А. Гольденвейзеръ, И. В. Джонсонъ, А. М. Дмитровскій, С. З. Дижуръ, В. А. Дрелингъ, Дезесперанто, І. Г. Дроздовъ, А. Егоровъ, Д. І. Заславскій, проф. Д. К. Заболотный, Н. К. Ивановъ, М. О. Іоселевичъ, С. И. Казановскій, Н. В. Калишевичъ, Н. П. Козеренко, А. М. Козаринскій, П. И. Кореневскій, С. П. Ковальскій, Е. М. Кузьминъ, Н. Р. Кугель, Людвигъ Кржвицкій, А. Львовъ, А. М. Лебединскій, L. Mête, М. Д. Липманъ, Lolo, Ю. И. Лещъ, М. И. Лировъ, Р. К. Лубковскій, М. Р. Лубковскій, А. В. Луначарскій, А. К. Малашевскій, Д. М. Марголинъ, А. Л. Майзелисъ, М. С. Мильрудъ, Г. Наумовъ, Ф. П. Негоревъ, Л. М. Немановъ, А. Н. Николаевъ, В. А. Никитинъ, К. М. Оберучевъ, В. А. Ордынскій, Н. П. Омельченко, Н. Ф. Пономаревъ, Ф. Рехневскій, М. Б. Рабиновичъ, М. Б. Ратнеръ, В. Рудинъ, А. В. Свирскій, В. С. Илличъ-Свитычъ, А. К. Скрынниковъ, С. А. Соляковъ, П. А. Тулубъ, А. А. Хирьяковъ, Г. Христіанъ, В. А. Чаговецъ, Е. П. Чириковъ, Е. Г. Шольпъ, Петръ Шубинъ, С. А. Эвенсонъ, М. И. Эйшискинъ, Энзисъ, А. А. Яблоновскій, А. И. Ярошевичъ, П. М. Ярцевъ, С. Ястребовъ, и др.

Письма съ театра войны. Антидъ-Ото, А. Львовъ, Е. Н. Чириковъ. Письма изъ Петербурга: Е. Адамовъ, Л. Немановъ. Письма изъ Москвы: П. Шубинъ. Корреспонденціи: изъ Варшавы (Л. Кржвицкій, Рехневскій), Вѣны (М. Б. Ратнеръ), Берлина (Энзисъ), Парижа (Вороновъ, А. Луначарскій), Лондона (А. Егоровъ), Нью-Іорка (Э. Гольденвейзеръ), Рима (Христіанъ), Константинополя (Ptvs) и др. Телеграммы собств. корресп.: изъ Вѣны, Софіи, Бѣлграда, Лондона, Константинополя, Берлина, Петербурга, Москвы Одессы, Варшавы, Харькова, Екатеринослава, Ростова-на-Дону, Ялты и др.

Подписная плата съ доставкой или пересылкой: на 12 мѣс. 11 р., на 11 мѣс. 10 р. 40 к., на 10 мѣс. 9 р. 50 к., на 9 мѣс. 8 р. 60 к., на 8 мѣс. 7 р. 70 к., на 7 мѣс. 6 р. 80 к., на 6 мѣс. 6 р., на 5 мѣс. 5 р. 30 к., на 4 мѣс. 4 р. 30 к., на 3 мѣс. 3 р. 30 к., на 2 мѣс. 2 р. 30 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к. За границу доплачивается по 1 рублю въ мѣсяцъ. Разрочка для годовыхъ подписчиковъ: Въ два срока: 1-й взносъ 6 р. при подпискѣ. 2-й взносъ 5 р. къ 1-му іюня. Или въ три срока. 1-й взносъ 4 р. при подпискѣ, 2-й взносъ 4 р. 1 апрѣля, 3-й взносъ 3 руб. 1 августа. Для сельскихъ учителей и сельскаго духовенства, земскихъ фельдшеровъ и фельдшерицъ (при непосредственномъ обращеніи въ главную контору) 1 м.—85 к., 2 м.—1 р. 70 к., 3 м.—2 р. 55 к., 4 м.—3 р. 50 к., 5 м.—4 р. 35 к., 6 м.—5 р., 7 м.—5 р. 70 к., 8 м.—6 р. 45 к., 9 м.—7 р. 10 к., 10 м.—7 р. 80 к., 11 м.—8 р. 40 к., 12 м.—9 р. Безъ доставки въ Кіевѣ—1 р. въ мѣсяцъ. Для гг. учащихся въ высш. учебныхъ заведеніяхъ (въ Кіевѣ) при личномъ обращеніи въ контору и представленіи билета учебнаго заведенія,—въ мѣс. 85 к.

Принимается подписка на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

„ОГНИ"

издающійся въ Кіевѣ О П. Прохаско.

Третій годъ изданія.

Подписная цѣна на еженедѣльный журналъ **«Огни»** съ доставкой и пересылкой: въ Россіи: на годъ—**2** р., на полгода—1 р., на 3 мѣсяца —**50** к.; за границу: на годъ—**3** р., на полгода—**1** р. **50** к., на 3 мѣсяца—**75** коп.

Адресъ редакціи и конторы: Кіевъ, Фундуклеевская ул., 26.

І-го березіля (марта) 1913 року ма вийти № 1 неперіодичного органу.

„Український Студент".

Який ставить своєю метою об єднувати українську студенську молодь на трунті культурно-просвітної работи. Він міститиме въ собі слідуючі розділи: 1) Історія українського студенського руху. 2) Сучасне життя української молоді. 3) Українська, молодь та наукові потреби, 4) Украинська молодь і громадянство, 5) Бібліографія.

(Редакция прохаэ видавців і авторів надсилати завчасу свої книжки для рецензій). Рукописи приймаються лише написані читко і на єдномъ боці листа. Редакція залишае за собою право їх зміни. Проспекти надсилаються по первому вимаганню.

Адреса редакціи і контори: С.-Петербургъ, Лѣсной, 2-й Муринскій, д. 53, кв. 9.

„МАЯК"

Приймається передплата на рік 1913-й на новий популярний літературно-громадський **тижневик „Маяк"** буде обслуговувати культурно національні потреби української сельської й міської інтелігенції й буде освітлювати всі значніші події в політичному й культурному житті України. **„Маяк"** матиме широкий програм, даватиме місце літературним і художнім творам, звертатиме увагу на громадське життя краю. Поруч з політичними питаннями будуть розглядатися справи економічні и кооперативні. До участи в „Маякові" запрошуються найя кращі автори. Журнал буде добре ілюстрований. **Цѣна „Маякові"** на рік—3 руб.- 1/2 року—1 руб. 75 коп. Адреса редакції: **Київ**, Тургенівська, 9.

Редактор-Видавець **З. Шевченко.**

Приймається передплата на 1912—1913 шкільний рік

НА УКРАЇНСЬКИЙ ПЕДАГОГИЧНИЙ ЖУРНАЛЪ

„СВІТЛО"

третій рік видання.

Журнал призначається для сем'ї і школи і виходить раз на місяць (всього 9 книжок, кожна розм. од 4 до 5 аркушів) по такій програмі:

1) Статті що до теорії виховання і народньої освіти. 2) Ознайомлення з усякими питаннями виховання і практичне пристосування їх до шкільного і семйового життя. 3) Значіння художнього розвитку в справі виховання і освіти. 4) Сьогочасне становище народньої освіти. школи і народнього учительства на Україні. 5) Хроніка діяльности всяких просвітніх, педагогичних і наукових товариств. 6) Огляди педагогичних російських і закордонних журналів. 7) Твори красного письменства. 8) Бібліографія Въ журналі „Світло" за перший й другий рік взяли участь своїми писаннями такі співробітники: Х. Алчевська, Батько, С. Бердяевъ, Бія-кий, Ан. Василько, С. Васильченко, С. Волох, П. Воронін, М. Грінченко (Загірня), Я. З—кевич, Дніпрова Чайка, Д. Дорошенко, С. Єфремов, Д. З. Бір, Т. Згорельський, П. Капельгородський, Н. Кибальчич, А. Курилас, В. Куц, Людомир П., Гр. Михайлець, З. Мірна, Он. Мусієнко, Гр. Наш, Гр. Неборак, М. Невада, К. Оберучев, Ол. Он—ко, О. Она, Сергій Павленко, П. Понятенко, В. Поточний, Педагог, Д. Пісочинець, Провінціал, Я. Савченко, Гр. Сьогобочній, М. Рубакин, Ол. Русов, С. Русова, Ю Сірий, Ю. Стрижавський, С. Сіруполко, Слюсар, В. Спілка, Ів. Стешенко, Я. Стороженко, М. Ткаченко, П. Є. Т—ро, С. Титаренко, Ф. Тусін, Є. Чарнолуська, Чепелянський, Я. Чепіга, С. Черкасенко, Л. Чулий, Св. К. Шар—кий, С. Шелухін, С. Шохоръ-Троцький.

Журнал „Світло" виходить з сентября. Передплата на рік 4 карб. На пів року 2 карб. 50 к. За кордон 5 карб, Передплата приймається в конторі „СВІТЛА", у Київі, В.-Володимирська. 33 Передплачувати „Світло" можна ще у Київі: 1) в Українській книгарні, Безаківська, 8; 2) в книгарні Л.-Н. Вістника, В.-Володимирська, 28; 3) в Крамниці „Час" Вел. Волод. 53, въ Харькові, в Украінській книгарні, Рибна. 25, в Полтаві в „Українській книгарні" Петровська ул., будинок Ворожейкина, поруч з європейским готелем; в Одесі: въ книгарніи „Діло", Преображенська, 11, риг. Лисаветинськоі, в Катеринодарі, Красна ул. Книгарня Запорожця.

Приймається предплата на 1913 рік

на українську газету „РАДА“ рік видання восьмий

Газета політична, економична і літературна.

Виходить у Київі що дня оприч понеділків і днів після великих свят.

«Рада» має широку програму, як звичайні великі політичні газети: дає огляди життя політичнаго, громадського, економичного на Вкраіні, в Росії і за-границею: друкує фельєтони, а також статті критичні і твори красного письменства.

«Рада» зостаючись і надалі непартійною газетою, обстоюватиме змагання до поширення прав суспільства й органів громадського самоврядування.

«Рада» звертатиме як найбільшу увагу на справу **народньої просвіти** шкільної й по-за шкільної, на **потреби** нашого **вчитательства та на питання культурно-просвітного характеру**—і буде змагатися за найкраще розвязання цих справ для всього українського люду

«Рада» вважає, що поліпшення матеріяльного добробуту людности,—економичний розцвіт країни—є основным грунтом для зросту національної культури. Визнаючи це, „Рада“ буде обстоювати **кооперативну справу** на Вкраіні в усяких ії формах: поширення сельсько-господарських товариств, товариств споживчих, продукційних то-що і подаватиме докладні статті, дописи та ззвістки про кооперативну справу взагалі, а на Україні особливо.

«Рада» буде подавати звістки і статті про **життя культурне, економичне і політичне**, про здобутки і втрати, яких зазнає український люд **за кордоном Росії**: въ Галичині, на Буковині, в далеких колоніях: в Канаді, в Сполучених Штатах, в Бразиліі... Доля та життя наших **переселенців** в Сібірі, на Кавказі—знайдуть тако-ж освітлення на сторінках „Ради“.

ДО СПІВРОБІТНИЦТВА в «РАДІ» запрошено визначніші літературні и наукові сили.

«Рада» має ВЛАСНИХ **кореспондентів** в Державній Думі, в Державній „Раді“, а також в **політичних центрах Європи, в Лондоні, в Парижі, в Римі, у Відні, в Празі, у Львові, в Чернівцях** і в усіх визначніших містах України по цей і по той бік кордону.

В 1913 році „РАДА“ друкуватиметься виразним и стислим шріфтомъ і матеріалу буде входить в кождий № значно більше.

Ціна „РАДИ“ з доставкою і пересилкою в Россії:

на рік	на 11 м.	на 10 м.	на 9 м.	на 8 м.	на 7 м.	на 6 м.	на 5 м.	на 4 м.	на 3 м.	на 2 м.	на 1м.
6	5. 70.	5. 25.	4. 75.	4. 25.	3. 75.	3. 25.	2. 75.	2. 25.	1. 75.	1. 25.	65

Передплату на рік можна виплачувати частками в такі строки: на 1 янв. 3 карб. і на 1 апр. 3 карб.; в 3 строки: на 1 янв. 2 карб., на 1 марта 2 карб. на 1 мая 2 карб., або по 1 карб. що місяця впродовж першого півріччя.

Кождий переплатник може одержати з к-ри „Рада“ за 6 карбованців

„СЛОВНИК української мови“

Зібраний редакцією журн. „Кіевская Старина“, премірований Рос. Акад. Наук і виданий под редакцією і з доповненнями Б. ГРІНЧЕНКА, **в 4-х великих томах. В книгарнях словник цей продається по 8 карб., без пересилки.**

ЗМІНА АДРЕСИ—30 коп., **артистам і учням всіх шкіл**—БЕЗПЛАТНО.

Адрес редакції і головної контори: у Київі, Велика-Підвальна вул., д. 6, біля Золотих Воріт. Телефон 1458.

Передплата на„ Раду“ на таких-же самих умовах, що і в конторі, приймається: у **Київі**: 1) в „Українській книгарні“, Безаківська, 8, 2) в книгарні „Л. Н. В“. Б.-Володимирська, 28), 3) въ Книгарні Череповського, Фундуклеївська 4; і 4) в. крамниці „Час“, В. Володимирська 53; в **Одесі** „Дѣло“, Конна, 11, в **Катеринославі**—Книгарня Лозинської, Проспект: в **Полтаві** — Книгарня Маркевича, бульвар Котляревського і в „Українській Книгарні“ Петровська ул.; в **Петербурзі**—Книгарня Вольф і „Украинська Книгарня і Базар“ В. О. 3 линія № 24, въ **Харькові**—„Українська Книгарня“, Петровський пер. 18.

Редактор В. ЯНОВСЬКИЙ. **Видавець Є. ЧИКАЛЕНКО.**

„Ілюстрована Україна“

новий ілюстрований журнал посьвячений лїтературі, критиці, малярству, архитектурі, пластиці, народній штуці, театральним справам, музиці, українській минувшин, етнографі і фізичному вихованю.

Містить також описи подорожий, житєписи, спомини, огляди украньского життя, бібліографію і. т. п.

«ІЛЮСТРОВАНА УКРАЇНА» ведена на взір великих ілюстрованих журналів Европи.

Редагує комітет під проводом

Др. Івана Крипякевича.

Виходить у Львові кождої другої суботи. Передплата виносить в Австриї річно 8.$^{-}_{2}$ к. піврічно 4 к., поодиноке число коштує 32 сот., в Россії річно 5 карб. піврічн. 2$^{1}/_{2}$ карб.

Адрес редакциї і адмінїстрациї:

„ІЛЮСТРОВАНА УКРАЇНА“ ЛЬВІВ,

ул., Сербська ч. 15 II п. Чекове конто: 22.839

В Росії приймає передплату на „Ілюстровану Ураїну“

В Київі: Книгарня Лїтературно-Наукового Вістника ул., В. Володимирська, 28.

В Петербурзї: Українська книгарня, Базар, Вас. остр., 3 лїнїя, д. 24.

В Одессї: Українська книгарня „Діло“, ул. Преображенська, 11.

В Полтавї: Українська книгарня ул. Малопетровська.

Тип. П. П. Рябушинскаго. Москва.

23027

УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ

№ 6.
ИЮНЬ 1913 г.

Москва. Годъ изданія второй.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.

Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. **Украинская національная идея и ея правовые постулаты.** *Проф. М. П. Чубинскаго* 5

II. **Украинскій вопросъ въ четвертой Думѣ.** *О. Бѣлоусенко* 21

III. **Приказъ жизни** (Къ дебатамъ въ Государственной Думѣ по украинскому вопросу). *С. А. Ефремова* . 35

IV. **Законопроектъ о печати и украинская пресса.** *В. В. Садовскаго* 43

V. **Украинское Общество „Просвіта“ во Львовѣ.** *М. Возняка.* 50

VI. **Задачи украинскихъ юристовъ.** *И. В. Лебединскаго* . 69

VII. **И. Франко-поэтъ національной чести** (Окончаніе). *С. В. Петлюры* 76

VIII. **Новые матеріалы изъ переписки М. П. Драгоманова** (М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ т. V). *И. Л.* 85

IX. **На Украинѣ и внѣ ея.** — За мѣсяцъ. — Украинскія книги, въ народныхъ библіотекахъ Харьковской губ. *С. О. Сырополко.* — Юбилейные дни И. Франко.—Открытое письмо М. В. Родзянко отъ бывшаго члена 1-й Думы П. М. Чижевскаго.— Протестъ украинцевъ 93

X. **Библіографія.**—Звіт краєвого товариства господарского „Сільскій Господар“. *И. Л.*—Иванъ Франко. „Моисей“, поэма.—*Ярема.* Моисей. Студія. *С. Е.* 106

XI. Литературная лѣтопись.—Книги, поступившія въ редакцію 109

XII. Объявленія. . . . . .

23027

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1913 ГОДЪ

на ежемѣсячный журналъ

„УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ“

(Второй годъ изданія).

Журналъ издается на русскомъ языкѣ и ставитъ своею цѣлью ознакомленіе общества съ состояніемъ, ростомъ и задачами украинскаго національнаго движенія и вообще съ жизнью, потребностями и запросами 30-милліоннаго украинскаго народа.

Въ теченіе 1912 года въ „Украинской Жизни“ были напечатаны, въ числѣ другихъ, слѣдующія статьи.

Проф. М. С. Грушевскій. Украина и украинство.—**Его же.** Новое знамя націоналистовъ.—**О. Бѣлоусенко.** Гибель „Просвіт“.—**Его же.** Украинскіе моменты въ холмскомъ вопросѣ.—**Его же.** Lex Pichniana.—**Старый Украинецъ.** Украинскій книжный языкъ и общерусская культура.—**Ан. Василько.** Къ холмскому вопросу.—**А. Ѳ. Саликовскій.** Судьбы украинскаго слова.—**Его же.** Больной вопросъ.—**Его же.** Одна изъ очередныхъ задачъ.—**Б. А. Кистяковскій.** М. П. Драгомановъ и „Вольное Слово“.—**С. В. Петлюра.** Къ драмѣ жизни Шевченка.—**Его же.** Къ вопросу о культурномъ творчествѣ.—**Проф. Ѳ. Е. Коршъ.** Къ спору объ украинской культурѣ.—**Д. Сиромаха.** Соединеніе Украины съ Москвою.—**Проф. А. Л. Погодинъ.** Соединеніе или разложеніе?—С. **Буда.** Памятникъ Т. Г. Шевченку.—**Его же.** Украинскій театръ.—**К. М. Оберучевъ.** Къ вопросу объ экономическихъ отношеніяхъ Украины къ Великороссіи и Польшѣ.—**В. Ладыженко.** Національное искусство и задача искусства на Украинѣ.—**Ник. Василенко.** Декабристъ объ Украинѣ.—**Н. В.** Политическіе взгляды М. П. Драгоманова.—**М. М. Могилянскій.** О культурномъ творчествѣ.—**Его же.** Коцюбинскій и Винниченко. — **Проф. Н. Ф. Сумцовъ.** Украинскій этнографизмъ.—**А. Хатченко.** Герценъ и Украина.—**Его же.** М. П. Драгомановъ и вопросъ о самостоятельности украинской культуры.—С. **Ф. Русова.** Современная украинская лирика.—**Ея же.** Національный вопросъ въ европейскомъ освѣщеніи. — **Дм. Донцовъ.** Русскій либерализмъ и украинское движеніе.—**Его же.** Украина въ новѣйшей европейской литературѣ.—**Его же.** Письма изъ Галиціи.—**В. Садовскій.** Украинскій вопросъ въ третьей Думѣ.—**Е. Олесницкій** (деп. рейхсрата). Борьба за украинскій университетъ.—**Вл. Жаботинскій.** О русскомъ либерализмѣ.—**М. Горькій.** О русской интеллигенціи и національныхъ вопросахъ.—**М. Гордіенко.** Капитализмъ и русская культура на Украинѣ.—**А. Л.** Украинскій архитектурный стиль.—**А. В. Луначарскій.** О націонализмѣ вообще и украинскомъ движеніи въ частности.—**Л. Н. Жебуневъ.** Почему былъ бѣденъ украинскій отдѣлъ на выставкѣ печати.—**Л. Василевскій** (Плохоцкій). Спорные вопросы въ области польско-украинскихъ отношеній.—**С. А. Ефремовъ.** Предъ спущенной завѣсою.—**Его же.** На зарѣ возрожденія.—**А. А. Русовъ.** Н. В. Лисенко.—**А. Л. Масловъ.** Украинская народная музыка.—**П. И. Чижевскій.** Украинцы среди политическихъ ссыльныхъ.—**К. Е. Шероцкій.** Мотивы украинскаго орнамента.—**В. Дорошенко.** Украинская академія наукъ.

Кромѣ того въ вышедшихъ книжкахъ напечатанъ рядъ статей **С. А. Ефремова**—На текущія темы; **В. В. Садовскаго**—Изъ земской жизни на Украинѣ; **С. Б.**—Обзоры украинской жизни; **М. Ж—ка**—Изъ украинской печати; **О. Хоменка**—Изъ русской печати.

Въ каждой книгѣ—отдѣлы: „**На Украинѣ и внѣ ея**“ (извѣстія, замѣтки сообщенія и т. д.) и „**Библіографія**“.

Въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ" принимаютъ участіе слѣдующія лица:

С. П. Балабуха, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, И. А. Бочковскій, И. К. Брусиловскій, С. А. Буда, О. Бѣлоусенко, И. А. Бѣлоусовъ, Н. Ф. Бѣляшевскій, Leon Wasilewski, прив.-доц. Н. П. Василенко, Ан. Василько, В. В. Водовозовъ, М. Вознякъ, проф. Ф. К. Волковъ, Гр. Гетьманецъ, прив.-доц. А. С. Грушевскій, проф. М. С. Грушевскій, М. Данько, Дм. Донцовъ, В. Дорошенко, Д. Дорошенко, С. А. Ефремовъ, В. Е. Жаботинскій, Л. Н. Жебуневъ, М. Зализнякъ, И. В. Ивановъ (Джонсонъ), Б. А. Кистяковскій, прив.-доц. И. А. Кистяковскій, проф. Ѳ. Е. Коршъ, проф. А. Е. Крымскій, К. Ладыженко, И. В. Лебединскій, М. Ф. Левицкій, Н. В. Левитскій, Ор. Левицкій, В. Липинскій, М. Лозинскій, А. В. Луначарскій, проф. И. В. Лучицкій, Д. Марковичъ, Ф. П. Матушевскій, С. П. Мельгуновъ, Н. Б. Миркинъ, А. Михура, Мих. Могилянскій, В. П. Науменко, А. П. Новицкій, К. М. Оберучевъ, В. П. Обнинскій, деп. австр. парл. д-ръ Е. Олесницкій, И. А. Панкевичъ, С. В. Петлюра, проф. А. Л. Погодинъ, С. Подолянинъ, П. Понятенко, Н. Поршъ, С. Ф. Русова, проф. А. А. Русовъ, В. В. Садовскій, А. Ѳ. Саликовскій, Д. Сиромаха, М. А. Славинскій, П. Смутокъ, Н. Стасюкъ, И. Я. Стеллецкій, И. М. Стешенко, проф. Н. Ф. Сумцовъ, С. Сѣрополко, Н. Г. Филянскій, С. Чепига, С. Черкасенко, П. И. Чижевскій, проф. М. П. Чубинскій, С. П. Шелухинъ, Д-ръ М. Е. Шмигельскій, Л. А. Яновская, А. И. Ярошевичъ и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Съ достав. и перес.	Годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Въ Россіи	6 р.	3 р.—к.	1 р. 50 к.	1 р. 10 к.	—р. 60 к.
За границу	8 р.	4 р.—к.	2 р.—к.	1 р. 50 к.	—р. 75 к.

Для народныхъ учителей, сельскаго духовенства, младшаго земскаго медицинскаго персонала, а также для учащихся, рабочихъ и крестьянъ допускается, **при непосредственномъ обращеніи въ редакцію, ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА:** на годъ 5 руб., на 6 мѣс. 2 руб. 50 к. и на 3 мѣс. 1 р. 25 к. съ доставкою и пересылкою.

За перемѣну адреса взимается 30 коп., причемъ необходима присылка стараго адреса.

Цѣна отдѣльнаго номера въ книжныхъ магазинахъ 60 к., на станціяхъ жел. дор. 75 коп.

Подписка принимается въ конторѣ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ"
Москва, Б. Дмитровка, 14.—Телеф. № 308-79.

Такса за объявленія въ „Украинской Жизни“:

На обложкѣ:	за 1 страницу	40 руб.
„ „	за 1/2 страницы	20 руб.
„ „	за 1/4 страницы	10 руб.
Передъ текстомъ:	за 1 страницу	30 руб.
„ „	за 1/2 страницы	15 руб.
„ „	за 1/4 страницы	8 руб.
Послѣ текста:	за 1 страницу	20 руб.
„ „	за 1/2 страницы	10 руб.
„ „	за 1/4 страницы	5 руб.

Контора открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 12 до 5 час. дня. Редакція для личныхъ объясненій открыта по воскресеньямъ, отъ 1 до 2 час.

Кромѣ редакціи, принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала:

Въ Москвѣ: въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова, Моховая, 24; М. О. Вольфа; „Новаго Времени“; „Наука“.

Въ Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ Т-ва Сытина; „Українська Книгарня і Базар“ (Вас. О., 3 линія, д. 24).

Въ Кіевѣ—въ книжныхъ магазинахъ „Літературно-Наукового Вістника“; „Українській Книгарні“ (быв. „Кіевской Старины“); „Час“; Е. П. Череповскаго.

Въ Саратовѣ—въ маг. „Новаго Времени“.

Въ Екатеринославѣ—въ книжномъ магазинѣ М. К. Лозинской, Проспектъ, д. Вебера.

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ „Діло“, Преображенская, 11.

Въ Харьковѣ—въ „Українській Книгарні“, Петровскій п., 18.

Въ Полтавѣ—въ кн. маг. Г. И. Маркевича, бульв. Котляревскаго, въ „Українській Книгарні“, д. Ворожейкина, противъ „Европейской“ гост.

Въ Каменецъ-Подольскѣ—въ „Просвітѣ“.

Кромѣ того продажа отдѣльныхъ книгъ „Украинской Жизни“ производится на желѣзнодорожныхъ станціяхъ Юга Россіи.

На складѣ въ конторѣ редакціи „Украинской Жизни“ продаются слѣдующія изданія.

Б. А. Кистяковскій. „Страницы прошлаго“, Москва, 1912. Ц. 1 р.

Шевченківський Збірник. Видання комітету по упорядкуванню Шевченківських свят у Москві. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

А. Л. Украинскій архитектурный стиль. Изд. „Украинской Жизни“. 1912 г. Ц. 15 к.

Здѣсь же принимается подписка на изданія Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К⁰“: **„Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ“**, подъ редакціей проф. Ѳ. К. Волкова, проф. М. С. Грушевскаго, проф. М. М. Ковалевскаго, акад. Ѳ. Е. Корша, проф. А. Е. Крымскаго, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго и акад. А. А. Шахматова.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

Желательно, чтобы размѣръ предлагаемыхъ для напечатанія въ „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ“ статей по возможности согласовался съ объемомъ журнала и не превышалъ 1—1½ печатныхъ листовъ.

Въ случаѣ надобности статьи подлежатъ сокращеніямъ и измѣненіямъ редакціоннаго характера. При неуказаніи размѣра гонорара уплата за напечатанныя статьи производится по усмотрѣнію редакціи.

Рукописи непринятыхъ статей хранятся въ редакціи въ теченіе 6 мѣс. и возвращаются лишь по полученіи марокъ на пересылку ихъ заказною бандеролью.

По поводу непринятыхъ статей редакція въ переписку не входитъ.

Мелкія замѣтки и сообщенія, не принятыя для напечатанія, уничтожаются.

Украинская Жизнь

Ежемѣсячный научно-литературный и общественно-политическій журналъ.

№ 6.

23027

Годъ изданія второй.

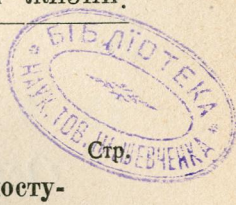
Москва.—1913 г.

МОСКВА.
Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульваръ, собств. домъ.
1913.

Жертвуйте на памятникъ Шевченку въ Кіевѣ.

Пожертвованія принимаются въ редакціи „УКРАИНСКОЙ ЖИЗНИ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. **Украинская національная идея и ея правовые постулаты.** *Проф. М. П. Чубинскаго* 5

II. **Украинскій вопросъ въ четвертой Думѣ.** *О. Бѣлоусенко* 21

III. **Приказъ жизни** (Къ дебатамъ въ Государственной Думѣ по украинскому вопросу). *С. А. Ефремова* . 35

IV. **Законопроектъ о печати и украинская пресса.** *В. В. Садовскаго* 43

V. **Украинское Общество „Просвіта“ во Львовѣ.** *М. Возняка.* 50

VI. **Задачи украинскихъ юристовъ.** *И. В. Лебединскаго* . 69

VII. **И. Франко-поэтъ національной чести** (Окончаніе). *С. В. Петлюры* 76

VIII. **Новые матеріалы изъ переписки М. П. Драгоманова** (М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ т. V). *И. Л.* 85

IX. **На Украинѣ и внѣ ея.** — За мѣсяцъ. — Украинскія книги, въ народныхъ библіотекахъ Харьковской губ. *С. О. Сѣрополко.* — Юбилейные дни И. Франко.—Открытое письмо М. В. Родзянко отъ бывшаго члена 1-й Думы П. М. Чижевскаго.— Протестъ украинцевъ 93

X. **Библіографія.**—Звіт краєвого товариства господарского „Сільскій Господар“. *И. Л.*—Иванъ Франко. „Моисей“, поэма.—*Ярема.* Моисей. Студія. *С. Е.* 106

XI. Литературная лѣтопись.—Книги, поступившія въ редакцію 109

XII. Объявленія. . . . . .

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Оставшіеся въ ограниченномъ количествѣ комплекты „Украинской Жизни“ за 1912 годъ (кромѣ январской и февральской книгъ) можно выписывать изъ конторы журнала по слѣдующей цѣнѣ: для подписчиковъ „Украинской Жизни“—2 рубля и для постороннихъ лицъ—3 рубля безъ пересылки. За пересылку уплачивается: въ предѣлахъ Европейской Россіи—50 коп., за предѣлами ея—1 рубль.

Слѣдующая книжка „Украинской Жизни“ выйдетъ въ концѣ августа въ увеличенномъ размѣрѣ (№№ 7—8).

Украинская національная идея и ея правовые постулаты.

I.

Уже общимъ мѣстомъ становится положеніе, что въ наши дни замѣчается возрожденіе и яркій ростъ національной идеи, а въ связи съ ней находится цѣлый рядъ важныхъ и сложныхъ вопросовъ, передъ рѣшеніемъ которыхъ volens-nolens стоятъ современныя государства.

Поэтому, интересуясь вопросами, связанными съ украинской идеей, мы этимъ самымъ прежде всего становимся лицомъ къ лицу съ вопросомъ о національной идеѣ вообще. И здѣсь мы должны констатировать, что эта идея въ наши дни встрѣчаетъ много враговъ, какъ недобросовѣстныхъ, такъ и добросовѣстныхъ. Конечно, останавливаться стоитъ лишь на послѣднихъ, и мы, обращаясь къ нимъ, должны посчитаться прежде всего съ глубоко-интереснымъ научнымъ теченіемъ, которое требуетъ уничтоженія національныхъ „предразсудковъ“ и рисуетъ прекрасную перспективу сближенія всего человѣчества на почвѣ солидарности и объединенія духовной культуры.

При всемъ сочувствіи указанной перспективѣ мы все-же должны провѣрить, вѣренъ ли тотъ путь, который указывается для достиженія прекраснаго будущаго, и правильна ли оцѣнка національной идеи и ея значенія въ современной государственной жизни.

Упомянутое нами научное теченіе относится къ этой идеѣ отрицательно.

Національная идея до сихъ поръ была всегда связана съ отстаиваніемъ правъ національнаго языка,—и это объявляется ошибкой.

Обрисовывая націю какъ историческое и культурное единство, указываютъ, что нація не связана единствомъ происхожденія, не тождественна съ понятіемъ расы или племени, и потому для понятія націи не обязательны ни общность антропологическихъ признаковъ, ни общ-

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
АН УРСР
№ П- 85688

ность языка. Примѣръ—Англія и Сѣверная Америка, которыя говорятъ на одномъ языкѣ и составляютъ разныя націи, и Швейцарія, гдѣ четыре языка и одна нація.

Безспорно, что понятіе „нація“ опредѣлить чрезвычайно трудно. Существованіе многочисленныхъ и противорѣчивыхъ попытокъ опредѣленія заставляетъ насъ признать, что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ чрезвычайно сложнымъ; не найдено ни простой формулы, ни опредѣленія, построеннаго на единомъ признакѣ.

Вѣрно, что нація не всегда тождественна съ расой или племенемъ, но вѣрно и то, что для многихъ націй расовое или племенное единство является признакомъ весьма существеннымъ; вѣрно, что общность языка не характеризуетъ націи во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, но еще болѣе вѣрно, что для подавляющаго большинства націй самымъ важнымъ и существеннымъ признакомъ, демаркаціонной линіей, отдѣляющей одну націю отъ другой, является именно языкъ.

Другого, болѣе удовлетворительнаго признака нѣтъ. Когда говорятъ, что нація лишь историческое и культурное единство, то передъ нами формула, не отличающаяся полной опредѣленностью: если въ понятіе культурнаго единства включить понятіе языка, то это разрушитъ намѣреніе авторовъ формулы; если не включить, то формула во многихъ случаяхъ окажется непріемлемой, ибо многовѣковое существованіе бокъ-о-бокъ при одинаковыхъ культурныхъ условіяхъ, но при разности племеннаго происхожденія и языка, часто не только не сформировывало изъ двухъ націй одну, но, напротивъ, создавало между ними обостренную борьбу.

Высказавшись, такимъ образомъ, за признаніе языка основнымъ элементомъ для понятія „нація“, обратимся теперь къ содержанію національной идеи и ея роли. И здѣсь мы встрѣтимся съ цѣлымъ рядомъ недоразумѣній.

Такъ иногда, признавая, что національная идея сыграла громадную историческую роль и явилась важнѣйшимъ факторомъ въ дѣлѣ борьбы со старымъ абсолютическимъ государствомъ за признаніе права народовъ въ противовѣсъ правамъ королей, въ то же время утверждаютъ, что теперь историческая миссія этой идеи уже выполнена и самая идея уже отжила свой вѣкъ и теперь вырождается.

Но тщетно мы будемъ искать доказательствъ послѣдняго положенія, хотя, казалось бы, ясно, что и теперь че-

ловѣчество знаетъ картины явнаго или плохо прикрытаго абсолютизма, стѣсненія правъ народовъ и т. п., а, слѣдовательно, о выполненіи даже той миссіи, о которой шла рѣчь, окончательно и съ увѣренностью говорить не приходится.

Если же, переходя на другую почву, утверждаютъ, что во главѣ современныхъ государствъ стоитъ буржуазія, а потому на практикѣ національныя идеи суживаются въ задачи буржуазіи, преслѣдующей свои корыстныя цѣли подъ національнымъ флагомъ, въ то время какъ рабочіе протягиваютъ черезъ границы другъ къ другу руки, то мы съ такой постановкой вопроса рѣшительно согласиться не можемъ.

Своекорыстіе буржуазной политики, печальные примѣры котораго столь часты въ современной исторіи, отнюдь не является органически связаннымъ съ національной идеей, которая не является ни идеей классовой, ни въ частности буржуазной. Недаромъ германскій пролетаріатъ устами своихъ вождей не разъ провозглашалъ, что онъ, въ случаѣ иноземнаго нападенія, грудью станетъ въ первыхъ рядахъ на защиту родной земли и родной культуры. Исторія даетъ немало примѣровъ того, какъ тотъ или иной народъ, забывая о классовой борьбѣ, объединяется для дружной защиты отъ опасности, грозящей его національному достоянію, языку и культурѣ, хотя бы посягательство шло отъ народа болѣе передового и культурнаго, ибо здѣсь защищаются блага всего народа, одинаково близкія и буржуазіи, и пролетаріату.

Равнымъ образомъ нельзя безъ серьезныхъ оговорокъ принять положенія, будто в с я к а я проповѣдь національной идеи в с е г д а обращается болѣе къ темнымъ, чѣмъ къ свѣтлымъ, сторонамъ человѣческаго духа и питается враждой къ чужому болѣе, чѣмъ любовью къ своему, а также будто бы высокая идея солидарности всего человѣчества встрѣчаетъ главное препятствіе къ своему осуществленію въ національной идеѣ, которая стоитъ тормазомъ прогрессу, питая рознь народовъ, гнетъ однихъ другими, объявленіе превосходства своихъ качествъ надъ чужими, милитаризмъ, огрубѣніе нравовъ и т. п.

Мы вполнѣ признаемъ, что въ приведенныхъ указаніяхъ заключается много вѣрнаго, но въ то же время мы думаемъ, что это вѣрное смѣшано съ невѣрнымъ, а по су-

ществу своему отнюдь не можетъ всей тяжестью лечь на національную идею.

Несомнѣнно, что національная идея иногда принимаетъ крайнія, уродливыя и дикія формы; на ней часто строятъ гнетъ и насиліе; она можетъ вырождаться въ шовинизмъ со всѣми печальными его аттрибутами.

Но никогда не слѣдуетъ смѣшивать злоупотребленіе какой-нибудь идеей съ сущностью этой идеи. Нѣтъ ни одного учрежденія, ни одного понятія, ни одного вѣрованія, котораго нельзя было бы извратить. Необходимо поэтому, не ограничиваясь констатированіемъ извращеній, какъ бы много ихъ не было, доказать несостоятельность идеи по существу, а сдѣлать это въ отношеніи національной идеи до сихъ поръ оказывалось невозможнымъ.

Въ исторической жизни народовъ эта идея во многихъ отношеніяхъ является свѣтлой и жизненной. Націи могутъ изживаться, комбинироваться, растворяться, но пока нація жива, она, сохраняя свой жизненный нервъ,—свой языкъ,—въ привязанности къ нему находитъ одно изъ лучшихъ своихъ проявленій, ибо любовь къ родному языку, впитываемая вмѣстѣ съ молокомъ матери, есть могучій двигатель прогресса, есть та почва, на которой создаются шедевры національнаго творчества вообще и въ области искусства и литературы—въ частности; созидая ихъ, каждая нація влагаетъ сюда тѣ лучшіе соки интеллекта и сердца, какихъ на чужой почвѣ она дать не можетъ, и такимъ путемъ вмѣстѣ съ ростомъ каждаго отдѣльнаго національнаго творчества достигается максимальное увеличеніе сокровищницы общечеловѣческой культуры.

Рано или поздно наступаетъ моментъ, когда нація, сказавъ свое какъ бы послѣднее слово и очутившись въ особой исторической ситуаціи, начинаетъ отживать; но до этого момента она должна свободно жить и развиваться, всякія же попытки давленія и стѣсненія, на какихъ бы основаніяхъ они ни производились, не исключая и самыхъ возвышенныхъ, должны быть признаны по указаннымъ соображеніямъ вредными и дѣлу данной націи, и дѣлу общечеловѣческой культуры.

Не забудемъ кромѣ того, что жизнь для развитія и яркости требуетъ не нивеллировки, а разнообразія, которое является синонимомъ разносторонности. Пользуясь образнымъ выраженіемъ Спасовича, должно сказать, что могу-

чій и органическій аккордъ нѣсколькихъ колоколовъ лучше, чѣмъ однотонный, хотя и оглушительный гулъ, который можетъ дать одинъ громадный колоколъ, если въ него будутъ слиты отдѣльные колокола.

Тѣсное единеніе народовъ, солидарность и братство между ними, словомъ, все то, что справедливо считаютъ величайшей изъ задачъ, къ разрѣшенію которыхъ должно стремиться человѣчество, можетъ и должно быть достигнуто и безъ посягательствъ на національную идею. Необходимо лишь уничтоженіе національной нетерпимости, самомнѣнія и другихъ уродливыхъ и печальныхъ наростовъ на національной идеѣ, сама же идея должна и дальше жить и развиваться, давая гармонію жизни разнообразныхъ народовъ, которая вовсе не зиждется на уничтоженіи яркихъ индивидуальностей и подведеніи ихъ подъ одинъ нивеллирующій шаблонъ. Когда любовь къ своему нераздѣльна съ уваженіемъ къ чужому, когда борьба за свои національныя права соединяется съ признаніемъ такихъ же правъ каждой другой націи, тогда національная идея даетъ человѣчеству всѣ свои лучшіе плоды и ни въ чемъ не является помѣхой грядущему когда-нибудь великому союзу народовъ.

Теперь если мы отъ отвлеченнаго обсужденія идеи обратимся къ ея осуществленію, то мы увидимъ, что въ государственной жизни, въ рамкахъ регулируемаго правомъ государственнаго устройства, національная идея для достойнаго бытія своего должна вылиться въ опредѣленные правовые постулаты.

И здѣсь во весь ростъ передъ нами встаетъ различіе стараго абсолютическаго полицейскаго государства и новаго правового конституціоннаго.

Первое основано на идеѣ всесторонней опеки власти надъ народомъ; оно отрицаетъ принципы свободы и высшій разумъ правителей противопоставляетъ „ограниченному разуму“ подданныхъ. Національную идею оно признаетъ лишь въ видѣ оффиціальной народности, требуя, чтобы государственная нація являлась господствующей, и создавая ей привилегированное положеніе; на каждый шагъ оно требуетъ разрѣшенія, каждую попытку общественной организаціи встрѣчаетъ подозрительно и беретъ подъ контроль, даже вѣру не предоставляетъ свободному усмотрѣнію и лишь эволюціонируетъ въ этой области отъ крѣпостническаго „cujus regio, ejus religio“ въ сторону большей или меньшей терпимости, отнюдь не переходящей въ свободу совѣсти.

Государство новаго времени основано на иныхъ принципахъ. Оно можетъ заключить въ себѣ большее или меньшее количество старыхъ переживаній и историческихъ остатковъ, но по существу и духу своему оно зиждется на признаніи началъ регулируемой правомъ свободы, на признаніи воли и самодѣятельности бывшихъ обывателей, выросшихъ въ гражданъ, и на властномъ участіи этихъ гражданъ въ законодательствѣ и управленіи.

Органическимъ элементомъ новаго государства по отношенію къ національной идеѣ долженъ являться тотъ же принципъ свободы; онъ выливается въ данномъ случаѣ въ правовые постулаты, обычно обнимаемые формулой: „право свободнаго культурно-національнаго самоопредѣленія"; въ отдѣльности же сюда входятъ для каждой націи, достигшей извѣстнаго культурнаго уровня, право самаго широкаго пользованія своимъ языкомъ, право развитія всѣхъ своихъ культурно-историческихъ особенностей и право на признаніе, на-ряду съ общегосударственными, собственныхъ задачъ и интересовъ.

Эти правовые постулаты далеки еще отъ полнаго осуществленія въ жизни. Новое міропониманіе на практикѣ нелегко вытѣсняетъ старыя понятія; практика жизни часто широко расходится съ теоріей, но теорія отъ этого измѣниться не можетъ.

И если идея религіозной свободы прошла циклъ развитія, гдѣ сперва ее отрицали и господствовала нетерпимость, потомъ явилась терпимость, но съ широкими привилегіями господствующей церкви, и только въ концѣ явилось признаніе полной свободы совѣсти, то этотъ же циклъ приходится пройти и національной идеѣ до момента ея конечнаго торжества въ указанномъ нами смыслѣ.

Къ несчастью, мы часто встрѣчаемся здѣсь съ непослѣдовательностью. Предпосылки и правовые постулаты свободы in abstracto получаютъ полное признаніе, но въ то же самое время, какъ только проявляется замѣтный ростъ того или иного національнаго самосознанія, среди господствующей народности являются люди, которые, забывая о своемъ общемъ credo, начинаютъ ничуть не хуже, чѣмъ принципіальные враги этого credo, отъ проповѣди свободы переходить къ проповѣди ежевыхъ рукавицъ, деликатно именуемыхъ „борьбою безъ всякихъ поблажекъ" и т. п. смягченными, но все-же выразительными терминами.

II.

Обращаясь теперь отъ національной идеи вообще къ спеціально интересующей насъ украинской идеѣ, мы увидимъ слѣдующее.

Въ рамкахъ нашего стараго государственнаго строя, конечно, о свободѣ украинскаго культурно-національнаго самоопредѣленія и развитія не могло быть и рѣчи; для нихъ не было прочнаго правового основанія, ибо шагъ за шагомъ тѣ автономныя политическія и культурныя права, которыя торжественно были признаны властью при присоединеніи Малороссіи, отнимались и попирались, пока отъ нихъ не осталось и слѣда.

Особенно характерно, что борьба велась не только съ началомъ политической автономіи; не менѣе энергично шла борьба съ самобытной украинской культурой. Уже въ 1698 г. патріархъ Іоакимъ наложилъ тяжелую руку на церковную украинскую литературу, а рядъ указовъ, начиная съ 1720 г. и имѣя въ виду украинскій языкъ, ставилъ при книгопечатаніи требованія, чтобы сравнительно съ великорусскимъ языкомъ въ книгахъ „никакой розни“ и „особаго нарѣчія“ не было. Кульминаціоннаго своего пункта эта система достигаетъ въ знаменитомъ афоризмѣ „либеральнаго“ Валуева, что „никакого малорусскаго языка нѣтъ и не было“, и въ знаменитомъ указѣ 1876 г., который, за незначительными изъятіями, опредѣлилъ какъ ввозъ изъ-за границы книгъ, такъ и печатаніе ихъ въ Россіи „на малорусскомъ нарѣчіи воспретить“.

И всѣ эти тяжкія испытанія народъ вынесъ, не потерявъ ни своего языка, ни своихъ культурныхъ особенностей, ни своего національнаго самосознанія. Даже враги его признаютъ это, иногда въ ущербъ послѣдовательности собственныхъ разсужденій. Такъ, напримѣръ, академикъ А. И. Соболевскій въ статьѣ „Русскій народъ какъ этнографическое цѣлое“, на-ряду съ полемическими выпадами противъ украинофильства, въ одномъ мѣстѣ утверждаетъ, что „начало ассимиляціи положено“ (хорошее „цѣлое“, гдѣ есть лишь н а ч а л о ассимиляціи!), въ другомъ мѣстѣ безъ всякихъ доказательствъ утверждаетъ, что умѣренное въ политическомъ отношеніи большинство и особенно крестьянство „считаетъ себя за одинъ русскій народъ съ великоруссами“, а въ третьемъ вынужденъ признать, что „малоруссы держатся за свой языкъ и свои бытовыя особенности“ и что

„столѣтіе близкаго сосѣдства малороссовъ съ великороссами не превратило ихъ въ великороссовъ".

Такимъ образомъ, нашъ старый политическій строй, причинивъ украинскому народу много тяжкихъ страданій и затормозивъ его свободное культурное развитіе, все-же не смогъ истребить его національнаго самосознанія. Народъ жилъ въ надеждѣ лучшаго будущаго, въ надеждѣ на тотъ историческій поворотъ, который принесетъ съ собой начала новой государственности, начала свободы для всѣхъ, а въ частности и для него.

17-го октября 1905 г. Рубиконъ былъ перейденъ. Возвѣщены начала „обновленнаго" государственнаго строя. Провозглашены свободы, необходимыя въ правовомъ государствѣ конституціоннаго типа, явилось народное представительство съ правами законодательства и контроля.

Мы знаемъ, что быстро наступила реакція. Мы знаемъ, что скоро послѣдовала реформа Думы на антидемократическихъ началахъ, а возвѣщенныя свободы до сихъ поръ не воплощены въ жизнь и фактически сведены почти на нѣтъ практикой разнообразныхъ усиленныхъ положеній и всевозможными „временными" правилами и „разъясненіями".

Но какъ бы ни было тяжело настоящее, оно отличается отъ прошлаго тѣмъ, что произошло признаніе необходимости новыхъ свободныхъ началъ государственной жизни, что это признаніе вылилось въ форму декларативнаго закона и что, такимъ образомъ, явилась ю р и д и ч е с к а я почва для того ряда постулатовъ, о которыхъ мы говорили выше и которые какъ органическая часть должны неизбѣжно входить въ понятіе правового государства, основаннаго на признаніи началъ свободы и гражданственности.

Первымъ важнымъ послѣдствіемъ новаго порядка является то, что уже болѣе нѣтъ надобности останавливаться на спорахъ о томъ, имѣется передъ нами языкъ или только украинское нарѣчіе, и въ связи съ этимъ на благожелательныхъ указаніяхъ, что для самихъ же украинцевъ лучше развиваться на почвѣ болѣе богатой общерусской культуры.

Не говоримъ уже о томъ, что „нарѣчіе", имѣющее богатую литературу, изъ которой нерѣдко черпается матеріалъ для переводовъ на всѣ важнѣйшія европейскія

языки, „нарѣчіе“, на которомъ издано много научныхъ трудовъ и ведется (въ предѣлахъ Австріи) преподаваніе въ средней и высшей школахъ, очевидно, выросло до предѣловъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ термину „языкъ“. Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что народъ, говорящій на этомъ нарѣчіи и дорожащій имъ, имѣетъ право поблагодарить за благожелательные совѣты и сказать: „Пожалуйста, не опекайте меня и позвольте мнѣ самому знать и опредѣлять, что для меня лучше; это м о е п р а в о. Если вы истинные и искренніе сторонники свободнаго государственнаго строя, то будьте послѣдовательны, откажитесь отъ принциповъ стараго полицейскаго государства и не рѣшайте з а д р у г и х ъ, что имъ лучше и выгоднѣе“.

То же можно отвѣтить и тѣмъ, кто считаетъ опаснымъ для общерусскаго дѣла развитіе самостоятельной украинской культуры и призываетъ къ энергической борьбѣ съ національнымъ украинскимъ движеніемъ.

Конечно, ни одно государство не пойдетъ съ пассивностью и равнодушіемъ на саморазложеніе; поэтому призывъ къ борьбѣ со стороны господствующей въ государствѣ народности имѣлъ бы подъ собой твердую и даже правовую почву, поскольку развитіе украинской идеи грозило бы единству, цѣлости и спокойствію государства.

Но до сихъ поръ не было мало-мальски вліятельной украинской группы, которая бы стремилась къ такъ-называемому сепаратизму. Этимъ „сепаратизмомъ“ прежде враги украинскаго народа старались пугать правительство, теперь стараются пугать русское общество. Въ отличіе отъ прежняго теперь выпускаютъ иногда уже не брошюры и памфлеты, а цѣлыя книги. Такова, напримѣръ, нашумѣвшая книга С. Н. Щеголева, „Украинское движеніе, какъ современный этапъ южно-русскаго сепаратизма“.

Книга эта получила должную оцѣнку на страницахъ „Украинской Жизни“ и въ другихъ русскихъ и украинскихъ прогрессивныхъ изданіяхъ; мы знаемъ, что автору такъ же мало удалось подкрѣпить фактами обвиненіе въ сепаратизмѣ, какъ и его предшественникамъ, но цѣль достигнута: къ движенію въ глазахъ сферъ приклеенъ ярлыкъ, создающій основаніе для разнообразныхъ репрессій, которыя послѣ литературныхъ трудовъ г. Щеголева возросли и количественно, и качественно.

Мало того,—и въ прогрессивной русской печати появились очень своеобразные отклики. Мы имѣемъ въ виду журналъ „Русская Мысль", гдѣ въ статьѣ г. Старосельскаго данъ очень снисходительный отзывъ о книгѣ г. Щеголева, а въ статьѣ П. Б. Струве прямо поставленъ вопросъ если и не о сепаратизмѣ, то объ опасности украинскаго движенія для общерусской культуры.

Этотъ послѣдній пунктъ требуетъ спеціальнаго вниманія. Нужно только выражаться точнѣе, ибо, несмотря на тотъ серьезный вкладъ, который сдѣлали ученые и писатели, украинцы родомъ, въ дѣло культурнаго развитія Россіи и особенно въ ея литературу, по существу здѣсь нужно говорить о культурѣ и литературѣ великорусскаго племени, ибо движеніе и развитіе совершалось на основѣ языка этого именно племени.

Поэтому вопросъ нужно ставить такъ: не является ли для культуры господствующей народности опасности и ущерба отъ самостоятельнаго культурнаго развитія ея ближайшей родственницы — народности украинской.

Казалось бы, что объ опасности говорить не приходится. Разъ мы отбросили басню о сепаратизмѣ, то трудно понять, какія помѣхи для своего дальнѣйшаго развитія можетъ встрѣтить русская культура съ ея литературой, получившей всемірное признаніе, съ ея вѣковой устойчивостью и прочнымъ развитіемъ. Иное дѣло ущербъ. Онъ, конечно, будетъ. Ибо, разъ украинская народность будетъ отдавать всѣ силы на развитіе самостоятельной культуры, тотъ вкладъ, который она до сихъ поръ дѣлала въ русскую культуру, прекратится или во всякомъ случаѣ значительно ослабится.

Но съ такого рода ущербомъ необходимо должны мириться всѣ добросовѣстно принимающіе новую политическую доктрину свободнаго государственнаго строя и выводы, изъ нея вытекающіе.

Старая доктрина была основана на идеѣ, что господствующая народность—все, а прочія живущія въ государствѣ народности являются лишь болѣе или менѣе терпимымъ матеріаломъ, который долженъ обрабатываться въ интересахъ господствующей народности. Признаніе принципа свободнаго самоопредѣленія причиняетъ ущербъ этой народности не въ томъ смыслѣ, что совершается какое-либо посягательство на ея культуру, а лишь въ

томъ, что впредь господствующая народность будетъ развивать свою культуру безъ подневольныхъ помощниковъ, т.-е. впредь будетъ питаться соками лишь своего собственнаго національнаго организма и тѣми, которые добровольно будутъ въ этотъ организмъ влиты. Прекратится только искусственное питаніе, правильное же и естественное сохранится въ полной мѣрѣ.

Такой выходъ вполнѣ соотвѣтствуетъ и идеѣ справедливости, и идеѣ свободы; онъ вполнѣ гармонируетъ съ духомъ новой государственности, поскольку эта послѣдняя обязана отрѣшиться отъ дѣленія подданныхъ на привилегированныхъ и непривилегированныхъ и отъ трактованія какой бы то ни было изъ живущихъ въ государствѣ національностей въ качествѣ лишь матеріала для культурнаго роста другой.

Въ результатѣ выиграютъ не только отдѣльныя, прежде тѣснимыя національности, но и все государство, ибо, какъ справедливо замѣтилъ Горькій, образно передавая идеи многихъ мыслителей, „каждое племя есть источникъ неисчислимыхъ возможностей обогащенія жизни энергіей духа и... необходимо, чтобы эта энергія развивалась при условіи наибольшей свободы".

III.

Теперь намъ предстоитъ обратиться отъ общаго принципа, на которомъ зиждется право на существованіе украинской національной идеи, къ ея отдѣльнымъ правовымъ постулатамъ. Мы должны провѣрить ихъ правильность и необходимость, ибо здѣсь мы встрѣчаемся съ возраженіями новаго порядка.

Эти возраженія можно формулировать такъ. Конечно, теоретически вы правы, и за каждой жизненной теоріей нужно признать право національнаго самоопредѣленія съ вытекающими изъ него требованіями свободы слова на соотвѣтствующемъ языкѣ и допущенія этого языка въ извѣстныхъ этнографическихъ предѣлахъ въ школѣ, судѣ, въ органахъ самоуправленія и пр. Но нужно ли это малороссамъ? Наиболѣе близкіе къ великороссамъ по языку и культурѣ, они уже сроднились съ русскимъ языкомъ, значительно ассимилировались; имъ при затратѣ наибольшихъ усилій можно овладѣть русскимъ языкомъ въ школѣ и въ жизни. Нужно ли искусственно создавать какую-то

самостоятельную культуру и не проще ли работать для дальнѣйшаго сліянія двухъ братскихъ народовъ?

Вопросъ, такъ поставленный, требуетъ глубокаго вниманія и провѣрки. Здѣсь не отрицаются права украинскаго народа, а выдвигаются соображенія цѣлесообразности и идея солидарности, добросовѣстныя и разумныя сомнѣнія, которыя должны быть и разрѣшены съ полной добросовѣстностью.

Мы устанавливали уже, что солидарность и гармонія вовсе не требуютъ сліянія; поэтому теперь намъ остается остановиться на другомъ: 1) дѣйствительно ли такъ далеко зашелъ процессъ ассимиляціи, 2) естественно или искусственно идетъ явно растущее украинское національное самосознаніе и 3) можетъ ли безъ ущерба для интересовъ украинскаго народа совершиться культурное сліяніе его съ великороссами въ одно русское море.

Мы уже говорили, что даже враги украинскаго движенія вынуждены признать, что замѣчается лишь „начало ассимиляціи“ и что „малоруссы не превращаются въ великороссовъ“ [1]); искреннія сомнѣнія въ этой области являются обыкновенно результатомъ отсутствія непосредственнаго знакомства съ украинскою жизнью и съ научными трудами, обрисовывающими эту жизнь. Достаточно ознакомиться съ капитальными трудами по этнографіи, и мы увидимъ, что рядъ тяжкихъ мѣръ, вплоть до запрещенія евангелія на украинскомъ языкѣ, а затѣмъ школа, всеобщая воинская повинность и другіе факторы, по существу ведущіе къ нивеллировкѣ, оказались безсильными; процессъ денаціонализаціи коснулся высшихъ слоевъ (какъ это часто бывало и въ исторіи другихъ народовъ), но народныя массы оказались стойкими и неспособными къ сліянію. До послѣднихъ лѣтъ продолжается народное національное творчество, сохраняются свои обычаи, живутъ и развиваются самобытные соціальные и правовые взгляды. Даже наблюдая переселенцевъ въ далекіе края, мы видимъ, что они осѣдаютъ группами, создаютъ (напримѣръ, въ Сибири и на Уралѣ) отдѣльные „хохлацкіе концы“ въ селеніяхъ и, несмотря на оторванность отъ родины, стойко и твердо хранятъ свои національныя особенности, не сливаясь съ великороссами. Тѣмъ болѣе это имѣетъ мѣсто на родинѣ, гдѣ послѣ 8—10 лѣтъ ни у бывшаго школьника, ни у бывшаго солдата вы

[1]) См. выше слова академика Соболевскаго.

ни въ чемъ и въ частности въ языкѣ почти не найдете слѣдовъ великорусскаго культурнаго вліянія. Такимъ образомъ, процессъ ассимиляціи оказывается гораздо менѣе глубокимъ, чѣмъ это многіе добросовѣстно предполагаютъ; его состояніе аргументомъ въ пользу необходимости сліянія признано быть не можетъ: сліяніе не состоится.

Признавъ это, мы отчасти подошли и ко второму вопросу, объ искусственности украинскаго движенія. Припомнивъ всѣ мѣры „воздѣйствія", которыя были обращены на украинскій народъ, мы скажемъ, что нѣтъ никакой возможности признать искусственнымъ то движеніе, которое растетъ на нашихъ глазахъ.

Говорятъ, что горсть интеллигенціи создаетъ искусственный, непонятный народу языкъ и старается создать національную идею, которой въ народныхъ низахъ нѣтъ.

Но здѣсь кроется безспорное недоразумѣніе. Пока языкъ служилъ лишь для изображенія народной жизни и отражалъ ее въ литературѣ, онъ былъ близокъ къ живой рѣчи народныхъ низовъ; когда же наступилъ періодъ, въ которомъ языкъ, служа вновь народившимся потребностямъ, долженъ былъ выразить цѣлый рядъ отвлеченныхъ, научныхъ и просто интеллигентскихъ понятій, понадобились многочисленные неологизмы. Многіе изъ нихъ трудно признать удачными, но немало и такихъ, которые удивительно соотвѣтствуютъ духу языка. Пока все это ново и создаетъ печать искусственности, но жизнь быстро сдѣлаетъ свое: ненужныя новшества вымрутъ, какъ вымерли въ русскомъ языкѣ слова: „викторія", „трактаментъ", „асамблея", „фетировать" и мн. др.; удачныя же новообразованія привьются такъ же прочно, какъ привились въ русскомъ языкѣ такіе неологизмы, какъ „идея", „вліяніе", „предметъ", „развитіе", „впечатлѣніе" и другія прочно вошедшія въ обиходъ слова, которыя столѣтіе тому назадъ рѣзали ухо и придавали языку характеръ искусственности.

Что же касается понятности „новаго" украинскаго языка народу, то, казалось бы, ясно, что дѣло не въ языкѣ, а въ соотвѣтствіи читаемаго развитію слушателя; тамъ, гдѣ ему доступно содержаніе читаемаго, онъ, какъ свидѣтельствуетъ опытъ чтеній и библіотекъ, прекрасно справляется съ „новымъ" и „искусственнымъ" языками; тамъ, гдѣ содержаніе ему мало доступно, онъ такъ же не пойметъ читаемаго, какъ малоинтеллигентный русскій крестьянинъ не

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА АН УРСР № П- 85 688

пойметъ не только русской ученой книги, но и многихъ русскихъ беллетристовъ.

Наконецъ, когда говорятъ о навязываніи украинской интеллигенціей народу требованій, вытекающихъ изъ національной украинской идеи и въ то же время народу чуждыхъ, то нельзя не отмѣтить, что въ низахъ національное самосознаніе можетъ быть прочнымъ и крѣпкимъ, несмотря на неумѣніе его формулировать; тамъ же, гдѣ жизнь выдвигала необходимость формулировки, она являлась. Яркое тому доказательство—союзъ автономистовъ первой Государственной Думы; въ него вошло немало крестьянъ-депутатовъ изъ Малороссіи, и они очень рѣшительно и дружно поддерживали и общую идею децентрализаціи, и обезпеченіе основныхъ правъ не-государственныхъ народностей; значеніе этихъ правъ оказалось для нихъ и близкимъ, и понятнымъ.

Переходимъ теперь къ послѣднему изъ поставленныхъ нами вопросовъ. Теоретически, какъ мы видѣли, правовые постулаты, вытекающіе изъ понятія свободнаго правового государства, подлежатъ полному признанію. Но нужно ли практическое осуществленіе этихъ постулатовъ? Можетъ быть, дальнѣйшее развитіе на почвѣ великорусской культуры будетъ происходить легко и безъ всякаго ущерба для украинскихъ народныхъ интересовъ?

Мы категорически и отрицательно отвѣтимъ на второй изъ этихъ вопросовъ. Кромѣ уже приведенныхъ общихъ факторовъ и соображеній, насъ къ такому выводу приводитъ цѣлый рядъ весьма убѣдительныхъ данныхъ.

Если мы коснемся школы, то мы увидимъ данныя прямо потрясающія. Та самая Украина, гдѣ количество грамотныхъ поражало иностранныхъ наблюдателей два-три вѣка тому назадъ и гдѣ, по авторитетному свидѣтельству академика Никитенко, еще въ началѣ прошлаго вѣка грамотность была широко распространена, пошла не впередъ, а назадъ. Обученіе на русскомъ языкѣ оказывается настолько труднымъ для украинскихъ дѣтей, что большинство ихъ покидаетъ школу, не дойдя до конца, а немногіе избранные выносятъ изъ школы гораздо меньше, чѣмъ могли бы вынести, не продѣлывая двойного тяжкаго труда одновременнаго усвоенія и новаго языка, и новыхъ фактовъ и понятій.

И если мы видимъ рядъ ходатайствъ сельскихъ об-

ществъ и уѣздныхъ и губернскихъ земствъ о допущеніи обученія въ народныхъ школахъ на украинскомъ языкѣ, если мы видимъ, что въ первой Думѣ это требованіе энергично ставитъ союзъ автономистовъ, если аналогичное требованіе ставится въ третьей Думѣ, гдѣ его дружно хоронятъ антидемократическіе элементы, то все это не можетъ не привести насъ къ убѣжденію, что правовой постулатъ относительно украинской школы вполнѣ соотвѣтствуетъ реальнымъ и насущнымъ нуждамъ народа.

То же самое придется сказать о самоуправленіи и судѣ. Изъ области того и другого можно было бы привести цѣлый рядъ недоразумѣній и такъ-называемыхъ курьезовъ, порой очень тяжкихъ для участниковъ дѣла. Въ частности на судѣ не разъ слова „шкапа", „полъ", „луна", „домовина" и многое множество другихъ по-своему понимались судьями и прокурорами-великороссами и по-своему украинцами-свидѣтелями и подсудимыми или тяжущимися; въ результатѣ случайность, а иногда неправильность приговоровъ и рѣшеній, а при слушаніи дѣла эпизоды, не соотвѣтствующіе ни достоинству правосудія, ни интересамъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, особенно когда въ дѣло вносится элементъ раздраженія, вызваннаго указанными лицами, не имѣющими возможности выполнить обращенное къ нимъ незнающимъ украинскаго языка предсѣдателемъ „говорить такъ, чтобы ихъ можно было понять"...

Не можемъ мы не коснуться и особенностей правового украинскаго міросозерцанія. При нивеллировкѣ эти особенности погибнутъ, а между тѣмъ достаточно познакомиться съ остатками мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, дѣйствующихъ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, достаточно прочесть данныя, приведенныя изслѣдователями украинскаго быта, чтобы увидѣть, что и въ области семейнаго уклада, и въ области наслѣдованія, и въ области семейнаго уклада, и въ области наслѣдованія, и въ области порядковъ, регулирующихъ пользованіе землей, украинскій народъ хранитъ характерныя особенности, отражающія его національный характеръ и издавна ему дорогія.

Въ рамкахъ небольшой журнальной статьи трудно дать надлежащее освѣщеніе затронутыхъ нами обширныхъ вопросовъ, но мы надѣемся, что и тотъ немногій матеріалъ, который мы привели, способенъ устранить добросовѣстныя сомнѣнія относительно того, естественны ли и справедливы

ли требованія, вытекающія изъ украинской національной идеи и имѣющія подъ собой твердую правовую почву.

Что эта почва существуетъ, явствуетъ между прочимъ и изъ административной практики по украинскому вопросу. Не забудемъ, что не всегда существовала новѣйшая практика гоненій на все украинское со спеціальными стѣсненіями прессы, закрытіемъ культурно-просвѣтительныхъ обществъ, всемѣрнымъ недопущеніемъ собраній и лекцій и вообще съ господствомъ непримиримаго курса „non possumus". Въ недавніе годы общественнаго подъема и перехода къ обновленному строю правительство открыто шло на уступки въ украинскомъ вопросѣ; лишь съ общей реакціей и въ этомъ вопросѣ произошелъ рѣзкій переломъ вплоть до занесенія украинцевъ въ число инородцевъ. Это позволяетъ твердо вѣрить, что съ дѣйствительнымъ превращеніемъ Россіи въ правовое государство будутъ воплощены въ жизнь и національно-правовыя требованія украинскаго народа. Но и теперь необходима интенсивная подготовительная работа и въ частности широкое освѣдомленіе русскаго общества относительно указанныхъ требованій. Рано или поздно эти требованія осуществятся; важно, чтобы явилось пониманіе ихъ необходимости и справедливости и сознаніе, что эти требованія вытекаютъ изъ правильнаго пониманія государственности, отрѣшившейся отъ старыхъ пережитыхъ традицій, а потому должны быть понятны и пріемлемы для всѣхъ дорожащихъ идеями свободы и культурнаго единенія народовъ Россіи.

М. П. Чубинскій.

Украинскій вопросъ въ четвертой Думѣ.

Какъ только условія политической жизни Россіи нѣсколько измѣнились и украинское движеніе получило возможность выйти изъ того нелегальнаго тупика, въ какой оно было насильственно загнано внѣшними репрессіями,—сразу обнаружилось, что репрессіи эти не достигли своей цѣли. Наиболѣе яркимъ тому доказательствомъ можетъ служить то, что въ первой и второй Думахъ, несмотря на кратковременность ихъ существованія, образовались численныя (до 50 человѣкъ) украинскія парламентскія фракціи, поставившія себѣ задачей добиваться осуществленія національныхъ правъ украинскаго народа. Законъ 3-го іюня, такъ отрицательно отразившійся на представительствѣ демократическихъ массъ населенія, особенно далъ себя чувствовать на Украинѣ. Здѣсь новый выборный законъ передалъ результаты парламентскихъ выборовъ всецѣло въ руки крупныхъ землевладѣльческихъ классовъ, и этимъ рѣшена была судьба демократическаго представительства отъ Украины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отрѣзана возможность попасть въ Думу представителямъ украинства, какъ движенія прежде всего демократическаго. Господа выборнаго положенія на Украинѣ допускаютъ представительство „народа“ лишь въ крайне ограниченномъ размѣрѣ и—что наиболѣе важно—проводятъ элементы, идейно вполнѣ имъ созвучные, чтобы при случаѣ можно было инсценировать „голосъ народа“. Такъ соціальнымъ составомъ представительства отъ Украины опредѣлился и національный его характеръ, и фактически украинскій народъ, какъ таковой, лишенъ представительства въ Думѣ.

Указанное положеніе дало себя чувствовать въ третьей Думѣ не сразу. Нѣкоторые депутаты, еще не отрѣшившіеся отъ традицій выборовъ въ первыя двѣ Думы и связанные опредѣленными обѣщаніями избирателямъ, предпринима-

ютъ шаги къ постановкѣ украинскаго вопроса; такъ, напримѣръ, внесено было въ Думу законодательное предположеніе о введеніи украинскаго языка въ школу въ украинскихъ мѣстностяхъ. Но затѣмъ вскорѣ, когда характеръ третьей Думы опредѣлился окончательно, всѣ такія попытки были оставлены и уже не возобновились, какъ совершенно безнадежныя и даже не безопасныя для ихъ иниціаторовъ. Жизнь однако дѣлала свое дѣло, не считалась съ такимъ игнорированіемъ ея живыхъ потребностей, и тѣ депутаты четвертой Думы, которые прислушиваются къ біенію пульса народной жизни, не могли не оцѣнить украинскаго движенія, какъ важнаго не только національнаго, но и общественно-политическаго фактора, и въ большей или меньшей степени отозвались на нужды украинскаго населенія, вызвавъ тѣмъ цѣлую бурю протестовъ и личныхъ нападокъ со стороны враговъ украинскаго движенія какъ къ самой Думѣ, такъ и въ текущей прессѣ.

Первый шагъ въ выступленіяхъ по украинскому вопросу принадлежитъ А. И. Шингареву.

«Русская государственная власть,—сказалъ онъ въ своей бюджетной рѣчи,—считаетъ ближайшее къ намъ и родное племя—украинское—инородцами... Это не печально? Что это такое?» На выкрикъ гр. Бобринскаго: «Молчите измѣнникъ!» ораторъ далъ такую, полную достоинства, отповѣдь: «Здѣсь былъ крикъ—по отношенію къ тѣмъ, кто считаетъ эту критику справедливою,—измѣнники. Гг., я считаю или несознательными, или, быть можетъ, глубоко сознательными нарушителями интересовъ родины тѣхъ, кто поддерживалъ такое безумное отношеніе къ инородческому населенію (Гр. Бобринскій: «Да развѣ малороссы инородцы?»). Совѣтую гр. Бобринскому подумать: тотъ, кому не позволяютъ говорить на своемъ языкѣ, кому не позволяютъ говорить въ школахъ, кого преслѣдуютъ, къ кому официально обращаются съ третированіемъ языка, не позволяютъ чествовать его національныхъ творцовъ,—что это такое, какъ не отношеніе къ преслѣдуемому инородческому населенію?» На бутафорскій протестъ гр. Бобринскаго противъ причисленія украинцевъ къ инородцамъ А. И. Шингаревъ спокойно отвѣтилъ: «Когда, гг., я говорилъ объ инородцахъ-украинцахъ, я говорилъ про циркуляръ Столыпина, который требовалъ... закрытія инородческихъ обществъ и помѣстилъ въ числѣ инородцевъ—украинцевъ».

Вопросъ объ „инородчествѣ“ украинцевъ подвергся въ Думѣ довольно подробному разбору, причемъ украинофобствующіе націоналистическіе элементы Думы испытали

немалый конфузъ, такъ какъ имъ было документально доказано, что такая квалификація украинскаго племени возникла изъ близкаго имъ и непосредственно инспирируемаго ими источника. „Когда члена Г. Думы Шингарева обвинили,—сказалъ В. И. Дзюбинскій,—въ причисленіи украинцевъ къ инородцамъ, я вслѣдъ за этимъ обвиненіемъ доказалъ, что инородцами, вѣдь, считаетъ украинцевъ не оппозиція, а считаетъ правительство, и привелъ ссылку на циркулярное распоряженіе. И вотъ у меня въ рукахъ въ настоящее время имѣется циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ о регистраціи инородческихъ обществъ 4-го марта 1906 года. Въ этомъ циркулярѣ сказано: „При обсужденіи ходатайствъ о регистраціи какихъ бы то ни было инородческихъ обществъ, въ томъ числѣ и украинскихъ, и еврейскихъ“... Такимъ образомъ, не оппозиція, гг., считаетъ украинцевъ инородцами, а считаетъ правительство и, очевидно, вы купно съ правительствомъ, потому что не желаете дать украинскому населенію то, что имѣете сами“.

Дѣло, конечно, не въ одномъ названіи. Если бы „инородчество“ украинцевъ оказалось просто lapsus linguae покойнаго премьера, то какъ бы этотъ lapsus ни былъ характеренъ, можно было бы игнорировать его, если бы дѣйствительныя отношенія къ украинцамъ проникнуты были чувствомъ братской терпимости. Но въ томъ-то и дѣло, что въ дѣйствительности отношенія эти исполнены глубокой, непримиримой враждебности, какъ къ совершенно чуждому племени.

«Украина,—говорилъ тотъ же депутатъ,—эта жемчужина Россійскаго государства по красотѣ и богатству своей природы, плодородію почвы, населенная свыше 25,000,000 свободнаго украинскаго населенія, высоко одареннаго, честнаго, трудолюбиваго, до упрямства стойкаго въ своихъ обычаяхъ,—взята подъ особое подозрѣніе, нелѣпое, ни на чемъ не основанное, нашимъ злобствующимъ зоологическимъ національнизмомъ и лишена главнаго основного права,—права думать, чувствовать, говорить и учиться на своемъ родномъ материнскомъ языкѣ... Преслѣдуется украинскій языкъ, преслѣдуется преподаваніе на материнскомъ украинскомъ языкѣ; очевидно, гг., что правительство смотритъ на украинцевъ какъ на чуждый ему народъ».

Въ чемъ же причина такого отношенія къ украинству и его постулатамъ? Вопросъ этотъ пытается выяснить депутатъ Керенскій. По его мнѣнію, причина идейнаго противодѣйствія, казалось бы, безспорнымъ, съ принципіальной

стороны, украинскимъ стремленіямъ заключается въ демократическомъ характерѣ украинскаго движенія. Пока преслѣдованія „касались, — говоритъ названный депутатъ, — только евреевъ, финляндцевъ и поляковъ, вы могли говорить, что это люди враждебной вамъ культуры, враждебной вамъ національности, но когда подошли вплотную и стали давить русское племя, племя украинцевъ, когда вы въ послѣднее время стали бороться съ ихъ культурой, то сдѣлалось ясно, что здѣсь не національная борьба важна, а какое бы то ни было пробужденіе, движеніе впередъ въ массѣ. А украинское населеніе — по преимуществу крестьянство, и его движеніе всегда неизбѣжно демократично". Нельзя, конечно, не согласиться съ этимъ. Украинство ненавистно нашимъ охранителямъ въ значительной мѣрѣ потому, что оно въ основѣ своей—движеніе демократическое; въ этомъ секретъ его внутренней силы, въ этомъ же и объясненіе отсутствія его представителей въ 4-й Думѣ, какъ это прекрасно выразилъ депутатъ Дзюбинскій [1]) въ отвѣтъ на заявленіе кіевскаго депутата Савенка, что Малороссія сказала рѣшительное слово объ украинскомъ движеніи тѣмъ, что не послала въ Думу ни одного украинца. Но несомнѣнно также и то, что непопулярность украинства создается не только его демократизмомъ. Въ послѣдніе годы, когда ростъ украинства сталъ особенно замѣтенъ и превзошелъ ожиданія тѣхъ, кто отводилъ его развитію безобидно-ограниченные предѣлы, украинское движеніе уже встрѣчаетъ принципіальныхъ противниковъ, какъ отчасти указывалось въ Думѣ (депутатъ Петровскій), и въ средѣ демократическихъ круговъ. Здѣсь уже несомнѣнно дѣйствуютъ воспитанные длинной цѣпью историческихъ традицій нившіе инстинкты національнаго эгоизма и другихъ національно-психологическихъ переживаній—какъ со стороны денаціонализующихъ, такъ и денаціонализующихся элементовъ.

---

[1]) «Актъ 3-го іюня лишилъ трудовое крестьянское населеніе вездѣ возможности послать въ Государственную Думу своихъ истинныхъ представителей. Представители, которые здѣсь находятся отъ Украины, они избраны по акту 3-го іюня, они избраны не всеобщимъ избирательнымъ правомъ и являются представителями интересовъ господствующихъ дворянъ и помѣщиковъ, и, очевидно, что такіе депутаты не могутъ считаться защитниками интересовъ трудового украинскаго населенія».

Фактическая сторона тѣхъ ограниченій и прямыхъ преслѣдованій, какимъ подвергаются всѣ проявленія украинскаго элемента, развита думскими ораторами довольно подробно. Депутатъ Шингаревъ указалъ на закрытіе „Просвіт“, на придирки администраціи при сборахъ на памятникъ Шевченка, при похоронахъ украинскаго композитора Лисенка, на придирчиво-подозрительное устраненіе національныхъ особенностей даже въ религіозномъ быту украинскаго народа; депутатъ Дзюбинскій привелъ факты преслѣдованія за украинскія надписи на лавочныхъ вывѣскахъ, факты запрещенія чтенія евангелія въ украинскомъ переводѣ и др. Такъ какъ большинство рѣчей по украинскому вопросу сдѣланы были по поводу смѣты М-ва Н. Пр., то среди фактовъ національнаго гнета по отношенію къ украинскому населенію преобладали факты изъ школьной и вообще просвѣтительной области. Цѣлый рядъ ораторовъ останавливался на томъ, какъ преслѣдовалось и преслѣдуется украинское слово и къ какимъ безотраднымъ практическимъ послѣдствіямъ приводитъ такое преслѣдованіе.

«Министерство народнаго просвѣщенія, — сказалъ депутатъ Дзюбинскій,—какъ извѣстно, исключаетъ могущественнѣйшій факторъ образованія и просвѣщенія всякаго народа—его народный языкъ. Многомилліонное украинское населеніе не имѣетъ не только своей высшей или средней школы, но не имѣетъ ни одной низшей школы съ правомъ свободнаго преподаванія на родномъ украинскомъ языкѣ. Нѣтъ родной народной украинской школы. Не является ли это, гг., оскорбленіемъ и даже глумленіемъ надъ національнымъ чувствомъ и гордостью всякаго украинца? Но здѣсь говорили, что и украинскаго языка нѣтъ, что онъ не существуетъ. Такъ позвольте же, гг., взоры этихъ господъ обратить именно на ту, ненавистную имъ, зарубежную Украину, на сосѣднюю намъ страну, въ составъ которой включена и значительная часть украинскаго населенія. И что же, въ этой зарубежной странѣ, такъ нелюбимой націоналистами Австріи, которая подвергается столькимъ нападкамъ, и эти зарубежные украинцы, о которыхъ проливаютъ такіе крокодиловы слезы гр. Бобринскій и К° и другіе націоналисты, что же имѣютъ тамъ? Мы видимъ, что въ австрійской Украинѣ украинское населеніе не только имѣетъ низшія школы, но оно имѣетъ и среднюю и высшую школы на своемъ родномъ украинскомъ языкѣ,—значитъ, украинскій языкъ существуетъ. Въ австрійской Украинѣ имѣется широкая сѣть просвѣтительныхъ и культурныхъ учрежденій для украинцевъ; ихъ тамъ не боятся, гг., ихъ тамъ не закрываютъ».

Приведя цѣлый рядъ весьма выразительныхъ фактовъ преслѣдованія украинскаго языка представителями школьной администраціи, г. Дзюбинскій замѣчаетъ:

«Вотъ, гг., родной языкъ дѣтей учащихся огромнаго 25-милліоннаго населенія запрещается и запрещается не только учиться на этомъ языкѣ, но и говорить между собою, употреблять его для своего, такъ сказать, обихода. Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно, что казенные педагоги, эти человѣчки въ футлярахъ, заражены микробомъ какой-то украинофобіи, болѣзни, проявляющейся главнымъ образомъ въ нихъ на почвѣ погони за наградами и отличіями въ цѣляхъ угодничества начальству, но что опаснѣе всего, это—то, что этимъ они сознательно стараются задержать ростъ украинскаго національнаго самосознанія, удержать украинскій народъ въ темнотѣ и невѣжествѣ, чтобы легче имѣть этнографическій матеріалъ для желаннаго имъ созданія «обще-русской націи».

Депутатъ Петровскій также приводитъ не менѣе выразительные факты преслѣдованія учащихъ и учащихся за украинскій языкъ и останавливается на результатахъ игнорированія національнымъ элементомъ въ дѣлѣ народнаго образованія.

«Я взялъ,—говоритъ онъ,—семь чисто украинскихъ губерній, т.-е. губерній, въ которыхъ украинское населеніе составляетъ двѣ трети всего населенія. Это губерніи: Полтавская, Подольская, Харьковская, Кіевская, Волынская, Екатеринославская и Черниговская. И что же оказалось—ни въ одной изъ этихъ губерній грамотность не достигаетъ и средне-русской величины... (30%): въ Екатеринославской губерніи (грамотно) всего 29% населенія, затѣмъ грамотность спускается въ слѣдующихъ губерніяхъ до 20%».

Рядомъ съ этими безотрадными данными г. Петровскій приводитъ историческую справку о развитіи образованія среди украинскаго населенія въ прошломъ.

«Изслѣдованіе въ 1652 г. архидіакона Павла Алепскаго объ образованіи тогда на Украинѣ говоритъ, что почти всѣ домашніе, не только мужской персоналъ, но жены и дочери, умѣютъ читать, а переписи 1740 г. и 1748 г. говорятъ, что въ семи полкахъ гетманщины Полтавской и Черниговской губ. на 1,094 села приходилось 866 школъ съ украинскимъ языкомъ преподаванія, одна школа приходилась на 746 душъ»; но вотъ «въ 1804 г. издается указъ о запрещеніи учиться на украинскомъ языкѣ».

И народное просвѣщеніе на Украинѣ постепенно падаетъ до настоящаго его уровня. Представитель Таврической

губ. Бурьяновъ останавливается на педагогическомъ обоснованіи необходимости родного языка въ украинской школѣ и между прочимъ указываетъ на примѣръ подольскаго духовенства въ возбужденіи вопроса о введеніи украинскаго языка въ школьное преподаваніе. Кіевскій депутатъ проф. Ивановъ подробно развиваетъ положеніе, что „въ народной школѣ языкъ долженъ быть материнскій, родной языкъ", а также высказывается за то, что „въ мѣстныхъ университетахъ должно быть преподаваніе украинскаго языка, украинской исторіи, фольклора мѣстнаго". На фонѣ всѣхъ этихъ рѣчей весьма рельефно выдѣляется заявленіе праваго представителя Екатеринославской губ. Макогона, сказавшаго буквально слѣдующее:

«Говорятъ здѣсь, что малороссамъ очень труденъ русскій языкъ, я еще разъ скажу, что малороссы затрудненій не встрѣчаютъ не только въ отношеніи къ русскому языку, но даже не встрѣтили, если бы было такое предпочтеніе, учиться не только русскому языку, а французскому и другимъ языкамъ».

Да, гг. Макогоны согласны преподнести своимъ избирателямъ и китайскій языкъ, „если бы было такое предпочтеніе"; но логика и строй рѣчи думскаго Макогона явно обнаруживаютъ, какъ много потерялъ онъ, пройдя грамоту не на родномъ языкѣ.

Репрессіи по отношенію къ украинскому слову и другимъ выраженіямъ національности украинскаго народа нашли надлежащую оцѣнку въ думскихъ рѣчахъ. Широкую государственную точку зрѣнія въ оцѣнкѣ режима, неизмѣнно проявляющагося въ отношеніи къ украинству, выразилъ П. Н. Милюковъ, указавшій на пагубныя послѣдствія такого режима. По поводу заявленій съ думской каѳедры, что „нѣтъ украинскаго народа", г. Милюковъ сказалъ:

«Гг., это еще въ 1869 г. говорилъ министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ. Онъ утверждалъ, что «не было и не будетъ малороссійскаго языка. И вѣдь нельзя сказать, чтобы мѣры для этого не были приняты. Въ слѣдующемъ 1870 г. былъ отданъ указъ цензурѣ не пропускать украинскихъ книгъ. Въ 1876 году былъ изданъ знаменитый указъ: вся ввозная литература на украинскомъ языкѣ рѣшительно запрещалась, и запрещено было печатаніе книгъ на этомъ языкѣ въ Россіи, за исключеніемъ исторіи и беллетристики. Тѣмъ же указомъ запрещены были театръ и музыкальные тексты малороссійскіе. И что же, гг., что вышло изъ этихъ попытокъ? Рядомъ, не

у насъ, а въ Австріи, создался культурный центръ, который съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе могущественное вліяніе на національную жизнь нашей Украины. И я васъ спрашиваю: развѣ здравый, благоразумный политикъ могъ бы стремиться къ этой цѣли? Развѣ могъ бы онъ создать рядомъ пососѣдству конкуррента, который въ тяжелыя времена будетъ грозить создать намъ трудное положеніе на нашей окраинѣ? Вы знаете, какъ самыя мирныя, самыя лояльныя народности начинаютъ ожесточаться и обращать свои взоры во-внѣ. Можетъ быть, пока это только теорія, какъ съ этой каѳедры говорилось,—только отвлеченная мечта нѣкоторыхъ отдѣльныхъ личностей, можетъ быть, не совсѣмъ уравновѣшенныхъ; спокойные политики и вся масса этого стремленія не раздѣляютъ. Но развѣ благоразумные политики должны дожидаться, когда эти стремленія проникнутъ во всю массу, когда они сдѣлаются руководящими идеями интеллигенціи этихъ народностей? Нѣтъ, гг., мѣры надо принимать заблаговременно, и уже теперь можно сказать, что съ этими мѣрами мы опоздали, что центробѣжныя силы, которыя способны развить русскія національности, въ настоящее время имѣются на-лицо въ гораздо большемъ размѣрѣ, чѣмъ это было раньше».

Указавъ затѣмъ на крайне ненормальныя у насъ условія для разрѣшенія національнаго вопроса, лидеръ конституціонно-демократической партіи счелъ нужнымъ при этомъ сдѣлать декларативное заявленіе о позиціи его партіи въ національномъ вопросѣ:

«Нашъ принципъ установленъ твердо, и во всякую минуту этотъ принципъ даетъ намъ возможность оріентироваться даже въ сложномъ спорѣ. Мы всегда за свободу, всегда противъ принужденія и насилія. Мы не можемъ помогать ни одной національности нарушать чужое право. Въ Россіи, на Балканахъ, въ Царствѣ Польскомъ, мы противъ насильственной ассимиляціи и за охрану права національнаго меньшинства, хотя бы и при помощи государства».

Фактически тактика к.-д. фракціи не всегда отвѣчала этимъ принципамъ. Въ частности, напр., въ холмскомъ вопросѣ она даже прямо противорѣчила имъ, и это повторилось даже въ самое недавнее время, когда оппозиція безъ всякихъ оговорокъ оставила залъ засѣданія при обсужденіи одного изъ законопроектовъ, связанныхъ съ холмскимъ вопросомъ, выражая тѣмъ безусловное нравственное сочувствіе польскому колу, домогавшемуся безраздѣльнаго права колонизаціи этнографически-украинской области, случайно прилипшей къ тылу „исторической Польши“. Тѣмъ не менѣе нельзя не привѣтствовать упомянутаго деклара-

ціоннаго заявленія, сдѣланнаго въ связи съ украинскимъ вопросомъ и даже по поводу его. Такія заявленія тѣмъ болѣе необходимы и цѣнны, что, какъ справедливо указалъ депутатъ Петровскій, идейную поддержку сторонникамъ репрессій въ украинскомъ вопросѣ даютъ „нѣкоторые конституціонные демократы, какъ г. Струве изъ „Русской Мысли“ и „Молвы“ съ компаніей“, проповѣдующіе необходимость одного государственнаго языка, какъ исключительной привилегіи великороссовъ.

Аналогичныя декларативныя заявленія, въ видѣ pia desideria, сдѣланы также представителями и другихъ оппозиціонныхъ группъ въ Думѣ, за исключеніемъ прогрессистовъ, хранившихъ по украинскому вопросу ничѣмъ ненарушенное молчаніе. Лидеръ трудовой группы Дзюбинскій заявилъ: „Трудовая группа признаетъ, что всѣ граждане безъ исключенія ихъ національности должны пользоваться равными для всѣхъ правами... она считаетъ необходимой немедленную отмѣну всѣхъ стѣсненій и ограниченій гражданъ, обусловленную ихъ національностью и вѣроисповѣданіемъ, и думаетъ защищать права каждой народности на свободное употребленіе своего языка въ богослуженіи, школѣ, судѣ и мѣстномъ самоуправленіи, а равно поддерживать ихъ стремленія къ мѣстному самоуправленію на началахъ широкой автономіи. Подъ словомъ народности понимаются, разумѣется, украинцы и бѣлоруссы“. Такое же заявленіе въ болѣе рѣшительной формѣ сдѣлано и другимъ представителемъ трудовой группы, деп. Керенскимъ. Заслуживаетъ вниманія, что ту же точку зрѣнія въ національномъ вопросѣ раздѣляетъ и соціалъ-демократическая фракція; „рѣшеніе національнаго вопроса въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ,—заявилъ представитель этой фракціи г. Петровскій,—возможно, во-первыхъ, только при полномъ демократизмѣ, обезпечивающемъ послѣдовательное и свободное развитіе національностей, на основахъ полнаго національнаго самоопредѣленія“.

Все это положительныя заявленія, ярко подчеркнувшія, что демократическая часть русскаго парламента—принципіально на сторонѣ нашихъ національныхъ стремленій. Но не было недостатка и въ заявленіяхъ противоположнаго характера—со стороны реакціонной части Думы. Представители злобствующаго зоологическаго націонализма ста-

лись вѣрны своей обычной тактикѣ и сводили вопросъ на почву политическихъ заподозрѣваній и грязныхъ инсинуацій. Членъ Думы Савенко, этотъ, по выраженію депутата Иванова, „ораторъ извѣстнаго, установленнаго правительствомъ образца", фабрикуетъ на думской каѳедрѣ лживыя цитаты изъ „Рады" (будто бы эта газета писала: „но, враги Украины, „самостійной и окремишной", знайте) заявляетъ, что украинцамъ „нужны тѣ реформы, которыя могли бы разрушить великую Россію", что украинство „грозитъ смертельной опасностью великому русскому государству (что, однако, не мѣшаетъ г. Савенку считать украинство „въ своихъ идейныхъ основахъ ложью и фальсификаціей"), повторяетъ свои клеветническіе выпады относительно подкупа украинскихъ дѣятелей нѣмцами, задаетъ очень, по его мнѣнію, коварный вопросъ: къ правительству какого государства украинцы и украинскіе дѣятели обращаются за инструкціями? [1]). „Потомокъ гетмана" Скоропадскій разсматриваетъ думскіе дебаты по украинскому вопросу, какъ „искру того костра, который старательно поддерживается за кордономъ,—отзвуки призыва Малороссіи къ обособленію отъ Россіи и всего русскаго". Далѣе членъ Думы Макогонъ, очевидно, подбиваемый къ тому же сосѣдями, пускается въ широкія государственныя соображенія и лепечетъ такія нескладныя фразы: „Малороссамъ также желательно изучать тотъ языкъ, на которомъ основано все наше русское государство. Малороссы, также любящіе свое русское государство, также не стремятся къ обособленію отъ русской государственности, такъ же относятся къ государственной власти, какъ и всѣ русскіе граждане". Такимъ образомъ, отстаиваніе украинцами своихъ національныхъ правъ и даже такого основного человѣческаго права, какъ право на родной языкъ, является, по думской націоналистической идеологіи, разрушительнымъ выраженіемъ вражды ко всему русскому и даже прямо измѣной русскому государству. И если на-ряду съ этимъ членъ Думы Скоропадскій заявляетъ, что „въ русскомъ государствѣ, колыбелью котораго былъ нашъ Кіевъ, мы такой же державный на-

[1]) На этотъ послѣдній выпадъ съ достоинствомъ отвѣтилъ депутатъ Дзюбинскій: «Не къ правительственной власти обращаются украинцы и украинскіе дѣятели за инструкціями, они обращаются прежде всего къ своей совѣсти, къ своему народу и дѣлаютъ то, что имъ подсказываетъ ихъ совѣсть, ихъ народъ».

родъ, какъ и великороссы, мы такіе же хозяева земли русской, какъ и „они", то вся фальшь этихъ словъ слишкомъ очевидна: „мы" оказываемся „державнымъ народомъ" и „хозяевами земли русской" лишь при такихъ условіяхъ и въ томъ случаѣ, когда перестаемъ быть самими собой въ національномъ смыслѣ, когда совсѣмъ отказываемся отъ своихъ національныхъ правъ и даже отъ существеннѣйшихъ чертъ своего національнаго происхожденія.

«Вы,—основательно замѣтилъ чл. Думы Дзюбинскій,—говорите, господа, «правильно»; слѣдовательно, вы признаете, что украинцы—державный народъ, что украинцы—хозяева земли русской! Позвольте же васъ спросить: какіе же это хозяева, какой это державный народъ, если онъ не можетъ прежде всего удовлетворить своей основной потребности; онъ не имѣетъ ни одной школы съ его роднымъ языкомъ... Когда не только онъ не имѣетъ школы, но его по произволу администраціи лишаютъ возможности слушать на его родномъ языкѣ всякаго рода доклады и чтенія; не разрѣшается ему имѣть украинскихъ клубовъ, обществъ, не разрѣшается разговаривать на его державномъ языкѣ, считаются даже предосудительными украинскія пѣсни. И это, гг., вы называете державнымъ народомъ, вы его называете хозяиномъ земли русской? Нѣтъ, гг., я вамъ скажу, что вы сознательно хотите обмануть украинскій народъ, но это вамъ не удастся. Хозяиномъ земли русской до сихъ поръ являлась безотвѣтственная наша администрація, а вы являетесь только угодливыми помощниками безотвѣтственнаго правительства, а украинскій народъ—это жертва, жертва вашего совмѣстно съ правительствомъ насилія надъ нимъ въ отношеніи прессы, школы и языка въ особенности».

Блестящее подтвержденіе этихъ словъ представилъ, неожиданно для самого оратора, другой украинскій „потомокъ"—потомокъ запорожскихъ казаковъ, предсѣдатель Думы Родзянко. Въ виду ссылки на послѣдняго со стороны депутата Скоропадскаго и располагая весьма характернымъ для практическаго разрѣшенія вопроса документомъ, г. Дзюбинскій сказалъ:

«Членъ Государственной Думы Скоропадскій между прочимъ доказывалъ благополучіе украинцевъ указаніемъ на то, что во главѣ Думы стоитъ потомокъ запорожскихъ казаковъ Родзянко. Но, гг., членъ Думы Скоропадскій забылъ вамъ упомянуть о томъ, что потомокъ запорожскихъ казаковъ Родзянко признаетъ украинскій языкъ какъ языкъ, на которомъ лучше всего понимаетъ населеніе, и пользуется имъ для того, чтобы опубликовать тѣ или другія свѣдѣнія, нужныя для населенія. У меня въ рукахъ, гг., Высочайшій манифестъ 17-го октября, который переведенъ на малороссійскій языкъ, и къ нему сдѣланы

подробныя поясненія на томъ же малороссійскомъ языкѣ, и это сдѣлано екатеринославской губернской земской управой и подписано М. В. Родзянко. Такимъ образомъ, вы видите, что высокое положеніе нисколько не обязываетъ къ тому, чтобы отрекаться отъ существующаго въ жизни и въ литературѣ украинскаго языка, и я думаю, гг., что никто изъ васъ за это не заподозритъ въ «сепаратизмѣ» или «мазеповщинѣ» почтеннаго нашего предсѣдателя Государственной Думы».

Но г. Родзянко думалъ, очевидно, иначе и въ концѣ засѣданія сдѣлалъ слѣдующее эффектное заявленіе по личному вопросу:

«Я взялъ слово для того, чтобы не было сомнѣнія у членовъ Государственной Думы въ томъ, дѣйствительно ли я признаю этотъ украинскій языкъ, украинофильскій, или нѣтъ, и молчаніе мое могло быть, конечно, вами, господа члены Государственой Думы, истолковано въ положительномъ смыслѣ. Но я буду отвѣчать и разъяснять это обстоятельство не отъ себя, а отъ лицъ болѣе компетентныхъ, какъ вы увидите это впослѣдствіи. Дѣло въ томъ, что дѣйствительно группою лицъ при обнародованіи манифеста 17-го октября предпринято было популярное объясненіе сущности тѣхъ положеній и Высочайшихъ милостей, дарованныхъ населенію, и возникла мысль, чтобы кромѣ изданія этого труда на русскомъ языкѣ, былъ сдѣланъ переводъ, который и былъ сдѣланъ однимъ изъ видныхъ нашихъ представителей ученыхъ въ Екатеринославѣ и затѣмъ группа лицъ, въ числѣ которыхъ участвовалъ и я, обратилась въ уѣздныя земскія управы съ просьбой это писаніе разослать по деревнямъ. Но какой же получился результатъ? А вотъ какой, господа. Черезъ нѣкоторое время, когда наступило время земскихъ собраній, отъ крестьянскихъ гласныхъ-хохловъ, малороссовъ, черезъ земскія управы стали поступать заявленія слѣдующаго содержанія: они просили въ случаѣ, если будутъ вновь еще распространяться столь полезныя и важныя изданія, то не печатать ихъ на томъ языкѣ, котораго они не понимаютъ... (Рукоплесканія справа и въ центрѣ)... Такимъ образомъ, гг., если сторонники и противники идеи существованія украинскаго языка въ томъ смыслѣ, какъ это понимали члены Думы Савенко и Ивановъ, которые вели объ его существованіи пренія, не могутъ представить опредѣленныхъ доводовъ въ защиту своего мнѣнія, и если дѣйствительно подобное существованіе подвергается сомнѣнію, то выслушайте же голосъ того народа, которому вы этотъ языкъ, такъ сказать, навязываете. А мнѣніе это я вамъ доложилъ: они просили на такомъ языкѣ, котораго они не понимаютъ, имъ впредь трудовъ не печатать (Рукоплесканія справа и въ центрѣ).

Странное впечатлѣніе производитъ это заявленіе предсѣдателя Думы. Самаго факта онъ не отрицаетъ: украинскій печатный плакатъ за подписью „пана добродія Родзянка“ г. Дзюбинскій представлялъ Думѣ, такъ сказать, воочію; мало того, какъ сообщалось впослѣдствіи въ газетахъ, г. Род-

КИЇВСЬКА ДЕРЖАВНА БІБЛІОТЕКА ІМ. ШЕВЧЕНКА

зянко повиненъ и въ другихъ подобныхъ же прегрѣшеніяхъ: онъ издалъ раньше на украинскомъ языкѣ собраніе народныхъ пѣсенъ, популярную брошюру о холерѣ и пастырское посланіе мѣстнаго архіерея; значитъ, фактическая сторона сообщенія члена Думы Дзюбинскаго совершенно вѣрна,—о томъ, что „потомокъ запорожскихъ казаковъ“ Родзянко признаетъ украинскій языкъ какъ языкъ, на которомъ лучше всего понимаетъ населеніе, и пользуется имъ для того, чтобы опубликовать тѣ или другія свѣдѣнія, нужныя для населенія. И хотя высокое положеніе предсѣдателя Думы въ нынѣшнее время совершенно не гарантируетъ, вопреки мнѣнію г. Дзюбинскаго, отъ обвиненій въ сепаратизмѣ и мазепинствѣ, но положеніе это во всякомъ случаѣ обязываетъ къ безпристрастности настолько, чтобы не отрицать той самоочевидной истины, что народъ понимаетъ свой родной материнскій языкъ лучше, чѣмъ тотъ языкъ, который онъ изучаетъ впослѣдствіи въ русской школѣ, да къ тому изучаетъ далеко не поголовно. Но предсѣдатель Думы поступилъ иначе. Онъ съ думской трибуны, urbi et orbi приглашая Думу „выслушать голосъ народа“, объявилъ поистинѣ изумительное положеніе: народъ не понимаетъ своего родного языка. Онъ вѣдь не возбуждаетъ вопроса о неудовлетворительности того или иного перевода на украинскій языкъ,—обсуждался вопросъ общаго характера и рѣчь шла о допущеніи родного языка въ украинскую школу; вотъ почему потомокъ запорожскихъ казаковъ доставилъ громадное удовольствіе украинофобскому крылу Думы, уразумѣвшему слова г. Родзянки, конечно, въ ихъ прямомъ смыслѣ,—что украинскій народъ такъ ужъ отъ природы устроенъ, что русскій языкъ онъ понимаетъ лучше, чѣмъ свой родной, материнскій: какія вѣдь чудныя перспективы создаются при такомъ положеніи дѣла. Аплодисменты въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе умѣстны не только потому, что г. Родзянко сдѣлалъ небывалое открытіе въ области народной психологіи, но и въ виду того, что ими возстановлены натянутыя отношенія къ нему правой части Думы, возникшія послѣ марковскаго инцидента и связанныхъ съ этимъ инцидентомъ предположеній. Но обычно всякое открытіе постольку цѣнно, поскольку оно покоится на твердыхъ основаніяхъ; а основаній-то у г. Родзянко для узурпированія голоса народа оказалось въ дѣйствительности менѣе, чѣмъ мало. По сообщенію „Русской Молвы“,

екатеринославскій корреспондентъ этой газеты по порученію редакціи просмотрѣлъ протоколы земскаго собранія и ни въ одномъ изъ нихъ не нашелъ указаній на заявленія гласныхъ-крестьянъ, на которыхъ ссылался въ своей рѣчи М. В. Родзянко; тѣ же свѣдѣнія имѣются и въ „Радѣ“, а вѣдь по думскому сообщенію г. Родзянки, заявленія отъ крестьянъ „стали поступать черезъ земскія управы“,—значитъ, были численны и имѣли быть письменно зафиксированы. Изъ разспросовъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей и земцевъ удалось установить только, что дѣйствительно въ губернскомъ собраніи сдѣланы два заявленія: одно—отъ извѣстнаго черносотенца, предсѣдателя екатеринославской уѣздной управы Бродницкаго, отъ націоналиста, предсѣдателя александровской управы (нынѣ члена Госуд. Думы) Неѣжмака; кромѣ этихъ лицъ еще одно заявленіе сдѣлалъ земскій гласный писарь Сурско-Литовской волости. И только. И врядъ ли два предсѣдателя уѣздныхъ управъ, даже если прибавить къ нимъ и волостного писаря, могутъ сойти за „голосъ народа“. Своимъ выступленіемъ потомокъ запорожскихъ казаковъ и глава Думы Родзянко только лишній разъ доказалъ, на какой вообще сомнительной почвѣ зиждутся всѣ столь демонстративныя и кричащія выступленія противъ законнѣйшихъ украинскихъ требованій, не исключая и тѣхъ случаевъ,—а, быть можетъ, и въ особенности,—когда выступленія эти исходятъ отъ лицъ „высокаго положенія“ и въ то же время потомковъ „праді-дів великих“, по крылатому выраженію поэта. Такая сомнительная инсценировка „голоса народа“ не только не можетъ скомпрометтировать украинскихъ національныхъ стремленій, но на фонѣ ея тѣмъ ярче выступаетъ то смѣлое, правдивое слово въ защиту національныхъ правъ украинскаго народа, какое украинцы съ чувствомъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія услышали съ думской трибуны отъ нѣкоторыхъ представителей демократическихъ круговъ четвертой Думы.

О. Бѣлоусенко.

Приказъ жизни

(*Къ дебатамъ въ Государственной Думѣ по украинскому вопросу*).

„Былъ отданъ приказъ по всѣмъ рядамъ оппозиціи, и здѣсь, съ этой трибуны, одинъ за другимъ выступили представители лѣвыхъ фракцій Государственной Думы въ защиту „угнетенной Украины“,—такъ представлялъ въ своей рѣчи 1-го іюня депутатъ Савенко дебаты въ Государственной Думѣ по украинскому вопросу. Для полноты картины г. Савенко забылъ упомянуть, что отданному кѣмъ-то „приказу“ подчинились не только лѣвыя фракціи. Кромѣ оппозиціонныхъ депутатовъ (Шингаревъ, Милюковъ, Ивановъ, Дзюбинскій, Петровскій, Керенскій) по украинскому вопросу выступили и „услужающіе“—самъ г. Савенко, Скоропадскій, наконецъ, предсѣдатель Гос. Думы Родзянко. Въ бюджетныхъ преніяхъ текущаго года украинскій вопросъ занялъ, такимъ образомъ, впервые со дня существованія въ Россіи представительныхъ учрежденій подобающее мѣсто. Дебаты по украинскому вопросу, хотя и велись попутно, по поводу тѣхъ или иныхъ статей бюджета, развернули тѣмъ не менѣе довольно широкую общую картину отношеній къ украинству со стороны представителей различныхъ группъ въ Государственной Думѣ.

Конечно, если понимать утвержденіе г. Савенка о данномъ кому-то и кѣмъ-то приказѣ буквально, то оно является вздорной выдумкой этого не особенно умнаго фабриканта всяческихъ выдумокъ. Такой приказъ былъ бы не только невозможнымъ, но и безцѣльнымъ, такъ какъ предполагаетъ не только существованіе приказывающаго органа, но и наличность у него принудительной силы, обезпечивающей исполненіе приказа. Такой силой украинцы, конечно, не обладаютъ, если бы даже и сгорали страстью отдавать приказы. И, тѣмъ не менѣе, выступленія по украинскому вопросу состоялись, и не только съ лѣвой стороны, якобы подчинившейся какому-то фантастическому приказу, но и

съ правой, для которой никакіе приказы изъ враждебнаго лагеря ужъ, конечно, не обязательны. Необходимо при этомъ отмѣтить, что именно эти послѣднія выступленія отличались особенною словоохотливостью, подчеркнутой готовностью „освѣщать“ вопросъ, и если оппозиція касалась его лишь попутно, „по поводу“, то реакція посвящала свои рѣчи ему исключительно. Что значитъ эта готовность подчиниться приказу, якобы исходящему отъ завѣдомо враждебной стороны?

Изумительное послушаніе нашихъ враговъ можетъ свидѣтельствовать лишь объ одномъ. Если можно говорить о приказѣ, то лишь о такомъ приказѣ, который отдаетъ сама жизнь, давно уже выдвинувшая украинскій вопросъ на первую очередь, связавшая его тысячью нитей съ другими общими вопросами, затрогивающими коренныя нужды не одной лишь Украины, но и всей Россіи. Въ прошломъ году мнѣ уже приходилось на страницахъ „Украинской Жизни“ касаться этой темы о связи украинскаго вопроса съ вопросомъ всероссійскимъ, съ вопросомъ дѣйствительнаго обновленія всего государства. Пренія въ Государственной Думѣ даютъ лишь новое подтвержденіе высказанному мною тогда мнѣнію о томъ, что безъ свободной и въ національномъ отношеніи Украины не можетъ быть вовсе свободной Россіи. Украина, въ силу ненормальныхъ условій своего существованія, съ его насильственнымъ, останавливающимъ всяческое развитіе обрусительствомъ, въ настоящее время является колыбелью и оплотомъ того сквернаго русскаго націонализма, который при всей своей внутренней слабости обладаетъ цѣпкими руками и приспособляемостью флюгера и благодаря этимъ качествамъ захватилъ себѣ роль мірского захребетника въ государствѣ. Денаціонализація украинскаго народа мститъ за себя слишкомъ сильно, чувствительно сказываясь въ общегосударственной жизни, и, повидимому, это начинаютъ сознавать демократическіе элементы въ Государственной Думѣ, равно какъ и то, что украинское движеніе съ его здоровымъ демократизмомъ является лучшимъ союзникомъ въ борьбѣ за демократизацію всего общественнаго строя. Этимъ, конечно, а не какимъ-то фантастическимъ личнымъ приказомъ слѣдуетъ объяснять выступленія въ Думѣ оппозиціонныхъ представителей, разоблачавшихъ систему официальныхъ отношеній

къ Украинѣ и излагавшихъ элементарныя требованія, безъ удовлетворенія которыхъ невозможно ея развитіе въ какомъ бы то ни было отношеніи. Такому не выраженному, тѣмъ не менѣе могучему „приказу“ не могли не подчиниться даже представители реакціоныхъ теченій на Украинѣ, въ господствующей системѣ находящіе источникъ своей силы и вліянія. Это для нихъ вопросъ слишкомъ чувствительный, слишкомъ затрогивающій въ буквальномъ смыслѣ слова шкурные интересы, чтобы они соглашались сдаться безъ боя. И бой былъ принятъ, причемъ въ пылу боя враги украинскаго движенія невольно сдѣлались послушнымъ орудіемъ приказа въ указанномъ сейчасъ смыслѣ.

Правда, сначала устами „гетманскаго потомка“, г. Скоропадскаго, они попытались было сдѣлать отводъ—никакихъ, молъ, украинцевъ не было, нѣтъ и быть не можетъ,—не подозрѣвая, что эта, насчитывающая почтенную 50-лѣтнюю давность, формула стала уже притчей во языцѣхъ для обозначенія особаго рода, чисто бюрократической проницательности. При этомъ въ качествѣ особо доказательнаго аргумента г. Скоропадскимъ выдвинута была крупная фигура другого потомка запорожскихъ казаковъ, г. Родзянко, предсѣдательствующаго въ русской (на этомъ словѣ ударе́ніе) Государственной Думѣ и этимъ якобы символизирующаго полное сліяніе Украины съ остальной Россіей. Смѣхотворная аргументація почтеннаго гетманскаго потомка произвела, повидимому, не совсѣмъ желательное впечатлѣніе, такъ какъ исходила изъ очевидныхъ фантазій, не замаскированныхъ даже ссылкой на вполнѣ реальный аргументъ, какимъ явился г. Родзянко. Поэтому слѣдующій ораторъ націоналистовъ, г. Савенко, долженъ былъ начать съ возраженія своему компатріоту, признавъ существованіе въ Россіи „украинства, украинцевъ и украинскаго движенія“, сколь это ни прискорбно было для патріотическаго сердца г. Савенка. Нашелъ онъ, впрочемъ, и нѣкоторое утѣшеніе въ этомъ прискорбномъ обстоятельствѣ: „Малороссія,—говорилъ этотъ націоналистъ, уже забывшій, какой дорогой проникъ онъ въ депутатскую среду,—не послала въ Государственную Думу ни одного „украинца“; она этимъ сказала рѣшительное свое слово объ украинскомъ движеніи, она дала ему рѣшительную оцѣнку“. Забывчивый относительно своего личнаго избранія, г. Савенко забылъ и еще

одно, съ его точки зрѣнія особенно интересное обстоятельство: та же „Малороссія“ въ первую и вторую Думу послала именно украинцевъ, которые лишь по избирательному акту 3-го іюня были замѣнены почти сплошь гг. Савенками. Слѣдовательно, какъ видимъ, облыжно ссылался г. Савенко на „Малороссію“: послѣдняя въ его избраніи рѣшительно не при чемъ, да и вообще этому „избраннику“ лучше было бы не касаться деликатныхъ вопросовъ, связанныхъ съ избирательнымъ правомъ и избирательной практикой... Точно такъ же основательны и экскурсіи г. Савенка въ область лингвистики и исторіи: здѣсь онъ оказался вполнѣ на высотѣ положенія, или безбожно перевирая отъ собственнаго разума, или грузно бряцая націоналистическимъ оружіемъ. Впрочемъ, оружіе это при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается бутафорскимъ: грома и шума много, но опасности для поражаемыхъ ровно никакой. Совсѣмъ наоборотъ,—если и имѣется нѣкоторая опасность, то лишь для лица, такъ неискусно владѣющаго присвоеннымъ оружіемъ: пальцы себѣ онъ все-таки порѣзалъ, притомъ на вопросѣ, въ которомъ онъ, какъ именующій себя гордо „богдановцемъ“, долженъ былъ бы дѣйствовать нѣсколько осмотрительнѣе. Возражая депутату Керенскому на его мнѣніе объ автономіи Украины, обезпеченной договоромъ 1654 г., г. Савенко постарался аннулировать этотъ договоръ, называя его всего лишь „добрымъ намѣреніемъ“. Но уже черезъ нѣсколько минутъ „доброе намѣреніе“ обращается въ нѣчто весьма цѣнное съ точки зрѣнія самого же г. Савенка,—по крайней мѣрѣ онъ обѣщаетъ „крѣпко въ своихъ рукахъ держать знамя великаго Богдана Хмельницкаго“. Интересно было бы спросить эту націоналистическую болтушку, какое именно знамя она собирается такъ крѣпко держать. Если это „знамя“ является въ самомъ дѣлѣ всего лишь „добрымъ намѣреніемъ“, то немного обѣщаетъ г. Савенко въ награду за хлопоты по избранію; если же договоръ 1654 г. имѣлъ реальное значеніе со всѣми вытекающими изъ него послѣдствіями, между прочимъ и съ довольно широко обозначенными границами автономіи, то... понимаетъ ли болтушка, на чью мельницу она льетъ свою воду? Не понимаетъ или, по своему обыкновенію, говоритъ неправду и притворяется,—это въ сущности не важно. Важно то, что въ лицѣ непонимающаго, врущаго или притворяющагося г. Савенка реак-

ція выставила свою наиболѣе выдающуюся силу. Чего же стоятъ рядовые, если такимъ оказывается предводитель?

Яркую иллюстрацію къ поставленному сейчасъ вопросу даетъ выступленіе г. Родзянко. Этотъ „потомокъ запорожскихъ казаковъ“, служащій наглядным доказательствомъ и воплощеніемъ единства и, вѣроятно, благодушно улыбавшійся при соотвѣтственной ссылкѣ на него г. Скоропадскаго, неожиданно разсвирѣпѣлъ или опѣшилъ: это не совсѣмъ ясно изъ его дальнѣйшаго поведенія. Изъ благодушнаго настроенія вывело г. потомка напоминаніе депутата Дзюбинскаго о томъ, что было нѣкогда время, когда и это воплощеніе единства обращалось къ столь сепаратистическому средству, какъ украинскій языкъ, чтобы пояснить крестьянамъ Екатеринославской губерніи манифестъ 17-го октября. Тонъ разсвирѣпѣвшаго или опѣшившаго при этомъ напоминаніи „единства“ г. потомка, въ качествѣ предсѣдателя Думы обязаннаго къ нѣкоторой корректности, заслуживаетъ быть особо отмѣченнымъ. „Членъ Думы Дзюбинскій,—заявилъ г. Родзянко,—въ сегодняшнемъ засѣданіи разсказалъ вамъ о нѣкоемъ манифестѣ или писаніи (!), которое было издано въ объясненіе сущности содержанія манифеста 17-го октября за моею подписью на украинскомъ или украинофильскомъ (!) языкѣ. Я взялъ слово, чтобы не было сомнѣнія членовъ Думы въ томъ, дѣйствительно ли признаю этотъ украинскій или украинофильскій (sic!) языкъ, или нѣтъ. Молчаніе мое могло быть истолковано вами въ положительномъ смыслѣ“. Чтобы этого не случилось, солидный предсѣдатель Государственной Думы пускается въ чисто мальчишескія объясненія: было, молъ, но впредь, конечно, не будетъ, такъ какъ сами крестьяне протестовали, дескать, противъ упомянутаго „манифеста или писанія“. Школьническіе изворотъ предсѣдателя Государственной Думы вызвали, какъ и слѣдовало ожидать, довольно оживленные комментаріи на страницахъ какъ украинской, такъ и русской прессы, причемъ выясняются чрезвычайно любопытныя подробности грѣхопаденія этого запорожскаго потомка. Выяснилось, напримѣръ, что г. Родзянко издалъ на земскій счетъ и за своей подписью не только „манифестъ или писаніе“, но и нѣкоторыя другія столь же съ націоналистической точки зрѣнія предосуди-

[1]) „Рада“, № 134.

тельные документы, а именно: сборникъ украинскихъ пѣсенъ, записанныхъ проф. Эварницкимъ, брошюру о холерѣ и пастырское посланіе преосвященнаго Симеона[1]). Объ этомъ г. Родзянко умолчалъ, какъ и о томъ, протестовали ли крестьяне и противъ народныхъ пѣсенъ и епископскаго посланія. Выяснилось далѣе, что г. Родзянко, въ качествѣ предсѣдателя екатеринославской народной партіи (оказывается, что была и такая!), подписалъ и общее требованіе относительно равноправія языковъ, гласящее буквально слѣдующее: „Основной законъ Россійской имперіи долженъ гарантировать всѣмъ населяющимъ имперію народностямъ полную свободу (слушайте, слушайте!) употребленія различныхъ языковъ и нарѣчій въ общественной жизни, свободу основанія и содержанія частныхъ учебныхъ заведеній и всякаго рода учрежденій, имѣющихъ цѣлью сохраненіе и развитіе языка, литературы и культуры каждой народности. Преподаваніе русскаго языка во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ обязательно, но населенію каждой мѣстности предоставляется (слушайте, слушайте!) получать образованіе на своемъ родномъ языкѣ“[1]). Послѣ обнаруженія столь пикантныхъ подробностей о былomъ умонастроеніи г. Родзянко становятся нѣсколько понятными чрезмѣрная торопливость и заискивающій тонъ его заявленія: г. запорожскій потомокъ просто испугался и поспѣшилъ объясниться, дабы у націоналистовъ, Боже сохрани, не возникло подозрѣній насчетъ его благонадежности, ибо „молчаніе могло бы быть, конечно, истолковано въ положительномъ смыслѣ“. Въ какомъ смыслѣ могутъ быть истолкованы школьническіе изворотъ предсѣдателя Государственной Думы, г. Родзянко, конечно, не имѣлъ времени подумать и потому, вѣроятно, и представилъ свое сильно попахивающее лакействомъ объясненіе.

Не имѣлъ времени г. потомокъ обдумать и свою ссылку на заявленіе крестьянъ,—иначе, по зрѣломъ размышленіи, онъ едва ли рѣшился бы воспользоваться столь шаткимъ аргументомъ. Шаткимъ прежде всего съ фактической стороны, ибо екатеринославцы сообщаютъ, что протесты исходили вовсе не отъ крестьянъ, а отъ двухъ черносотенныхъ предсѣдателей уѣздныхъ управъ и одного волостного пи-

[1]) „Южная Заря“, № 2093.

саря; крестьяне же утверждаютъ, что инкриминированный манифестъ и вовсе не распространялся въ деревнѣ [1]). Между тѣмъ опѣшившій г. Родзянко голосъ двухъ предсѣдателей и одного писаря поторопился выдать за „голосъ того народа, которому вы этотъ (украинскій) языкъ, такъ сказать, навязываете". Но если бы даже протестующіе голоса дѣйствительно принадлежали представителямъ народа, то и это обстоятельство не улучшило бы незавиднаго въ общемъ положенія г. Родзянко. Говоритъ же г. Савенко въ качествѣ „коренного малоросса" и тоже, въ нѣкоторомъ родѣ, полянскаго или древлянскаго потомка, „четыре года учившагося въ народной школѣ вмѣстѣ съ крестьянскими дѣтьми",—но кто же г. Савенку повѣритъ и кто его голосъ будетъ считать за vox populi? Почему же не предположить, что одинъ—двое изъ тѣхъ крестьянскихъ дѣтей, съ которыми четыре года учился г. Савенко, не послѣдуютъ его соблазнительному примѣру и не отрекутся не только отъ родного языка, но и отъ собственныхъ родителей?

Условія національной жизни на Украинѣ слишкомъ, къ сожалѣнію, способствуютъ этому отвратительному явленію, поощряя именно тѣхъ „презрѣнныхъ малороссіянъ", о которыхъ еще Гоголь молвилъ крѣпкое слово. Между тѣмъ, если отъ этихъ лакействующихъ и пресмыкающихся субъектовъ обратимся къ живой дѣйствительности, то увидимъ нѣчто прямо-таки противоположное утвержденіямъ г. Родзянка. По крайней мѣрѣ голосъ даже сотни кричащихъ,плюющихъ, отрекающихся и сквернословящихъ Савенокъ—ничто въ сравненіи съ тѣми десятками тысячъ читателей, которые являются неизмѣнными потребителями украинской прессы и книги, расходящейся ежегодно въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Правда, они молчатъ, эти читатели, но молчатъ лишь потому, что не отъ всевозможныхъ „потомковъ", наполнившихъ правую часть Государственной Думы,ожидаютъ они справедливаго и внимательнаго отношенія къ своимъ насущнымъ нуждамъ и кровнымъ интересамъ. Было лучшее время—они говорили. Настанетъ оно опять—и они вновь заговорятъ,—ужъ будьте на этотъ счетъ спокойны, господа гетманскіе, запорожскіе, полянскіе и иные потомки!.. И приближеніе этого времени знаменуютъ не только тѣ положительные голоса, которые теперь раздаются въ

[1]) „Рада", № 134.

Государственной Думѣ, но и эти лживыя увѣренія всевозможныхъ „коренныхъ малороссовъ“ и тѣхъ или иныхъ „потомковъ“. Безсознательно, противъ воли, со скрежетомъ зубовнымъ, съ ненавистью въ сердцѣ, съ ложью на устахъ— они все-же повинуются, вынуждены повиноваться всѣ тому же могучему приказу, который исходитъ отъ жизни. Своими выступленіями, характеръ и значеніе которыхъ, надѣюсь, ясны читателямъ, они достаточно объ этомъ свидѣтельствуютъ...

С. Ефремовъ.

Законопроектъ о печати и украинская пресса.

По поводу законопроекта о печати писали и говорили уже достаточно. Мы не имѣемъ поэтому въ виду выяснять всѣ слишкомъ ясные и бьющіе въ глаза недочеты этого проекта противъ печати; это сдѣлано безъ насъ, и повторять уже приведенные доводы и аргументы было бы излишнимъ. Сообразно съ задачами, которыя ставитъ нашъ журналъ, мы хотимъ коснуться тѣхъ лишь только сторонъ проекта, которыя имѣютъ особое значеніе для инородческой, въ частности для украинской прессы. Сдѣлать это мы считаемъ особенно необходимымъ потому, что въ томъ оживленномъ обсужденіи, которое вызвалъ проектъ въ русской прессѣ, эта его сторона была оттѣнена до сихъ поръ очень слабо.

Въ газетахъ опубликованъ какъ предполагаемый къ введенію законопроектъ о печати, такъ и объяснительная записка къ нему. Содержаніе записки откровенностью и безапелляціонностью излагаемыхъ въ ней сужденій представляетъ даже въ наше время явленіе исключительное. Не остановиться на этой запискѣ невозможно. Ясно и опредѣленно говорится въ ней, что печатное слово есть зло, что задача законодательства о печати сводится къ борьбѣ съ этимъ зломъ; послѣдовательно излагается исторія всѣхъ правительственныхъ попытокъ въ этомъ направленіи. Полемизировать со взглядами, высказываемыми въ запискѣ, разумѣется, представляется совершенно излишнимъ.

Можно лишь только пожалѣть, что въ запискѣ не использованъ весь матеріалъ, касающійся правительственныхъ попытокъ борьбы съ печатью, именно съ печатью инородческой; не подлежитъ сомнѣнію, что тогда картина, обрисованная въ запискѣ, была бы гораздо ярче и колоритнѣе. Не ставимъ своей цѣлью восполнить этотъ про-

бѣлъ записки; ограничимся лишь приведеніемъ фактовъ, касающихся борьбы съ украинской печатью, вѣрнѣе—борьбы съ самой возможностью явленія этого „зла".

Записка упоминаетъ о временныхъ правилахъ 6-го апрѣля 1865 г., предоставившихъ печати опредѣленную, по мнѣнію автора записки, льготность. Украинская печать знаетъ двѣ даты, относящіеся къ тому времени, которыя не только не предоставляли ей льготъ, но въ корнѣ пресѣкли возможность ея существованія.

18-го іюля 1863 г. Валуевымъ былъ изданъ циркуляръ, который, установивъ, „что никакого особеннаго малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ", предписывалъ цензурнымъ комитетамъ „пропускомъ книгъ на малороссійскомъ языкѣ какъ духовнаго содержанія, такъ учебныхъ и вообще назначаемыхъ для первоначальнаго чтеніе народа, пріостановиться". Этотъ циркуляръ былъ изданъ до временныхъ правилъ 1865 года, предоставившихъ русской печати нѣкоторую свободу. А послѣ этихъ правилъ въ 1866 году была издана особая инструкція цензурнымъ комитетамъ, въ которой повторялось запрещеніе пропускать популярную украинскую литературу и предписывалось подвергать предварительной цензурѣ всѣ украинскія изданія независимо отъ количества печатныхъ листовъ.

Отдѣльные неувѣренные запрещенія и циркуляры конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ были систематизированы и объединены въ законѣ 18-го мая 1876 г., который надъ украинскимъ словомъ тяготѣлъ вплоть до 1905 года. Законъ предписывалъ: 1) не допускать ввоза въ имперію безъ разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати какихъ-либо книгъ и брошюръ, издаваемыхъ за границей на малорусскомъ нарѣчіи; 2) печатаніе въ имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на этомъ нарѣчіи воспретить, за исключеніемъ историческихъ памятниковъ и произведеній изящной словесности; 3) воспретить сценическія представленія и чтенія на малорусскомъ нарѣчіи, а равно печатаніе на таковомъ же нарѣчіи текстовъ къ музыкальнымъ нотамъ.

Приведенныя мѣры относятся ко временамъ доконституціоннымъ. Результаты ихъ оказались ничтожными: искоренить и уничтожить украинское слово онѣ не смогли. Съ измѣненіемъ условій въ 1905 году явилась столь долго и

тщательно недопускаемая украинская пресса и на протяженіи уже ряда лѣтъ ведетъ свою нелегкую работу.

Наступленіе конституціонныхъ временъ не означало измѣненія курса по отношенію къ украинскому слову. Измѣнились лишь мѣры воздѣйствія. Оставимъ въ сторонѣ многочисленныя, сообщаемыя украинской прессой, свѣдѣнія объ административномъ творчествѣ въ этомъ направленіи мѣстныхъ властей,—творчествѣ, проявляемомъ, конечно, съ дозволенія высшихъ; не будемъ говорить о повседневныхъ случаяхъ преслѣдованія и самого украинскаго слова, и тѣхъ, которые эту крамольную прессу желаютъ читать, выписывать, покупать. Отмѣтимъ лишь мѣры высшихъ властей, притомъ властей, къ печатному дѣлу имѣющихъ отношеніе, казалось бы, очень отдаленное.

Мы имѣемъ въ виду практику таможеннаго вѣдомства, созданную въ конституціонныя времена и отражающуюся на украинскомъ печатномъ словѣ въ высокой степени пагубно. По таможенному тарифу книги, напечатанныя за границей на русскомъ языкѣ, облагаются высокой пошлиной—17 руб. пудъ; особыми циркулярами, изданными въ 1907 и 1909 году, книги на украинскомъ языкѣ были приравнены къ русскимъ книгамъ и, такимъ образомъ, создано серьезное препятствіе для распространенія украинскихъ книгъ, издаваемыхъ въ Галиціи.

Мы не хотѣли исчерпать всѣхъ правительственныхъ мѣропрятій въ области предупрежденія и пресѣченія украинскаго слова, ограничившись лишь приведеніемъ наиболѣе выдающихся моментовъ. Много здѣсь было потрачено административныхъ талантовъ, энергіи и творчества, и, безъ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ пожалѣть, что эта сторона дѣятельности правительства не попала въ записку.

Содержаніе проекта, какъ извѣстно, вполнѣ гармонируетъ съ положеніями, изложенными въ запискѣ. Сообразно съ нашей задачей мы остановимся далѣе на тѣхъ мѣрахъ предупрежденія и пресѣченія, которыя болѣзненнѣе всего отзовутся на украинской печати.

Обращаетъ вниманіе прежде всего та централизація предупредительной и карательной власти, которая создается новымъ проектомъ, и та централизація журнальнаго и газетнаго дѣла, которую стремится онъ установить вокругъ этихъ властей.

Особые органы по наблюденію за печатью устанавливаются не вездѣ, гдѣ есть періодическія изданія; въ мелкихъ городахъ ихъ нѣтъ, и тамъ надзоръ за печатью возлагается на лицъ губернскаго и уѣзднаго управленій. Въ связи съ этимъ для желающихъ выпускать періодическое изданіе въ одномъ изъ такихъ городовъ, а равно и внѣ городовъ, устанавливается разрѣшительный порядокъ.

Порядокъ, устанавливаемый этими правилами, для украинской печати является особенно непріемлемымъ. Контингентъ читателей, который обслуживаетъ украинская пресса,—преимущественно деревенское населеніе. Наиболѣе распространеннымъ типомъ изданія въ ней является еженедѣльникъ небольшого объема, требующій незначительнаго количества литературныхъ силъ и стремящійся установить со своими читателями и подписчиками тѣсную связь и общеніе. При такомъ положеніи дѣлъ въ украинской прессѣ для многихъ украинскихъ журнальныхъ предпріятій являлось бы болѣе цѣлесообразнымъ имѣть мѣстомъ изданія небольшіе города, гдѣ бы представлялась возможность имѣть и поддерживать непосредственную связь съ читателями. Особенно настоятельной будетъ для украинской прессы эта необходимость стать ближе къ читателю въ ея дальнѣйшемъ развитіи, которое будетъ идти главнымъ образомъ за счетъ возникновенія органовъ, обслуживающихъ небольшіе районы и области. Уже въ настоящее время существуетъ рядъ небольшихъ украинско-русскихъ газетъ, обслуживающихъ опредѣленные уѣзды; въ прошломъ была попытка изданія журнала, редакція котораго находилась въ деревнѣ. А дальнѣшій ходъ развитія украинской прессы въ этомъ направленіи, какъ прессы демократической и крестьянской, неминуемъ.

Въ какомъ же положеніи будутъ находиться эти небольшія провинціальныя изданія по новому проекту? Мы не ошибемся, если скажемъ, что условія эти таковы, что они исключаютъ самую возможность существованія изданій подобнаго типа. Для нихъ устанавливается порядокъ, отъ котораго россійская пресса, несмотря на всѣ терніи, которыми усыпанъ ея путь, все-таки уже успѣла отвыкнуть,—такія изданія могутъ издаваться только при наличности разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, причемъ мотивы и причины, по которымъ такое изданіе можетъ быть не разрѣшено, въ проектѣ не оговорены совершенно; возстана-

вливается, очевидно, относительно ихъ дореформенный порядокъ въ полной мѣрѣ.

Но допустимъ, что разрѣшеніе министерства даже будетъ получено. Существуетъ ли возможность вести органъ при сколько-нибудь нормальныхъ условіяхъ? Введеніе, какъ нормы, подчиненія органа лицамъ уѣзднаго управленія, попросту говоря, исправнику, который будетъ по отношенію къ органу располагать всей той громадной властью, которую ему предоставляетъ проектъ, говоритъ ясно и опредѣленно за то, что эти условія предупредятъ и пресѣкутъ возможность существованія всякаго провинціальнаго изданія, кромѣ союзническаго.

Таковы перспективы, которыя создаются для украинской прессы указанными правилами проекта.

Но эти грядущія благодѣнія не единственныя.

Говоря объ украинской прессѣ и ея положеніи, нельзя не указать на фактъ культурнаго общенія и единства той части ея, которая издается въ россійской Украинѣ, съ той, которая сосредоточена въ австрійской Украинѣ. Этотъ фактъ ярко и опредѣленно долженъ быть отмѣченъ по отношенію къ болѣе значительнымъ журнальнымъ предпріятіямъ, преслѣдующимъ общенаціональныя задачи. Единеніе и общеніе между обѣими частями Украины, по мѣрѣ роста національнаго самосознанія, должно возрастать и выявляться въ журнальныхъ и газетныхъ предпріятіяхъ все болѣе рельефно. Но на этотъ случай въ проектѣ установлены мѣры предупрежденія и пресѣченія иностраннымъ подданнымъ; въ томъ числѣ, конечно, австрійскимъ украинцамъ преграждена возможность быть во главѣ повременныхъ изданій; иностранные подданные,—гласитъ проектъ,—могутъ быть отвѣтственными издателями только съ особаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ запискѣ къ проекту министръ внутреннихъ дѣлъ высказываетъ свою скорбь по поводу того, что въ печать проникъ капиталистъ, который ведетъ это дѣло, руководясь соображеніями выгоды, а не идейными и художественными задачами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ проектѣ создаются нормы, которыя допускаютъ и дѣлаютъ возможнымъ существованіе именно лишь прессы, организованной на капиталистической основѣ. Систему денежной отвѣтственности, отнюдь не замѣняемой личной, могутъ выдержать, разумѣется, только

лишь изданія, которыя имѣютъ запасный капиталъ, изданія, для которыхъ раскрытъ карманъ капиталистическаго предпринимателя.

Создаваемая этими нормами серьезная угроза существованію русской идейной журналистики для украинской прессы есть угроза существованію ея въ цѣломъ, опасность, которая сможетъ смести съ лица земли всю украинскую повременную печать, второй указъ 1876 года.

Кто знаетъ положеніе дѣлъ въ украинской прессѣ, тотъ не сочтетъ нашихъ словъ преувеличеніемъ. Мы не имѣемъ ни одного капиталистически организованнаго журнальнаго или газетнаго предпріятія; всѣ они издаются на гроши, всѣмъ имъ удается сводить концы съ концами цѣной неимовѣрныхъ усилій; если при такихъ условіяхъ будетъ введена система денежной отвѣтственности, притомъ въ тѣхъ значительныхъ размѣрахъ, которые устанавливаетъ проектъ, то кто знаетъ, долго ли придется ждать того времени, когда украинская пресса обратится въ поле, усѣянное мертвыми костями. Нужна будетъ для этого только достаточная энергія административнаго и судебнаго нажима, а не намъ сомнѣваться въ томъ, что она, эта энергія, будетъ обнаружена съ избыткомъ.

Изъ приведеннаго нами выше дополненія къ запискѣ видно, что административная энергія по отношенію къ украинскому слову находила форму для своего проявленія преимущественно въ видѣ циркуляровъ. Мы не сомнѣваемся, что въ томъ случаѣ, если проектъ г. Маклакова станетъ закономъ, все невосполненное и пропущенное въ немъ будетъ съ избыткомъ возмѣщено циркулярами. Хотя и трудно теперь предугадать то направленіе, въ которомъ можетъ вылиться циркулярная дѣятельность министерства, но все-же намъ бы хотѣлось указать на одинъ пунктъ проекта, который грозитъ цѣлымъ рядомъ циркуляровъ и разъясненій. Это—пунктъ 68, опредѣляющій случаи, когда не выдается свидѣтельство на право изданія періодическаго органа, точнѣе—то его мѣсто, которое устанавливаетъ положеніе о томъ, что разрѣшеніе не выдается въ случаѣ, если названіе изданія или его программа заключаетъ что-либо противное уголовному закону или благопристойности. Думаемъ, что это мѣсто грозитъ многочисленными разъясненіями, основываясь на практикѣ властей, въ отношеніи закона 4-го марта объ обществахъ и союзахъ.

Приблизительно соотвѣтственное мѣсто закона 4-го марта, разъясненное и комментированное административной практикой, привело, какъ извѣстно, къ тому, что явочный порядокъ открытія обществъ фактически уничтоженъ. Въ частности, по отношенію къ украинскимъ обществамъ спеціальный циркуляръ Столыпина прямо предписывалъ такихъ обществъ не разрѣшать. Думаемъ, что существуетъ опасность подобнаго положенія и въ томъ случаѣ, если будетъ осуществленъ законъ о печати. Растяжимое понятіе о программѣ, противной уголовному закону или благопристройности, можетъ быть дополнено и комментировано въ соотвѣтствіи съ настроеніемъ административныхъ сферъ. И отъ этихъ дополненій и комментаріевъ, разумѣется, украинской прессѣ не приходится ждать добра.

Мы не боимся, что нарисованная нами картина перспективы украинской прессы при новомъ законѣ слишкомъ мрачна. Мы увѣрены, что дѣйствительность, въ случаѣ его осуществленія, будетъ еще печальнѣе и тяжелѣе, что условія для существованія печатнаго слова создадутся совершенно невыносимыя.

Не знаемъ, суждено ли стать проекту закономъ; тотъ единодушный отпоръ, который встрѣтилъ проектъ даже со стороны консервативныхъ круговъ, вызвалъ, судя по послѣднимъ газетнымъ свѣдѣніямъ, колебанія и нерѣшительность въ правящихъ сферахъ [1]). Но если этотъ проектъ и останется только на бумагѣ, безъ сомнѣнія, его долго будутъ помнить, на него долго будутъ ссылаться какъ на наглядный примѣръ того, какъ сильны пережитки средневѣковья въ нашемъ обновленномъ строѣ. А въ исторіи украинской прессы новому проекту будетъ отведено почетное мѣсто рядомъ съ указомъ 1876 г.

В. Садовскій.

---

[1]) Какъ извѣстно, совѣтъ министровъ высказался за пересмотръ проекта

Ред.

Украинское Общество „Просвіта“ во Львовѣ.

Старанія галицкихъ украинцевъ основать національное просвѣтительное Общество возникли еще въ 1846 году. Тогдашніе прогрессивные украинцы г. Львова задумали основать Общество наподобіе чешской и сербской „Матицы“. Однако эта прекрасная мысль была реализована только лишь въ 1848 году „Головною руською Радою“, которая и ввела въ жизнь просвѣтительное Общество подъ именемъ „Галицько-руськоі Матиці“. Первое общее собраніе вновь основаннаго Общества имѣло внушительный характеръ и извѣстно, какъ съѣздъ сотни „руських ученых“, въ дѣйствительности первый украинскій просвѣтительный съѣздъ въ Галиціи.

Однако это Общество въ непродолжительномъ времени похоронило возлагавшіяся на него надежды. Причиной этому были и общія австрійскія условія того времени, и спеціально галицко-украинскія. Политическая реакція въ Австріи послѣ 1848 г. заморозила тотъ первоцвѣтъ, который успѣлъ показаться въ часы свободы, въ эпоху „весны народовъ“. Украинскій элементъ въ Галиціи былъ въ то время политически не воспитанъ. Главную часть интеллигенціи составляло тогда духовенство, при этомъ часть его была полонизована, а остальные хотя и желали подъ вліяніемъ богослужебныхъ книгъ изданій для народа на его родномъ языкѣ, но таковымъ въ ихъ представленіи являлся не подлинно народный „хлопскій“ языкъ, а какой-то псевдо-аристократическій, съ большой примѣсью церковно-славянскихъ словъ, который являлся какъ бы мостомъ къ „общерусскому литературному языку“. Сравнительно немногочисленная группа послѣдовательныхъ сторонниковъ языка народныхъ массъ въ литературѣ и крѣпкихъ связей съ литературнымъ развитіемъ россійской

Украины, обратила свои взоры на Якова Головацкаго, одушевленно продолжавшаго работу Маркіяна Шашкевича, преждевременно прерванную смертью этого идеалиста. Все, чѣмъ обозначилась литературная жизнь галицкой Украины въ промежутокъ между 1841—1848 гг., сдѣлалъ или подготовилъ Яковъ Головацкій. Поэтому было основаніе надѣяться, что, получивъ въ декабрѣ 1848 г. каѳедру украинскаго языка и литературы во львовскомъ университетѣ, онъ станетъ на твердую почву и будетъ подготовлять не только дѣятелей науки (въ дѣйствительности не подготовилъ ни одного), но и сѣятелей въ народѣ просвѣщенія и національной сознательности.

Однако не такъ вышло, какъ того ожидали. Очень быстро Головацкій попалъ въ сѣти святоюрцевъ, которые захватили въ свои руки не только раздачу церковныхъ приходовъ, но и народную школу, при этомъ имѣли большое вліяніе также и на школу среднюю.

Псевдо-аристократическое святоюрское гнѣздо темныхъ силъ, состоявшее изъ сознательныхъ и безсознательныхъ объединителей, проникло позиціей своего духовнаго вождя, извѣстнаго ученаго, нѣкогда поляка, позднѣе „общеросса“, Дениса Зубрицкаго, считавшаго, что для простолюдина вполнѣ достаточно псалтыри и молитвенника. Дѣятельность святоюрцевъ могъ въ значительной степени парализовать Яковъ Головацкій въ томъ случаѣ, если бы добросовѣстно выполнилъ свою обязанность профессора украинскаго языка и литературы. Святоюрцы это поняли и приложили старанія къ тому, чтобы Головацкій очутился въ ихъ таборѣ. Когда они достигли этого, то было ужъ легко и „Матицу“, стремившуюся работать главнымъ образомъ надъ народнымъ просвѣщеніемъ, отвлечь отъ ея первоначальной цѣли. А такъ какъ ни Головацкій, ни Антонъ Петрушевичъ и имъ подобные не имѣли возможности гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ похвалиться своей ученостью, то вскорѣ „Матица“ начала издавать всевозможные галицкіе „Историческіе сборники“, „Літературно-наукові сборники“ и „Наукові сборники“, которые пользовались такой симпатіей украинской читающей публики, что временами имѣли всего лишь 25 подписчиковъ.

Страшный антрактъ 50-хъ годовъ въ культурномъ развитіи галицкой Украины былъ прерванъ началомъ 60-хъ годовъ. Въ темный галицкій уголъ блеснули солнечные

лучи изъ россійской Украины. Смерть Шевченка произвела сильное впечатлѣніе на украинскую молодежь въ Галиціи, а также и на небольшую группу свѣтской интеллигенціи. Пробудился большой интересъ къ россійской Украинѣ и ея литературѣ, а знакомство съ послѣдней облегчали основанныя при гимназіяхъ студенческія „громады". Съ 1862 г. начали выходить сначала литературные, а потомъ и политическіе органы такъ-называемой „украинофильскоі народовецькоі" партіи на языкѣ, который былъ найденъ въ произведеніяхъ украинскихъ писателей россійской Украины. Народная партія съ каждымъ годомъ численно возрастала и въ 1865 г. рѣшилась прервать покой „Матицы" бурнымъ общимъ собраніемъ, на которомъ все-же объединители численно превозмогли своихъ противниковъ.

Пробы оживить „Матицу" и дѣятельность ея направить въ сторону первоначальной главной цѣли ея основанія—просвѣщеніе народа—не удались. Надо было основывать новое аналогичное „Матицѣ" общество. Между тѣмъ вошелъ въ жизнь новый законъ объ обществахъ; въ 1867 г. младочехи основали „Matice Lidu", чѣмъ дали достойный подражанія примѣръ для народовцевъ. Извѣстный галицкій патріотъ Петръ Качала въ „Словѣ" подалъ мысль объ основаніи отдѣльнаго просвѣтительнаго Общества. Мысль эту выносила въ своихъ сердцахъ и провела въ жизнь университетская молодежь. Въ мартѣ была выбрана комиссія для выработки устава, который, послѣ отказа въ утвержденіи намѣстникомъ, былъ утвержденъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ совмѣстно съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Организаторы начали собирать членовъ, и 26-го октября (8-го ноября) было устроено уже первое общее собраніе основаннаго Общества „Просвіта". На собраніе явилось 72 члена и около 150 молодыхъ и пожилыхъ гостей.

Очень симпатичное впечатлѣніе произвело привѣтствіе старика-священника, продѣлавшаго 18-тимильный путь для представительства села на собраніи. Онъ между прочимъ указалъ на причины такъ-называемой неблагодарности и недовѣрія народныхъ массъ, основанія для которыхъ заключаются въ томъ, что всякій, кто только посредствомъ образованія поднимется надъ народной массой, покидаетъ ея ряды. „Каждая дорога,—говорилъ онъ,—поведетъ тебя изъ отчаго дома на чужбину, только не найдешь той дороги, которая привела бы тебя обратно къ своему на-

роду“. Первая секція „Просвіти“ со своимъ предсѣдателемъ Н. Вахнянином прежде всего постаралась познакомить общество съ тѣми мѣрами, при помощи которыхъ рѣшила взяться за дѣло народнаго просвѣщенія. Въ 1869 году секція выпустила воззваніе, въ которомъ выяснены причины, заставившія основать Общество. Въ этомъ воззваніи находилось цѣнное признаніе, которое и теперь не долженъ забывать украинскій интеллигентъ: „Мы дѣйствительно проявляли много доброй воли и патріотизма, когда направляли наши усилія на то, чтобы возможно скорѣе образовать многочисленную интеллигенцію, чтобы повеличаться такой литературой, какова у иныхъ народовъ, чтобы основать украинскій театръ, чтобы имѣть украинскія гимназіи, университетъ; однако о самомъ важномъ дѣлѣ, о дѣлѣ народнаго просвѣщенія, которое образовало бы твердую основу для всѣхъ нашихъ пріобрѣтеній, мы мало заботились до сихъ поръ“.

Какъ видно изъ этого воззванія, главная цѣль Общества—познать свой народъ, узнать все его богатство и его недостатки, научить народъ тому, что для него является самымъ полезнымъ. Для этой цѣли Общество будетъ издавать популярныя книжки и газеты по самой низкой цѣнѣ. Свои изданія на народномъ языкѣ Общество желало распространить по самымъ отдаленнымъ и темнымъ угламъ нашего края, по городамъ и селамъ, чтобы возможно больше могъ пользоваться ими нашъ народъ.

Первымъ популярнымъ изданіемъ „Просвіти“ былъ букварь для крестьянъ и мѣщанъ „Зоря“, который въ количествѣ 2-хъ тысячъ экземпляровъ разошелся въ продолженіе двухъ недѣль.

Первый фазисъ въ развитіи „Просвіти“ закончился 1869 годомъ. Уже въ 1870 году почувствовалась потребность въ пересмотрѣ устава. Первоначальный уставъ цѣлью „Просвіти“ ставилъ познаніе и просвѣщеніе народа. Способами достиженія указанной цѣли должны были служить: 1) собираніе и изданіе всѣхъ плодовъ устной народной словесности, какъ-то: пѣсенъ, сказокъ, проповѣдей, историческихъ пересказовъ, вообще всего того, что можетъ помочь познанію народа и его исторіи; б) изданіе популярныхъ брошюръ по всѣмъ отраслямъ науки соотвѣтственно степени пониманія народа и его потребностямъ.

Въ уставѣ 1870 года была исключена научная сторона.

Главная цѣль „Просвіти“ заключалась исключительно въ распространеніи просвѣщенія среди украинскаго народа. Достичь этого „Просвіта“ надѣялась посредствомъ: а) изданія произведеній на украинскомъ языкѣ для образованнаго класса, для употребленія въ школахъ, но прежде всего должны были издаваться популярныя работы для городского и сельскаго люда; в) помощи частнымъ изданіямъ, преслѣдующимъ подобнаго рода задачи; в) расширенія своихъ и аналогичныхъ чужихъ издательствъ; г) открытія библіотекъ и читаленъ; д) открытія бурсъ, въ которыхъ также преподавались бы географія, исторія и статистика родного края; е) помощи полезнымъ народнымъ учрежденіямъ; ж) помощи заслуженнымъ литераторамъ, учителямъ народныхъ школъ и учащейся молодежи посредствомъ стипендій, премій и другихъ способовъ; з) издательства въ случаѣ потребности газеты, соотвѣтствующей цѣлямъ Общества; и) съѣздовъ украинскихъ ученыхъ для совѣщаній по различнымъ вопросамъ науки; і) устройства по мѣрѣ возможности публичныхъ лекцій и литературно-музыкальныхъ вечеровъ. Также было упоминаніе о народномъ музеѣ и объ устройствѣ промышленно-хозяйственныхъ и этнографическихъ выставокъ.

Прежде всего упомяну объ издательской дѣятельности Общества въ первомъ періодѣ его развитія. Для интеллигенціи были изданы „Повѣсти“ Ивана Левицкаго и лекціи П. Свѣнцицкаго „Вік 19-й у діях літератури українськоі“.

Большія заслуги имѣетъ „Просвіта“ въ дѣлѣ подготовки и изданія учебниковъ для среднихъ школъ. Сбитые съ толку объединительной утопіей, святоюрцы упустили удобное время въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ и не постарались добыть для украинской средней школы необходимыхъ ей правъ. Когда же по истеченіи 20-ти лѣтъ конституціонной эры въ низшихъ 4-хъ классахъ академической львовской гимназіи былъ введенъ украинскій языкъ преподаванія, то ученики очутились безъ нужныхъ учебниковъ, и „Просвітѣ“ надо было литографировать наиболѣе необходимые изъ нихъ.

По мѣрѣ увеличенія фондовъ Общества получили возможность и другіе его отдѣлы издавать школьныя пособія въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Къ этому понуждалъ „Просвіту“ Ксенофонтъ Климковичъ, внесшій на второмъ общемъ собраніи слѣдующее заявленіе, принятое собраніемъ: Секція

„Просвіты“, войдя въ соглашеніе съ остальными членами Общества, изберетъ комиссію, которая по утвержденіи секціей выработанной ею программы займется приготовленіемъ учебныхъ пособій на украинскомъ языкѣ прежде всего для среднихъ школъ. Секція же исправленныя комиссіей рукописи предложитъ той власти, которая будетъ установлена для одобренія украинскихъ учебниковъ, стараясь одновременно, чтобы авторы одобренныхъ работъ соотвѣтственно вознаграждались изъ краевыхъ суммъ, а книжки ихъ были бы изданы на средства „Просвіти“.

Слѣдуя директивамъ собранія, секція избрала комиссію для выработки номенклатуры для учебниковъ по филологіи, математикѣ, географіи и физикѣ. Одновременно Общество выпустило воззваніе ко всѣмъ учителямъ-украинцамъ въ Галиціи съ просьбой составлять необходимыя учебныя пособія. Въ промежутокъ между 1871—1876 гг., не взирая на большія трудности, „Просвіта“ издала 17 учебниковъ въ количествѣ 13,000 экземпляровъ, въ 255 большихъ печатныхъ листовъ. Нѣкоторые учебники, составленные комиссіей или членами, были изданы на средства школьнаго фонда, Ставропигіи, даже „Матицы“. Авторами школьныхъ учебниковъ были учителя: Ом. Огоновський, Юл. Романчук, К. Лучаківський, Ом. Дейницький, Н. Вахнянин, А. Шанковський, Ів. Верхратський, Вас. Ульницький, Ом. Калужцький, Мих. Полянський. Прежде всего издавались учебники для низшихъ классовъ гимназіи, что же касается учебниковъ для старшихъ классовъ, то потребность въ нихъ явилась только въ 1873 г., когда и здѣсь было введено преподаваніе на украинскомъ языкѣ.

Велика заслуга „Просвіти“ въ томъ, что она изъ школьныхъ учебниковъ изгнала господствовавшее до тѣхъ поръ „язычіе“ и ввела чистый народный языкъ. Кромѣ того, „Просвіта“ не ограничилась работой для средней школы, но обратила большое вниманіе и на книжки для низшихъ школъ, поэтому заслугой „Просвіти“ является и то, что живой народный языкъ сдѣлался господствующимъ и въ народныхъ школахъ. Хорошо охарактеризовалъ значеніе „Просвіти“ для школьнаго дѣла В. Барвінський на общемъ собраніи 1879 года. „Однимъ изъ самыхъ трудныхъ, но зато и самыхъ важныхъ пріобрѣтеній нашей народной борьбы за существованіе,—говорилъ онъ,—является открытіе одной украинской гимназіи. Это было первое серьезное

признаніе того положенія, что нашъ языкъ имѣетъ право господствовать во всѣхъ школахъ Руси—Украины. Однако это было только теоретическое признаніе, надо было его осуществить, создать школьные учебники. И эта тяжелая работа, когда приходилось создавать все вновь, исполнена. Эта работа—одинъ изъ народныхъ подвиговъ. Это было созданіе украинской школы".

Разумѣется, гораздо больше могла бы сдѣлать „Просвіта" на этомъ поприщѣ, если бы и дальше продолжала начатую работу.

Но „Просвіта" сдѣлала неосторожный шагъ, выпустивъ изъ своихъ рукъ это издательство. Причины тому слѣдующія: выплачивать авторскій гонораръ взяло на себя министерство народнаго просвѣщенія, а для печатанія, клише и пр. ассигновалъ субсидію галицкій сеймъ, что составило 11,500 зол., т.-е. около 10,000 руб., за время отъ 1871 до 1874 г. Въ маѣ 1875 г. полякъ Поляновскій выступилъ въ сеймѣ противъ „Просвіти" на основаніи извлеченій изъ двухъ популярныхъ брошюръ. Какъ и слѣдовало ожидать, эти вырѣзки были ему присланы однимъ изъ галицкихъ интеллигентныхъ недоучекъ, какимъ-то народнымъ учителемъ.

На основаніи этихъ выдержекъ изъ двухъ совершенно невинныхъ брошюръ польскій опекунъ украинскаго общества обвинилъ „Просвіту" въ томъ, что она провозглашаетъ различіе между интересами мужика и пана, выступаетъ противъ правительства и распространяетъ схизму. Правда, дебаты по этому поводу окончились признаніемъ невиновности „Просвіти", но въ пылу полемики кто-то изъ поляковъ бросилъ инсинуацію, что „Просвіта" признаетъ польскую государственную идею. Какъ протестъ противъ этой инсинуаціи былъ отказъ „Просвіти" отъ субсидіи, хотя и не польскаго, но краевого сейма.

Большое значеніе надо признать за аргументами тогдашняго предсѣдателя „Просвіти" Ѳедоровича, который на общемъ собраніи Общества, происходившемъ на другой день послѣ дебатовъ въ сеймѣ, сказалъ въ общемъ слѣдующее: „Просвіта" является Обществомъ ни отъ кого независимымъ. Если она взяла на себя трудъ изданія школьныхъ книгъ, то дѣлала это исключительно для блага своего народа, а не изъ-за денегъ; что же касается суммъ, ассигнуемыхъ краемъ для изданія школьныхъ учебниковъ,

то въ расходованіи ихъ „Просвіта“ отдаетъ точный отчетъ. Въ дѣлѣ же изданія популярныхъ книгъ „Просвіта“ находится подъ опекою одного лишь права. О чемъ могутъ свободно писать поляки или нѣмцы, того нельзя запретить и украинцамъ. Ни депутатъ Поляновскій, ни сеймъ не имѣли права подвергать цензурѣ популярныя изданія. Однако, чтобы на будущее время избавить „Просвіту“ отъ такихъ обвиненій противниками, я жертвую „Просвітѣ“ имѣніе Клебанівку, цѣнностью въ 12,000 зол., и надѣюсь, что „Просвіта“ откажется отъ унижающей ее помощи краевого сейма. „Просвіта“ является Обществомъ независимыхъ людей, поставившихъ своей цѣлью работу надъ матеріальнымъ и моральнымъ развитіемъ своего народа. „Просвіта“ не посмотритъ ни на Поляновскаго, ни на сеймъ, она будетъ считаться только лишь съ 20-тимилліоннымъ украинскимъ народомъ, для котораго она является средоточіемъ народной жизни, его сердцемъ и головою. Народъ этотъ выразилъ уже намъ свое довѣріе, раскупивъ въ текущемъ году 30,000 популярныхъ книгъ“.

Во время предсѣдательствованія этого щедраго жертвователя (отъ мая 1873 г. до мая 1877 г.) появилась статья въ „Кіевскомъ Телеграфѣ“, авторъ которой хотѣлъ видѣть этотъ май 1873 г. началомъ укрѣпленія связей Общества съ украинскимъ мѣщанствомъ и крестьянствомъ,—началомъ болѣе реальной, болѣе прогрессивной и энергичной дѣятельности „Просвіти“. Членами Общества являлись главнымъ образомъ молодые свѣтскіе интеллигенты и немногочисленные представители духовенства, понимавшіе важность народнаго просвѣщенія.

Что касается изданія популярныхъ книжекъ, то дѣятельность „Просвіти“ за это время видна изъ слѣдующей таблицы:

1869 г.	4 книжки.	20000 экземпляровъ.
1870 „	3 „	18000 „
1871 „	4 „	24000 „
1872 „	4 „	24000 „
1873 „	4 „	22000 „
1874 „	12 „	123000 „
1875 „	6 „	83515 „
1876 „	6 „	75230 „

Отдѣльныя книжечки выходили въ числѣ отъ 1,000 до 10,000 экземпляровъ и распространялись при помощи книж-

ныхъ лавокъ и комиссіонеровъ, разсѣянныхъ по всему краю. Дѣлали заказы на эти книжки и нѣкоторыя уѣздныя присутствія; наименьшій спросъ на нихъ былъ со стороны священниковъ. Хотя эти изданія отличались односторонним, клерикальнымъ характеромъ, но все-же были ненавистны духовенству, такъ какъ „Просвіта“ являлась представительницей сторонниковъ народныхъ украинскихъ массъ. Различныя сельскія и городскія библіотеки, ремесленныя товарищества и пр. получали даровые экземпляры изданія „Просвіти“.

Помимо всего этого „Просвіта“ помогала и другимъ учрежденіямъ, въ особенности учащейся молодежи, поскольку послѣдняя стояла на украинской почвѣ, стремилась развить національное самосознаніе украинцевъ-ремесленниковъ, для чего устраивала рефераты, празднества въ годовщину смерти Шевченка, Маркіяна Шашкевича, боролась за равноправіе языковъ въ общественной жизни и проч. За время съ 1868 г. по 1876 г. вступило въ Общество 564 новыхъ членовъ.

Надежды „Кіевскаго Телеграфа“, что событія въ маѣ 1875 года увеличатъ энергію „Просвіти“, не оправдались. Съ 1877 года Общество уменьшило членскій взносъ до 1 гульдена въ годъ, причемъ давало членамъ всѣ популярныя изданія. Такимъ образомъ, съ этого времени „Просвіта“ имѣла уже не членовъ, а подписчиковъ. Это могъ себѣ позволить любой энергичный издатель съ небольшимъ капиталомъ для начала, но Обществу этого дѣлать не слѣдовало. Для распространенія просвѣщенія въ народѣ оно избрало самый легкій путь, на которомъ меньше всего могли встрѣтиться различныя сопротивленія, но, по моему мнѣнію, это былъ фатальный шагъ въ развитіи „Просвіти“. Правда, для такого поворота въ дѣятельности „Просвіти“ были извѣстныя основанія въ виду препятствій и запрещенія комиссіонной продажи книгъ, конкуррирующее „Общество им. Мих. Качковськаго“, которое давало за членскіе взносы книжки, но все-же правда и то, что первоначальный размахъ въ развитіи Общества лишился своей былой силы. „Просвіта“ не задумывалась даже надъ тѣмъ, продолжаетъ ли она работу народной школы. Выдача книгъ за членскіе взносы хотя отразилась на ростѣ числа членовъ, но распространеніе книгъ въ народѣ сократилось, печататься книжки стали въ меньшемъ количествѣ экземпля-

ровъ и тѣмъ меньшее ихъ число попадало въ народныя массы. Предлагаемая таблица показываетъ, какъ медленно развивается теперь дѣятельность „Просвіти“.

Въ 1877 г.	вступило новыхъ чл.	322,	издано книж.	5	въ колич.	40850 экз.
1878	„	391	„	2	„	16960
1879	„	130	„	4	„	18400
1880	„	105	„	6	„	23340
1881	„	148	„	5	„	18970
1882	„	160	„	6	„	26710
1883	„	312	„	7	„	21000
1884	„	392	„	6	„	28505
1885	„	324	„	7	„	26525
1886	„	196	„	7	„	32275
1887	„	246	„	7	„	31785
1888	„	366	„	9	„	37735
1889	„	410	„	9	„	37790
1890	„	770	„	8	„	50470
1891	„	841	„	24[1])	„	99030

Въ 1878 году было издано только 2 книжки благодаря тому, что члены Общества получали газету, издаваемую „Просвітой“, „Письма з Просвіти“, когда же она была пріостановлена, то читатели потребовали политической газеты „Батьківщина“ путемъ особаго соглашенія съ редакціей упомянутой газеты. Въ показанное число книжекъ входятъ и тѣ, которыя издавались только лишь для продажи и не давались даромъ членамъ. Эти 15 лѣтъ (отъ 1877 до 1891 г.) являются вторымъ фазисомъ въ развитіи „Просвіти“, а предсѣдателемъ ея въ этотъ періодъ былъ профессоръ украинскаго языка и литературы во львовскомъ университетѣ Омельянъ Огоновський. Работалъ онъ въ „Просвітѣ“ съ самаго ея основанія, а предсѣдательствовалъ и въ третьемъ періодѣ дѣятельности „Просвіти“ до самой своей смерти въ 1894 г. Въ это время „Просвіта“ обратила серьезное вниманіе на читальни, которыя имѣли право считаться членами „Просвіти“ и за 1 зол. въ годъ получать популярныя изданія. Читальни, впервыя вступающія въ число членовъ „Просвіти“, снабжались безплатно всѣми ея изданіями.

Въ дѣлѣ изданія книгъ Общество придерживалось плана, выработаннаго особой комиссіей въ 1876 году. Планъ этотъ заключалъ въ себѣ 4 отдѣла: этическій, юмористическій,

[1]) Такъ-называемыхъ членскихъ книжекъ въ 1891 г. издано Обществомъ только 6,

національно-информаціонный и научный (естественныя, историческія, техническія и юридическія науки). Вслѣдствіе полицейскаго запрещенія комиссіонной продажи чужихъ изданій, а также частыхъ полицейскихъ обысковъ въ поискахъ соціалистической пропаганды Общество нѣсколько разъ возобновляло хлопоты о разрѣшеніи устроить собственный книжный складъ; но эти хлопоты были безуспѣшны.

Въ началѣ 80-хъ гг. одной изъ важнѣйшихъ задачъ своей дѣятельности „Просвіта“ считала устройство по селамъ и мѣстечкамъ новыхъ читаленъ и оживленіе дѣятельности уже существующихъ, такъ какъ читальни являются могучимъ средствомъ расширенія въ массахъ просвѣщенія и самопознанія. Для вновь открываемыхъ читаленъ „Просвіта“ печатала собственными средствами уставы и формуляры прошеній къ подлежащимъ властямъ о разрѣшеніи на открытіе; на открытіе читальни посылала своихъ делегатовъ, а въ 1884 г. при „Просвітѣ“ былъ образованъ „Комитетъ для читаленъ“, который устраивалъ всѣ дѣла читаленъ, переписывался съ ихъ основателями и давалъ нужные имъ совѣты.

Помимо этой дѣятельности Общество продолжало и предыдущую работу, стараясь возможно шире толковать пункты устава, а въ особенности стремилось содѣйствовать росту библіотекъ (въ чемъ велика заслуга Кости Паньківського), а позднѣе и музея. Общество издало различныя правила, инструкціи для кассъ, хлѣбныхъ складовъ, нотаріусовъ, адвокатовъ, этнографическую карту галицкой и буковинской Украины, сборникъ украинскихъ народныхъ пѣсенъ, портретъ Шевченка, альбомъ украинскихъ общественныхъ дѣятелей и молитвенники. Самый большій спросъ былъ на календарь „Просвіти“, редактируемый Вол. Левицькимъ.

Эта секція „Просвіти“ неутомимо добивалась правъ для украинскаго языка. Свой голосъ присоединяла она и къ голосамъ другихъ Обществъ, когда послѣднія дѣлали какое-либо усиліе для расширенія національныхъ правъ. Такъ, въ 1887 г. секція совмѣстно съ политической украинской народовецкой партіей подала въ министерство народнаго просвѣщенія петицію объ открытіи украинской гимназіи въ Перемышлѣ и украинскихъ учительскихъ семинарій по всей Галиціи. Открытіе украинской гимназіи

въ Перемышлѣ было вторымъ по счету завоеваніемъ украинскаго общества для средняго образованія.

Въ 1888 году была избрана комиссія для составленія программы издательства популярныхъ книгъ. Въ составъ ея вошли Ол. Барвінський, Н. Вахнянин и д-ръ Е. Олесницький. Комиссія эта постановила, что популярная библіотека должна заключать въ себѣ 10 ежемѣсячныхъ книжечекъ въ 1½—2 печатныхъ листа и календарь. Двѣ книжечки предназначались для повѣстей изъ народно-общественной жизни и для морально-религіозныхъ разсказовъ, двѣ—для историческихъ разсказовъ, двѣ—для изслѣдованій по экономикѣ, хозяйству, исторіи промышленности и торговли, одна—для гигіены, краткій народный юридическій справочникъ, этнографическіе и географическіе очерки, а также очерки по природовѣдѣнію.

Во второмъ періодѣ своей дѣятельности „Просвіта“ начала собирать деньги для пріобрѣтенія собственнаго дома. Удалось этого достичь „Просвітѣ“ уже по смерти Огоновського въ 1895 г., когда Обществомъ былъ купленъ въ центрѣ Львова каменный двухъэтажный домъ за 260,000 кор. Этой покупкой „Просвіта“ заложила крѣпкій фундаментъ для своей матеріальной обезпеченности и дальнѣйшаго развитія. Одновременно „Просвіта“ собрала львиную долю фонда для постройки украинскаго театра во Львовѣ.

Въ 1891 г. былъ выработанъ новый уставъ Общества, внесшій нѣкоторыя новыя черты въ дѣятельность „Просвіти“, и съ этого времени начинается третій періодъ ея дѣятельности. Кромѣ изданія книгъ и иныхъ способовъ достиженія цѣлей Общества новый уставъ вводилъ и устное знакомство народа съ различными культурными и экономическими вопросами, открытіе филій и читаленъ „Просвіти“, помощь имъ и руководительство ихъ дѣятельностью, открытіе сельскохозяйственныхъ и промышленныхъ союзовъ, общественныхъ лавокъ, зернохранилищъ, сберегательныхъ и кредитныхъ кассъ, открытіе сельскохозяйственныхъ и промышленныхъ школъ, помощь населенію въ дѣлѣ пріобрѣтенія хорошихъ сѣмянъ, машинъ и вообще всякихъ сельскохозяйственныхъ инструментовъ. Въ общемъ же „Просвіта“ ставила своей цѣлью пріохотить всѣ круги украинскаго народа къ просвѣщенію, наукѣ, разбудить интересъ къ сбереженію и работѣ и употреблять всѣ

мѣры, могущія повлечь за собой расширеніе просвѣщенія и поднятіе матеріальнаго достатка украинскаго народа.

Самымъ важнымъ нововведеніемъ этого устава являются читальни „Просвіти". И раньше Общество серьезно заботилось о читальняхъ, но теперь, когда въ силу новаго устава читальни были тѣсно связаны съ Обществомъ, дѣло ихъ развитія пошло быстрѣе. А разъ душой читальни является библіотека, то понятно станетъ значеніе читаленъ въ дѣлѣ продолженія школьнаго образованія. Ростъ читаленъ „Просвіти" таковъ: въ концѣ 1893 г. „Просвіта" насчитывала 83 читальни, въ 1895 г.—190, 1897 г.—521, 1899 г.—816, 1901 г.—1,044, 1903—1,339, 1905 г.—1,550, 1907 г.—1,924, 1909 г.—2,323, а въ концѣ 1912 г.—*2,611*.

Успѣшная работа читаленъ отразилась и на общемъ числѣ членовъ „Просвіти".

Въ 1892 г.	вновь	вступили	чл.	628	изд.	книж.	11	въ колич. 91610 экз.
„ 1893 „		„		505	„		11	„ 96340 „
„ 1894 „		„		574	„		10	„ 67860 „
„ 1895 „		„		572	„		9	„ 46500 „
„ 1896 „		„		896	„		9	„ 51600 „
„ 1897 „		„		1333	„		11	„ 68000 „
„ 1898 „		„		1137	„		8	„ 70000 „
„ 1899 „		„		944	„		7	„ 55000 „
„ 1900 „		„		1182	„		9	„ 83000 „
„ 1901 „		„		1000	„		9	„ 85000 „
„ 1902 „		„		1063	„		8	„ 82000 „
„ 1903 „		„		1203	„		8	„ 87000 „
„ 1904 „		„		1359	„		8	„ 92000 „
„ 1905 „		„		941	„		8	„ 120000 „
„ 1906 „		„		1070	„		8	„ 73000 „
„ 1907 „		„		1379	„		10	„ 120000 „
„ 1908 „		„		1800	„		9	„ 130000 „

Въ 1908 г. исполнилось сорокалѣтіе издательской дѣятельности Общества. За это время „Просвіта" издала 2.325,115 экземпляровъ популярныхъ книгъ для народа. Стараніями „Просвіти" въ годъ юбилея во Львовѣ состоялся украинскій культурно-экономическій конгрессъ, а рефераты, прочитанные въ различныхъ секціяхъ этого конгресса, были изданы „Просвітой" спустя два года подъ заглавіемъ „Перший Український просвітно-економічний конгрес" (8°, XV+655 стр.). Слѣдующіе четыре года вступленіе въ число членовъ общества и изданіе книгъ идетъ такъ:

1909 г.	прибыло членовъ 4136	издано книжекъ	8	въ количествѣ 14800 экз.
1910 „	2819		5	40000
1911 „	2498		5	94000
1912 „	1620		4	72000

Если прибавить еще другія экстренныя изданія „Просвіти“, то къ концу 1912 года было всего ею издано 2.900,000 экземпляровъ популярныхъ книгъ. Къ этому надо еще прибавить 117,000 экземпляровъ „Руськоі Письменности“. Не вошли въ это число также и газеты „Просвіти“.

Благодаря тому, что „Просвіта“ руководила читальнями, тѣсно связывала ихъ съ собой, послѣднія были въ значительной степени обезпечены отъ упадка, какъ это происходило ранѣе съ читальнями, предоставленными собственнымъ силамъ. Кромѣ того „Просвіта“ придала имъ цѣлостное народно-просвѣтительное направленіе и расширила сферу дѣятельности читателей, обративъ вниманіе послѣднихъ на-ряду съ вопросами спеціально просвѣтительнаго характера и на вопросы промышленно-хозяйственной жизни въ цѣляхъ поднятія матеріальнаго благосостоянія украинскаго народа. Успѣхъ читаленъ сказался сразу по ихъ открытіи, такъ какъ онѣ возродили къ жизни многочисленныя потребительскія лавки, кредитныя товарищества, зернохранилища, любительскіе театральные кружки, хоры и пр. Въ этомъ дѣлѣ велика заслуга „филій“, какъ соединителей членовъ и читаленъ съ главнымъ Обществомъ. Отъ 1893 г. до 1896 спеціальный еженедѣльникъ „Читальня“ подъ редакціей К. Паньківського велъ пропаганду дѣятельности „Просвіти“, направленную къ развитію хозяйственно-промышленной жизни.

Въ настоящее время „Просвіта“ насчитываетъ 73 организованныхъ филіи и одну пока еще не сорганизованную. Открывались онѣ въ такомъ порядкѣ: въ 1877 году— 1 филія, 1878 — 1, 1880 — 1, 1888 — 1, 1891 — 3, 1892 — 4, 1895—3, 1896—2, 1897—2, 1898—1, 1899—1, 1901—2, 1902—1, 1903—7, 1904—1, 1905—2, 1906—3, 1907—4, 1908—7, 1909—6, 1910—6, 1911—5, 1912—7, 1913—2.

20 филій являются собственниками довольно цѣннаго имущества. Такъ, имущество филіи въ Станиславовѣ оцѣнивается въ 200,000 кор., Каминка Струмилова обладаетъ имуществомъ въ 180,000 кор., Турка—66,000 кор., Залищики—61,000 кор., Тернополь—56,000 кор., Цишановъ — 50.000 кор. Остальныя филіи обладаютъ меньшимъ имуществомъ.

Лучше всего развиваются тѣ изъ читаленъ, которыя имѣютъ собственныя помѣщенія. Поэтому „Просвіта“ прежде всего стремилась обезпечить читальни собственными

помѣщеніями, помогая имъ изъ собственныхъ средствъ, а также устраивая безпроцентныя ссуды изъ средствъ краевого фонда. За развитіемъ читаленъ надзирали спеціальные „люстратори", а для совѣтовъ по вопросамъ сельскаго хозяйства Общество содержало отдѣльныхъ учителей. Даемъ нѣсколько иллюстрацій къ развитію читаленъ. Въ началѣ 1897 г. во всѣхъ читальняхъ было больше 31,000 членовъ, а при читальняхъ было открыто 146 лавокъ, 124 кредитныхъ кассы и 60 зернохранилищъ. Въ 1903 году во всѣхъ читальняхъ насчитывалось около 66,000 членовъ, библіотеки имѣли больше 100,000 книгъ, лавокъ было 450, зернохранилищъ 250, а кредитныхъ кассъ около 200.

Въ 1909 году читаленъ было 2,286, членовъ въ нихъ—89,950, собственныхъ помѣщеній 270, книгъ въ читальняхъ—197,518, 254 хора, 262 драматическихъ кружка, 466 лавокъ. Цифры эти касаются только лишь читаленъ, приславшихъ свои годовые отчеты. Но 921 читальня отчетовъ не прислали. То же самое надо сказать и относительно отчетовъ за 1910—1912 гг. Поэтому въ дѣйствительности цифры были гораздо выше тѣхъ, которыя приводились выше,—приблизительно около 400 собственныхъ помѣщеній, больше 540 лавокъ, около 300 театральныхъ любительскихъ кружковъ съ 700 представленій, около 200 хоровъ съ 600 концертовъ, около 2,000 рефератовъ, лекцій, 339 кредитныхъ кассъ, 121 зернохранилище, около 70 курсовъ для безграмотныхъ, свыше 200 Шевченковскихъ празднествъ, свыше 300 празднествъ Шашкевича и пр.

Органъ Общества „Письмо з Просвіти" подъ редакціей Юліана Балицького (редактора популярныхъ изданій „Просвіти") знакомитъ общество съ жизнью филій и читаленъ, помѣщаетъ статьи теоретическаго и практическаго характера по организаціи культурнаго движенія, равно какъ знакомитъ съ исторіей его. Этотъ органъ инструктивнаго характера, предназначенный для организаторовъ культурной работы, впослѣдствіи былъ замѣненъ популярной литературно-научной газетой, выходящей съ 1907 г.

Кромѣ популярныхъ книгъ „Просвіта" издавала также работы, предназначенныя для болѣе образованныхъ круговъ украинскаго общества. Изъ этихъ изданій на первый планъ надо поставить „Руську Письменність", которая выходитъ съ 1903 года подъ редакціей Юліана Романчука, учителя и вице-президента австрійскаго парламента. Изда-

ніе это является систематизированнымъ сборникомъ твореній украинскихъ авторовъ, начиная съ Котляревскаго. Въ отдѣльныхъ, очень дешевыхъ томикахъ мы имѣемъ старательно изданныя произведенія тѣхъ писателей, которые заслуживаютъ широкаго распространенія; къ каждому томику приложенъ портретъ и краткая біографія автора, а также поясненія встрѣчающихся мѣстныхъ выраженій и отдѣльныхъ словъ. За 1904 г. въ 1-й части напечатаны произведенія Котляревскаго, Гулака и Гребинки (3,000 экземпл.), во 2-й части въ двухъ томахъ за 1904 и 1905 гг.—произведенія Квитки (4,000 экземл.); въ 3-й ч. за 1906 г.—произведенія Маркіяна Шашкевича, Якова Головацкаго, Н. Устиновича и Ан. Могильницкаго (4,000 экз.); въ 4-й ч. за 1906 г.—Метлинскаго и Костомарова (украинскія произведенія) (3,000 экз.); въ 5-й ч. въ 2-хъ томахъ—„Кобзарь“ Шевченка (5,000 экз.); въ 6-й части въ 6-ти томахъ за 1908, 1909, 1910 гг.—украинскія произведенія Кулиша (5,000 экз.), въ 7-й ч. за 1911 г.—произведенія Глибова, Ксенофонта Климковича и Владимира Шашкевича (5,000 экз.); въ 8-й части за 1911 г.—произведенія О. Стороженка (5,000 экз.); въ 9-й ч. за 1912 г.—въ 3-хъ томахъ (пока вышелъ только 1-й) произведенія Руданскаго (5,000 экз.), а въ 12-й части въ 3-хъ томахъ (пока вышли 2) за 1909 г.—произведенія И. Воробкевича (5,000 экз.). Эту огромную работу выполнилъ проф. Романчукъ совершенно безвозмездно. По его стопамъ пошелъ и проф. Маковей и тоже безвозмездно подготовилъ къ печати произведенія Воробкевича.

Каждый томикъ въ 400—700 страницъ, мал. 8⁰, въ обыкновенномъ переплетѣ стоитъ 1 кор. 60 сот., въ хорошемъ переплетѣ—2 кор.

„Руську Письменність“ общая пресса признала очень цѣннымъ изданіемъ, повидимому, признали то же и читатели, раскупая книги. Произведенія Котляревскаго и Гулака вышли въ 1908 г. вторымъ изданіемъ въ количествѣ 4,000 экземпл., произведенія Квитки—въ 1912 г. въ количествѣ 5,000 экз., совершенно распроданы части 3 и 4, „Кобзарь“ Шевченка опять былъ изданъ въ 1912 г. въ количествѣ 10,000 экземпл.

Кромѣ „Руськоі Письменности“ „Просвіта“ издавала и издаетъ и другія экстренныя изданія. Въ числѣ послѣднихъ—серія работъ по экономикѣ и между ними „Взірцевий

Господарь", быстро разошедшійся въ большомъ числѣ экземпляровъ; начата изданіемъ серія врачебно-санитарныхъ пособій, изданы молитвенники на народномъ языкѣ, пѣсенники, краткія исторіи Украины и другіе очерки на историческія темы. Изъ прежнихъ изданій („Пісьмо з Просвіти" и календарей) сдѣлано 35 оттисковъ такъ-называемыхъ „Просвітних Листков", разошедшихся въ большомъ числѣ среди народа въ видѣ летучекъ. Наиболѣе распространенной украинской книжкой является богато иллюстрированный календарь „Просвіти". Ужъ много лѣтъ печатается онъ подъ редакціей Ю. Балицкаго въ количествѣ 30,000 экземпляровъ.

Въ общемъ въ третьемъ періодѣ дѣятельности „Просвіти" виденъ гораздо большій размахъ и соотвѣтствующій успѣхъ. За это время предсѣдательствовали въ Обществѣ слѣдующія лица: послѣ смерти Ом. Огоновського пятымъ предсѣдателемъ былъ избранъ учитель гимназіи Ю. Романчукъ. Когда же послѣдній долженъ былъ отдаться политической дѣятельности внѣ Галиціи, то на общемъ собраніи 1906 г. избранъ былъ шестымъ предсѣдателемъ Общества д-ръ Е. Олесницькій, отказавшійся отъ предсѣдательствованія въ томъ же году. Седьмымъ предсѣдателемъ избранъ былъ многолѣтній контролеръ отдѣловъ „Просвіти", учитель гимназіи Петръ Огоновський. Съ октября 1910 года предсѣдательствуетъ въ „Просвітѣ" Иванъ Кивелюкъ, членъ Краевого Отдѣла.

Съ полнымъ правомъ „Просвіту" можно назвать матерью другихъ украинскихъ Обществъ, открытыхъ послѣ нея. Она подготовила почву для сѣти кредитныхъ товариществъ, сорганизованныхъ въ „Краевим Союзі ревизійним", а также и поставила на ноги сильную организацію „Сільский Господарь". Теперь уже всевозможные кооперативы, кассы, среднее и низшее образованіе имѣютъ собственную организацію, и „Просвіта" въ настоящее время можетъ со спокойной совѣстью предоставить эти организаціи собственнымъ силамъ; девизомъ же своей дѣятельности считать слова: „въ Галиціи не должно быть ни одного безграмотнаго украинца, ни одинъ украинецъ не долженъ сдѣлаться ренегатомъ!"

Въ теченіе своей сорокалѣтней дѣятельности проводила „Просвіта" принципъ національной самостоятельности. Всѣ свои усилія направляла къ тому, чтобы этотъ принципъ

восторжествовалъ. Въ ея изданіяхъ рука-объ-руку работали австрійскіе и россійскіе украинцы. Выдающіеся украинскіе дѣятели по обѣ стороны границы становились почетными членами „Просвіти“.

По своимъ заслугамъ передъ родиной „Просвіта“ не имѣетъ соперниковъ. Довѣріе украинскаго общества къ „Просвітѣ“ живо подтверждается цѣлымъ рядомъ денежныхъ фондовъ, отданныхъ въ ея распоряженіе, наличность которыхъ равняется 400,000 кор. Имущество Общества превысило милліонъ кор. Для хозяйственныхъ предпріятій оно имѣетъ земельные участки въ Миловани и Угерцахъ Венявскихъ. Помимо цѣлаго ряда агрономическихъ школъ „Просвіта“ содержитъ также и торговую низшую школу во Львовѣ. Во всѣхъ этихъ школахъ, разумѣется, языкомъ преподаванія служитъ украинскій.

Зимой 1913 г. Общество организовало высшіе курсы, а вообще на протяженіи третьяго періода своей дѣятельности организовало многочисленные разнообразные курсы, согласно своему уставу.

Съ октября 1912 г. вошелъ въ силу новый уставъ съ новыми параграфами для дѣятельности „Просвіти“. Для достиженія цѣлей Общества введены еще слѣдующіе способы его дѣятельности: открытіе народнаго театра и кинематографа, организація народныхъ празднествъ, съѣздовъ и прогулокъ съ цѣлью знакомства съ краемъ и народомъ, открытіе книжныхъ складовъ, типографій, переплетныхъ заведеній (уже одно открыто) и другихъ предпріятій, открытіе и веденіе школъ: народныхъ, среднихъ и высшихъ, а также сельскохозяйственныхъ, промышленныхъ, торговыхъ, ремесленныхъ съ украинскимъ языкомъ преподаванія (въ случаѣ необходимости преподаваніе можетъ вестись и на другомъ языкѣ), а также и всевозможныхъ курсовъ, организація образцовыхъ хозяйствъ, опытныхъ станцій, образцовыхъ садовъ и т. п. Какъ видимъ, новый уставъ такъ значительно расширяетъ сферу дѣятельности Общества, что со времени его введенія начинается 4-й періодъ въ его жизни.

Мнѣ кажется, наибольшую пользу принесло бы Общество въ 4-мъ періодѣ своей дѣятельности, если бы прежде всего уничтожило нѣкоторые недостатки въ организаціи народныхъ школъ, открыло бы послѣднія тамъ, гдѣ еще

ихъ нѣтъ, создало бы величественную популярную литературу и рынки ея распространенія въ видѣ десятковъ тысячъ окружныхъ библіотекъ и сотенъ тысячъ библіотекъ сельскихъ. Словомъ, не должно быть ни одного неграмотнаго украинца, ни одной неграмотной украинки. Къ этой работѣ „Просвіта“ можетъ привлечь всю украинскую интеллигенцію Галиціи, всѣхъ интеллигентныхъ рабочихъ и крестьянъ.

М. Вознякъ.

Задачи украинскихъ юристовъ.

Das Leben des Rechts ist Kampf, ein Kampf der Völker, der Staatsgewalt, der Stände, der Individuen.
R. Ihering. Der Kampf um's Recht.

За послѣднее время въ украинской національной жизни произошелъ рядъ отдѣльныхъ событій, которыя хотя внѣшне и разъединены, однако позволяютъ отмѣтить новые любопытные моменты въ общемъ теченіи украинства. Параллельно съ ростомъ и накопленіемъ активныхъ силъ украинскаго движенія становится замѣтнымъ и процессъ дифференціаціи, разслоенія интеллигентныхъ силъ по отдѣльнымъ соціальнымъ группамъ, объединеннымъ общностью профессіональныхъ интересовъ. Организуются украинскіе техники; украинцы-агрономы закладываютъ прочныя основы для культурно-національной работы въ области своей профессіи; зачатки такой же организаціи мы видимъ и среди украинскихъ медиковъ-теоретиковъ, объединенныхъ вокругъ „Медицинской Секціи Украинскаго научнаго общества въ Кіевѣ“ и успѣвшихъ проявить свою дѣятельность изданіемъ двухъ томовъ своихъ трудовъ[1]); назрѣваетъ этотъ вопросъ и въ средѣ украинскихъ артистовъ; среди журнальныхъ и газетныхъ работниковъ Украины этотъ вопросъ объ организаціи, поднятый вновь въ статьѣ А. Ѳ. Саликовскаго („Укр. Жизнь“, 1912, № 10), также вызвалъ живые отклики. Несомнѣнно, что украинскій интеллигентный работникъ перестаетъ быть тѣмъ универсальнымъ дѣятелемъ, приложеніе силъ котораго характеризуется поговоркой „і швець, і жнець, і в дуду ігрець“. Темпъ національной жизни вступаетъ въ новую стадію; назрѣваетъ проблема напряженной работы въ отдѣльныхъ, болѣе или менѣе отграниченныхъ, сферахъ національной культуры.

---

[1]) См. „Укр. Ж.“, № 3, 1913. Д-ръ Шмигельскій. По поводу трудовъ „Медичної секції Українського Наукового Товариства у Київі“.

Естественно, что такой процессъ дифференціаціи повлечетъ за собой въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ углубленіе и дальнѣйшую интенсификацію національной культуры. Конечно, трудно предсказывать то направленіе, какое приметъ констатированный выше процессъ въ общемъ укладѣ національной жизни, ибо въ близкой связи съ нимъ стоитъ и разслоеніе различныхъ соціально-политическихъ теченій въ средѣ украинства и общеполитическія условія Россіи. Однако, изъ сказаннаго выше очевидно, что вопросы собиранія, сплоченія, объединенія культурныхъ украинскихъ силъ становятся очередными вопросами, встаютъ на порядокъ дня.

Намъ кажется, что эта организаціонная волна не должна пройти мимо и не возбудить вниманія и въ средѣ украинскихъ юристовъ.

Оставляя въ сторонѣ общій вопросъ относительно огромнаго значенія права и правовыхъ нормъ въ соціальной жизни отдѣльной націи, играющихъ важную роль въ дѣлѣ ясной обрисовки національныхъ стремленій и постулатовъ, которая сводится въ концѣ-концовъ къ воплощенію и закрѣпленію послѣднихъ въ правовыя формулы, мы поставимъ вопросъ объ организаціи украинскихъ юристовъ на болѣе близкую почву реальныхъ интересовъ дня,— на почву той повседневной „борьбы за право", о которой говоритъ Іерингъ. По его мысли, „эта борьба не ограничивается гражданскимъ правомъ или частной жизнью. Нація въ концѣ-концовъ есть лишь сумма всѣхъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, и какъ чувствуютъ, думаютъ и дѣйствуютъ они, такъ же чувствуетъ, думаетъ, дѣйствуетъ и нація" [1]). Та „Wille zur Macht", то стремленіе къ возрожденію, которое столь характерно для современныхъ намъ неисторическихъ націй, пробуждающихся къ новой жизни, въ конечномъ своемъ счетѣ слагается изъ отдѣльныхъ повседневныхъ, быть можетъ, съ виду и ничтожныхъ, проявленій „борьбы за право", отстаиванія своихъ національныхъ интересовъ, національнаго достоинства. И правъ Іерингъ, когда онъ говоритъ, что „если правовое чувство отдѣльнаго индивидуума въ отношеніяхъ гражданскаго права тупо, трусливо и апатично", то нельзя ждать энергичнаго отстаиванія правъ цѣлой націи и въ ея общенаціональной

[1]) R. Ihering, „Der Kampf um's Recht". Wien. 1910. S. 67 u. f.

борьбѣ. Для современнаго же намъ момента общегосударственной жизни характернымъ является, внѣ сомнѣнія, „паденіе авторитета права какъ нормы, чаще всего выражаемой въ законахъ; авторитетъ права во всѣхъ его формахъ и видахъ понизился въ послѣднее время въ Россіи [1]).

Не вдаваясь въ иллюстрацію этого общаго положенія отдѣльными фактами, мы можемъ указать только на то, что результаты такого пониженія чувства права и законности сказались и въ средѣ угнетенныхъ націй; вопросы развитія правового сознанія, правовой культуры отходили большей частью на задній планъ, затѣнялись иными очередными вопросами національной жизни. Къ сожалѣнію, въ прошломъ украинскіе юристы не сумѣли въ достаточной мѣрѣ использовать даже тѣ легальныя позиціи, гдѣ имъ представлялось возможнымъ если не осуществленіе стремленій украинства, то самая постановка вопросовъ объ удовлетвореніи насущныхъ требованій украинской жизни въ правовой сферѣ; если и предпринимались иногда такія попытки, то они носили исключительно единичный характеръ. Бо́льшая степень упорства, настойчивости и энергіи въ отстаиваніи своихъ правъ заставила бы враждебныя силы при каждомъ случаѣ считаться съ возможностью отпора. Русская дѣйствительность, систематически притуплявшая чувство права и сознанія своего достоинства, слишкомъ пріучила насъ пассивно складывать руки, отступать передъ возможностью борьбы, хотя бы и безуспѣшной, но дающей понять, что на-лицо имѣется реальный интересъ, что эту борьбу вызываетъ сама жизнь.

Наша правовая психологія характеризуется вялостью и дряблостью, мы въ большинствѣ случаевъ надѣемся на милость, на снисхожденіе, на чужую помощь, а не стремимся къ упорному и энергичному отстаиванію и завоеванію правовыхъ позицій.

Безразличное отношеніе къ вопросамъ права, какъ составной и неотъемлемой части общенаціональной культуры, игнорированіе тѣхъ возможностей воздѣйствія на правовое развитіе народныхъ массъ, какія при современныхъ политическихъ условіяхъ имѣются въ формѣ ли популяризаціи юридическихъ знаній, или организаціи пла-

---

[1]) Б. А. Кистяковскій. Наши задачи. „Юридическій Вѣстникъ“, кн. I, 1913, стр. 3—17.

номѣрной юридической помощи населенію,—вотъ въ общихъ чертахъ картина состоянія нашей правовой культуры. И не видно попытокъ выйти изъ этого печальнаго положенія вещей: нельзя же считать существенной помощью изданіе двухъ—трехъ популярныхъ брошюръ по вопросамъ практической юриспруденціи. Въ данномъ случаѣ нужна помощь организованная, необходимо созданіе такого общества украинскихъ юристовъ, которое дало бы почву и просторъ для личной иниціативы и энергіи, создало бы прочную основу для работы въ болѣе широкомъ масштабѣ. А поле для такого рода дѣятельности представляется чрезвычайно обширнымъ. На немъ бы нашли приложеніе своихъ силъ и способностей не только теоретики, интересующіеся прошлымъ украинскаго права, но и юристы-практики, въ повседневной жизни встрѣчающіеся съ правовой неустроенностью.

Мы не ставимъ себѣ задачей исчерпать перечисленіе тѣхъ сферъ дѣятельности, куда новое общество могло бы привлечь живыя и дѣйственныя силы; мы намѣтимъ только общіе контуры дѣятельности, не вдаваясь въ ихъ детализацію.

На первое время такое общество юристовъ-украинцевъ могло бы организоваться въ видѣ самостоятельной секціи при „Науковом Товаристві ім. Шевченка“ въ Кіевѣ.

Одна изъ основныхъ и важнѣйшихъ задачъ, которая должна стать передъ обществомъ, это—систематическая и планомѣрная постановка дѣла популяризаціи юридическихъ знаній въ широкихъ народныхъ слояхъ на украинскомъ языкѣ. Не ограничиваясь популяризаціей чисто-практическихъ свѣдѣній изъ области юриспруденціи, общество могло бы поставить себѣ цѣлью и распространеніе тѣхъ основныхъ понятій государственнаго права, безъ знанія которыхъ невозможно сознательное участіе въ общеполитической жизни страны. Такое широко организованное распространеніе основныхъ понятій права хотя бы въ незначительной степени способствовало созданію отпорной психической силы въ правовой психологіи украинцевъ.

Конечно, не нужно преувеличивать значеніе этихъ, могущихъ возникнуть, раціоналистическихъ элементовъ въ правовой психикѣ украинскаго населенія, однако, достовѣрно то, что въ общемъ массовомъ движеніи и они бы сыграли свою роль. Организація украинскихъ юристовъ

въ связи съ задачами популяризаціи поставила бы въ формѣ частной иниціативы въ болѣе устойчивое положеніе и юридическую помощь населенію, такъ настоятельно въ ней нуждающемуся.

Всѣмъ извѣстно, насколько ощутительна нужда въ такой помощи образованнаго юриста въ слояхъ рабочаго и крестьянскаго населенія; несмотря на то, что многочисленныя попытки къ такой организаціи юридической помощи въ корнѣ пресѣкаются, этимъ еще не устранена возможность въ порядкѣ частной организованной иниціативы удовлетворенія этой острой потребности. Мы не можемъ предрѣшать самой формы, въ какую вылилась бы эта организація юридической помощи, но мы глубоко убѣждены, что созданіе ея вполнѣ возможно и заслуживаетъ вниманія со стороны юристовъ-практиковъ. Само собой разумѣется, что и текущимъ острымъ вопросамъ національной жизни въ области права и законодательства организація юристовъ удѣлила бы существенное вниманіе. „Больной вопросъ“ о правахъ украинскаго языка въ уголовномъ судѣ былъ бы выдвигаемъ и въ текущей судебной практикѣ, свидѣтельствуя о томъ, что и въ сферѣ уголовнаго судопроизводства не должны быть игнорируемы насущные интересы украинскаго населенія.

Наконецъ, и въ текущую законодательную работу нашихъ представительныхъ учрежденій иногда такъ чувствительно и больно затрогивающую интересы украинской націи, новое общество внесло бы свою долю участія путемъ ли собиранія матеріаловъ, или путемъ соотвѣтственныхъ заявленій, въ необходимыхъ случаяхъ возвышая свой авторитетный голосъ въ защиту правъ украинской націи.

Современное „законодательствованіе“ Государственной Думы даетъ немало поводовъ для подобныхъ заявленій со стороны украинскихъ юристовъ, близко знакомыхъ съ нуждами правовой дѣйствительности Украины. Уже одно „скоропалительное“ введеніе въ дѣйствіе въ украинскихъ губерніяхъ закона о мѣстномъ судѣ ясно говоритъ о томъ, какъ мало при этомъ считаются съ реальными интересами украинскаго населенія.

Наконецъ, организація украинскихъ юристовъ способствовала бы концентраціи украинскихъ научныхъ силъ, волею судебъ и различныхъ обстоятельствъ принужденныхъ отдавать лучшія силы на пользу иной культурѣ;

такая организація, быть можетъ, заставила бы преодолѣть ихъ отчужденность отъ научной работы въ области украиновѣдѣнія, превращая ее изъ болѣе или менѣе случайной въ постоянную.

Несомнѣнно, скажутъ намъ, что бѣгло намѣченный выше кругъ задачъ и дѣятельности будущей организаціи украинскихъ юристовъ слишкомъ широкъ и невыполнимъ при наличности немногочисленныхъ, разбросанныхъ силъ въ средѣ украинцевъ-юристовъ, при отсутствіи прочныхъ и устойчивыхъ традицій въ сферѣ правовой культуры, а главное—при настоящихъ общеполитическихъ условіяхъ жизни всей страны, когда такъ тяжело жить и дышать, а не только организовываться и идти впередъ...

Однако, предѣлы возможнаго и осуществимаго при данныхъ условіяхъ уже показываютъ успѣшно работающія организаціи украинскихъ агрономовъ, медиковъ. Конечно, юристу, такъ близко стоящему къ жгучимъ потребностямъ нашей дѣйствительности, еще тяжелѣе пролагать путь для плодотворной дѣятельности; тѣмъ не менѣе жизнь настойчиво зоветъ и требуетъ созданія организаціи украинскихъ юристовъ, хотя бы съ минимальнымъ кругомъ изъ указанныхъ выше задачъ, и мы убѣждены, что этотъ призывъ найдетъ живой откликъ среди интеллигентныхъ украинцевъ-юристовъ.

Въ области же традицій мы не остаемся одинокими и безпомощными; опытъ и наглядный примѣръ юристовъ австрійской Украины послужитъ для насъ залогомъ успѣха и жизненности такой организаціи. Тамъ, во Львовѣ, въ 1909 году возникло „Товариство правників“; первоначально встрѣченное большимъ сочувствіемъ въ юридическихъ кругахъ, оно проявило интенсивную дѣятельность; предприняло изданіе органа „Правничий Вістник“, основало во Львовѣ библіотеку, организовало многочисленныя собранія, на которыхъ читались доклады и происходили оживленныя пренія.

Правда, въ настоящій моментъ общество переживаетъ кризисъ въ своей дѣятельности. Неизвѣстный авторъ статьи „Перед зборами „Товариства правників“, помѣщенной въ „Ділі“ (ч. 101) отъ 9 мая с. г., какъ на причину этого упадка дѣятельности „Товариства правників“ указываетъ на то, что, „состоя исключительно изъ юристовъ-практиковъ, оно впало въ своего рода односторонность, такъ

какъ придало и издательству, и секціоннымъ собраніямъ исключительно теоретическое направленіе, менѣе связанное съ ежедневной практикой. Притомъ общество не направляло своего вниманія на острые вопросы національнаго характера, тогда какъ только такіе вопросы могутъ привлечь широкіе круги и въ этой сферѣ общество могло бы сдѣлать больше всего".

Наше общество, учась не только на примѣрахъ успѣшной работы, но учитывая также ошибки и пораженія, смогло бы избѣгнуть ихъ, соединяя въ своемъ составѣ какъ научныхъ работниковъ, такъ и юристовъ-практиковъ, примѣняющихъ нормы права въ повседневной своей дѣятельности.

Недавно, послѣ 80-лѣтняго перерыва, польскіе юристы возобновили изданіе своего лучшаго юридическаго органа „Themis Polska", служившаго въ 20-хъ и 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія воплощеніемъ лучшихъ стремленій и завѣтовъ польскаго общества. М. М. Винаверъ привѣтствуетъ это возрожденіе органа, поднимающее „нить старой традиціи", прерванную „осадой, длительной и изнуряющей, особенно чувствительной въ области культурныхъ цѣнностей" [1]).

Украинской націи въ своемъ прошломъ пришлось выдержать не одну длительную осаду, но и сокрушительные удары, казалось бы, навсегда пресѣкавшіе возможность возрожденія; осада же въ области не однѣхъ культурныхъ цѣнностей продолжается еще и въ наше время съ большой энергіей.

Вотъ почему организація украинскихъ юристовъ въ сферѣ противодѣйствія этой длительной осадѣ сдѣлалась бы новымъ опорнымъ пунктомъ, создала бы отпорную дѣйственную силу, толкающую украинское общество на путь упорной и энергичной борьбы для завоеванія новыхъ правовыхъ и культурныхъ позицій въ общемъ укладѣ національной жизни.

И. Лебединскій.

---

[1]) М. Винаверъ. Гражданская хроника. „Вѣстникъ Гражд. Права", 1913, № 4, стр. 131—4.

И. Франко-поэтъ національной чести*)

(Окончаніе).

Серія поэтическихъ произведеній, созданныхъ Франкомъ на темы протеста, борьбы во имя національнаго, равно какъ и общечеловѣческаго идеала свободы человѣка, ставитъ творца ихъ въ ряду тѣхъ поэтовъ, которыми гордится человѣчество, какъ „бунтарями духа", возстающими противъ цѣпей, сковывающихъ проявленіе и развитіе человѣческихъ силъ. Не останавливаясь подробно на этихъ стихотвореніяхъ, отмѣтимъ, что они сильны духомъ воли, которымъ дышатъ слова ихъ, мощны нарастаніемъ проникающаго ихъ настроенія и настолько вплотную подходятъ къ сокровеннымъ чаяніямъ народа, что стали всецѣлымъ достояніемъ его, выраженіемъ идеала націи. Ихъ популярность въ массахъ равна популярности наиболѣе любимыхъ народныхъ пѣсенъ, ихъ мѣсто въ національномъ ритуалѣ то же, какое занимаютъ гимны. Эта популярность пришла, конечно, значительно позже и во всякомъ случаѣ не въ началѣ того тернистаго пути одиночества и непонятости, который суждено было пройти поэту. Но, какъ бы то ни было, въ этой части своего творчества Франку, какъ поэту, дано счастье испытать радость общенія съ родившими его, постигнуть сокровенныя думы и несознанныя чаянія народа, поэтически выразить ихъ и въ этомъ трудномъ дѣлѣ выраженія отчасти быть понятымъ народомъ. Послѣ Шевченка удѣлъ поэтическаго выразителя національнаго идеала украинскаго народа по праву переходитъ къ Франку, и это высокое призваніе выполнено имъ достойно и съ честью. Изслѣдованіе преемственности этого удѣла, установленіе созвучныхъ моментовъ въ творчествѣ обоихъ поэтовъ представляетъ съ этой стороны большой интересъ и не только въ историко-литератур-

*) См. „Украинская Жизнь", май 1913 г.

номъ смыслѣ. Важно явленіе по существу, важно выясненіе развитія національнаго идеала, поскольку послѣдній преломляется въ сознаніи крупнаго художника и уже въ претворенномъ видѣ оказываетъ въ свою очередь вліяніе на дальнѣйшій ростъ національнаго сознанія въ массахъ. Работы украинскихъ критиковъ и историковъ литературы не даютъ пока отвѣта на интересующій вопросъ. И все-же съ несомнѣнностью можно утверждать, что Франко проявилъ историческую чуткость въ пониманіи національнаго идеала, ввелъ въ него новые моменты и черты, обусловленные современнымъ ему этапомъ въ развитіи украинскаго народа, и тѣмъ самымъ содѣйствовалъ дальнѣйшей кристаллизаціи его.

Если у Шевченка была глубокая вѣра въ неизжитыя силы родного народа, въ то, что исторія его, несмотря на кажущуюся прерванность ея, все-же еще не закончена и скажетъ свое слово; если Шевченко былъ силенъ, какъ поэтическій выразитель своего народа, именно этой заражающей вѣрой, то въ поэзіи Франка мы встрѣчаемся съ переходомъ вѣры въ увѣренность, въ убѣжденность въ томъ, во что вѣрило предыдущее поколѣніе. Жизнь здѣсь оправдала вѣру генія, вѣра создала дѣло, дѣло претворилось въ тысячные факты національнаго пробужденія. Пусть они раздроблены и распылены въ кажущейся незначительности, мелочахъ,—синтезирующее творчество поэта объединяетъ ихъ, собираетъ въ болѣе или менѣе цѣльный образъ возрожденія, черты котораго можно предвосхитить и отразить. Такъ и дѣлаетъ Франко: онъ остается исторически вѣренъ и не теряетъ чувства мѣры въ изображеніи зарисовываемой имъ картины возрожденія, хотя психологически могъ подпасть, незамѣтно для самого себя, чувству преувеличенной радости отъ созерцаемаго, какъ то и случилось позже съ нѣкоторыми болѣе молодыми украинскими поэтами, художественныя созданія которыхъ, посвященныя возрожденію родного края, какъ-разъ и страдаютъ этой преувеличенностью и несоотвѣтствіемъ исторической обстановкѣ. Въ дѣлѣ возрожденія—трудномъ и длительномъ—„вчерашній рабъ“ сегодня не сдѣлается человѣкомъ воли, вспышка и бунтарство не есть осознанная борьба съ продуманностью цѣлей и разумной организаціей ея, и лишь постепенно „край рабовъ“ заселяютъ свободные владѣтели его.

Вотъ почему, когда мы читаемъ у Франка:

„Обриваються **звільна** всі пута,
Що вьязали нас з давнім життєм,
З давних брудів і думка роскута.
Ожиємо, брати, ожиєм!"—

мы не можемъ не оцѣнить исторической объективности поэтически возсоздаваемой имъ картины медленнаго пробужденія родного края и не отдать должнаго творцу ея, остающемуся поэтомъ и въ то же время правдивымъ наблюдателемъ момента, не преувеличивающимъ наблюдаемаго, но и не преуменьшающимъ обаянія послѣдняго. Будущее человѣчества, націи, класса рисуется воображенію и сознанію свѣтло и радостно, всегда вокругъ него и на немъ отдыхаетъ надежда и питается вѣра. Будущее поэтому легче поддается поэтизаціи, но тѣмъ значительнѣе удѣльнымъ вѣсомъ своего вліянія роль поэта, который связываетъ неприглядность настоящаго съ яснымъ обликомъ радостнаго будущаго и въ этомъ настоящемъ умѣетъ открыть элементы радости, бодрящіе факты и поднимающія жизнеощущеніе явленія. Франко много и часто поетъ о радости будущаго дня и человѣчества и его родного народа. Но, будучи поэтомъ дальнихъ дней и желаннаго, онъ не забываетъ о переживаемомъ днѣ украинской жизни, поэтизируя работу этого дня, вдохновляясь тѣмъ матеріаломъ, который даетъ ему окружающая обстановка. Какъ ни буднична, какъ порою ни неприглядна она, все-же она даетъ начало и изъ нея вырастаетъ свѣтлое будущее. Вотъ почему Франко переживаемый украинствомъ день называетъ „великой порой" украинской жизни. Это—день собиранія разсыпанныхъ силъ и растерянныхъ на крестномъ историческомъ пути „дѣтей" Украины, день просвѣтленія, объединенія и активнаго радѣнія ихъ о будущемъ родины. Въ сознаніи поэта послѣднее неотдѣлимо отъ настоящаго, и когда онъ рисуетъ намъ образъ родины-матери (любимый образъ украинскихъ поэтовъ!), которая

„Згорне... до себе всі діти
Теплою рукою",

то дѣйствительность переставляетъ событія и картина тро-

гательнаго прощенія матерью виновныхъ дѣтей и обращенія къ нимъ:

„Діти ж мої, діти нещасливі,
Блудні сиротята,
Годі ж бо вам в сусід на услузі
Свій вік коротати“,

кажется совершающейся въ наши дни, которыя могутъ быть названы днями покаянія по преимуществу, днями удвоеннаго труда на благо родины для тѣхъ, кто старается доработать затраченное въ скитаньяхъ „въ сусід на услузі“ и безъ пользы для родного края.

Въ эти дни умѣстнѣе всего напомнить о чувствѣ національной чести, которымъ должна дорожить нація, какъ дорожитъ каждый человѣкъ чувствомъ личной чести и собственнаго достоинства. Это чувство—стражъ поступковъ, но въ то же время въ немъ скрытъ и сильнѣйшій психологическій стимулъ и первоисточникъ послѣднихъ. Изъ этого чувства вырастаютъ благородныя соревнованія, активныя стремленія и напряженная дѣятельность, въ то же время оно хранитъ чистоту путей и способовъ работы на благо родины. Только имѣя это въ виду, мы поймемъ, почему Франко, призывая къ національной работѣ, говоритъ о томъ, чтобы подвижники ея

„Честно послужили
Для матері службу“,

чтобы „честь“ наравнѣ со славою и счастьемъ родины были цѣлью этой работы.

Подобно Моисею, исповѣдующемуся передъ Іеговой у межи Ханаана, Франко, при завершеніи своего дѣятельнаго пути, можетъ сказать о своемъ народѣ и о содержаніи своей работы для него:

„Сорок літ, мов коваль, я клепав
„Їх сердця і сумління“...
„Сорок літ я трудився, навчав
„Весь заглублений в тобі,
„Щоб з рабів тих зробити народ
„По твоїй уподобі“.

Поэтъ формировалъ „совѣсть“ народа, поэтъ изъ „рабовъ“ создавалъ „народъ“. Обращаясь къ тѣмъ путямъ, по которымъ протекала у Франка эта трудная работа, мы долж-

ны отмѣтить широту и бросающуюся въ глаза педагогичность ихъ, вытекающихъ изъ глубокаго пониманія какъ природы раба, такъ и трудности перерожденія его въ свободнаго человѣка. Выступая поэтомъ борьбы, Франко не ограничиваетъ своей задачи призывами противъ внѣшняго врага и реальнаго лица. Онъ борется противъ рабскихъ чертъ и отрицательныхъ историческихъ наслоеній въ самой природѣ украинца. И здѣсь Франко-ученый, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ духовнаго творчества украинскаго народа, приходитъ на помощь Франку-поэту, помогая ему разобраться въ изломахъ національнаго украинскаго „я", въ ущербахъ народнаго характера, въ тѣхъ гнилостныхъ первоисточникахъ, которые отравляли силы народа и понижали его созидательную мощь. Вооруженный знаніемъ этихъ первичныхъ причинъ, поэтъ поднимаетъ борьбу противъ врага, сидящаго въ душѣ украинца, и „снаряжаетъ въ походъ" свое слово.

„У таємні глибини сердешні,
„Де кують будущину народу".

Въ этихъ глубинахъ, по мнѣнію поэта, таятся „полки погані", що летят на душу, мов трівога", изъ этого „поля брани" надо съ корнемъ вырвать все то, что, какъ сорная трава, глушитъ здоровые ростки и стремленья.

Надо задуматься надъ вопросомъ:

„Чи ще мало в путах ми стогнали?
„Мало ще самі себе ми жерли?
„Чи ще мало нас у ликах гнали?
„Чи ще мало ми одинцем мерли?"

Исторія даетъ при этомъ много фактовъ, подтверждающихъ основательность и своевременность постановки вопроса, причемъ уроки ея будутъ болѣзненно восприниматься сознаніемъ. Но отъ нихъ не надо отворачиваться, а „разсказывать и пробуждать с т ы д ъ у потомковъ, если у нихъ осталась еще хотя капля неиспорченной крови",— говоритъ Франко.

Въ пробужденіи этого, мощнаго въ дѣлѣ возрожденія, чувства поэтъ поступаетъ какъ добрый и любящій педагогъ: онъ не только осуждаетъ ошибки и бичуетъ преступленія, онъ указываетъ путь къ исправленію и приходитъ съ помощью къ тому, чье сознаніе просвѣтлено раскаяніемъ. Да, краска стыда можетъ залить лицо при чтеніи

пожелтѣвшихъ страницъ нашей исторіи, но она же,—убѣждаетъ насъ Франко,—сберегла и другія страницы, яркія и красочныя, способныя вдохновить и возбудить къ творчеству, къ гордости, полныя глубокаго смысла и поучительности. Поэтъ любитъ воскрешать эти страницы въ памяти потомковъ и тѣмъ сохранять ихъ отъ забвенія. Въ цѣломъ рядѣ поэтическихъ произведеній, созданныхъ на „старыя темы", позаимствованныя изъ преданій, лѣтописныхъ сказаній и болѣе позднѣйшихъ событій украинской исторіи, передъ нами оживаютъ сошедшіе давно уже съ исторической сцены герои, народныя массы, благородные поступки и слова. Забытое и похороненное въ склепахъ исторіи стаетъ матеріаломъ для вдохновенія, какъ-будто начинаетъ жить второй новой жизнью, претворенной въ художественные образы и потому болѣе долговѣчной. И, благодаря этимъ, возсозданнымъ художественною интуиціею Франка, образамъ прошлаго, между нами и этимъ прошлымъ устанавливаются какія-то созвучныя переживанія и глубже тогда мы чувствуемъ интимную связь нашу съ нимъ, не разорванную исторіей и теперь укрѣпляемую поэтомъ. И достойно отмѣтить: иногда одна какая-нибудь фраза старинной лѣтописи или изреченіе сѣдой старины въ передачѣ Франка пріобрѣтаютъ углубленный смыслъ и широкое значеніе, даютъ ему матеріалъ для сравненія, для созданія на почвѣ этого сравненія цѣлой нити историческихъ воспоминаній, полныхъ поученія для современности и объединенныхъ общностью то ли сходныхъ чертъ, то ли проникающей ихъ идеи. Вотъ иллюстрація.

Поэтъ читаетъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ": „жены руськія восплакашася", и для него въ этихъ трехъ словахъ—вся исторія крестнаго пути украинской женщины, вся драма ея страдальческой доли и изжитыхъ „марно, без тями" силъ:

Де не лилися ви в нашій бувальщині?
Де, в які дні, в які ночі—
Чи то в половеччині, чи то в князівскій удальщині,
Чи то в казаччині, ляччині, ханщині, панщині,
Руськії сльози жіночі?
Скілько сердець розривалось ридаючи,
Скілько звялили страждання!
А як же мало таких, що міцніли складаючи
Слово до слова, в безсмертних піснях валиваючи
Тісячолітні ридання!

Слухаю, сестри, тих ваших пісень сумовитих,
Слухаю й скорбно міркую:
Скілько сердець тих розбитих, могил тих розритих,
Жалощів скілько неситих, сліз вийшло пролитих
На одну пісню такую?

Въ размѣрахъ нашей статьи нѣтъ возможности остановиться на другихъ иллюстраціяхъ къ сказанному. Вообще же перепѣвы Франка „старыхъ темъ"—прекрасный и бладарный матеріалъ для углубленнаго и просвѣтленнаго пониманія родной исторіи. Въ этомъ матеріалѣ нѣтъ „дыханья гнилой исторіи"; онъ научаетъ видѣть въ ней не только „психологію ренегатства" или „ядовитыя испаренія старой Украины", какъ это можетъ казаться поверхностному сознанію, а многое другое, въ чемъ сокрытъ и урокъ, и поученіе, и примѣръ для подражанія. Франко, который такъ не любилъ въ нашемъ быломъ „панування", „празничной одежины", симпатіи котораго лежатъ на сторонѣ тѣхъ, „кто льетъ свой потъ", „кто гнетъ оковы", Франко, пѣсня котораго была „пѣсней юдоли и слезъ", который такъ жаждалъ, чтобы самосознаніе скорѣе просвѣтило тѣхъ, кто проливаетъ свой потъ у „курныхъ хатъ" и „рабочихъ станковъ", потому-то и останавливается съ любовью на тѣхъ моментахъ украинской исторіи, когда народъ, среди неимовѣрныхъ условій, проявлялъ поражающую историка [1]) внутреннюю отпорную силу и способность къ культурному творчеству. Франко воспѣваетъ „героевъ духа" и поэтизируетъ „рыцарей долга", которыми имѣетъ право гордиться въ минувшемъ наша родина.

Вотъ передъ нами „Иванъ изъ Вишни"—эта любопытная и яркая фигура украинской исторіи конца XVI в. Образъ монаха-патріота въ поэтической переработкѣ Франка поражаетъ насъ своей моральной мощью, горячимъ и горящимъ о благѣ Украины сердцемъ, глубиной дисгармоническихъ переживаній, совершающихся въ душѣ отшельника на почвѣ конфликта между стремленіями души и сознаніемъ обязанностей по отношенію къ родинѣ. Увлеченный Иваномъ Вишенскимъ, Франко создалъ прекрасную поэму о долгѣ, о любви, о самопожертвованіи во имя этой любви, возвѣщенной „Распятымъ" и исповѣдуемой посвя-

[1]) См. *Мих. Грушевськiй.* Культурно-національный рух на Украіні в XVI—XVII віці.

тившимъ себя самоотреченію схимникомъ, въ слѣдующихъ, полныхъ проникновеннаго смысла, словахъ:

„О Розпятий! Ти ж лишив нам
„Заповіт отой найвисший:
„Свого ближняго любити,
„За рідню життя віддать.
„О, Розпятий!..
„Дай мені братів любити
„І для них життя віддати!
„Дай мені ще раз поглянуть
„На свій рідний, любий край".

Поэтизируя историческія событія и славныя страницы былого, Франко облагораживаетъ работу настоящаго: онъ говоритъ о пережитой драмѣ народа, на которую ушло такъ много силъ, но въ то же время убѣждаетъ насъ, что нація сберегла богатыя возможности, что въ ней таится еще большой запасъ „неизжитого". Суммируя потери и ущербы, все страданіе и всѣ отрицательныя наслѣдія вѣковъ, поэтъ въ результатѣ поетъ о бодрости, о творческихъ исканіяхъ, ибо къ этому выводу приводитъ его углубленное пониманіе историческаго развитія народа:

„Не даром ти, в біді, пригноблений врагами,
„Про силу духа все співав,
„Не даром ти казок чарівними устами
„Його побіду величав!"

Въ значительной части своего творчества и разнообразной дѣятельности Франко стремился укрѣпить „силу" этого „духа" въ родномъ народѣ, приблизить моментъ полноты его творчества, совпадающаго со свободнымъ распоряженіемъ національнаго труда.

По собственному признанію—въ предисловіи къ поэмѣ „Моисей",—поэта „тревожила" будущность его народа: онъ не зналъ покоя и сна отъ того стыда, который будетъ жечь потомковъ за дѣянія отцовъ и тѣхъ, кто довелъ народъ до состоянія „паралитика на роздорожьѣ". И вотъ, изъ этого повышеннаго чувства любви къ родинѣ, осложненнаго и раскаленнаго стыдомъ за настоящее и нежеланное будущее, родилась поэзія Франка, пробуждающая созвучныя переживанія у его современниковъ. Франко—поэтъ національнаго стыда, но не того, что вспыхиваетъ въ послѣдній разъ и гаснетъ въ чаду дальнѣйшаго паденія, а того, что революціонизируетъ сознаніе, заставляетъ глу-

боко заглянуть въ собственную душу и зажигается пламенемъ возрожденія. Въ этомъ лежитъ большое и симптоматическое значеніе творчества Франка, какъ поэта украинской современности. Въ ней мы найдемъ, конечно, слѣды изнуряющихъ думъ и понижающихъ жизнеощущеніе переживаній—обычный удѣлъ поколѣній, на долю которыхъ выпадаетъ черная работа „каменщиковъ“ возрожденія. Выше, въ началѣ статьи, мы останавливались на этихъ моментахъ творчества Франка. И все-же, какъ ни сильны они, какъ глубоко ни отражаются даже на лирикѣ поэта, создавая порою цѣлыя скорбныя поэмы „увядшихъ листьевъ“, неизлѣченныхъ ранъ“ и „похороненныхъ въ сердцѣ надеждъ“, они не могутъ подавить собою бодрыя чувства и сознаніе увѣренности въ приближающейся побѣдѣ того дѣла, служенію которому отдалъ себя поэтъ. Если не ему и не его поколѣнію, вообще не намъ,

„Знесиленим журбою,
„Роздертим сумнівами, битим стидом“,

дождаться окончанія возрожденія, то симптомы послѣдняго, осязательные и родящіе отклики и творческія напряженія національныхъ силъ, уже видны. Поэзія Франка, какъ хмѣль, будоражила и возбуждаетъ эти силы и какъ искра зажигаетъ работу національнаго сознанія. Въ этомъ заключается огромное значеніе „дара“, принесеннаго поэтомъ генію народа, въ этомъ лежитъ одна изъ многочисленныхъ заслугъ пѣвца, пропѣвшаго намъ бодрую пѣсню о гордости и чести народа.

С. Петлюра.

Новые матеріалы изъ переписки М. П. Драгоманова

(М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Томъ V. Стр. 187—219. СПБ. 1913. Ц. 3 руб.).

Въ V томѣ изданія, выходящаго подъ редакціей М. К. Лемке, „М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ“ среди разнообразнаго матеріала, цѣннаго для всякаго изслѣдователя—будетъ ли это историкъ или біографъ,—находится цѣлый рядъ (въ количествѣ 25) еще нигдѣ не опубликованныхъ писемъ М. П. Драгоманова къ М. М. Стасюлевичу, какъ редактору „Вѣстника Европы“, обнимающихъ періодъ отъ 1868 г. по 1893 г. Эти письма представляютъ интересъ какъ своими автобіографическими подробностями, такъ и изображеніемъ тѣхъ гнетущихъ цензурныхъ условій, среди которыхъ Драгомановъ работалъ, когда приходилось, по его же выраженію, „пригонять свои статьи къ обстоятельствамъ времени“.

Но этимъ не исчерпывается значеніе писемъ Драгоманова; они даютъ яркіе любопытные штрихи для характеристики отношенія великорусскихъ прогрессивныхъ круговъ къ славянскому вопросу вообще и польскому и украинскому въ особенности. Сравнивая наше время съ эпохой 70-хъ годовъ, когда Драгомановъ съ его яснымъ политическимъ умомъ явился піонеромъ въ области ознакомленія русскаго общества съ огромнымъ значеніемъ національнаго вопроса, мы видимъ, что россійскій либерализмъ не такъ ужъ далеко пошелъ впередъ въ дѣлѣ постановки и реальной оцѣнки національныхъ вопросовъ.

Въ дальнѣйшемъ мы познакомимъ вкратцѣ читателей „Украинской Жизни“ съ содержаніемъ этихъ писемъ, приводя наиболѣе интересныя мѣста in extenso.

Первое письмо М. П. Драгоманова, датированное 1868 г., характерно какъ попытка завязать литературныя сношенія

съ редакціей „Вѣстн. Европы"; въ немъ онъ предлагаетъ для напечатанія статью „Паденіе Римской имперіи съ точки зрѣнія клерикаловъ и нѣмецкихъ философовъ исторіи", составляющую часть его диссертаціи. По неизвѣстнымъ причинамъ статья не была напечатана въ „В. Европы".

Бо̀льшій интересъ представляютъ два письма М. П. Драгоманова, помѣченныхъ 1871 годомъ и написанныхъ по поводу присланной имъ рукописи статьи. „Нѣмцы, поляки, Россія и обрусеніе", позднѣе напечатанной во II—V кн. „В. Е." за 1872 годъ подъ заглавіемъ „Восточная политика Германіи и обрусеніе".

Пользуясь замѣчаніемъ М. М. Стасюлевича объ его (Драгоманова) „нѣмцеѣдствѣ", послѣдній въ двухъ обширныхъ письмахъ даетъ трезвую и умѣлую оцѣнку того значенія, какое имѣетъ германская политика въ польскомъ вопросѣ; горячо возстаетъ Драгомановъ противъ того благодушія и снисходительности, съ какими русскіе политики говорятъ о нѣмецкихъ притязаніяхъ; указываетъ онъ и на мѣры, которыя нужно принимать противъ всякихъ нѣмецкихъ опасностей,—это правильное развитіе отечества прежде всего въ духѣ свободы, которая только и можетъ создать здоровый патріотизмъ (стр. 190).

Драгомановъ, конечно, оговариваетъ, что подъ нѣмцами онъ разумѣетъ только „политическіе классы въ Германіи", ибо „народъ, это—„gross unbekannte", во имя коего столько дѣлается гадостей и говорится фразъ" (стр. 194).

Мысли, высказанныя Драгомановымъ по вопросу о значеніи германскаго вліянія и заинтересованности Германіи въ польскомъ вопросѣ не теряютъ своей свѣжести и убѣдительности и въ наше время, когда борьба поляковъ въ Пруссіи приняла столь острыя формы. Стоитъ только внимательно присмотрѣться къ идеямъ, высказаннымъ извѣстнымъ лидеромъ польскаго кола въ третьей Госуд. Думѣ Романомъ Дмовскимъ въ его книгѣ „Германія, Россія и польскій вопросъ", Спб., 1909, чтобы убѣдиться въ томъ, что многое у него является только повтореніемъ тѣхъ старыхъ мыслей, которыя высказывалъ когда-то Драгомановъ. Эти два письма и были использованы М. М. Стасюлевичемъ для составленія „Вмѣсто предисловія" къ статьѣ „Восточная политика Германіи и обрусеніе".

Объ этомъ, къ сожалѣнію, редакторомъ переписки Стасюлевича М. К. Лемке не упомянуто въ его подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Къ слову сказать, вообще редакторскія примѣчанія къ письмамъ Драгоманова заставляютъ желать много лучшаго.

Такъ, напримѣръ, не указано на то, что эта же статья „Восточная политика Германіи и обрусеніе" напечатана также и въ I т. „Полит. сочин." Драгоманова, вышедшихъ въ 1908 г. подъ ред. Б. А. Кистяковскаго и Гревса. Затѣмъ нѣсколько страннымъ и слишкомъ неопредѣленнымъ является такого рода примѣчаніе къ той же статьѣ, сдѣланное М. К. Лемке: „Статья тогда произвела впечатлѣніе и многихъ заставила задуматься" (стр. 196). Правда, въ этомъ же томѣ „Переписки" мы находимъ слѣдующій отзывъ объ этой статьѣ А. А. Головачова въ письмѣ къ Стасюлевичу: „Какая славная статья: „Восточная политика Германіи"! Признаюсь, я не могу безъ желчи думать объ этомъ тупомъ самодовольствѣ нѣмцевъ, которое такъ и претъ изъ нихъ, начиная съ саратовскаго колониста и оканчивая Бисмаркомъ" (ibid, c. 236).

Какъ бы ни относиться къ этому отзыву, все-же „eine Schwalbe macht keinen Sommer" да и многочисленные факты изъ послѣдующей исторіи русскаго либерализма очень мало говорятъ о томъ, что онъ вступилъ на путь, предуказанный Драгомановымъ, и сильно бы „задумался" надъ національными вопросами.

Сдѣлавъ это небольшое, но необходимое отступленіе, мы обратимся къ содержанію дальнѣйшихъ писемъ Драгоманова, придерживаясь преимущественно хронологическаго порядка.

Въ письмѣ отъ 13-го марта 1872 г. изъ Флоренціи Драгомановъ на вопросъ Стасюлевича, куда онъ намѣренъ двинуться отсюда, сообщаютъ нелишенную интереса автобіографическую подробность: „Еще въ 1866 г. попечитель Ширинскій-Шихматовъ вступилъ съ министерствомъ въ переписку о моемъ неблагонадежномъ образѣ мыслей. Поэтому нынѣшній попечитель не рѣшился утвердить меня своей властью..., на представленіе же университета отвѣчалъ престранно, а именно, что отвѣтъ дастъ по моемъ возвращеніи. Комизмъ моего положенія увеличивается тѣмъ, что я почитаю себя однимъ изъ самыхъ легальныхъ людей въ на-

шемъ отечествѣ,—а все-таки изъ неблагонадежныхъ врядъ ли выйду“ (197).

Слѣдующій рядъ писемъ отъ 1872 г. занятъ обмѣномъ мыслей по поводу подготовки Драгомановымъ статьи объ отношеніи церкви и государства въ европейской исторіи; однако опасеніе духовной цензуры заставило Драгоманова обходить многіе существенные вопросы и убѣдило, наконецъ, его въ томъ, что „статьѣ не избѣгнуть духовной цензуры и, слѣдовательно, не видѣть печати“. Въ дальнѣйшемъ интересы Драгоманова снова направляются въ ту же сторону (т.-е. къ національнымъ вопросамъ), и онъ хлопочетъ о помѣщеніи статьи о литературѣ и политикѣ въ Галиціи. Въ октябрѣ 1872 года онъ пишетъ Стасюлевичу: „Не знаю только, не покажется ли вашимъ читателямъ эта матерія въ большомъ количествѣ вещью нетерпимою. Разумѣю, впрочемъ, петербургскихъ читателей, ибо на югѣ, я знаю, что новый мой результатъ „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ утратъ“ покажется почти равно обиднымъ какъ адептамъ „обрусенія“, такъ и званымъ „сепаратистамъ“,—а потому и занимательнымъ“ (203). И дальше онъ говоритъ: „Особенно полезно было привести въ гармонію галицкое украинофильство съ нашимъ общимъ „порядочнымъ людямъ въ Россіи либеральнымъ направленіемъ“. Мнѣ по временамъ кажется, что Провидѣніе предназначило мнѣ положить одинъ изъ камней для такой связи“ (ibid., 203 стр.).

Какъ бы лейтъ-мотивомъ многихъ писемъ Драгоманова является та мысль, что „такъ какъ чортъ связалъ Россію Восточную и Западную и Польшу крѣпкой веревочкой, то и петербуржцамъ не уйти отъ этихъ (польскихъ. *И. Л.*) дѣлъ да, кстати, и вообще славянскихъ. Такъ лучше для всѣхъ, если объ этихъ дѣлахъ будетъ говорить „В. Евр.“, чѣмъ „Русскій В.“, или хотя бы и „Москвичъ“. Я думаю, что никто, какъ вашъ журналъ, не можетъ такъ внести толковую критику въ дѣла польско-русскія и найти себѣ публику и въ Польшѣ“ (стр. 204).

Уже въ то время (конецъ 1872 года) у Драгоманова назрѣвалъ конфликтъ съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, и онъ проситъ Стасюлевича не подписывать подъ его статьей мѣста жительства. „Едва ли впрочемъ,—продолжаетъ онъ,—мнѣ не придется въ послѣдній разъ дѣйство-

вать съ забраломъ,—такъ какъ что-то дѣла поворачиваются къ разрыву веревочки, связывающей меня официально съ Кіевомъ" (стр. 204). Въ томъ же письмѣ Драгомановъ предлагаетъ Стасюлевичу: „Если бы кто написалъ статью „О федеративномъ направленіи въ Сициліи въ литературномъ и общественномъ отношеніи", то онъ взялъ бы на себя трудъ заказать эту статью Pitré—автору многихъ книгъ о Сициліи и издателю сицилійскихъ пѣсенъ".

Упомянутая статья о Галиціи подъ заглавіемъ „Русскіе въ Галиціи" появилась въ I—II кн. „В. Е." 1873 г. (перепечатана въ I томѣ „Политич. сочин."). Драгомановъ по этому поводу пишетъ: „Утѣшаю васъ и себя, что разомъ кончилъ со многими вопросами и что не скоро придется вернуться къ нашимъ „братьямъ-русинамъ"... „погрузился въ такую древность, что даже самому подчасъ бываетъ совѣстно. Пишу изслѣдованіе „О поклоненіи митрѣ—непобѣдимому Солнцу въ Римской имперіи", послѣ коего думаю обратиться и къ другимъ мистеріямъ древняго міра. Впрочемъ, надѣюсь, что опытныя очи и тутъ найдутъ слѣды моего злонамѣреннаго духа" (стр. 205).

Въ слѣдующемъ письмѣ изъ Флоренціи въ февралѣ 1873 г. Драгомановъ передаетъ Стасюлевичу одинъ случай для характеристики того, „какъ трудно жить на свѣтѣ такимъ патріотамъ на космополитическомъ Западѣ, какимъ себя считаю я, въ той литературѣ, гдѣ одинъ только и есть изъ выдающихся писателей всероссійскій патріотъ, а не централистъ и сепаратистъ—А. Н. Пыпинъ" (стр. 207).

Дѣло идетъ о предложеніи изъ кіевскаго округа Драгоманову написать статью подъ названіемъ „Земство и мѣстный элементъ въ народномъ образованіи". Драгомановъ и составилъ статью, гдѣ подвергъ основательной критикѣ книгу для чтенія въ народныхъ школахъ, изданную кіевскимъ попечителемъ кн. Ширинскимъ-Шихматовымъ, которая даетъ кіевскому округу м ѣ с т н ы й матеріалъ, только мѣста далекаго, великорусскаго (пѣсня „Гой, красна земля"... разсказы Кокорева, Писемскаго и т. п.).

Ославъ статью такого рода въ „С.-Петерб. Вѣд.", Драгомановъ получилъ слѣдующій отвѣтъ отъ В. Ѳ. Корша: „Правительство, повидимому, рѣшилось не допустить преподаванія на малоросс. языкѣ, и мы можемъ получить предостереженіе". Послѣ выстрѣла Каракозова статья все-же была

помѣщена въ „Спб. Вѣд.“ подъ заглавіемъ: „Преподаваніе на малороссійскомъ языкѣ“, и въ результатѣ, „Катковъ бѣсится... и вопитъ о необходимости вырвать съ корнемъ измѣну“ (стр. 208). Другой случай, характеризующій уже представителей науки.—„Въ Кіевъ,—разсказываетъ Драгомановъ,—прибылъ профессоръ русской словесности Хрущовъ, который впервые, да еще у самаго Максимовича, коему онъ выражалъ почтеніе, услыхалъ, что въ Малороссіи есть эпосъ, а когда ему назвали думы, то онъ, оказалось, думалъ, что ихъ Кулѣшъ написалъ“... (стр. 208).

Несмотря на брошенное въ одномъ письмѣ замѣчаніе о томъ, что, помѣстивъ статью „Русскіе въ Галиціи“, Драгомановъ „надолго окончилъ свою службу на семъ полѣ въ россійской печати, онъ уже послѣ того, какъ порвалъ всякія, даже полуофиціальныя связи съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, все-же посылаетъ то дополнительныя свѣдѣнія о школьной розни въ Галиціи, то предполагаетъ прислать новыя статьи по тѣмъ же вопросамъ“. „Помѣстивъ „Восточную политику“,—пишетъ онъ Стасюлевичу,—вы попали на наклонную плоскость. Впрочемъ, клянусь, что я дальше васъ тянуть по ней не буду; потянутъ васъ событія и, надѣюсь, другіе сотрудники,—такіе же „краковскіе іезуиты“ и поляки, какъ я“ (стр. 210).

Однако, цензурные скорпіоны не давали покоя Драгоманову; въ сентябрѣ 1874 г. онъ пишетъ: „Очень грустно, что статья о малороссійской литературѣ попала подъ топоръ, грустно въ особенности именно потому, что эта статья должна была противодѣйствовать какъ страхамъ центробѣжнаго направленія этой литературы, такъ и самому такому направленію, проявляющемуся все-таки въ Галиціи“... (стр. 211).

Попутно въ томъ же письмѣ Драгомановъ высказываетъ опасеніе, что „бѣда главная будетъ въ томъ, если печать сама испугается и начнетъ обходить совсѣмъ малорусскіе сюжеты. Въ нашемъ мѣстномъ обществѣ просто въ силу большого предубѣжденія... появилось болѣе сильное желаніе говорить о себѣ печатно. А такъ какъ въ Малороссіи живутъ малороссы, то, естественно, что они говорятъ о малороссійскомъ, а иное и по-малороссійски“ (стр. 212).

На пути же этихъ стремленій Драгоманова къ ознако-

мленію читающей публики съ современными національными движеніями все болѣе скоплялись цензурныя преграды, и скоро ему пришлось убѣдиться, что его статьи не будутъ приниматься, и Драгомановъ съ горечью пишетъ въ письмѣ изъ Женевы отъ 31-го января 1877 г.: „Относительно многихъ дорогихъ мнѣ сюжетовъ „В. Европы" былъ для меня одинъ—и вдругъ очутиться мнѣ въ океанѣ безбрежномъ совсѣмъ безъ челна было не легко" (217). Появленіе же legis Josephovicia заставляетъ его думать, что „корабли сожжены", „хотя,—пишетъ онъ,—при всемъ своемъ пессимизмѣ считаю, что lex Josephovicia — вздоръ, который и двухъ мѣсяцевъ вниманія не заслуживалъ бы" (стр. 217).

Еще въ письмѣ отъ 17-го февраля 1877 г., а также и въ предыдущемъ, Драгомановъ ведетъ переговоры по поводу работы „Малорусская народная поэзія между Востокомъ и Западомъ", говоря отъ имени М. Толмачева, а также проситъ посылать „В. Е." въ общество „Січ" въ Вѣнѣ и Ив. Франку, ибо онъ считаетъ, что „ламанщину надо выгонять изъ западно-славянскихъ земель русской литературой, впредь пока ея не добьютъ Черняевъ и К°, личнымъ появленіемъ Вотъ въ Сербіи теперь и безъ „В. Европы" чисто. А въ Галичинѣ еще надо курить для очистки воздуха" (стр. 219).

На этомъ и заканчиваются литературныя отношенія Драгоманова съ редакціей „В. Евр.". Дѣло своей жизни—борьбу за свободныя общественно-политическія формы въ Россіи, дающія возможность жить и дышать въ ней всѣмъ національностямъ, онъ перенесъ на арену Западной Европы, гдѣ можно было прямо и смѣло высказывать все наболѣвшее.

Послѣднее письмо изъ Софіи отъ 14-го янв. 1893 г. уже носитъ чисто офиціальный характеръ; содержаніе его касается вопроса о выпискѣ для Высшаго Училища въ Болгаріи русскихъ книгъ.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ обычнаго, свойственнаго приведеннымъ выше письмамъ Драгоманова, тона и содержанія стоитъ письмо изъ Вѣны, помѣченное 11-мъ марта 1876 г.

Написано оно по поводу любопытнаго инцидента съ Н. И. Зиберомъ, оставившимъ каѳедру въ кіевскомъ университетѣ изъ принципіальнаго нежеланія оставаться на службѣ послѣ беззаконія, сдѣланнаго Драгоманову.

Этотъ человѣкъ, какъ характеризуетъ его Драгомановъ, весьма свѣдущій и способный, первый печатный трудъ котораго „Теорія ренты Рикардо“,кромѣ русской критики, вызвалъ весьма лестный отзывъ у Маркса, написалъ статью по поводу переписи въ Кіевѣ „Матеріалъ для наблюденія надъ общественно-экономической жизнью русскаго города“. Статья безъ объясненія мотивовъ не была принята въ редакціи „В. Европы“, и Драгомановъ горячо проситъ самого Стасюлевича отнестись внимательнѣе къ статьѣ Зибера и написать хоть мотивированную оцѣнку ея.

Уже рядъ приведенныхъ отрывковъ изъ переписки Драгоманова свидѣтельствуетъ объ ихъ литературно - общественной цѣнности, а также о той позиціи, какую занималъ онъ во время своей работы въ „В. Европы“, своимъ яснымъ политическимъ взоромъ предвидя все значеніе, какое національный вопросъ займетъ въ судьбахъ Россіи.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы письма получили самое широкое распространеніе какъ среди украинской, такъ и великорусской публики, ибо для послѣдней, въ особенности, Драгомановъ все еще остается почти неизвѣстнымъ.

И. Л.

На Украинѣ и внѣ ея.

За мѣсяцъ.

Сенатъ о Шевченковскомъ комитетѣ. Сенатъ вынесъ рѣшеніе по важному для украинства вопросу, а именно по вопросу о правѣ на существованіе такъ-называемаго объединеннаго комитета для сооруженія памятника Т. Г. Шевченку въ Кіевѣ, образованному при кіевской думѣ для объединенія дѣйствій заинтересованныхъ въ дѣлѣ учрежденій. 28-го мая сенатъ разсмотрѣлъ рапортъ кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора о закрытіи объединеннаго комитета. Указывая на то, что разрѣшеніе собирать пожертвованія на сооруженіе памятника дано полтавскому земству, генералъ-губернаторъ признавалъ, что для существованія кіевскаго комитета не имѣется основаній, и просилъ сенатъ отмѣнить утвержденное въ свое время постановленіе кіевской городской думы объ организаціи этого комитета. Обсудивъ вопросъ, сенатъ отклонилъ предложеніе генералъ-губернатора и высказался въ томъ смыслѣ, что кіевская дума имѣетъ право и впредь принимать участіе въ дѣлѣ сооруженія памятника Шевченко.

Дѣятельность комитета давно уже вызываетъ яростныя нападки со стороны реакціонной печати. Въ этой травлѣ особенно прославился «извѣстный» Савенко и его alter ego «Запорожецъ», не остановившіеся передъ обвиненіемъ комитета въ незаконномъ существованіи, а мѣстной администраціи чуть ли не въ попустительствѣ такого беззаконія. Если рѣшеніе сената и не заставитъ умолкнуть г. Савенка и его присныхъ, то оно, по крайней мѣрѣ, подчеркнетъ, насколько лживы были измышленія о незаконности существованія комитета.

Въ Шевченковскомъ комитетѣ. Въ засѣданіи объединеннаго комитета по сооруженію памятника Т. Г. Шевченко 20-го мая разсмотрѣно было предложеніе итальянскаго художника Шіортино принять участіе въ конкурсѣ. Комитетъ единогласно постановилъ пригласить Шіортино къ участію въ конкурсѣ. Въ составъ жюри приглашены художникъ Архиповъ и скульпторы Залеманъ и Беренштамъ. Срокъ представленія проектовъ памятника назначенъ на 1-е февраля 1914 г. Въ собраніи поднятъ былъ между прочимъ вопросъ о томъ, чтобы предложить извѣстному скульптору Родену взять на себя составленіе проекта памятника, если окажется, что присланные на именной конкурсъ проекты не удовлетворятъ жюри и комитетъ.

Къ Шевченковскому юбилею. Въ связи съ исполняющимся въ 1914 году столѣтіемъ со дня рожденія Т. Г. Шевченка галицкое украинское музыкальное общество «Львівский Боян» объявило конкурсъ на три хоровыя произведенія на стихи Шевченка или на слова, тѣсно связанныя съ нимъ. Первая премія—150 кронъ, вторая—80 и третья—40.

— «Наукове товариство імени Шевченка у Львові по порученію душеприказчика Конисскаго объявило конкурсъ на біографію Шевченка, которая должна содержать обзоръ фактовъ его жизни и исторію и характеристику его творчества. Послѣдній срокъ присылки біографій назначенъ на 12-е февраля (ст. ст.) 1914 года. Завѣщанная Конисскимъ на выдачу преміи сумма 1,000 рублей можетъ быть раздѣлена жюри на нѣсколько меньшихъ премій.

Памятники въ Харьковѣ. Въ Харьковѣ намѣчены мѣста для постановки памятниковъ Т. Г. Шевченку, Квиткѣ-Основьяненку и Лысенку. Памятникъ Шевченко предположено поставить на площадкѣ Николаевскаго сквера, памятникъ Квиткѣ—въ Мироносицкомъ саду, у Сумской ул., и памятникъ Лысенку—противъ губернской земской управы, у ветеринарнаго института.

Словарь украинскаго литературнаго языка. Языковая комиссія («Комісія мови») при кіевскомъ Науковомъ Украинскомъ Товариствѣ приступаетъ къ чрезвычайно важному дѣлу—составленію параллельнаго словаря украинскаго и русскаго литературнаго языка изъ рекомендуемыхъ къ употребленію словъ. Ко всѣмъ, кто можетъ помочь обществу въ этомъ дѣлѣ, комиссія обращается съ просьбой присылать рукописные сборники словъ, имѣющіеся гдѣ-либо, или же записывать наиболѣе интересныя слова изъ устъ народа. Къ слову, написанному на карточкѣ размѣра почтовой открытки, слѣдуетъ добавлять примѣръ и указаніе мѣстности, гдѣ оно записано и отъ кого. Для провѣрки того, не записано ли уже это слово въ томъ же самомъ значеніи, можно пользоваться словаремъ, изданнымъ «Кіевской Стариной». Со всякими запросами можно обращаться по слѣдующему адресу: Кіевъ, Константину Петровичу Михальчуку, Кирилловская, 41.

Украинскій клубъ въ Полтавѣ. 18-го мая состоялось организаціонное собраніе вновь открытаго украинскаго клуба въ Полтавѣ. Въ составъ старшинъ клуба и ихъ кандидатовъ избраны видные члены мѣстнаго общества: гг. Сіяльскій, Чижевскій, Маркевичъ, Ротмистровъ, Щербаковскій, Андріевскіе Н. и В., Своехотовъ, Хоменко, Макаренко, П. Ганько, Орелъ. При обсужденіи вопроса о будущей дѣятельности клуба главное вниманіе было обращено на то, чтобы клубъ явился своего рода центромъ, объединяющимъ мѣстныя научныя артистическія силы, и чтобы въ клубѣ имѣли постоянное мѣсто и общество «Боян», и драматическій кружокъ.

Неразрѣшеніе выставки. Съ 1-го іюля въ Кіевѣ предполагалась выставка картинъ, скульптуры и архитектуры украинскихъ

художниковъ. Начальникъ Юго-западнаго края не призналъ, однако, возможнымъ дать въ настоящемъ году разрѣшеніе на эту выставку.

Утвержденіе конфискаціи. Кіевская судебная палата утвердила конфискацію, наложенную на брошюру «Луі де-Брукер. Партія та професіональні спілки», и постановила уничтожить 1,500 экз. этой брошюры.

Вопросъ дня. Въ марксистскомъ украинскомъ журналѣ «Дзвін» Л. Юркевичемъ поднятъ вопросъ объ изданіи ежедневной украинской газеты для рабочихъ, и открыта по этому вопросу дискуссія. Въ «Лучѣ» напечатано обращеніе группы украинскихъ марксистовъ къ украинскимъ рабочимъ и ко всѣмъ сочувствующимъ съ предложеніемъ собирать деньги на изданіе украинской рабочей газеты «Слово Робітника».

Запреты. Екатеринославское губернское по дѣламъ объ обществахъ присутствіе не дало разрѣшенія открыть въ Екатеринославѣ «Украінске товариство».

— Въ г. Борзнѣ (Черниговск. губ.) полиціей не разрѣшено поставить невиннѣйшую украинскую пьесу «Панич Штукаренко». Мотивъ неразрѣшенія тотъ, что пьеса не указана въ сборникѣ разрѣшенныхъ къ представленію пьесъ.

— Полицеймейстеръ г. Житоміра отказался подписать афишу о спектаклѣ «украинскихъ» артистовъ при участіи извѣстныхъ артистовъ галицкаго украинскаго театра Софіи и Іосифа Стадника и Лазаря Шевченко. Пришлось выбросить всѣ подчеркнутыя слова, кажущіяся почему-то житомірскому полицеймейстеру опасными.

Евангеліе на украинскомъ языкѣ. На Пасху евангеліе на украинскомъ языкѣ читалось въ селахъ Воскресеньки и Петровскомъ (Екатеринославск. губ.). Какъ отнеслись крестьяне къ слову Божію на родномъ языкѣ, свидѣтельствуютъ корреспонденціи въ украинскихъ изданіяхъ. Изъ села Воскресеньки пишутъ въ «Маякъ»: «Много радости получили наши крестьяне на Пасху, когда читалось въ церкви евангеліе на украинскомъ языкѣ». А изъ села Петровскаго въ «Раду» сообщаютъ, что крестьяне чтеніемъ евангелія по-украински были очень довольны, много разсуждали по этому поводу и высказали пожеланіе, чтобы священники не отказывались отъ родного языка и говорили проповѣди по-украински.

† **И. Д. Яневскій.** Въ селѣ Федюковкѣ Таращанскаго уѣзда Кіевской губ., умеръ отъ чахотки Иванъ Даниловичъ Яневскій, извѣстный какъ рѣдкій идейный работникъ въ селѣ. Покойный родился въ 1868 году, окончилъ кіевскій университетъ и съ введеніемъ земства въ правобережной Украинѣ много послужилъ земскому дѣлу въ качествѣ земскаго гласнаго. Самъ вышедшій изъ крестьянской семьи, онъ любилъ село и работалъ для поднятія его культурнаго уровня. Въ его имѣніи была прекрасная

школа, при его содѣйствіи устраивались спектакли, концерты знаменитаго Охматовскаго крестьянскаго хора, распространялись украинскія книги. Украинское издательское дѣло и украинская пресса не разъ получали отъ него матеріальную поддержку.

Поѣздка на могилу Шевченка. Въ маѣ въ Кіевѣ устроена была поѣздка на могилу Шевченка, входящая постепенно въ обычай украинскаго общества Кіева. Организацію поѣздки взялъ въ свои руки клубъ «Родина». 25-го мая утромъ пароходъ, спеціально предназначенный для поѣздки, отплылъ внизъ по Днѣпру. Въ поѣздкѣ приняло участіе около 450 чел., главнымъ образомъ молодежь; среди участниковъ было немало пріѣзжихъ изъ Харькова, Варшавы, Москвы, Петербурга, были и крестьяне. Пароходъ прибылъ въ Каневъ въ 6 ч. вечера. Вся гора покрыта была толпою; внизу, по берегу Днѣпра, проѣзжали стражники, экипажъ съ полиціей, явившейся «для порядка»... Пріѣзжіе сходятъ съ парохода и направляются къ могилѣ. Группа дѣвушекъ и дамъ въ украинскихъ костюмахъ приноситъ вѣнокъ изъ безсмертниковъ и живые цвѣты и украшаютъ ими могилу... Слышится пѣніе: поютъ «Заповіт», потомъ «Вічну память»... Въ 8 час. изъ Канева прибылъ причтъ и хоръ и началась панихида... На пароходъ возвратились, когда уже стемнѣло...

«Гдѣ стоять памятнику Т. Г. Шевченку?» Подъ такимъ заглавіемъ напечатано въ «Кіевской Мысли» коллективное письмо въ редакцію по вопросу о подобающемъ мѣстѣ для памятника великому кобзарю Украины: «Общество наше вообще и украинское общество въ частности какъ бы примирилось съ мыслью, что памятникъ генію украинскаго слова Т. Г. Шевченку будетъ стоять гдѣ-то на задворкахъ—«на смітнику», по выраженію украинской прессы. Если наша городская дума нашла возможнымъ «экспропріировать» облюбованное и предназначенное для этого памятника мѣсто въ Старомъ Кіевѣ и отвела для него мѣсто, совершенно не подходящее даже по размѣрамъ площади, на скрещеніи улицъ Караваевской, Пушкинской и Васильковской, то неужели же широкіе круги нашего общества такъ низко цѣнятъ заслуги Кобзаря Украины, что не подымутъ голоса и не скажутъ нашимъ «отцамъ города», что такъ поступать не подобаетъ культурнымъ людямъ? Наконецъ, о чемъ думаетъ объединенный комитетъ? Почему онъ не поищетъ другого мѣста? Если въ Старый Кіевъ Шевченку пути заказаны, то почему бы не остановиться на прекрасномъ во всѣхъ отношеніяхъ мѣстѣ—на площади Богдана Хмельницкаго, той ея части, которая выходитъ на Крещатикъ? До боли обидно становится, когда сравниваешь это обширное мѣсто, на которомъ разбитъ уже прекрасный сквэрикъ, съ какимъ-то небольшимъ треугольникомъ на помянутомъ скрещеніи трехъ улицъ»... Мы очень просимъ лицъ, чтущихъ память украинскаго поэта, сравнить эти два мѣста и такъ или иначе воздѣйствовать на объединенный комитетъ въ смыслѣ перерѣшенія вопроса о мѣстѣ, п о к а н е п о з д н о—пока не совершена закладка памятника, пріурочить которую (закладку)

предположено, какъ мы слышали, къ 100-лѣтней годовщинѣ со дня рожденія поэта, т.-е. къ 25-му февраля 1914 года. Далѣе слѣдуютъ 90 подписей.

Памятникъ Шевченку во Львовѣ. Помѣщикъ Херсонской губ. Константинъ Володковичъ, нынѣ покойный, желая увѣковѣчить память Шевченка сооруженіемъ памятника во Львовѣ, просилъ помочь ему въ осуществленіи этой идеи галицкихъ украинскихъ дѣятелей Ал. Барвинскаго, проф. К. Студинскаго и Б. Лепкаго. По ихъ указанію онъ заказалъ у скульптора Годебскаго въ Парижѣ бронзовый бюстъ Шевченка, оплативъ свой заказъ, и просилъ выслать бюстъ Барвинскому съ тѣмъ, чтобы бюстъ хранился у него до тѣхъ поръ, когда окажется возможнымъ поставить этотъ памятникъ во Львовѣ. Однако, всѣ усилія какъ Володковича, такъ и приглашенныхъ имъ къ участію въ этомъ дѣлѣ лицъ добиться отвода подходящаго мѣста не увѣнчались успѣхомъ. Львовскіе городскіе заправилы, заявившіе себя завзятыми украинофобами, не пожелали пойти навстрѣчу осуществленію этой идеи. Тогда комитетъ пожертвовалъ бюстъ украинскому Національному музею имени гр. А. Шептицкаго съ условіемъ, что бюстъ будетъ поставленъ на приличествующемъ пьедесталѣ на площади передъ зданіемъ музея въ юбилейномъ 1914 году. Попечители музея въ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ галицкаго митрополита гр. Андрея Шептицкаго приняли даръ, и въ маѣ бюстъ былъ переданъ комитетомъ правленію Національнаго музея. Такимъ образомъ, въ юбилейномъ 1914 году во Львовѣ будетъ поставленъ памятникъ Шевченку.

Украинскій языкъ въ австрійской арміи. „Die Zeit“ сообщаетъ, что австрійское военное министерство предлагаетъ въ видѣ опыта посылать молодыхъ офицеровъ на 3—4 мѣсяца для изученія не-нѣмецкихъ языковъ въ такія мѣстности, гдѣ народъ говоритъ на одномъ какомъ-либо языкѣ. Опытъ этотъ будетъ сдѣланъ между прочимъ и для украинскаго языка.

Общестуденческій украинскій съѣздъ. Со 2-го по 4-е іюля (нов. ст.) въ Галиціи состоялся второй съѣздъ украинскаго студенчества для взаимнаго сближенія и обсужденія позиціи украинской молодежи въ общественно-политической и культурной жизни родной націи. Съѣздъ созывается украинскимъ студенческимъ союзомъ въ качествѣ центральной организаціи всего украинскаго студенчества высшихъ школъ Австріи. На съѣздѣ были сдѣланы доклады на слѣдующія темы: 1) украинская молодежь за послѣднія 40 лѣтъ, 2) политическое положеніе украинской націи, 3) украинская молодежь и духовная культура, 4) молодежь россійской Украины, ея составъ и задачи, 5) народное воспитаніе и школьное дѣло (народныя школы, среднія школы, университетъ), 6) участіе молодежи въ просвѣтительной и политической работѣ. Съѣздъ украинскаго студенчества былъ внушительнымъ, такъ какъ во время съѣзда состоялось торжественное празднованіе юбилея 40-лѣтней дѣятельности Ив. Франка, и съѣздъ принялъ участіе въ этомъ національномъ торжествѣ.

Убійство учителя. 29-го мая во Львовѣ украинецъ-воспитанникъ учительской семинаріи Илья Джигало застрѣлилъ изъ револьвера учителя польской литературы Кароля Бутковскаго. Причиной убійства, по объясненію Джигала на слѣдствіи, было то, что Бутковскій несправедливо и придирчиво относился къ нему какъ къ украинцу. По свѣдѣніямъ украинской галицкой прессы, Бутковскій давно извѣстенъ своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ семинаристамъ-украинцамъ. Между прочимъ онъ сыгралъ крайне некрасивую роль въ дѣлѣ увольненія изъ той же семинаріи воспитанника Чорнія, покончившаго изъ-за этого самоубійствомъ. Узнавъ отъ воспитанниковъ-поляковъ, что Чорній продаетъ открытки съ портретомъ Олены Сичинской, матери убившаго намѣстника Галиціи гр. Потоцкаго студента Мирослава Сичинскаго, Бутковскій поручилъ доносителямъ купить у Чорнія такую открытку и принести ему. Это было сдѣлано, и въ результатѣ Чорній былъ уволенъ изъ семинаріи и покончилъ съ собой.

Какъ и Чорній, Джигало—сынъ бѣдныхъ родителей и всѣ свои надежды на будущее возлагалъ на полученіе учительскаго диплома. Несправедливое, по его мнѣнію, отношеніе къ нему Бутковскаго и повело къ кровавой драмѣ, которая вызвала страшное возбужденіе противъ украинцевъ въ польскомъ обществѣ. Какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, на украинцевъ посыпались обвиненія въ польской прессѣ въ «варварствѣ» и «дикости». Поступокъ Джигала объясняется польскими газетами какъ результатъ ненависти, которую якобы украинская агитація возбуждаетъ ко всему польскому. До истинной причины печальнаго событія — той украиноненавистнической позиціи, которую занимаютъ въ школьной политикѣ польскіе школьные заправилы,—ни польское общество, ни польская пресса Галиціи подняться не въ состояніи.

Украинцы въ Бразиліи. Въ Бразиліи живетъ немало переселенцевъ-украинцевъ, эмигрировавшихъ изъ Галиціи, но до сихъ поръ не имѣется статистическихъ данныхъ о нихъ, такъ какъ офиціальная статистика не знаетъ такого народа. Издающаяся въ Прудентополисѣ украинская газета «Праця» обращается къ своимъ подписчикамъ и читателямъ съ просьбой помочь редакціи собрать статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ переселенцахъ. Несмотря на такое игнорированіе переселенцевъ-украинцевъ офиціальной бразильской статистикой, они не забываютъ своего языка и не далѣе какъ въ апрѣлѣ открыли новую украинскую школу въ колоніи Сетембро. Школа эта является уже двадцать второй украинской школой въ округѣ Прудентополисъ.

— Въ апрѣлѣ городская дума бразильскаго города Марешаль-Маллетъ постановила назвать одну изъ улицъ города улицей Тараса Шевченка. Члены думы поляки возражали противъ такого названія, предлагая назвать улицу просто «руською», но президентъ, по происхожденію бразилецъ, сталъ на сторону украинцевъ, заявивъ, что читалъ біографію Шевченка и находитъ, что этотъ великій поэтъ заслуживаетъ того, чтобы именемъ его была названа улица города Маллетъ, и, такимъ образомъ, исполнено было желаніе украинскаго населенія колоніи Ріо-Кларо.

Украинскія книги въ народныхъ библіотекахъ Харьков. губ. Народно-библіотечное дѣло въ Харьковской губ. до 1907 г. обязано было своимъ развитіемъ комитету сельскихъ библіотекъ харьковскаго Общества грамотности, который успѣлъ въ теченіе одиннадцати лѣтъ своей дѣятельности открыть свыше четырехсотъ народныхъ библіотекъ и тѣмъ поставить Харьковскую губ. на одно изъ первыхъ мѣстъ среди другихъ губерній Россіи по развитію народно-библіотечнаго дѣла.

Съ 1907 г. земства Харьковской губ. прекратили выдачу субсидій комитету сельскихъ библіотекъ и приняли въ свое вѣдѣніе народно-библіотечное дѣло.

Недавно появившееся обслѣдованіе народныхъ библіотекъ Харьковской губ. за 1911 г., произведенное губернскимъ земствомъ *), содержитъ въ себѣ, между прочимъ, весьма цѣнный матеріалъ о томъ, какъ обставлены народныя библіотеки Харьковской губ., 80% населенія которой принадлежатъ къ украинцамъ,—украинскими книгами и какимъ спросомъ пользуются эти книги среди читателей.

Прежде всего укажемъ, что изъ общаго числа народныхъ библіотекъ по 1-е января 1912 г. (684) на вопросъ о читаемости книгъ на украинскомъ языкѣ отвѣтили 585 библіотекъ. Оказывается, что въ 337 библіотекахъ совсѣмъ не было спроса на украинскія книги. Если обратиться къ отдѣльнымъ уѣздамъ, то наивысшій процентъ библіотекъ, удовлетворявшихъ спросъ на украинскія книги, приходится на Лебедянскій уѣздъ, а затѣмъ Харьковскій, хотя послѣдній уѣздъ насчитываетъ лишь 54,9% украинцевъ. Такимъ образомъ, спросъ на украинскія книги, повидимому, не стоитъ въ какой-либо связи съ относительной численностью украинскаго населенія въ различныхъ уѣздахъ Харьковской губ.

Переходя къ вопросу о количествѣ украинскихъ книгъ въ народныхъ библіотекахъ, мы должны констатировать крайнее убожество въ составѣ этихъ книгъ: въ среднемъ на библіотеку приходится отъ 4,4 (Зміевскій уѣздъ) до 19,3 книги (Харьковскій уѣздъ).

Если мы примемъ во вниманіе, что среднее число книгъ на одну библіотеку Зміевскаго уѣзда равняется 595, то число украинскихъ книгъ (4,4) представляетъ настолько ничтожную цифру, что не приходится удивляться, если онѣ затериваются въ общей массѣ книжнаго состава библіотекъ, а слѣдствіемъ этого, быть можетъ, и вызывается и то обстоятельство, что 69,6% народныхъ библіотекъ Зміевскаго уѣзда не имѣли спроса на украинскія книги.

Такимъ образомъ, слабый спросъ на украинскія книги въ народныхъ библіотекахъ Харьковской губ. можно объяснить прежде всего слишкомъ убогимъ количествомъ этихъ книгъ, которыя какъ бы затериваются среди книгъ на русскомъ языкѣ.

Несомнѣнно, что на-ряду съ этой причиной должны быть поставлены и другія, указанныя въ самомъ изслѣдованіи харьковскаго губернскаго земства: во-первыхъ, грамотность дается населенію

*) „Народныя библіотеки Харьковской губерніи за 1911 г.“, Х., 1913.

исключительно на русскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего онъ привыкаетъ читать только по-русски, а на своемъ материнскомъ языкѣ не умѣетъ читать даже механически, не говоря уже о пониманіи прочитаннаго; во-вторыхъ, недостаточное знакомство съ украинской литературой библіотекарей и населенія, что отчасти объясняется, можетъ быть, недавнимъ появленіемъ этой литературы въ народныхъ библіотекахъ.

Но если въ народныхъ библіотекахъ Харьковской губ. слишкомъ недостаточно книгъ на украинскомъ языкѣ, то зато обращаемость ихъ почти вдвое превышаетъ среднюю обращаемость книгъ въ народныхъ библіотекахъ.

Такъ, средняя по губерніи обращаемость украинской книги равняется 3,8, между тѣмъ какъ средняя обращаемость книги вообще равняется 2,0.

Само собой разумѣется, что эта повышенная обращаемость украинской книги можетъ быть объяснена не только тѣмъ, что украинскія книги находятъ относительно большее число читателей, но также и тѣмъ, что украинскихъ книгъ слишкомъ мало въ оборотѣ.

Въ числѣ наиболѣе читаемыхъ книгъ отмѣчены не менѣе чѣмъ въ 10 библіотекахъ слѣдующія украинскія книги: Грінченко —Народні українські казки для дітей (средняя обращаемость на одну библіотеку—26), Глібов—Байки (20), Шевченко—Кобзарь (26), Чикаленко—Розмову про сельске хозяйство (22).

Общее заключеніе, къ которому приводитъ обслѣдованіе народныхъ библіотекъ Харьковской губерніи по вопросу о чтеніи книгъ на украинскомъ языкѣ и которое мы всецѣло раздѣляемъ, таково: «во всякомъ случаѣ остается несомнѣннымъ, что такой могучій источникъ народнаго просвѣщенія, какъ литература на родномъ населенію языкѣ, остается почти неиспользованнымъ, и украинскимъ книжкамъ въ народныхъ библіотекахъ отводится гораздо меньше мѣста, чѣмъ слѣдовало бы въ соотвѣтствіи съ имѣющимся уже и теперь спросомъ на произведенія этой литературы».

С. О. Сѣрополко.

Юбилейные дни И. Франка. Въ связи съ 40-лѣтнимъ юбилеемъ литературной и общественной дѣятельности Ивана Франка въ австрійской Украинѣ уже состоялся рядъ празднествъ.

Такъ, въ Вѣнѣ 8-го іюня н. ст. по иниціативѣ студенческаго Общества «Січ» было устроено чествованіе съ двумя рефератами, въ перерывѣ между которыми пѣлъ мужской хоръ. Вступительное слово было сказано депутатомъ д-ромъ Евг. Левицкимъ: онъ указалъ на значеніе Ив. Франка для украинской идеи въ Галиціи, на тяжелый трудъ, понесенный имъ въ работѣ для народа.

О литературной дѣятельности Ив. Франка былъ прочитанъ рефератъ депутатомъ проф. Смаль-Стоцкимъ.

Изобразивъ то состояніе упадка, въ какомъ національное движеніе находилось въ Галиціи въ 70-хъ годахъ, и указавъ на крупное значеніе Драгоманова, особенно его просвѣтительной пропаганды, а также подчеркнувъ вліяніе соціалистической критики общественнаго строя и реализма западно-европейскихъ литературъ, референтъ характеризовалъ всѣ эти вліянія какъ ту атмосферу, среди которой развилась литературная дѣятельность Франка. Референтъ назвалъ талантъ Франка преимущественно публицистическимъ, ибо его захватывали злобы дня, потребности минуты и онъ боролся за моральное обновленіе народа и особенно интеллигенціи.

«Жало невмируще критицизму и скептицизму» — это важнѣйшая черта его творчества. Разумъ преобладаетъ надъ чувствомъ у Франка, и этимъ объясняется небольшое количество среди его героевъ положительныхъ типовъ. Между послѣдними наилучшій—это самъ Франко; мы видѣли его въ произведеніяхъ мірового значенія: «Іван Вишеньский», «Смерть Каіна», «Мойсей». Докладчикъ подробно остановился на разборѣ этихъ поэмъ, подчеркнувъ ту основную мысль, которая содержитъ въ себѣ квинтъ-эссенцію желаній и стремленій поэта: борьба народа за свои права.

Объ общественной дѣятельности Франка сдѣлалъ докладъ докторъ Иванъ Панкевичъ. Онъ упомянулъ о борьбѣ Франка съ устарѣлыми формами жизни, съ тѣми, кто не понимаетъ, что сила націи лежитъ въ самомъ народѣ. Къ нему и обратился Франко со всѣмъ жаромъ души, жертвуя собою цѣликомъ для добра народа. Въ 90-хъ годахъ начинается изданіе «народа» и вмѣстѣ съ Павликомъ Франко основываетъ «радикальную партію» подъ знаменемъ демократизма. «Народъ» становится трибуною для украинской интеллигенціи, а радикальная партія дѣлаетъ переворотъ въ галицкой жизни, превращая крестьянъ въ политически организованную массу.

14-го іюня н. с. въ Черновицахъ украинскій семинаръ мѣстнаго университета также праздновалъ юбилей Франка. На состоявшемся въ этотъ день торжественномъ собраніи проф. Смаль-Стоцкій указалъ на обязанность семинара, какъ научнаго учрежденія, почтить трудъ того, кто за послѣднія 40 лѣтъ больше всего способствовалъ идейной жизни украинской академической молодежи. Затѣмъ въ часовомъ рефератѣ онъ далъ характеристику литературной дѣятельности Франка. Юбиляру была послана телеграмма и произведенъ сборъ на пріобрѣтеніе портрета Франка для помѣщенія украинскаго семинара.

Во Львовѣ 15-го іюня н. ст. О-во «Січ» въ честь Франка устроило концертъ въ залѣ «Народнаго дома» и празднество въ украинскомъ городкѣ «Сокола». На концертѣ вступительное слово произнесъ Ярославъ Весоловський. Кромѣ того, М. Лозинскимъ былъ прочитанъ рефератъ о жизни и дѣятельности юбиляра.

Послѣ концертнаго отдѣленія докторъ К. Трильовский отъ имени «Січ» огласилъ постановленіе объ избраніи Франка ея почетнымъ членомъ.

Въ Гусятинѣ 16-го іюня н. ст. также происходило подъ открытымъ небомъ чествованіе Франка, собравшее до 5,000 народа.

Чествованіе началось рѣчью депутата Кивелюка о Франко какъ писателѣ, познакомившемъ Европу съ нами.

Затѣмъ говорило нѣсколько крестьянъ, а также пѣлъ хоръ.

Согласно высказанному на собраніи желанію, президіумомъ была послана телеграмма Франку съ выраженіемъ глубокаго уваженія и пожеланіемъ работать еще долгіе годы для Украины.

Въ другихъ городахъ Галиціи также предположены чествованія Франка. Можно сказать, что нѣтъ ни одного, болѣе или менѣе крупнаго украинскаго центра въ Галиціи, который бы такъ или иначе не откликнулся на юбилей любимаго писателя. Въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала мы дадимъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о юбилейныхъ дняхъ Франка, пока же ограничимся сообщеніемъ, что на закончившемся студенческомъ украинскомъ съѣздѣ чествованію Франка съ выясненіемъ его заслугъ и дѣятельности, отведено было особенно много времени и мѣста.

Открытое письмо В. М. Родзянко отъ бывшаго члена 1-й Думы П. М. Чижевскаго. Милостивый Государь, Михаилъ Владиміровичъ!

Просматривая газеты за 1—2-е іюня, я натолкнулся на ваше заявленіе въ засѣданіе Гос. Думы 31-го мая, чтеніе котораго произвело на меня тягостное впечатлѣніе... Въ споръ на тему о правѣ на существованіе украинскаго языка предсѣдатель Гос. Думы положилъ на вѣсы свое слово. Онъ сказалъ, что манифестъ 17-го октября, разосланный въ переводѣ на украинскій языкъ по деревнямъ Екатеринославской губерніи, вызвалъ протестующія заявленія въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ со стороны крестьянскихъ гласныхъ, которые просили:

«Не печатать столь полезныхъ и важныхъ изданій на языкѣ, котораго они не понимаютъ»...

И онъ назвалъ эти заявленія голосомъ всего украинскаго народа.

Это газетное сообщеніе оставило во мнѣ, повторяю, тяжелое впечатлѣніе, во-первыхъ, потому, что заявленіе это исходило отъ васъ, Михаилъ Владиміровичъ, котораго я всегда зналъ за справедливаго и вдумчиваго земскаго дѣятеля; во-вторыхъ, потому, что оно сдѣлано было съ трибуны народнаго представительства предсѣдателемъ Гос. Думы, которому надлежало бы съ большей осторожностью пользоваться своимъ словомъ при рѣшеніи важныхъ и спорныхъ вопросовъ, и, въ-третьихъ, потому, что высказанное вами, я сказалъ бы—такъ необдуманно, мнѣніе глубоко несправедливо по отношенію къ тому народу, среди котораго вы живете.

Какъ могли вы, Михаилъ Владиміровичъ, старый опытный земецъ, признать какую бы то ни было силу за этими случай-

ными заявленіями нѣсколькихъ крестьянскихъ полуграмотѣевъ, облеченныхъ довѣріемъ скорѣе земскихъ начальниковъ, чѣмъ народа?

И какъ могли вы принять ихъ въ качествѣ аргумента при рѣшеніи огромнаго вѣкового вопроса о правахъ тридцатимилліоннаго народа на родной языкъ?!

Изъ сообщеннаго вами факта можно было сдѣлать сотни какихъ угодно выводовъ и догадокъ. Можно было предположить, что лица, въ руки которыхъ попалъ вашъ манифестъ, не умѣли или не привыкли читать по-украински (гдѣ же и когда могли они пріобрѣсть эту привычку?!); что высказанное гласными-крестьянами мнѣніе не вполнѣ самостоятельно, а подсказано кѣмъ-то со стороны; что эти гласные, всю жизнь вращаясь въ атмосферѣ русской книжной рѣчи, съ недовѣріемъ и даже съ непріязнью встрѣтили важный документъ, написанный мужичьими словами.

Можно было усомниться въ точности передачи самого факта, причемъ малопонятность нѣкоторыхъ только словъ дала поводъ говорить о непонятности языка.

Можно было, наконецъ, поставить вопросъ, удачно ли сдѣланъ самый переводъ манифеста на украинскій языкъ. Словомъ, можно было, какъ я замѣтилъ выше, предположить что угодно, только не то, что предположили вы, сообщивъ съ игривой легкостью Думѣ, будто бы украинскій народъ не понимаетъ своего языка...

Вѣдь это же, простите, абсурдъ, безсмыслица:

Народъ не понимаетъ своего роднаго языка!

Или вы хотѣли, можетъ быть, сказать, какъ сказалъ когда-то Валуевъ, что такого языка «не было, нѣтъ и быть не можетъ»?..

Но если подобный афоризмъ объяснимъ еще въ устахъ Валуева, то становится совершенно непонятнымъ, какъ могли высказать его вы, прожившій большую часть жизни среди украинскаго населенія?!!

Вѣдь вамъ же прекрасно извѣстно, что украинская лексика, словопроизводство и словоуправленіе кореннымъ образомъ отличаются отъ русскаго. Вы знаете, что украинецъ называетъ избу—«хатой», эхо—«луной», ометъ—«стіжкомъ», лѣстницу—«драбиной»,—что такихъ, отличныхъ отъ русскихъ, украинскихъ словъ тысячи, что ими живетъ народъ и на нихъ построена его живая рѣчь.

Или вы, признавая существованіе украинскаго языка («малорусскаго нарѣчія»), желали высказать, что онъ является провинціализмомъ, непригоднымъ для литературной обработки и обреченнымъ на постепенное отмираніе?

Вопросъ, поставленный на эту плоскость, заслуживаетъ уже обсужденія.

Но прежде, чѣмъ его рѣшить такъ быстро и такъ категорически, какъ это сдѣлали вы въ засѣданіи Думы 31-го мая, слѣдовало бы надъ нимъ остановиться; слѣдовало бы поставить и хорошенько обдумать много другихъ съ нимъ связанныхъ вопросовъ.

Почему такъ боятся Савенки, Скоропадскіе и прочіе украинскіе «перевертни» этого отмирающаго провинціализма?

Почему могущественное русское правительство въ теченіе столѣтій давило и продолжаетъ еще давить это убогое, жалкое слово?

И почему «Кобзарь» Т. Г. Шевченко выходитъ каждый годъ новымъ изданіемъ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ?

Почему украинское Евангеліе разошлось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ числѣ до двухсотъ тысячъ экземпляровъ, а популярныя брошюры Чикаленко по сельскому хозяйству—свыше полумилліона штукъ?

Почему украинская литература, несмотря на всѣ неблагопріятныя, окружающія ее, условія, растетъ и ширится?

Пишу вамъ это письмо на открыткѣ. Съ оборотной стороны ея вы имѣете фотографическій снимокъ украинскихъ періодическихъ изданій, выходящихъ на русской Украинѣ и за границей въ теченіе 1912—1913 года.

Обращаясь къ первымъ, вы увидите, что на открыткѣ изображено семнадцать періодическихъ изданій.

Вы найдете здѣсь толстые мѣсячники («Літер.-Науков. Вістник»), педагогическіе журналы («Світло»), спеціально художественные («Сяйво»), научные по разнымъ отраслямъ знанія («Записки Наукового Украинскаго Товариства»), ежедневные («Рада») и еженедѣльные («Вістн. Культури і Життя»), популярные по прикладнымъ знаніямъ («Ріллля»), хорошо иллюстрированные («Маякъ»).

Вы встрѣтите между ними представителей разныхъ политическихъ направленій.

Но и представляемая вашему вниманію коллекція не исчерпываетъ еще всей украинской періодической литературы. Нѣтъ въ ней, напримѣръ, стараго, умѣреннаго направленія, чисто народнаго журнала «Світова Зірниця»; нѣтъ добраго десятка журналовъ и газетъ, издающихся на двухъ языкахъ—русскомъ и украинскомъ.

Вы имѣете, **слѣдовательно, сложную періодическую** литературу, отвѣчающую самымъ разнообразнымъ потребностямъ и запросамъ интеллигенціи и народа.

И неужели вы повѣрите теперь увѣреніямъ гг. Савенокъ, что украинскій языкъ выдуманъ проф. Грушевскимъ и что имъ пользуется лишь кучка украинскихъ фанатиковъ?

Нѣтъ! Какъ видите, вопросъ много сложнѣе, глубже и шире, чѣмъ представлялся онъ вамъ, когда вы обобщили 31-го мая передъ народными представителями фактъ протеста екатеринославскихъ гласныхъ, чѣмъ онъ представлялся правой половинѣ Думы, встрѣтившей ваше заявленіе бурными апплодисментами.

Теперь въ модѣ среди власть имущей части русскаго общества (да и нѣкоторыхъ псевдо-либераловъ—къ сожалѣнію) всячески давить и поносить украинское слово, и вы пошли за этой модой,—лягнули его и вы...

Не было ли бы болѣе достойно васъ, Михаилъ Владиміро-

вичъ, вмѣсто того, чтобы послѣдовать за общимъ теченіемъ близкихъ вамъ сферъ, остановиться надъ изученіемъ спорнаго и важнаго вопроса или удѣлить ему по крайней мѣрѣ хотя долю вдумчиваго вниманія?

Примите увѣреніе въ глубокомъ уваженіи и проч.

(«Рѣчь», № 156). **П. Чижевскій.**

Побѣда украинцевъ при выборахъ въ Галиціи. Настоящая книжка журнала готова была почти къ выходу, какъ стали извѣстны результаты выборовъ въ галицкій сеймъ по сельской куріи. Выборы окончились побѣдой украинцевъ, получившихъ теперь 30 мандатовъ, противъ 16, которыми они располагали раньше. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о результатахъ этой избирательной компаніи мы дадимъ въ слѣдующей книжкѣ журнала.

Протестъ украинцевъ. На имя трудовой думской фракціи получено слѣдующее письмо:

«Въ современныхъ условіяхъ общественно-политической жизни Россіи украинское общество лишено возможности имѣть въ Гос. Думѣ своихъ представителей. Это заставляетъ насъ выразить настоящимъ заявленіемъ свое отношеніе къ послѣднимъ выступленіямъ въ Гос. Думѣ по украинскому вопросу.

Заявляемъ о своей солидарности съ тѣми уважаемыми депутатами, которые, не будучи украинцами по происхожденію, но правильно оцѣнивая свое положеніе представителей демократическихъ слоевъ населенія, возвысили свой голосъ противъ невыносимыхъ притѣсненій, которыя испытываютъ украинское слово и всѣ, вообще, проявленія украинской жизни и благодаря которымъ украинская интеллигенція и украинскій народъ лишены возможности пользоваться своимъ языкомъ и другими средствами національной культуры. Признаемъ настоятельную необходимость національзаціи просвѣщенія въ интересахъ культурнаго развитія украинскаго народа.

Считаемъ автономію Украины, равно какъ и другихъ областей и націй, гарантіей отъ вторженія въ сферу національной жизни и залогомъ свободнаго культурнаго и общественнаго развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ протестуемъ противъ выступленія деп. Скоропадскаго, который, злоупотребляя своимъ историческимъ именемъ, позволилъ себѣ говорить отъ имени украинскаго («малороссійскаго») общества.

Какъ представитель лишь той части его, которая давно порвала связи съ національной жизнью родного народа, онъ не имѣетъ на это права. Голосъ его, какъ и голоса всякихъ сознательныхъ и безсознательныхъ отступниковъ изъ интеллигенціи и изъ среды темныхъ массъ, не можетъ выражать мнѣній и стремленій украинской интеллигенціи и сознательныхъ элементовъ украинскаго народа».

Далѣе слѣдуетъ 118 подписей.

Библіографія.

Звіт Краевого Товариства господарского „Сільский Господар“ у Львові з діяльности за рік 1912. Львів. 1913.

Передъ нами объемистый отчетъ за 1912 годъ областнаго сельскохозяйственнаго общества «Сільский Господар» во Львовѣ.

Задачей этого общества является культурная работа въ области сельскохозяйственнаго производства, инициатива въ дѣлѣ усвоенія украинскими земледѣльцами культурныхъ способовъ обработки земли, улучшенія культуры злаковъ, распространеніе сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій, а также организація лекцій и изданіе брошюръ по вопросамъ сельскаго хозяйства.

Это перечисленіе показываетъ, насколько широкій кругъ дѣятельности ставитъ себѣ общество и насколько жизненны его задачи при той отсталости въ области сельскохозяйственнаго производства, какая имѣетъ мѣсто въ Галиціи. Въ прошломъ 1912 году, несмотря на неблагопріятныя экономическія и климатическія условія, на финансовый кризисъ и тяжелую политическую атмосферу, господствовавшую въ Австріи, все-таки организація устояла противъ этихъ неблагопріятныхъ условій и даже окрѣпла; объ этомъ наглядно свидѣтельствуетъ число членовъ общества, увеличившееся въ 1912 году до 26.622 противъ 24.677 въ 1911 году.

Общество раздѣлялось на слѣдующія шесть секцій: юридико-экономическую, сельскохозяйственной техники, ухода за скотомъ, животноводства и домашней птицы, огородничества, садоводства и пчеловодства.

Въ общихъ чертахъ кругъ дѣятельности «Сільского Господаря» за 1912 годъ выразился въ слѣдующемъ.

Большое вниманіе Общество обратило на дѣятельность просвѣтительную, которую оно вело при помощи многочисленныхъ лекціонныхъ комитетовъ; за отчетный годъ количество такихъ лекцій, прочитанныхъ въ многочисленныхъ филіальныхъ отдѣленіяхъ Общества, равнялось 1459. Кромѣ лекцій организованъ былъ рядъ курсовъ. Въ томъ же году товарищество при содѣйствіи Областнаго Чешскаго Совѣта Культуры въ Прагѣ послало на сельскохозяйственную практику въ Чехію 35 молодыхъ крестьянъ. Затѣмъ была организована поѣздка болѣе старыхъ крестьянъ на областную с.-хоз. выставку въ Прагѣ.

Издательская дѣятельность товарищества выразилась въ изданіи органа «Господарска Часопись», выходившаго два раза въ

мѣсяцъ, издательская же комиссія, кромѣ того, выпустила пять книжекъ серіи библіотеки «Сільского Господаря».

Но этими просвѣтительными задачами дѣятельность «Сільского Господаря» не ограничивалась; въ чисто сельскохозяйственной сферѣ дѣятельность Общества коснулась и болѣе близкихъ къ повседневной жизни практическихъ интересовъ: улучшенія породъ скота, домашней птицы, устройства опытныхъ полей, меліораціи, доставленія филіальнымъ отдѣленіямъ и кружкамъ улучшенныхъ сельскохозяйственыхъ машинъ и орудій и т. п.

Образцовую дѣятельность проявило также Общество въ области содѣйствія садоводству и огородничеству; менѣе успѣшно, въ виду незначительной субсидіи, работало Общество въ области пчеловодства, но и здѣсь филіальныя отдѣленія проявили интересъ, устраивали лекціи и курсы по пчеловодству.

Мы только общими штрихами могли намѣтить ту разнообразную дѣятельность, какую «Сільский Господар» проявилъ за отчетный годъ.

Знакомство съ этимъ отчетомъ, съ ярко выраженными въ немъ своеобразными и оригинальными чертами организаціи, обусловленными соціально-экономическими особенностями Галиціи, даетъ интересный и богатый съ фактической стороны матеріалъ для знакомства съ экономическими формами организаціи украинскаго народа въ Австріи.

И. Л.

Іван Франко.—Мойсей, поема. Друге видання, з передмовою. Стор. 63. Львів, 1913.

Я. Ярема. — Мойсей, поема Івана Франка. Критична студія. Стор. 59. В Тернополі, 1912.

Вышедшая за непродолжительное время уже вторымъ изданіемъ поэма нашего маститаго писателя принадлежитъ къ числу наиболѣе выдающихся его произведеній, созданныхъ въ пору высшаго расцвѣта его художественнаго дарованія. Поэтъ какъ бы подводитъ здѣсь итогъ всему своему жизненному опыту и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-будто даетъ оцѣнку труда всей своей жизни. Въ величественномъ образѣ пророка и вождя своего народа, который говоритъ о себѣ:

Сорок літ я трудився, навчав
Весь заглублений в тобі,
Щоб з рабів тих зробити народ
По твоїй уподобі.
Сорок літ мов коваль я кував
Їх серця і сумління,—

въ этомъ образѣ чувствуется и самъ авторъ поэмы, подводящій итоги своей сорокалѣтней дѣятельности на пользу родного народа. И, несомнѣнно, среди актива г. Франка исторія отмѣтитъ и это стремленіе «создать народъ изъ рабовъ», «выковать сердца и совѣсть»...

Этой же великой проблемѣ отношеній между вождемъ и народомъ посвящена и вообще вся поэма г. Франка. Содержаніе ея заключается въ трагедіи духа Моисея, увѣренно ведшаго свой народъ къ великой цѣли, но вдругъ подъ вліяніемъ закравшихся въ душу сомнѣній поколебавшагося въ своей увѣренности. Вопросъ, шелъ ли онъ къ настоящей цѣли и оправдываются ли результаты затраченной жизни, впервые сталъ во всей своей грозной наготѣ предъ Моисеемъ подъ вліяніемъ размолвки его съ роднымъ народомъ. Необыкновенно сильно изображаетъ поэтъ эту внутреннюю борьбу въ своемъ героѣ между сомнѣніемъ и вѣрою, представленную въ видѣ борьбы между «чернымъ демономъ отчаянія» Азазелемъ и Іеговой. Въ концѣ-концовъ вѣра побѣждаетъ, и поэма оканчивается символическимъ образомъ народа, отправляющгося въ свой вѣчный путь, въ концѣ котораго путеводной звѣздой сіяетъ идеалъ человѣческаго духа.

Очень кстати появилось критическое изслѣдованіе о поэмѣ г. Франка, принадлежащее перу г. Яремы. Авторъ подробно останавливается на вопросѣ объ источникахъ поэмы, а также на ея общественной и художественной цѣнности. Для всѣхъ интересующихся творчествомъ нашего заслуженнаго писателя работа г. Яремы, послужитъ цѣннымъ пособіемъ, благодаря тонкому анализу содержанія поэмы и мѣткимъ критическимъ замѣчаніямъ.

С. Е.

Литературная лѣтопись.

— **Научный сборникъ**, посвященный украинскому ученому (филологу) *К. Михальчуку* по поводу 50-лѣтія общественной и научной дѣятельности его, рѣшило издать кіевское Украинское Научное Общество. Сборникъ этотъ выйдетъ какъ 14-й томъ, „Записокъ“ названнаго Общества.

Въ V томѣ „**Переписки Стасюлевича**“ помѣщены между прочимъ письма *М. Драгоманова*, адресованныхъ редактору „Вѣстника Европы“, сотрудникомъ котораго состоялъ Драгомановъ. Письма эти представляютъ большой интересъ. Въ настоящей книжкѣ нашего журнала читатели имѣютъ возможность ознакомиться изъ статьи И. Л. съ содержаніемъ этого цѣннаго для біографіи и характеристики Драгоманова матеріала.

— Въ „**Извѣстіяхъ Общества Славянской Культуры**“, вышедшей два мѣсяца назадъ, проф. Ѳ. Е. Коршъ помѣстилъ свою статью „**Украинскій народъ и украинскій языкъ**“, представляющую изъ себя рѣчь, сказанную авторомъ, предсѣдателемъ Общества Славянской Культуры при открытіи Украинской секціи этого общества. Статья уважаемаго автора отличается обычнымъ для него глубокимъ знаніемъ предмета и объективнымъ тономъ изложенія.

— Въ книгѣ *Владислава Яблоновскаго „Rosprawy i wrazenia literackie“* находимъ и замѣтки объ украинскихъ поэтахъ. Объ этой части книги польскаго изслѣдователя редакція дастъ въ одной изъ ближайшихъ книгъ спеціальную рецензію.

— „**Украинскимъ дѣламъ**“ посвящаетъ постоянный корреспондентъ „**Рѣчи**“ *М. Б.* на страницахъ этой газеты (№ 151) очередную корреспонденцію, представляющую изъ себя передачу разговора автора съ украинскимъ депутатомъ вѣнскаго парламента профессоромъ Ал. Колессой. Разговоръ шелъ о задачахъ современной украинской политики въ Австріи, главныя основанія которой были изложены Колессой, коснувшимся и современныхъ умственныхъ переживаній украинскаго народа. „Депутатъ только-что вернулся изъ избирательнаго округа. Тамъ онъ велъ бесѣды съ людьми

труда, съ крестьянами. Народъ интересуется политическими событіями, но обнаруживаетъ особую чуткость къ вопросамъ національно-культурнаго развитія. Вопросъ объ украинскомъ университетѣ интересуетъ крестьянство, и крестьяне съ благоговѣніемъ говорятъ о службѣ молодой интеллигенціи учащейся молодежи, на пользу украинскаго народа. Какое-то теплое, щемящее чувство я уносилъ послѣ бесѣды, — заканчиваетъ корреспондентъ, — чувство встрѣчи съ человѣкомъ, живущимъ интересами народа и вѣрящимъ въ конечное торжество народнаго дѣла въ первой книгѣ II тома".

— Тотъ же корреспондентъ помѣстилъ въ „**Кіевской Мысли**" (№ 155) „Письмо изъ Вѣны" подъ заглавіемъ „**Среди украинцевъ**". Тема его—освѣщеніе современныхъ событій украинской жизни въ Галиціи и изложеніе взглядовъ на эти событія профессора львовскаго университета Ал. Колессы, состоящаго въ то же время депутатомъ отъ украинскаго населенія въ вѣнскомъ парламентѣ.

— Въ майской книжкѣ „**Голоса Минувшаго**" *Л. Козловскій* посвящаетъ краткую замѣтку умершему М. Коцюбинскому. Говоря о большой потери, понесенной украинской литературой въ лицѣ Коцюбинскаго, авторъ отмѣчаетъ „заслуженную извѣстность украинскаго писателя и среди русскихъ читателей". „Сочетаніе художественности, поэтичности съ чуткостью къ горю человѣческому составляетъ сильную сторону произведеній этого писателя... Его „Fata morgana", это, несомнѣнно, одно изъ самыхъ художественныхъ воспроизведеній крестьянскихъ волненій недавняго прошлаго, а его „Тѣни забытыхъ предковъ"—уже совершенно рѣдкое по красотѣ воссозданіе уходящей въ прошлое, исчезающей жизни карпатскихъ горцевъ съ ихъ легендарнымъ сказочнымъ міромъ. Только разсказы польскаго поэта Тетмайера „На горныхъ уступахъ" могутъ въ этомъ отношеніи соперничать съ послѣднимъ произведеніемъ рано угасшаго украинскаго писателя". Такъ заканчиваетъ свою краткую характеристику нашего художника пера г. Козловскій.

— Газета „**Закавказье**" (78) посвящаетъ статью К. Дальницкаго памяти *М. Коцюбинскаго*. Статья содержитъ біографическія свѣдѣнія и обзоръ литературной общественной дѣятельности почившаго писателя.

— Въ „**Рѣчи**" (№ 142) *Мих. Могилянскій* даетъ благопріятную оцѣнку книги Вороного „Театр і драма".

— На страницахъ „**Кіевской Мысли**" (№ 150) находимъ двѣ рецензіи С. Ефремова, посвященныя: одна—„Тінямъ забутих предків" М. Коцюбинскаго и другая—брошюрѣ проф. Сикорскаго „Русскіе и украинцы".

— Разсказъ *М. Коцюбинскаго* въ авторизованномъ переводѣ М. Могилянскаго на русскій языкъ „Именинный подарокъ" напечатанъ въ 5-й книжкѣ журнала „**Завѣты**".

— Въ № „**Русскихъ Вѣдомостей**" отъ 24-го мая напечатана обстоятельная замѣтка „Изъ украинской жизни". Содержаніе ея — обзоръ различныхъ притѣсненій по отношенію къ украинскому слову и украинской жизни.

— Вышелъ изъ печати X выпускъ „**Трудовъ Полтавской Ученой Архивной Комиссіи**". Въ этомъ выпускѣ, кромѣ цѣнныхъ сырыхъ матеріаловъ и описательнаго характера изслѣдованій, имѣется хорошо и съ знаніемъ дѣла написанная статья В. Щепотьева „Памяти Н. Лисенка" (стр. 239—256).

— Появился въ печати второй томъ „**Исторіи Кубанскаго казачьяго войска**" Ѳ. А. Щербины. Въ этомъ томѣ излагается исторія черноморскихъ, бывшихъ запорожскихъ, и линейскихъ казаковъ съ 1800 г. по 1860 г., т. е. съ начала организованной казачьей войны съ горцами на Кубани и до временъ, когда черноморцы и линейцы были объединены въ одно казачье Кубанское войско. Исторія возникновенія мѣстнаго казачества и занятія имъ края на Кубани вошла въ первый томъ труда г. Щербины. Заключительный актъ войны, покореніе Западнаго Кавказа и занятіе Закубанья казачьимъ населеніемъ, составитъ третій томъ исторіи. Для нагляднаго ознакомленія съ казачьей колонизаціей, съ территоріей горскихъ племенъ и съ мѣстами важнѣйшихъ военныхъ дѣйствій ко второму тому приложена карта казачьей колонизаціи, главныхъ военныхъ укрѣпленій и мѣстъ нахожденія горцевъ („Куб. Край").

— „**Южная Заря**" въ послѣднее время все чаще откликающаяся на украинскія темы, посвящаетъ этимъ темамъ въ № отъ 6-го іюня большой подвальный фельетонъ Н. Новицкаго „Изъ украинской прессы". Фельетонъ представляетъ собою полемику автора со статьями А. Никовскаго и І. Стешенка, написанными по поводу статей г. Новицкаго въ „Южной Зарѣ" о современномъ положеніи украинской литературы. Въ

своемъ отвѣтѣ на статьи г. Никовскаго и Стешенка авторъ повторяетъ въ общемъ высказанныя имъ раньше мысли о подражательности современной украинской литературы и отсутствіи въ ней оригинальности. Взглядъ этотъ, къ сожалѣнію, мало обоснованъ и страдаетъ отсутствіемъ историко - критическаго анализа въ оцѣнкѣ современнаго художественнаго творчества украинцевъ. Въ частности оцѣнка г. Новицкимъ отдѣльныхъ произведеній украинской изящной литературы, помимо необоснованности, исходитъ изъ предвзятыхъ положеній о разладѣ между жизнью и литературой, о противорѣчіи между формой и содержаніемъ, наблюдаемыхъ авторомъ въ современной украинской литературной дѣйствительности. Идя дальше, авторъ рѣшается высказать мысль о „вымученности" переводовъ міровыхъ произведеній, о ненужности для украинской интеллигенціи обработокъ міровыхъ образовъ. Это,—конечно, парадоксъ, не находящій, къ счастью, подтвержденія въ раскрывающемся все больше и шире содержаніи украинской культурной жизни.

— Книгѣ *проф. М. Грушевскаго* „Иллюстрированная исторія Украины" (русское изданіе) посвящаетъ критическую замѣтку на страницахъ „Современнаго Міра" (№ 4) русскій марксистъ-историкъ *Н. Рожковъ*. Рецензентъ смотритъ на трудъ Грушевскаго какъ на „любопытный памятникъ украинскаго „лѣваго націонализма", а на самаго автора, какъ на „ослѣпленнаго „націоналистическимъ энтузіазмомъ и культомъ національности". Рецензентъ оспариваетъ нѣкоторые взгляды украинскаго ученаго на пониманіе событій украинской исторіи, но противопоставляемые этимъ взглядамъ взгляды самого рецензента слишкомъ догматичны и аподиктичны, чтобы могли имѣть силу убѣдительности. Въ отдѣльныхъ случаяхъ г. Рожковъ проявляетъ себя уже не какъ историкъ, съ которымъ можно соглашаться или спорить, но скорѣе какъ человѣкъ опредѣленной партіи. Такъ, онъ укоряетъ М. Грушевскаго за то, что послѣдній, „трактуя объ украинскомъ возрожденіи", „забылъ или счелъ лишнимъ" „упомянуть о такомъ замѣтномъ и вліятельномъ движеніи на Украинѣ, какъ соціалъ-демократическое, характерной представительницей котораго въ русской Украинѣ является „Спілка". Укоръ — неосновательный. Спілка въ дѣлѣ возрожденія Украины роли не играла и скорѣе тормозила и содержаніемъ своей дѣятельности, и формами ея это возрожденіе, чѣмъ содѣйствовала ему. Какъ ни суровъ рецензентъ въ оцѣнкѣ труда М. Грушевскаго, всеже онъ признаетъ крупныя достоинства за нимъ: „отдѣльныя главы превосходно обрисованы, а повѣствовательная часть книги написана живо, горячо и читается съ большимъ интересомъ".

— Въ книгѣ *П. Е. Щеголева* „Историческіе этюды" одна изъ главъ посвящена „*Семену Олейничуку*", крѣпостному изъ Украины, окончившему въ 1852 г. свою многострадальную жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости и попавшему туда за сочиненіе, направленное противъ крѣпостного права.

— *Людвигъ Кульчинскій*, видный польскій публицистъ, выпустилъ новую брошюру, посвященную злободневной въ Галиціи темѣ „*Kompromisowy Projekt Seimowej Reformy Wyborczej Bloku*" и выясняющую значеніе для края соглашенія между украинцами и поляками.

— Тому же вопросу посвящена въ вѣнскомъ журналѣ „*Oesterreichische Rundschau*" (№ 6) статья вѣнскаго корреспондента чешскихъ „Narodni Listy" *Іосифа Пеніжека* подъ названіемъ „Die galizische Krise". Вліятельный журналистъ въ своей статьѣ говоритъ между прочимъ объ усиленіи вліянія украинцевъ въ дѣятельности парламента, пріобрѣтающаго значеніе реальнаго фактора австрійской государственной политики.

— *Вл. Жаботинскій* выпустилъ недавно отдѣльнымъ изданіемъ книгу „Фельетоновъ", написанныхъ ярко, увлекательно, страстнымъ языкомъ. Среди фельетоновъ помѣщено нѣсколько, посвященныхъ и украинскимъ темамъ. Таковы: „Фальсификація школы", „О языкахъ и прочемъ" „Урокъ юбилея Шевченка".

— **Украинцы и поляки**. Краковскій ежемѣсячный журналъ „*Krytyka*" перепечаталъ въ своемъ послѣднемъ номерѣ (іюнь, 1913) нашу программу анкеты объ украинско-польскихъ отношеніяхъ. Перепечатка снабжена небольшимъ вступленіемъ, знакомящимъ польскую публику съ „Украинской Жизнью", ея характеромъ и задачами. Редакція „Krytyki" рекомендуетъ своимъ читателямъ направлять въ „Украинскую Жизнь" отвѣты на ея анкету.

— *Slovansky Prehled* (№ 9) помѣстилъ посмертную замѣтку памяти *М. Коцюбинскаго*. — Въ этомъ же № названнаго журнала находимъ обзоръ

послѣднихъ событій изъ украинской жизни (въ Галиціи).

— „**Недѣля**“ (№ 22) „Вѣстника Знанія“ посвящаетъ небольшую замѣтку памяти того же Коцюбинскаго. Авторъ замѣтки *А. Ивановъ*, какъ представитель молодого поколѣнія, „преклоняетъ главу передъ прахомъ дорогого земляка“, говоря, что „нѣтъ словъ выраженія горечи объ утратѣ честнаго и талантливаго работника на украинской литературной нивѣ“.

— Въ журналѣ „Министерства Народнаго Просвѣщенія“ (№ 4) *В. А. Лясковскій* помѣстилъ статью „**Кіевскій Вышгородъ въ удѣльно-вѣчевое время**“.

— X выпускъ „Описи документовъ Виленскаго Центральнаго Архива древнихъ актовыхъ книгъ“ посвященъ „Актамъ Брестскаго Городского суда за 1575—1715 гг.“.

— Изъ новостей украинскаго книжнаго рынка отмѣтимъ слѣдующія: 1) „**Проблеми виховання й навчання**“ *Я. Чепіги*, кн. I (книга представляетъ собой сборникъ статей по педагогическимъ вопросамъ, напечатанныхъ въ различныхъ украинскихъ журналахъ). 2) *Семенко*, „Prelude“ (лірика); 3) *Осип Назарук*, „Про Карпатськихъ опришків“ (изданіе журнала „Ілюстрована Украина“); 4) *Проф. Вол. Антоновичъ*, Виклади про часи козацькі на Україні, второе изданіе; 5) *Твори Степана Руданського*, т. I. (изданіе Львовской „Просвіти“); 6) *Д-р Іван Франко*. Панщина та її скасованнѣ 1848 р. въ Галичині (второе изданіе, исправленное); 7) *М. Пилиповичъ* Дещо про сучасну стадію розвитку української літературної мови. 7) *В. Гнатюк*, Народні казки; 8) *Михайла Драгоманова* „Чудацькі думки про українську справу“ (изданіе „Криниця“).

— **Новая пьеса**. Л. М. Черняхивская (Старицкая) закончила большую пьесу „Крила“ изъ жизни современной интеллигенціи. Если пьеса получитъ надлежащее разрѣшеніе цензуры, она въ ближайшемъ сезонѣ пойдетъ на сценѣ театра Садовскаго въ Кіевѣ.

— Въ слѣдующихъ изданіяхъ находимъ перепечатки изъ „Украинской Жизни“. „**Русскія Вѣдомости**“ (127) въ замѣткѣ „Писатель-гумманистъ“ помѣтили рядъ выдержекъ изъ статей С. Ефремова, М. Данька и С. Петлюры, посвященныхъ И. Франку и напечатанныхъ въ 5 кн. нашего журнала; „**Кіевская Мысль**“ (157) подъ заглавіемъ „**Изъ прошлаго**“ перепечатала цѣликомъ помѣщенную въ 5 кн. нашего журнала „Исторія памятника Богдану Хмельницкому“; „**Южная Заря**“—выдержки изъ статьи А. Саликовскаго „На ложномъ пути“.

Книги, поступившія въ редакцію.

Матеріалы по исторіи Малороссіи. Вып. I. Письма къ Ивану Петровичу Забѣлѣ и его вдовѣ (1687—1713). Подъ редакціей *В. Л. Модзалевскаго*. Черниговъ. 1912 г.

В. П. Вахтеровъ. Основы новой педагогики. Томъ 1. Москва. 1913. Цѣна 1 р. 60 коп.

Михайло Драгомановъ. Чудацькі думки про українську національну справу. Вид. товариство „Криниця“. Київ. 1913. Ціна 60 коп.

Я. Чепіга. Проблеміи виховання й навчання в світі науки й практики. Книга перша. Київ. 1913. Ціна 75 к.

В. Пачовський. Ладі й марені; терновий огонь мій. Лірична Драма з ілюстраціями. Львів. 1913.

Сергій Ефремовъ. Зарік 1912-й. Статті, фельєтони, замітки. Киів 1913 ц. 1 корб. Вид. „Вік“.

Семенко. Prélude. Лірика. Киів. 1913. ц. 20 к.

Др. Осипъ Назарукъ. Про карпатських опришків. Львів. 1913. Изд. „Ілюстрована Україна“.

Проф. Н. Ф. Сумцовъ. Обзоръ содержанія проповѣдей Іоанникія Голятовскаго. Харьковъ 1913.

Редакторъ-издатель **Я. А. Шеремецинскій.**

Контора журнала „УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ проситъ гг. подписчиковъ, срокъ подписки которыхъ истекаетъ 30-го іюня, поспѣшить уплатой денегъ за второе полугодіе во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ журнала.

ЛЬВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
№ Ж 3360 п

„ДЗВІН“

новий літературно-науково-артистичний журнал-місячник, виходить у Київі.

«ДЗВІН» є журналом демократичним і обстоює інтереси робітничих верств; містить твори красного письменства, статі наукового змісту з історії, литературы і природничих наук, критику і бібліографію, огляди наукового, літературного і громадського житя в Росії і за кордоном, хронику і переписку редакції; при нагоді містить і люстрації і на окремих листах і в тексті.

«ДЗВІН» виходить при участи такихъ співробітників: Алчевська, Х., Антонович, Д., Бачинській, Ю., Безпалко, О., Богун, М., Бувший, П., Винниченко, В., Вороний, М., Гадячанин, С., Гилька, І., Дніпрова-Чайка, Донцов, Д., Дятловъ П., Коцюбинській, М., Лазаревській, Б., Левинський, Е., Леся Українка, Личко, Д., Лозенко, К., Луначарський, А., Миргородський, К., Назаріів, О., Петлюра, С., Понятенко, П., Романович, Н., Садовський, В., Сергієнко, Д., Сірий Юр., Скоропис, О., Степанюк, В., Хвиля, М., Черкасенко, С., Чумак, В., Чупринка, Г., Юркевич, Л., и ин.

Рукописи надсилати і в справах редакційних просять тимчасово звертатись по такій адресі: Київ, Жилянська, 20, редакція журнала «Дзвін».

Передплата на «ДЗВІН» коштує: в Россіі на рік 3 карб., на пів року 1 карб. 75 коп., на чверть року 1 карб.; въ Австріи: на рік 6 корон, на пів року 3 корони, на чверть року 1 корона 70 сотиків; в Німеччині на рік 6 марок, на пів року 3 марки; въ Америці на рік 2 доляри, на пів-року 1 доляр.

Передплату с Австріі, Німеччини, Америки і з всіх наших країв належить посилати на таку адресу:

Порфиръ Буняк, у Львові, ул. Різбарска, ч. 5, для «Дзвону».
(Lemberg, Anstria).

Приймається передплата на 1912—1913 шкільний рік
НА УКРАЇНСЬКИЙ ПЕДАГОГИЧНИЙ ЖУРНАЛЪ

„СВІТЛО“

третій рік видання.

Журнал призначається для сем'ї і школи і виходить раз на місяць (всього 9 книжок, кожна розм. од 4 до 5 аркушів) по такій програмі:
1) Статті що до теорії виховання і народньої освіти. 2) Ознайомлення з усякими питаннями виховання і практичне пристосування їх до шкільного і семйового життя. 3) Значіння художнього розвитку в справі виховання і освіти. 4) Сьогочасне становище народньої освіти, школи і народнього учительства на Україні. 5) Хроніка діяльности всяких просвітніх, педагогичних і наукових товариств. 6) Огляди педагогичних російських і закордонних журналів. 7) Твори красного письменства. 8) Бібліографія. Въ журналі „Світло“ за перший й другий рік взяли участь своїми писаннями такі співробітники: Х. Алчевська, Батько, С. Бердяєвъ, Бія-кий, Ан. Василько, С. Васильченко, С. Волох, П. Воронін, М. Грінченко (Загірня), Я. З—кевич, Дніпрова Чайка, Д. Дорошенко, С. Єфремов, Д. З. Бір, Т. Згоральський, П. Капельгородський, Н. Кибальчич, А. Курилас, В. Куц, Людомир П., Гр. Михайлець, З. Мірна, Он. Мусієнко, Гр. Наш, Гр. Неборак, М. Невада, К. Оберучев, Ол. Он—ко, О. Она, Сергій Павленко, П. Понятенко, В. Поточний, Педагог, Д. Пісочинець, Провінціал, Я. Савченко, Гр. Сьогобочній, М. Рубакин, Ол. Русов, С. Русова, Ю. Сірий, Ю. Стрижавський, С. Сіруполко, Слюсар, В. Спілка, Ів. Стешенко, Я. Стороженко, М. Ткаченко, П. Є. Т—ро, С. Титаренко, Ф. Тусін, Є. Чарнолуська, Чепелянський, Я. Чепіга, С. Черкасенко, Л. Чулий, Св. К. Шар—кий, С. Шелухін, С. Шохоръ-Троцький.

Журнал „Світло“ виходить з сентября. Передплата на рік 4 карб. На пів року 2 карб. 50 к. За кордон 5 карб. Передплата приймається в конторі „СВІТЛА“, у Київі, В.-Володимирська, 93. Передплачувати „Світло“ можна ще у Київі: 1) в Українській книгарні, Безаківська, 6; 2) в книгарні Л.-Н. Вістника, В.-Володимирська, 28; 3) в Крамниці „Час“ Вел. Волод. 53, въ Харькові, в Українській книгарні, Рибна, 25, в Полтаві в „Українській книгарні“ Петровська ул., будинок Ворожейкина, поруч з європейським готелем; в Одесі: въ книгарніи „Діло“, Преображенська, 11, риг. Лисаветинській, в Катериноларі, Красна ул. Книгарня Запорожця.

НАУК. ТОВ. ІМ. ШЕВЧЕНКА

Приймається предплата на 1913 рік

на українську газету „РАДА“ рік видання восьмий

Газета політична, економична і літературна.

Виходить у Київі що дня оприч понеділків і днів після великих свят.

«**Рада**» має широку програму, як звичайні великі політичні газети: дає огляди життя політичнаго, громадського, економичного на Вкраіні, в Росії і за-границею: друкує фельєтони, а також статті критичні і твори красного письменства.

«**Рада**» зостаючись і надалі непартійною газетою, обстоюватиме змагання до поширення прав суспільства й органів громадського самоврядування.

«**Рада**» звертатиме як найбільшу увагу на справу **народньої просвіти** шкільної й по-за шкільної, на **потреби** нашого **вчитательства та на питання культурно-просвітнього характеру**—і буде змагатися за найкраще розвязання цих справ для всього українського люду

«**Рада**» вважає, що поліпшення матеріяльного добробуту людности,—економичний розцвіт країни—є основным грунтом для зросту національної культури. Визнаючи це, „Рада“ буде обстоювати **кооперативну справу** на Вкраіні в усяких її формах: поширення сельсько-господарських товариств, товариств споживчих, продукційних то-що і подаватиме докладні статті, дописи та звістки про кооперативну справу взагалі, а на Україні особливо.

«**Рада**» буде подавати звістки і статті про **життя культурне, економичне і політичне**, про здобутки і втрати, яких зазнає український люд **за кордоном Росії**: въ Галичині, на Буковині, в далеких колоніях: в Канаді, в Сполучених Штатах, в Бразилії... Доля та життя наших **переселенців** в Сібірі, на Кавказі—знайдуть тако-ж освітлення на сторінках „Ради“.

ДО СПІВРОБІТНИЦТВА в «РАДІ» запрошено визначніші літературні и наукові сили.

«**Рада**» має ВЛАСНИХ **кореспондентів** в Державній Думі, в Державній „Раді“, а також в **політичних центрах Європи, в Лондоні, в Парижі, в Римі, у Відні, в Празі, у Львові, в Чернівцях** і в усіх визначніших містах України по цей і по той бік кордону.

В 1913 році „РАДА“ друкуватиметься виразним и стислим шріфтомъ і матеріалу буде входить в кождий № значно більше.

Ціна „РАДИ“ з доставкою і пересилкою в Россії:

на рік	на 11 м.	на 10 м.	на 9 м.	на 8 м.	на 7 м.	на 6 м.	на 5 м.	на 4 м.	на 3 м.	на 2 м.	на 1м.
6	5. 70.	5. 25.	4. 75.	4. 25.	3. 75.	3. 25.	2. 75.	2. 25.	1. 75.	1. 25.	65

Передплату на рік можна виплачувати частками в такі строки: на 1 янв. 3 карб. і на 1 апр. 3 карб.; в 3 строки: на 1 янв. 2 карб., на 1 марта 2 карб. на 1 мая 2 карб., або по 1 карб. що місяця впродовж першого півріччя.

Кождий переплатник може одержати з к-ри „Рада“ за 6 карбованців

„СЛОВНИК української мови“

Зібраний редакцією журн. „Кіевская Старина“, премірований Рос. Акад. Наук і виданий под редакцією і з доповненнями Б. ГРІНЧЕНКА, **в 4-х великих томах. В книгарнях словник цей продається по 8 карб., без пересилки.**

ЗМІНА АДРЕСИ—30 коп., **артистам і учням всіх шкіл**—БЕЗПЛАТНО

Адрес редакції і головної контори: у Київі, Велика-Підвальна вул., д. 6, біля Золотих Воріт. Телефон 1458.

Передплата на „Раду“ на таких-же самих умовах, що і в конторі, приймається: у **Київі:** 1) в „Українській книгарні“, Безаківська, 8, 2) в книгарні „Л. Н. В“. Б.-Володимирська, 28), 3) въ Книгарні Череповського, Фундуклеївська 4; і 4) в. крамниці „Час“, В. Володимирська 53; в **Одесі** „Дѣло“, Конна, 11, в **Катеринославі**—Книгарня Лозинської, Проспект: в **Полтаві** — Книгарня Маркевича, бульвар Котляревського і в „Український Книгарні“ Петровська ул.; в **Петербурзі**—Книгарня Вольф і „Украинська Книгарня і Базар“ В. О. 3 линія № 24, въ **Харькові**—„Українська Книгарня“, Петровський пер. 18.

Редактор В. ЯНОВСЬКИЙ. **Видавець Є. ЧИКАЛЕНКО.**

„Ілюстрована Україна“

новий ілюстрований журнал посьвячений лїтературі, критиці, малярству, архитектурі, плястиці, народній штуці, театральним справам, музиці, українській минувшин, етнографі і фізичному вихованю.

Містить також описи подорожий, житєписи, спомини, огляди украньского життя, бібліографію і. т. п.

«ІЛЮСТРОВАНА УКРАЇНА» ведена на взір великих ілюстрованих журналів Европи.

Редагує комітет під проводом

Др. Івана Крипякевича.

Виходить у Львові кождої другої суботи. Передплата виносить в Австриї річно 8. к. піврічно 4 к., поодиноке число коштує 32 сот., в Россії річно 5 карб. піврічн. 2½ карб.

Адрес редакциї і адмінїстрациї:

„ІЛЮСТРОВАНА УКРАЇНА“ ЛЬВІВ,

ул., Сербська ч. 15 II п. Чекове конто: 22.839.

В Росії приймає передплату на „Ілюстровану Україну“

В Київі: Книгарня Лїтературно-Наукового Вістника ул., В. Володимирська, 28.

В Петербурзї: Українська книгарня, Базар, Вас. остр., 3 лїнїя, д. 24.

В Одессї: Українська книгарня „Діло“, ул. Преображенська, 11.

В Полтавї: Українська книгарня ул. Малопетровська.

Тип. И. П. Рябушинскаго. Москва.

ПРОВЕРЕНО
С/Ф. 1987

4р20к

3360 / 1913
-6

III
ЖС-15024
1913-1-6

Украинская

ЖИЗНЬ

1913

1

23.027